

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1833 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 1 Января 1833 года.**

Цензоръ *П. Гавескій.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 1.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 4 ДНЯ, 1833 ГОДА.

Поэшь щастливѣй всѣхъ судьбой,
Вы убѣдились въ помѣ невольню:
Хорошимъ публика довольна,
Дурной—доводите самъ собой!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

Не мало видѣлъ я худова,
Несовершеннаго. И гдѣ же худа нѣтъ?
Гдѣ лѣзя найши людей безъ примѣси блаженныхъ?
Повсюду зло съ добромъ, повсюду пѣнь и свѣтъ:
Несовершенство есть у дѣлъ несовершенныхъ (*).

Мѣсяца за два передъ симъ, одинъ книго-продавецъ, мой благопріятель, купилъ у въпренныхъ наслѣдниковъ новопреспавльшагося переводчика изъ дворянъ *Полетаева*, оспавняйся послѣ него карнины, ландкарпы, эспампы, книги и рукописи. Я выпросилъ у него послѣднія, и, между прочими бумагами, нашель нѣсколько черновыхъ неспрадей соб-

(*) Предупреждаемъ читателей, что наше путешественникъ не написалъ во всю жизнь свою ни одного списка, но имѣя щастливую память, на всякой случай, на каждый предметъ имѣлъ готовое четверостишие изъ *Крылова*, *Пушкина*, *Кн. Вяземскаго*, *Грибова* и другихъ. Онъ не первый, онъ не послѣдній; мы знаемъ одного Русскаго журналиста, котораго весь вѣкъ пробавлялся умомъ *Крылова* и *Грибова*.—Ж.

спвенной руки покойника, содержащія путешествіе его по разнымъ обласіямъ Россійскаго государства. Изъ замѣчаній его на поляхъ видно, что въ послѣдніе годы своей жизни, онъ гоповилъ ихъ къ изданію въ свѣтъ. Онѣ показались мнѣ любопытными; я сдѣлалъ изъ нихъ выписку, и предлагаю здѣсь любознапельнымъ читателямъ.

«Съ девятиаго года возраспа,» начинаепъ авторъ сихъ записокъ: «я спраспно полюбилъ путешествія. Во снѣ и на яву бредилъ о помѣ, какъ бы, подобно *Христофору Колумбу*, опкрышь новѣйшую часть свѣта; подобно *Америкусу Веспусу* дасть ей свое имя, а горы, мысы, оспрова, вокругъ нея лежащія, окрестить, въ подражаніе нѣкоторымъ извѣстнымъ мореходцамъ, именами знаменитыхъ моихъ соопечеспвенниковъ; напр: безжизненную, ледяную гору желалось мнѣ наименовать—горою сочинителя *Телемахида Тредьяковскаго*; гранипный, утрюмо на море насунившійся мысъ—мысомъ *Петреклича*; одному оспрову присвоить имя автора походеній *Мирамонда*; другому сочинителя приключеній *Маркиза Глаголь*, и такъ дѣлье. Само собою разумѣется, что не были

бы забыты ни *Петръ Захарыинъ*, пворецъ *Арфакада*, Халдейской повѣспи въ шестиполновѣсныхъ часпяхъ; ни романиспъ *Тедоръ Эминъ*, ни чувспвищепельная писательница *Марья Извъкова*, ни издатель *Калужскихъ вегеровъ*, если-бъ сип вегера были погда изданы. Короче, все собраніе насъкомыхъ, хранящихся въ кабинетѣ рѣдкостей А. С. *Пушкина*,

И*** Божія коровка,
И*** Злой паукъ,
И самъ*** Россійскій жукъ,
И*** черная мурашка,
И*** мѣдкая букашка,

были бы, на перекоръ всѣмъ другимъ пупешеспвенникамъ, пересажены съ булабочекъ на скалы, ушесы и мураву.

«Не рѣдко мечталось мнѣ, что я уже совершилъ много пупи, преперилъ и нападенія корсаровъ, и кораблекрушеніе, что нахожусь уже

Въ странѣ, блестящей златомъ,
Богатой сахаромъ, корицей, шеколапомъ,
Гдѣ чай и лошади ѣдятъ,
А сапоги гвоздикойъ подбиваютъ;
Гдѣ у озера кисельны берега,
А рѣки медомъ протекаютъ.

Я видѣлъ, что рубины, яхонты и изумруды, съ грецкой орѣхъ величиною, памъ безъ церемоніи по землѣ разсыпаны, какъ у насъ кремни и голыши, или лучше сказать: какъ бипые спѣкла подъ Невскимъ, вокругъ казѣннаго Спекляннаго завода.

«И не мудрено мнѣ было получить охоту пупешеспвовать. Опецъ мой любилъ чпеніе, и имѣлъ въ своемъ (изъ цѣльнаго краснаго дерева съ зеркалами) шкафѣ весьма порядочную библіотеку... *тсъ!* Не забыть бы васъ предупѣдомить, что я родился Ноября 15 дня 1769 года, пого самага, въ копоромъ непосѣспъ *Кукъ* совершилъ впорое свое спранспвіе вокругъ свѣпа и комепта промчалась по небесному шоссе такъ шибко, такъ шибко, какъ фельдъегерь, везущій извѣспіе о побѣдѣ. Эпо, по мнѣвию одного *Шиллингиста* (съ копорымъ я въ Москвѣ познакомился), имѣло важное вліаніе

на расположеніе мое рыскапъ по большимъ дорогамъ... *тсъ!*... *ту!*... Мы ускакали за 1,000 верспъ опъ библіотеки опца моего. Первая книга, мнѣ въ ней попавшаяся, была *тысяча и одна ногъ*. Я не распавался съ нею, пока не прочелъ, опъ доски до доски, всѣ XII помовъ. Болѣе другихъ понравились мнѣ похождения мореходца *Синдбада*. Я не могъ надивипься, слушая его повѣспвование о бѣдспвіяхъ, поспигшихъ его и его спупниковъ, когда они приспали къ берегу оспрова, копорый не былъ оспровъ, а огромной величины кипъ-рыба. Я препепалъ, дочипавъ до описанія, какъ они разложили огонь на спинѣ его, какъ эпо кипу не понравилось, какъ онъ сперва пошевельнулся, зѣвнулъ, попянулся, а попомъ нырнулъ въ бездну морскую, подобно спопущечному кораблю во время бури. Не мнѣ плѣняла меня опважная рѣшимость *Синдбада*, освободившая его съ необипаемаго оспрова, на коемъ онъ былъ оставленъ мапросами. Въ опічаяннѣ бродя шуда и сюда, напкнулся *Синдбадъ* носомъ на лицо ппицы Рока (имѣвшее 50 шаговъ въ окружности и принятое имъ издали за куполь соборной церкви). Не находя другаго средспва къ своему избавленію, привязалъ онъ себя кушакомъ къ ногъ сей огромной ппицы, былъ ею перенесенъ по воздуху.... куда бы вы думали? въ змѣиное царспво. У всякаго другаго пупешеспвенника закружилась бы голова при пакой невзгодѣ; а *Синдбадъ* не потерялъ духа. Онъ набралъ мѣшокъ драгоцѣнныхъ камней, опять привязалъ себя (полько уже не къ ппичей ногъ, а) къ куску говядины, копорую промышленники бросаюпъ со скалъ въ сію смрадную резиденцію змѣй для того, чтообъ добывапъ прилипающіе къ сырому мясу алмазы. Хипрецъ *Синдбадъ* былъ вынесенъ на бѣдъ свѣпъ орломъ, схвапившимъ говядину, пнесенъ съ нею въ орлиное гнѣздо и, такъ весьма еспеспвеннымъ способомъ, освдился опъ неминуемой гибели.

«*Гулливеровы* пупешеспвіа еще болѣе лакомили меня. Я слѣпо вѣрилъ всему, проумнымъ *Свифтомъ* въ нихъ описанному. Мнѣ чрезвычайно захопѣлось побывапъ

Лиллипузскомъ Королевствѣ, гдѣ люди въ при вершка ростомъ, гдѣ и я, младенецъ, показался бы великаномъ. Съ какимъ живымъ удовольствіемъ позѣвалъ бы я на народъ-карликовъ, неуступающій въ пышно-сти ни Лондонцамъ, ни Парижанамъ, а въ фиглярствѣ превосходящій благородныхъ помковъ *Регула*, *Сициона* и *Цесаря*. Я былъ внутренно убѣжденъ, что ни плаваніе на верблюды по песчанымъ волнамъ знойныхъ Африканскихъ пустынь, ни прогулка на собакахъ по родимымъ морямъ Камчатки, не доставяютъ мнѣ столько удовольствія, какъ путешествіе въ Лиллипузъ.—«Должно быть весьма весело въ Королевствѣ, въ копоромъ, съ колыбельныхъ лѣтъ, Князьки, Графчики, Дюки, боярскіе сынки занимаются наукою плавно плясать, правильно выкидывать анпраша ногами и складно кувыркаются на канатѣ (*)!» восклицалъ я: «въ Королевствѣ, въ копоромъ чины, мѣста, отличія выплываюся и выпрыгиваюся! Эшаго и во сто лѣтъ не дождемся въ нашей тяжелой на ногу Европѣ!» — —

(*) «Ничто не доставило мнѣ въ Лиллипузѣ столько наслажденія;» пишетъ очевидецъ *Гулливеръ*: «какъ панцовщики по веревкѣ; они расхаживали, ломались и дѣлали анпраша на тонкой бѣлой ниткѣ, въ аршинъ длиною, натянутой на полъ-аршина вышины. Въ сей наукѣ упражняюся только тѣ, кои спремятся выигнн въ чины и въ знанъ. Для эшаго они знакомятся еще въ дѣтствѣ съ сею великою наукою, успѣхи въ копорой ведутъ ихъ къ славъ скорѣй, нежели знашная порода и познанія въ другихъ часпяхъ, напр: въ философіи, математикѣ, исторіи. Когда какое нибудь государственное мѣсто опорожнится—кончиною ли занимающаго оное, или опспавкою: тогда нѣсколько кандидатовъ подаютъ куда слѣдуетъ челобитныя о дозволѣніи имъ держать экзаменъ. Назначается день—и помъ, кто сдѣлаетъ выше и опважнѣ другихъ salto mortali, не упадетъ и не изуродуетъ себя: помъ получаетъ ваканшное мѣсто. Въ семъ случаѣ ни знаншность породы, ни богатство, ни проски и связи, не помогаютъ. Часпо назначаются торжественныя, въ присутствіи Короля или перваго Министра, попрыжки, гдѣ предѣатели главныхъ судебныхъ мѣстъ и даже сами Министры обязаны доказывать на опытъ, что ни время, ни занія, не имѣли вреднаго вліянія на искусство прыгашъ, и не отвлекали ихъ отъ сего превосходнѣшаго, важнѣйшаго упражненія. См. *Гулливеровы* путешествія, часпи I-й стрн. 39 и 40.

«*Робинзонъ Крузе* довершилъ начатое Арабскимъ морякомъ *Синдбадомъ* и Англинскимъ—*Гулливеромъ*. Живучи съ опцомъ моимъ въ подмосковной деревнѣ, я цѣлые дни, а часпо и ночи проводилъ на опдаленномъ оспровѣ Англійскаго сада, воображал, что меня выкинуло на него бурю, разбившюю корабль мой. Я приносилъ съ собою холспину, гвозди, бичевки, молотки, напары, сприлъ шалашъ, напаскивалъ въ него и соломы для поспели, и хлѣбныхъ корокъ и квасу, и коплетъ и бисквиповъ. Думаю, что я совсѣмъ бы помъшался, если-бъ дворной кобель *Лото*, пользуясь моимъ опспуствіемъ, не пожиралъ моихъ припасовъ и пѣмъ не выводилъ меня изъ очарованія.

«Такъ пропекало мое дѣтство: время увели чепыринадцать годовъ моихъ—и сдало ихъ съ рукъ на руки вѣчноспи. Я уже бѣгло бормоталъ по Французски. Бапюшка нанялъ для меня Француза—мусье *Перло*, копорый, по книгѣ: *Abregé de toutes les sciences* обучалъ меня геральдикѣ, миеологін, пспоріи; но любимую мою наукою была географія. Глядя на оспрова, коими устьяны Южное и Восточное море, я безпрестанно вспоминалъ, что гдѣ-то

..... Чиналъ я анекдотъ прекрасный,

Что кто-то изъ морскихъ въ часъ бури преужасной

Приспалъ къ землѣ, дополь незнаемой ни кѣмъ.

Онъ поселился шамъ, и кончилось пѣмъ,

Что вскорѣ жищели рѣшили межъ собою:

Республики своей избрать его главою.

Онъ мудро управляя—и въ честь ему попомъ

Народа общій гласъ избралъ его Царемъ.

«Что... если-бъ?... почему-жь?... опъ чего бы и не пакъ?... Випъ случилось же разъ, не мудрено случилъся и въ другой. На щастье нѣтъ закона!—Между пѣмъ, какъ я, въ воображеніи, поднимался выше лѣса споячаго, ниже облака ходячаго и на коврѣ самолетъ залеталъ за придевлять земель въ придесятое государство, чадолюбивый родителъ мой подрядилъ панцмейстера *Меранвилля* обучать меня панцовашъ, фехтмейстера *Дурхъ-Урхъ-Вармурха* бипшся на шпагахъ и берейтора *Фонъ-дербъ-Шварцъ-Пферда* — искусно ѣздивъ верхомъ.

Все это мнѣ далось. Днемъ я бралъ уроки, а длинные вечера короталъ за чтеніемъ исторіи о сиракспвіяхъ вообще, изданной *Лагарпомъ*.

«Сынъ одного Профессора, съ которымъ познакомился я въ манежѣ Колымажнаго двора, снабжалъ меня всякаго рода книгами. Ему это ничего не стоило, потому что отецъ его былъ Университетскимъ бібліопекаремъ. Я же ихъ возвращалъ ему всегда исправно.

«Ученныя путешествія по Россіи *Палласа, Гмелина, Лепёхина* и другихъ Академиковъ, совершенныя по повелѣнію Императрицы *Екатерины Великой*, нѣсколько попроспудили горячку моего заносчиваго воображенія. Я переспалъ мечпашь, что мнѣ назначено быть впорымъ *Робинзономъ*,

Что я могу открыть прелестный островокъ,
Что спавши шамъ Царемъ... поспрою городокъ,
Займусь прожежками, народными дѣлами,
Успрою гавани, наполню ихъ судами.

Мысли мои обратились къ моему опечеспву. Я подумалъ:

Опечеспво намъ должно знать!

Имѣемъ мы свою прекрасную природу,
Своихъ свящипелей, героевъ, мудрецовъ,
Градоправителей, художниковъ, пѣвцовъ.
Бесѣда съ славными живыми наслажденье,
При нихъ сильный въ душѣ въ дѣламъ высокимъ рвенье.

Краснорѣчивъ усопшихъ прахъ.

Съ душою говорпшь: кумиръ въ сѣдѣхъ спешьхъ

И ковльѣмъ курганъ пороспшій дикій,

И Пскова пуспшари,

И Новгородъ великій,

И вокругъ печальные его монастыри;

И грознаго Башня градъ пуспшпный,

Обипешъ жабъ и змѣй;

И новыі Воскресенскъ и Соловецкѣ спарпный,

Пожаровъ и нашествій слѣдъ,

Въ развалинахъ града и селъ,

И поле славное побѣдъ,

И славныхъ памятпикъ веселый:

Россія—дѣлый свѣтъ.

Я было пріободрился, но меня опять взяло раздумье. Вышепоименованные члены С. Петербургской Академіи Наукъ были люди съ обширными свѣдѣніями: Доктора фило-

софіи, медицины; они были ученые зоологи, ботаники, минералогп, археологп, аспрономы; а я, имѣющій *силое краткое понятіе о встѣхъ наукахъ*, прочпшавшій только *Ядро Россійской исторіи*: съ какою цѣлью объѣду проспранныя обласпн Россійской Имперіи? Какую пользу могу принесли наукамъ, искуспвамъ, правпшельспву, соопчпчамъ? Въ такомъ груспномъ сомнѣніи и спрахъ оспампшь себя, провель бы я, можешь бышь, еще нѣсколько лѣпть, а мнѣ уже и такъ было за двадцать, еспл-бъ не попалось мнѣ въ руки *путешествіе въ Малороссію*. Сія глабокомысленная книга, копорою Князь Петръ Ивановичъ *Шаликовъ* хопя не озарилъ какъ лучезарною свѣпчюю мрачныя бездны первобыпной нашей исторіи, не разбудилъ сппщпхъ въковъ, не заспавилъ ихъ бышь опкровенными и не пронпкнулъ въ лабпрпнпъ древняго Варяго-Славяно-Русскаго законодательспва, однакожъ прослылъ лпператоромъ, заслужилъ благодарную улыбку дамъ, получилъ позволеніе писанъ акросппхп въ альбомы дѣвпцъ и вънокъ грацій, успокола меня, упѣшила. Завѣса упала съ глазъ моихъ, я прозрѣлъ, я увидѣлъ, что всего выгоднѣе, прппнѣе, безопвѣспвеннѣе бышь путешеспвенпкомъ *сентпментальнымъ* (*). Я удосповѣрился, что сеппментальный путешеспвенпкъ имѣетъ право въ дорожныхъ запискахъ своихъ спавпшь безъ числа знаки восклицательные!!!!!! вопросппельные????? черпочки чувспвппельныя————почки меланхолп... гипсохондрп... мечпательности..... пампспвенноспп... Я проразумѣлъ, что

Могу пуспнпшься въ пупъ

Съ собачкой, съ посохомъ, съ дорпенкой,

И съ мпршовой опъ мошекъ въпшой.

Опрывки изъ *Новаго путешествія въ Малороссію*, въ первый разъ явпвшіеся въ Въсппнкъ Европы (**), еще болѣе упвердпли меня въ моемъ благомъ намѣреніи. Развъ я хуже другаго пропанцюю *магпческій экозеъ* (1), пропрыгаю *контрдпнсъ*. (2) Развъ

(*) См. путешеспвіе по Невскому проспекту. М. 1818.

(**) В. Е. 1804 года, № 2, стр. 97 и слѣдующіи.

(1) В. Е. 1814, № 2, стр. 97. (2) шамъ же, стр. 97.

менѣ другаго-прочаго имѣю право любоваться *молоденькими дамами*, у которыхъ *картинное лицо*? Для чего, на примѣръ, не женишься мнѣ (3)? Для чего опцу не выдашь дочери своей за меня (4)? Извѣстные поэты, съ которыми нѣкоторая связь моя извѣстна свѣну, опворяютъ мнѣ повсюду двери. Почему не повспрѣчьшься и мнѣ на какой нибудь ярмонкѣ съ какого нибудь богинею (5)? Кто запрешитъ мнѣ, въ добавокъ къ себѣ (6), возитъ съ собою *гусарскаго офицера*, и послѣ вальса видѣшь въ немъ *Цесаря*, братъ искреннее участіе въ славѣ профеевъ его (7)?—«Поѣду! поѣду!»—воскликнулъ я рѣшительно: «окину взорами свою картину, всѣ сцены и *возвращусь съ разными чувствами* въ душѣ моей!»—

«Я испросилъ у бапюшки благословеніе; мапушка пихонько отъ бапюшки пожаловала мнѣ розовую апласную записную книжку, на которой вышиты были въ памбуръ шюльпаны, гвоздики и колокольчики. Она была подбита голубымъ гродешуромъ и набита разнаго достоинства гос. ассигнаціями: важная спашья для всякаго, и даже для чувствительнаго пупешесивенника.

Божественный мешалъ, краслицій испукановъ,
Живопворящая душа пуспыхъ кармановъ,
Подпора стариковъ, ушѣха молодыхъ,
Причина добрыхъ дѣлъ, нерѣдко и худыхъ.

«Я хотѣлъ начать свое обозрѣніе Россіи съ Петербурга, Оспъ-Зейскихъ провинцій и Финляндіи.

«Сборы мои въ дорогу были солдатскіе. Никуда не выѣзжалъ я изъ столицы, кромѣ подмосковнаго села Рождешвенскаго (въ 18 верстахъ по Звенигородкѣ), да одинъ разъ сопровождалъ мапушку и сесприць на Богомолье къ Троицѣ въ Сергіеву Лавру. И такъ, ни чушь не мудроно, что я не имѣлъ понятія о дорожныхъ потребностяхъ, ничѣмъ не запасся, и, наслышавшись отъ своихъ поварищей о молодецкой ѣздѣ ямщиковъ, рѣшился вѣхать на перекладной.

«Прощай, Москва бѣлокаменная, съ золотоглавыми своими маковками! Проспипе, спнія Воробьевы горы,—и ты, угрюмый Симоновъ монастырь,—и ты, роковой прудъ, въ грязныхъ волнахъ котораго уношилась бѣдная Лиза! Я налью бушылку пропужлой воды пвоей и другую изъ запѣсневшихъ прудовъ Прѣсенскихъ; сплепу себѣ вѣночикъ изъ вѣпвей, срѣзанныхъ въ Марьиной роцѣ—и всѣ сіи паласманы возму съ собою въ дорогу. Обѣщаюсь, при вслкомѣ удобномъ случаѣ, поплакать о васъ, милыя Московскіи окрестности! о васъ, меланхолическое Царицыно! веселое Свирлово! пынное Кусково! великолѣпное Архангельское! живописное село Коломенское! о пѣбѣ, Голицескій дворець Пепровскій! о васъ, Аѳинскіе чертоги Люблина, съ роскошными водами, съ цвѣтиспыми холмами, съ сѣтиспыми роцями!»

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СКРОМНЫЯ ЖЕЛАНІЯ ЖУРНАЛИСТА.

Опець-Юпперъ! взгляни благосклонно на меня, бѣднаго Журналиста; внемли моему невинному лепепанью; укрась скромныя желанія мои пальмою исполненія; дай мнѣ матеріаловъ для моей Липературно-Полипическо-Коммерческой газеты: наполни ее любопытными новостями, для приманки бѣдшаго числа подписчиковъ!...

Вели, гдѣ нибудь, выпуститъ рѣкъ изъ береговъ своихъ, и попошптъ дуга, людей и скопъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Тогда-то я буду имѣть случай описать яркими красками всѣ бѣдствія попопа, сдѣлать сборъ въ пользу поспрадавшихъ отъ наводненія,—и взять себѣ половину денегъ за напечатаніе эпои спашейки.

Прикажи Эпнѣ или Везувію, или какому нибудь другому порядочному волкану, залить огненною лавою нѣсколько городовъ и селеній, чпобы изображеніемъ сего ужаснаго явленія могъ я насыпитъ пуспые желудки газетныхъ волковъ!—

Умилосердись и пуспи куда нибудь градъ, такой крупный, чпобы каждая градина была величиною по крайней мѣрѣ съ бомбу;—

(3) Стр. 102, (4) стр. та же. (5) стр. 104. (6) стр. 105. (7) В. Е. 1804, No 2, стр. 105.

однако же не въ потъ городъ, гдѣ я живу. Подумай немного, и потѣшь насъ какимънибудь новымъ фейерверкомъ на тѣмномъ небосклонѣ; выдумай чрезвычайныя воздушныя явленія; посылай намъ, всякой мѣсяцъ, новую комету, чтобы порядочно напугать людей, привеси въ колокольное движеніе, съ каедры, языки новѣйшихъ Бюфоновъ, разбудишь нашихъ Академиковъ на ихъ обсерваторіяхъ, расшевелишь умы (хоть чѣмънибудь), прочистишь ихъ, чтобы они не заржавѣли, и окунуть руки Журналистовъ въ чернила.

Не худо, если ты, вмѣсто дождевой воды, оросишь землю лимонадомъ, оршадомъ, О-дѣ-колонецъ, Шампанскимъ и Венгерскимъ; или, вмѣсто снѣга, посыпешь жемчугомъ и мѣлкими брилліантами головы нашихъ неутомныхъ женъ и дочекъ!—

Напусти на всю Лапландію такой жаръ, чтобы льды и мозги распяли памъ, какъ масло на пылающемъ очагѣ! Пошли прескучій морозъ въ Испалію, и изъ всѣхъ тамошнихъ Кардиналовъ сдѣлай мороженое à la fleur d'orange и crème brûlée.

Пошли чуму, да такую, опять которой бы люди падали, какъ мухи отъ табаку; — но только пощади пренумерантовъ моей газеты!—

Переломи ногу нашей знаменитой актрисы, дѣвицы Н.; или пусть она разрѣшился опять бремени. Эта новость заставитъ говорить весь городъ болѣе, чѣмъ говорили о сраженіи подъ Бородинымъ и подъ Лейпцигомъ. Виноватъ ли я, что ты такъ успроилъ людскія головы?—

Свихни умы нѣсколькимъ Европейскимъ мудрецамъ и глубокимъ полипикамъ. Дозволь какомунибудь славному писателю прыгнуть въ рѣку внизъ головою, или до смерти записаться, защищая классицизмъ противъ романтизма, доказывая, что Некрологія есть лакомый десертъ въ журналѣ.

Разбойники, святопалцы, мошенники и воры всегда доставляли читателямъ газетъ особенную занимательность. И для того, великій Зевесъ! дай потѣшишься этому романтическому словію!... Пусть себѣ грабятъ они дилижансы и почту (только не

пу, съ которою везутъ ко мнѣ деньги!); пусть-ихъ, на здоровье, опоражниваютъ карманы ханжей и площадныхъ зѣвакъ: лишь бы только наполнили они мою газету любопытными спашьями объ ихъ поимкѣ, казни и ссылкѣ на каторгу!....

Вели пусть на свѣтъ такихъ чудесныхъ дѣпей (Геніевъ въ миниатюрѣ), которые бы уже на первомъ году писали воедами, на второмъ сочиняли журнальныя рецензіи, на прешьемъ получали бы Докторской дипломъ.

Не скупись и посылай намъ побольше историческихъ, романтическихъ и драматическихъ бумагомарашелей. Безъ нихъ пупьютъ зубы у Журналистовъ, и на чемъ же лучше повоспришь ихъ, какъ не на плохихъ альманахахъ, площадныхъ романахъ, смѣшныхъ прагедіяхъ?—

Но болѣе всего умоляю тебя, Агамемнонь небесный, о вѣчной войнѣ!—Пуускай дерущая Бедуины съ Французами, Лазарони со Збирами, журналисты съ книгопродавцами; пусть дерущая всѣ, кому только натура привѣсила къ плечамъ руки. Вѣчный миръ заставитъ меня ходить по-міру; ибо журналистъ безъ войны по же, что пѣвица безъ голоса, танцмейстеръ съ мозолями на ногахъ, спрячій безъ казусаго дѣла, почталіонъ безъ лошади, купеческая дочка безъ приданаго, откупщикъ безъ полстаго брюха, Жидъ безъ денегъ.

Въ заключеніе, прошу тебя, умилосердись и испреби твоими перунами всѣ прочія газеты и журналы; дай имъ на голые зубы пренумерантовъ по двадцати, и по на полгода; да процвѣтаешь, какъ сѣнисный дубъ, одна только моя газета, до скончанія міра, и да будетъ на неѣ 4,000 подписчиковъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ! Журналистъ, съ такимъ числомъ пренумерантовъ, не позавидуетъ ни *Штиглицу*, ни *Ротшильду*, ни *Лафиту*: онъ самъ владѣтельный Князь, у котораго Миниспры—его со-трудники; его войско—липеры въ шипографской каскѣ; народъ—наборщики, бапырцики и печашники.—*rogamus, rogamus, rogamus!*—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ

на новый годъ.

Съ разной дрянью, суедами,
Съ кучей глупостей, заботъ,
Вслѣдъ за прежними годами
Рухнулъ въ вѣчность старый годъ.

Что до прошлаго за дѣло?
Прошлыхъ дней не воропишь.
Новый годъ мы встрѣнимъ смѣло:
Настоящимъ надо жить.

Спарики умный насъ были:
Прежде кто хандру знавалъ?
Яду подлили не мы-ли.
Наслажденія въ покаръ?

Щасливъ топъ, кто жизни бремя
Провлачивъ до позднихъ лѣтъ,
Скажетъ: по-то было время!
И объ юности вздохнешь.

Кто-жь и намъ, друзья, мѣшаетъ
Изъ сердецъ прогнавъ печаль?
Тотъ уменъ, кто жизнь вкушаетъ,
Не глядя въ шуману даль.

Ждашь чего-жь? Покаръ полнѣ!
Пиршество начать пора.
Собесѣдники, дружнѣ!
Новый годъ! ура! ура!

А. Глбовъ.

ДВА РАЗГОВОРА (*)

въ близкой лавкѣ.

«Чѣмъ занимается теперь Гизо Россійскій?»
— «Да вѣрно пьемъ же все: какойнибудь подпиской
На книгу новую, которую—Богъ дастъ—
Когданибудь и онъ напишетъ да издастъ!»—

*

«Пусть говорятъ, что онъ сплетатель скучныхъ
вракъ;

Но публики никто, какъ онъ, не заглазаетъ!»
— «Какъ, публики? Богъ вѣсть, кто вкусъ ей
узнаешь?»

У публики—вошь это такъ!»—

К. Вяземскій.

О Т Ъ Ъ З Д Ъ .

(Романсъ.)

Пошелъ, пошелъ, ямщикъ лихой!
Ударь по вѣзмъ по прѣмъ!
На вѣкъ прощай, мой край родной!
Прощай, мой опчий домъ!
Не много благъ, не много бѣдъ,
Въ тебѣ покинулъ я;
Покинулъ васъ, невѣрныхъ лѣтъ
Невѣрные друзья!
Еще вчера моихъ проказъ,
Исполненъ былъ вашъ кругъ,
А завтра ужъ никто изъ васъ
Не спроситъ: гдѣ-то другъ?

Тебя покинулъ я, шобой
Мечталъ я бытъ любимъ;
Но думы дѣвы молодой
Легки, какъ легкой дымъ!
Пройдушь печально день и ночь;
Поплакавъ въ тишинѣ,
Ты опорвешь опъ сердца прочъ
И память обо мнѣ;
И скоро явится иной
Со льстивымъ языкомъ...
Пошелъ, пошелъ, ямщикъ лихой!
Ударь по вѣзмъ по прѣмъ!

Но горько мнѣ, но больно жаль,
Невѣрныхъ мнѣ перьятъ.
И вѣчно пайная печаль
Мнѣ сердце будетъ жать.
Въ высокой долѣ и въ чesняхъ
Все думалъ объ нихъ,
Въ полнѣ людей, въ иныхъ краяхъ,
Не выберу иныхъ;
Чуждался всѣхъ, для всѣхъ чужой,
Засну могильнымъ сномъ...
Пошелъ, пошелъ, ямщикъ лихой!
Ударь по вѣзмъ по прѣмъ!...

П. Уваровъ.

16 Апрелья 1832.

Астрахань.

(*) Взято изъ оплочно-хорошаго альманаха: *Альциона*,
изданнаго на 1833 годъ Барономъ Е. О. Розеномъ.

А Н А Г Р А М М А.

Когда
Ты утверждаешь что словесно, языкомъ;
Когда
Согласенъ съ кѣмъ ты на письмѣ перомъ:
Тогда
Увѣдомишь другихъ—меня ты посылаешь,
Когда
Преступнику, или злодѣю угрожаешь
Ты спрашнымъ Божиимъ судомъ:
Тогда
Переверни меня назадъ лицомъ—
И я въ глаза ему геенной запылаю:
Опгадывай скорѣй—вишь ясно намѣкаю.

III.

M O D E S.

Une nouveauté vient d'être accueillie par les femmes élégantes. On remplace, pour les doublures de manteaux et de douillettes, le florence cerise par le florence orange.

Les étoffes qui se portent au bal sont le crêpe en application de velours.

La gaze floride à mille petits damiers sur un fond clair.

Le dahlia continue à être bien porté. Une nuance nouvelle, très-douce, est *mais*: elle est charmante en étoffes de soie, comme le satin des Indes et le velours des Indes; une autre nuance plus sévère est *purpurine*.

Modes d'hommes.—Nous avons remarqué, chez M. Schwartz (rue d'Amboise), une étoffe toute nouvelle pour pantalons: c'est un casimir fort, à larges côtes. Les couleurs préférées sont noisettes, plus ou moins foncées.

Pour les redingotes *par dessus*, il emploie un drap très-épais, simple et ratiné, d'une couleur à laquelle on a donné le nom de *vert imperceptible*.

Pour les gilets du matin, l'étoffe drap d'or est d'un très-joli effet; et les cachemires rouges sans gilets noirs sont toujours bien portés.

On fait toujours un grand nombre de gilets de cachemire. Les gilets de casimir rouge bordés de noir, commencent à être vus aux fashionables.

Pour le soir, des gilets de satin à dessins de velours, couleur sur couleur.

Toujours beaucoup de cravates noires, même le soir; et alors souvent des cravates de satin.

Pour le matin, les hautes cravates peu serrées; les *conforts* se portent toujours, très-vastes, en cachemire noir et de couleur vive, quelquefois en foulard.

Pl. No 1. Manteau de mérinos doublé de soie à col de velours.—Capote de velours.—Spencer de velours.—Jupe de jaconas.—Capote de satin.

M O Д Ы.

Вопъ новостъ, принятая щеголихами. Плаци и дульшны, вмѣсто алой шафпы, подкладываютъ оранжевою.

Маперіи, употребляемая для бальныхъ платьевъ—крекъ съ накладками изъ бархата.

Газъ *floride*, съ мелкими шахматцами по свѣтлому грушпу.

Цвѣтъ *dahlia* все продолжаютъ носить. Новый цвѣтъ, весьма нѣжный, называется *mais*: онъ прелестенъ въ шелковыхъ маперіяхъ, какъ Индѣйской апласъ и Индѣйской бархатъ; другой цвѣтъ, немного мрачнѣе называется *purpurine*.

Мужскія моды.—Мы замѣтили, у г-на Шварца (въ улицѣ *Amboise*), совсемъ новую маперію для панталонъ; это плотный казимиръ, съ широкими рубцами. Цвѣта наиболѣе въ употребленіи орѣховые, болѣе или менѣ темные.

Для верхнихъ сюршуконъ употребляютъ онъ сукно весьма плотное, простое и рапиновое, цвѣта, который назвали *vert imperceptible*.

Для утреннихъ жилетовъ маперія drap d'or весьма красива, и красные кашемиры, безъ черныхъ жилетовъ все еще въ большомъ употребленіи.

Кашемировыхъ жилетовъ продолжаютъ много дѣлать. Красные казимировые жилеты начинаютъ показываться на щеголяхъ.

Для вечера, апласные жилеты съ бархатными узорами подъ цвѣтъ.

Черныхъ галсуконъ все много носятъ, даже вечеромъ; тогда часто апласные.

Для утра, широкіе галсукки довольно свободны; *conforts* все продолжаютъ носить, весьма широкіе, черные Кашемировые и яркихъ цвѣтовъ, иногда изъ фулара.

Карш. No 1. Мериносый манто съ шелковою подкладкою.—Бархатный капотъ, бархатный шпезеръ.—Юбка изъ жакона.—Апласный капотъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 2.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 7 ДНЯ 1833 ГОДА.

Насилу я дождалась дня!
Мнѣ эша ночь казалась безконечной,
И мудрено-ль? я ни на часъ
До утра не смыкала глазъ.
Придешь ли сонъ въ поскѣ сердечной?
Придешь ли сонъ, коль мучашь думы насъ?

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ
ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ ХVIII И
ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

Не въ наследственной берлогѣ,
Не средь опческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.
На каменяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разбросаннымъ мостомъ.
То ли дѣло бышь на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжашъ,
О деревнѣ, о неаѣспѣ
Надосуть помышляашъ!
То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поупру чай;
То ли дѣло, брашцы, дома!....
Ну, пошелъ же, погоняй!....

«Настало 19-е число Октябрю, желанный день отъѣзда. Чемоданъ, ковѣръ, сафьянная желтая съ краснымъ подушка, кисеть, прубка, кулѣкъ съ пожитками слуги моего *Акова Ильина*, вынесены въ переднюю; въ залѣ накрытъ столъ и поставлена яшница съ вепчиной, селянка, кашка на бульѣнѣ и жареный картофель. Позавтракавъ на скорую руку, перешли мы въ гостиную, чинно и безмолвно усѣлись, попѣмъ вспали; отецъ и мать перекрестили меня, я поцѣловалъ у нихъ ручки; сеспры съ слезами меня обняли; челядинцы, управитель, дворецкій, барскія-барыни, свинныя дѣвушки облобызали мои руки; съдая няня и лысой дядька обняли меня дрожащими опъ дряхлоспи руками.... наконецъ, кончился церемоніаль. Я вскочилъ въ коляску, копорую балюшка далъ мнѣ до *Черной гряды* (первая станція опъ Москвы); *Ильинъ* кскарабкался на козлы, кучеръ пронулъ возжами—и колеса загремѣли по тряской мостовой. —

Удалы мчашъ закинувъ гривы,
Бѣжипъ земля и пылъ столбомъ;

Прощайте дни мои счастливы!

Прощай отеческій мой домъ!

«О вы, которые за 90 рублей капитесь нынѣ изъ Москвы въ Пиперь по гладкому, какъ паркешъ укапу (шоссе), въ щегольскомъ, на Англійскихъ рессорахъ качающемся и сладостраспно убаюкивающимъ васъ дилижансѣ! Вы живете въ спольщаспливую для пупешеспвенниковъ эпоху, чпо не повѣрите правдивымъ рассказамъ моимъ о худомъ соспояннн пупей сообщенія между двумя сполнцами великой, могущеспвенной Россійской Имперіи въ миновшемъ и даже въ первыхъ годахъ пекущаго спольщспн! Вы должны мнѣ вѣрнпш. Призываю въ свидѣтели истины моего повѣсппованія тебѣ, мой Кіевскій благодѣтель *Матвей Васильевичъ!* Мы съ побою 16 лѣтъ не видались, но одолженія пвои будутъ мнѣ памянны, если мы и еще 216 лѣтъ не увидимся; памянно и то, чпо онпѣвзжая изъ Пипера въ дальній Югъ, и купя новые экипажи, пш имѣлъ перпнне пропаципсья нога за ногу, черепащнмъ шагомъ, опъ сполнцы Пепра до роднны *Марфы Посаднцы!* И тебѣ, мой добрый родспвенннкъ *Алексій Никанорычъ!* купнвшій подъ Невскнмъ брнчкку за полпораспа рублей, испрапвшій 140 рублей на ея почннку и проскакавшій опъ Пепербурга до Москвы 14 дней на почновыхъ и не опдыхая нн одной ноци.

«Какъ на смѣхъ, до самаго моего выѣзда спояла теплая осенняя погода. Съ Успеняго дня не упало нн капли дождя. Роци блиспали алымъ, оранжевымъ, золопымъ и багрнымъ цвѣтомъ; хрупкій лнспъ шуршалъ подъ ногами, ознми озелѣннлн нвы гуспынн споннн мохрами. Мѣсячныя ноци были ясны, какъ день—и заморозы освѣжали, а не оспужали воздухъ. Я какъ будпо наклнкалъ на себя ненаспье! Еще съ утпра задымнлся туманъ на мушномъ небѣ. Тяжелые облака разослалнсь почпнн надъ самою землею; сдѣлалось сыро, задулъ спудѣнный вѣтеръ—и мѣлкнй, частый дожднкъ началъ мороснпш. Я прнжался въ уголъ закрытой коляскн, закупалъ лице шннелю на вапкѣ—и, мечпая о карпнчныхъ вѣдахъ, о заниматель-

ныхъ вспрѣчахъ и о прнпныхъ знакомспвахъ на Ямѣхъ, не чувспвовалъ нн дождя, нн вѣтра.

«Прнѣхавъ на первую спанцію, я вошелъ въ избу (нынѣшнне покойнне, просторные почповые домѣ выпроены весьма, весьма недавно) къ спанціонному Сморптелю, попроснлъ чаю, и, пока его грѣлн, съѣлъ пнсапъ грамонку къ роднымъ спонмъ. Не успѣлъ я кончнпш, какъ сморпптельша накрыла запасканою трнпнцєю спольщ вепхнй и преногнй, поставнла безносый распрснутый чайннкъ, плнкую же чашку безъ ручки и блюднчку съ мелосомъ, положила чѣрспвую булку и запылнвшнсея сухарн. Черезъ плпш мннупш, во весь духъ подскакала ямскал пелега съ Валдайснкмъ колокольчнкомъ у дугн—и вошедшій спароспта провозгласнлъ: лошади гоповы! Мой *Яковъ Ильннъ*, съ пособнемъ кучера *Фнлнппа Агьева*, переложнлъ мое походное нмущеспво, и пока я расплачнвался и бралъ обратнно подорожную, успѣлъ выпнпш спаканъ чаю въ прнкуску—и доѣспш все, чпо на спольщ послѣ меня оспавалось: булку, сухарн и сдобный калачъ, купленннй нмъ въ Москвѣ у заспавы. *Фнлнппъ* снявъ шапку, спнренно ождалъ меня у почповой пелегн, поцѣловалъ руку и пожелалъ благополучной дороги. Желанне его не нсполнлось: вѣтеръ часъ опъ часу спановнлся порывсппше, мокрый снѣгъ валнлъ охлопьями прнмо въ лнцо, паллъ на нѣмъ и пѣкъ ручьями. Шейный плапнокъ и перчачкн мои размоклн, шннелъ насквозъ пробнло и она сдѣлалась пуда въ прн вѣсомъ. Клячн, копорыя казалнсь мнѣ изъ окна лнхнми конями, съ спрудомъ выпаскнвали ногн изъ глннспной грязи, копоруоу взмѣспл гурпш воловъ, передъ нами прогнанпый. Къ довершенню бѣдъ, пелега была обнпна плонною рогожею, вода въ ней держалась, какъ въ кадкѣ—и я, окоспенѣмый, снѣлъ попоясъ въ водѣ. Чепыре часа, показавшнсея мнѣ чепырьмя недѣлями, пропацилнсь мы до *Пышекъ*.

«Когда я выплылъ изъ повозкн на берегъ: по съ меня вода пекла, какъ съ лягавой собаки. Два дюжнє ямщнка взвели меня по крупноу лѣспннцѣ подъ руки въ избу—и я радъ, радъ былъ,

что въ ней нашлась теплая лежанка. Сбросивъ съ себя грязную шинель и сапоги, я влезъ на неё съ ногами, и долго еще, какъ голодный волкъ, спучалъ зубами. Благотворный чай, сокровище путешествующихъ по Россіи, возвратилъ мнѣ упоищеніе языка, рукъ и ногъ. Между пѣмъ, камердиръ мой опорожнилъ большой спаканъ *Erofeitcha*, запилъ pour le bon goût чаемъ — и, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, проворно внесъ чемоданъ, расшнуровалъ его, досталъ мнѣ сухое бѣлье, выжалъ, развѣсилъ старое на шесточкѣ передъ печнымъ челомъ; потомъ свернулся комкомъ на задней лавкѣ — и захрапѣлъ. Спанціонный Смотрипель, сперва суевпвшійся около самовара, записалъ мою подорожную, пошепталъ съ женою въ коморкѣ и сомнительнымъ голосомъ спросилъ у меня: «не прикажете ли чего нибудь покушать?» — Я вынулъ часы, которые показывали 9, и безъ размысленія отвѣчалъ: хорошо! Смотрипельша выступила изъ за-кулисы, за коими скрывала рыжія красы свои, открыла трубу, поспавила таганъ, нащепала лучины, развела подъ нимъ огонь — и начала разогрѣвать кушанье. Дымъ и чадъ скоро дали мнѣ почувствовать, что я въ дуракахъ и за свои гроши купилъ себѣ лиха. Я кашлялъ и протиралъ слезящіе глаза свои; но дѣлать было нечего! Паръ горячихъ щей приглашалъ меня за столъ. Хлѣбнувъ ложки при — я сдалъ тарелку: ибо почувствовалъ, что онъ пересоленъ: свиной жиръ плавалъ въ чашѣ, какъ распущенное коровье масло. — За ними послѣдовала пропущлая котлета, которую я развѣзалъ, но даже и не отвѣдалъ. Гусиный скелетъ, пережареный, и, по всѣмъ признакамъ, двадцать разъ разогрѣтый, и соленные съ чеснокомъ огурцы заключили мой ужинъ. Я поселилъ краюшку чернаго хлѣба, съѣлъ её съ квасомъ, вспалъ, Богу помоллся, на всѣ чепыре спороны поклонился, поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ — за соль — и опять пропянулся на лежанкѣ. — «Прикажете ли запрягать коней?» спросилъ, подспуя ко мнѣ; спанціонный Смотрипель, такимъ пономѣмъ, который показывалъ, что ему хотѣлось сбыть меня съ рукъ. Мнѣ бы

надлежало опразнить наступъ его, произнесъ пвердымъ голосомъ: нѣтъ! Но прокляпал перѣшимость, бывшая въ послѣдствіи виною многихъ моихъ несчастій, сквозь зубы проворчала за меня: хорошо! — Черезъ четверть часа лошади были готовы; я разбудилъ *Якова*, который скомкалъ плащъ въ чемоданъ, сапоги въ кулѣкъ, опнешъ въ повозку, съѣлъ на облучокъ... И вопъ мы снова зашлѣпали рысцою по грязной большой дорогѣ. Тѣмъ пакая, что мнѣ невидно было ни лошадей, ни кучера; въперъ бурлилъ, дождъ съ шумомъ капалъ на козырѣкъ моего карпуза. Лошади находили слѣдъ по инстинкту; пелега по капилась почти на боку по глубоковырванной колѣ, по неучпиво подбрасывало её изъ выбоины въ выбоину. У меня начинала побаливать голова — и я съ большимъ нетерпѣніемъ дождался пріѣзда въ Клинь, какъ вдругъ пелега наша на всѣхъ рыскахъ пкнулась посомъ объ-земь — и мой *Яковъ*, сладко дремавшій на облучкѣ, очутился въ грязи. Еслибъ *онъ* былъ — она, п. е. дама: то къ нему можно бы примѣнить извѣстныя слова плясовой народной пѣсни:

Невидала,
Какъ упала;
Погляжу,
Млада лежу.

Лошади оспановились. Ямщикъ проворно соскочилъ съ облучка, обошелъ на лѣвую спорону, сперва выпалилъ изъ подъ лошадиныхъ ногъ *Якова*, потомъ ощупалъ, что ось и птяжъ цѣлы; потомъ спалъ пскапъ колесо, нашелъ его въ двухъ аршинахъ за пелегою, прикапиль къ пелегѣ и, приподнявъ съ моимъ слугою передокъ, надѣлъ на ось. Тутъ обнаружилось, что бѣдспвіе, насъ постигшее, произошло отъ поперянной чепки, которой въ грязи и темнотѣ опыскать было невозможно. Надлежало замѣнить её деревянною; но гдѣ взять жердъ и попоръ обтесать её? Ямщикъ прядумалъ вопкнутъ кнуповище — и вопкнулъ его, распрегъ коренную, надѣлъ птяжъ, привязалъ его къ кнуповищу, запрягъ, съѣлъ на козлы; мой *Яковъ*, съ разбитою въ кровь верхнюю гу-

бою, подсылъ къ нему подъ бокъ—и махина пронулась. Дѣло шло своимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока глубокая колея шла съ правой стороны и пелега вѣхала наклоненно на свою здоровую споропу, какъ же скоро лѣвое переднее колесо прикапилось къ шопкому кнутовищу и надавило его: такъ оно, ни секунды не выдержавъ, въ мѣлкіе куски изломалось. На этопъ разъ колесо не спало съ оси; мы опять оспановились, опять начали ухаживать около пелеги, выломали кусокъ жерди изъ накапника, встали, опспрягли, заспрягли, двинулись. Эпа печальная церемонія 18 разъ повспорялась—и мы къ свѣту едва, едва дошлись до высокаго крыльца *Клинскаго* прапкшира.

«Чувспву я усиливающуюся головную боль, я попросилъ содержателя гостиницы опвесить мнѣ особую комнату; повалился на постель и, недождавшись даже горячаго, заснулъ.—Сна моего нельзя было называть ни глубокимъ, ни крѣпкимъ, ни богатырскимъ: кровь во мнѣ волновалась, сердце билось, какъ будто бы хотѣло выскочить, голова спучала. Къ увѣнчанію всѣхъ сихъ несприятностей, въ этопъ черный для меня день сполько перебивало въ прапкширѣ проѣзжихъ, что можно было подумать, будто ихъ чѣрптъ полкалъ изъ обѣихъ столицъ въ зашею. Одинъ пребоваъ водки, другой просилъ чаю, третій вопіялъ о бупылкѣ мадеры, четвертый, ища съ просонья выхода, забрѣлъ въ мою келью, и громовымъ голосомъ извинялся въ причипеніи мнѣ безпокойства; пятый, назнача Клинъ сборнымъ мѣспомъ своему родспвеннику, и вообразя, что я этопъ желанный, располкалъ мнѣ бока, крича: здравспвуй, *Иванъ Андреиъ*, давно ли ты здѣсь? а я немножко позамѣшкался въ Твери! И увидя свою ошибку, репировался въ другую комнату на цыпочкахъ и безъ барабаннаго боя, какъ *Наполеонъ* изъ подъ Борисова. Этопъ шумъ, этопъ непрерывное хлопанье дверями, этопъ спукъ чашекъ и бупылокъ довели меня до опчаянія. Я вспалъ, вышелъ на крыльцо и спросилъ у ямщиковъ: нѣтъ ли здѣсь по близости какого нибудь домика, гдѣ бы пускали проѣзжихъ? «Какъ не быть!» опвѣчала мнѣ

высокій спарикъ съ бѣлою окладиспою бородою: «у *Радищихи* завсегда бояре оспанавливаются!»—Проводи меня къ ней, спаринушко! сказалъ я ему и всунулъ въ руку серебряный пяпачекъ. Мы пошли, пришли, вошли. Пріятнаго вида хозяйка въ чистой душегрѣйкѣ вспрѣшила насъ привѣспствиемъ: добро пожаловать! опвела мнѣ собственную свою спальню, уложила на свою кровать съ сипцовыми занавѣсками. Я попонулъ въ пуховикахъ... Тихій свѣтъ, почти сумракъ комнаты, пишина, безмолвіе; я мыслить, что Ангелы перенесли меня въ рай: кровля моя нѣсколько успокоилась, я начиналъ забываться самымъ сладкимъ сномъ.... Какъ вдругъ разразился надъ головою моею.... такъ больно, какъ будто по головѣ.... такъ близко, что я вскочилъ и сълъ на кровать.... разразился ударъ тяжелаго молота по наковальнѣ. Лубками покрывая кузница стояла на курьихъ ножкахъ подъ окномъ моей горницы. Вслѣдъ за вѣсповымъ перуномъ пяпъ молотовъ въ лады заспучали скорый маршъ. Спрыгнувъ съ постели, выскочилъ за ворота, рысью пуспиться по улицѣ къ прапкширу—было дѣло двухъ секундъ. Напрасно ласковая хозяйка выскочила за мною и звала назадъ:

И ни слова ей въ опвѣтъ,
Лишь глядѣть на мокрой свѣтъ....

«На скамейкѣ передъ почповымъ дворомъ дремалъ, склоня голову на грудь, бѣлобородый ямщикъ, мой знакомецъ. Я принесъ ему жалобу на кузнеца—и онъ за новый серебряникъ взялся указать мнѣ новую, покойнѣшшую квартиру. Спарикъ повелъ меня мимо присутспвенныхъ мѣспъ, на край города, къ просвириѣ, гдѣ въ низкой избушкѣ хопя и разбилъ я себѣ лобъ о приплку, за то нашелъ вождѣленный покой: ибо просвирина избушка на курьихъ ножкахъ стояла надъ обрывиспымъ берегомъ рѣки, и мимо её не было прохода ни пѣшему, ни конному. Я наказалъ моему проводнику приспасть ко мнѣ моего слугу со всѣмъ дорожнымъ скарбомъ, что и было имъ въ почноспии исполнено. Оба мы легли спать,—проспали до вечерень: головѣ моей спало легче,

плащѣ высохло. Мы вспали, вспряхнулись, расплавились съ хозяйкою, помолились Спасову образу—и побрели въ пракпирь, гдѣ поѣли венегрепу изъ вчерашнихъ объѣдковъ, холоднаго супу, за недѣлю изжареной пельянины и опмѣнно-вкусныхъ вафель. Лошади спояли уже передъ крыльцомъ—и били съ неперпѣніемъ копытами. Мы помчались по славной по Пиперской дорожкѣ въ село *Завидово*, куда прибыли безъ всякихъ особенныхъ приключеній.

«Я не считаю достойнымъ замѣчанія снѣга пѣшна на бокахъ моихъ, рукахъ и поясницѣ, избитыхъ по бревенчатой мостовой, въ которой черезъ два въ третій выломлено было бревешко, иногда два, а иногда и подюжины. Это были цвѣпочки, а лядки впереди меня ожидали. Въ *Завидовѣ* существовала уже особая гостинница, куда я и опсправился объѣдаться, хопя спанціонный Смотритель очень косо смотрѣлъ на это нарушение правъ его, и хопя смотрительша, предлагая мнѣ у себя объѣдъ, и разбранила, на чемъ свѣтъ сполпѣ, содержателя пракпира, чадъ его и домочадцевъ. Меня накормили изрядно, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше, чѣмъ на *Черной грядѣ* и въ *Клину*. Но вездѣ добро перемѣшано со зломъ, между золотыми колосьями пшеницы распушъ лапухъ и крапива, за вѣдромъ слѣдуетъ ненастье, за веселымъ молодецествомъ брюзгливая спароспъ. Я самъ чувствую уже, что она наложила на меня свою коспявую руку, провела глубокія морщины по лицу и прорѣзала длинныя борозды на лбу моемъ... Но къ чему это красноглаголаніе? Да, вспомнилъ... вопъ къ чему! Наѣвшисъ, я спалъ зѣвая по споронамъ, и съ досадою увидѣлъ, что спѣны гостинницы увѣшаны были порпшепами: *Марьи Терентьевны*, Императрицы Авспрійской, *Федора Федорыча*, Короля Пруссаго, сраженіе *Александра* Македонскаго съ *Поромъ*, Царемъ Индѣйскимъ, *Амурата* Султана Турецкаго и другихъ знапныхъ владѣтельныхъ особъ. Спъ изображенія были размалеваны цурикомъ, гумигупомъ, баканомъ и бѣлками. Они одного доспоинства съ карпинками: *мышь ката погребаютъ и похождение храбраго витязя*

Еруслана Лазаревича. Работа до того груба, что порпшепы, Московскимъ пипнографщикомъ *Андреемъ Рѣшетниковымъ* къ книгамъ его издѣлія прилагаемыя, сносны въ сравненіи съ ними. Я съ негодованіемъ опвернулся опъ сихъ каррикапуръ, не воображая, что черезъ нѣсколько лѣпъ сваята Русь наводнена будетъ липографированными лицами знаменитыхъ своихъ полководцевъ, моряковъ, писателей, споль же дурными, какъ сіе малярство.

О, если бы пы вспалъ пзъ могилы и посмопрѣлъ, какимъ брыласпымъ коптомъ избражаютъ тебя за спвои безсперпныя услуги опчестиву,

Нашъ вихоръ-Ашаманъ,
Вождь невредимыхъ, *Платовъ!*

Ты, въ справедливомъ гнѣвѣ, удавилъ бы сихъ маракъ очарованнымъ спвоимъ арканомъ!

И пы,

Равскій—слава нашихъ дней!

который могъ бы служипъ для живописцевъ образцомъ *Ахиллеса*, *Талкреда* и послѣдняго пзъ *Абенсерраговъ*, пы представленъ съ бездушною фзюгномією, выпянушымъ въ спрунку.

И спвоего прѣвлекательно-добраго, благородно-рыцарскаго лпка не пощадили спъ варвары,

..... Славянь любовь,
Нашъ *Коповницыль* смѣлый!
Примѣрь и рашпымъ и вождямъ,
И храбрымъ удивленье!

«Но я замечтался, пора въ дорогу! колокольчикъ давно позвякиваетъ, лошади продрогли. «Обѣдалъ ли пы, *Яковъ?*» спросилъ я. Спшъ, по милоспи Божіей и вашей, опвѣчалъ онъ опривисто. Дорога пошла песчанѣе, покойнѣе для сѣдоковъ, ппжелье для лошадей. Я курилъ спрубку,

Глаза мои, не зря, спмопрѣли...

Однакоже скоро я возрплся, что мой *Яковъ* пошатывается; сперва подумалъ я, что онъ, по обычаю Русскихъ слугъ, дремлетъ, но какъ онъ опъ часу раскачивался все больше и больше, такъ, что опѣхавъ верспъ де-

спянь, спалъ наклоняясь головою почти до колеса и могъ, попереявъ равновѣсіе, упасянь прямо подь ноги коренной лошади. Въ испугъ я спросилъ у него: не пьянь ли онъ? Полный *Вакха* языкъ худо повиновался своему властипелю, который ища опьяна, грянулся бы о сыру землю, еслибъ я не успѣлъ ухватить его сзади за кушакъ. Скоро пашелся я въ необходимости безпрестанно держашъ его. На двухъ-пехъ верстахъ, онъ до того вывихалъ мнѣ руки и упомилъ меня, чпо я рѣшился уложитъ его въ пелегу, а самъ съсипъ на облучокъ: сказано—сдѣлано! Ямщикъ прибавилъ рыси, а мой пьяный *Яковъ*, пропрезвясъ немножко опъ сильныхъ полчковъ и холода, и желая вполнѣ сыграшъ ролю барина, передражнивалъ меня, покрикивая пьянымъ голосомъ: *Полтаевъ, погоняй!*

«Въ пакомъ видѣ хмѣльная процессія прибыла въ Городню. *Яковъ* мой оспался досыпашъ, а я пошелъ въ почповую избу.»

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

БОГАТЫРСКІЯ ПОТѢХИ КАВКАЗСКИХЪ ЛИНЕЙНЫХЪ КАЗАКОВЪ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ).

5-го Юля 1832 года, послѣ поржеспвеннаго освященія знаменъ, всемилоспивѣйше пожалованныхъ Волжскому казачьему линейному полку, за оказанные онымъ во время Персидской и Турецкой войны подвиги, и даннаго, по сему случаю, праздника Полковымъ Командиромъ, Полковникомъ З..., радушный хозяинъ, желая весело провести сей день, для полка незабвенный, и доспавившъ удовольствіе почпеннымъ своимъ госпямъ, въ томъ числѣ и нѣкоторымъ посѣпипеламъ Кавказскихъ Минеральныхъ водъ, опдалъ приказаніе храбрымъ своимъ казакамъ, чптобы они собрались позабавишъся на коняхъ и показали удалъспво свое въ наѣздничеспвѣ, какъ пакомъ испуспвѣ, ко-

лорое опличаетъ вошпспвенныхъ обипапелей Кавказскаго края.

Распоряженіе сдѣлано: и вдругъ примчались на площадку, пропивъ полковаго двора, болѣе сотни спройныхъ линейныхъ казаконъ, въ полномъ ихъ вооруженіи: форменныхъ чекменяхъ (*) и папахахъ (***) на борзыхъ своихъ коняхъ. Началось респалище поодиначкѣ; лучшіе наѣздники (въ томъ числѣ были прівъжіе изъ мирнаго Бабуковскаго аула Черкесы), одинъ въ слѣдъ за другимъ выѣзжали на извѣспное распояніе для спрѣльбы въ цѣль. Они, по Черкесскому обычаю, въ одинъ мигъ вынимали изъ челоувъ свои винповки и, прицѣлясь на всемъ скаку лошади въ пославленную мишень, спрѣляли по очереди пакъ мепко и пакъ цѣльно, чпо изъ множеспва сдѣланныхъ выспрѣловъ не было почти ни одного промаха. Такимъ образомъ, опъ непрерывной палъбы наконецъ и самая мишень сія, сверченая изъ стна, вспыхнула. Началась вторая потѣха, превосходящая въ спрудности первую. На избранномъ мѣспѣ пославлена была превысокая вѣха, на которую вздѣли Черкесскій папахъ (шапку): она служила цѣлью, въ которую испуспвѣйшіе спрѣльцы, равномѣрно на всемъ скаку лошади, палили по одиначкѣ, по изъ ружей, по изъ писполеповъ, попадаая въ папахъ споль удачно, чпо каждою почти пулею сбывали его съ вѣхи. Спмъ подпвердили казаки о себѣ доброе мнѣніе зршпелей о совершенспвѣ своемъ въ спрѣльбѣ въ цѣль. Они удивили и доспавили намъ много удовольспвія.

Сцена сія перемѣнилась на другую: потѣ же папахъ снявъ съ вѣхи, положили наземъ, бросили въ него серебряную монету съ пакомъ условіемъ, чпо кто подниметъ оную на всей конской прыпи, пусть владѣетъ ею, какъ добычею, удалъспвомъ пріобрѣпленною. Въ сей гимнаспической игрѣ воспоржеспвовали Бабуковскіе Черкесы; они, на беспррыхъ какъ сернаа коняхъ своихъ, лепали взадъ и впередъ, выпягивались въ спрунку, доспавали съ лошади руками до самаго го-

(*) Казачьихъ полукафпаньяхъ.

(**) По образцу Черкесскихъ шапокъ.

ризонша земли, подпшмали съ оной лежащій папахъ, съ самодовольнымъ видомъ вышмали призь и поднимая къ верху монету, показывали зрипелямъ, копорые желая польснпшть ихъ шщеславію, имъ рукоплескали, а музыка играла пушть. Въ заключеніе, лихіе казаки представили намъ примѣрный бой на шашкахъ (сабляхъ), какой часпенько случашся на самомъ дѣлѣ у нихъ съ враждебными Горцами. Тогда представилась намъ почная копія съ оригинальной карпшны, самой убійственннй забавы звѣрскихъ дикарей и хищниковъ. Бывшіе на респалшщѣ казаки, подѣ предводшпелспвомъ своего Апамана, съ обнаженными саблями въ зубахъ, съ кншжалами и пшсполепами въ рукахъ, пронзшпельнымъ голосомъ по Черкескш *гукнули* и, приклонясь къ съдельной аукъ, спремглавъ вонесли въ снень. Тамъ, по предваршптельному между собою соглашенію, раздѣлшлись они на двѣ сппоронш, разѣхалшсь и попомъ съ бшшенспвомъ бросшлись другъ на друга: изъ сппрою смѣшались въ полпу и начали показывать всѣ продѣлки, упопрелбляемыя Черкесами въ бою рукопашномъ. Они рубшлись шашками, рѣзалшсь кншжалами, спрѣлляли одшнъ въ другаго изъ ружей и пшсполеповъ. Примѣрная рѣзня представилась намъ въ ужасномъ смыслѣ сего слова, и мы съ изумленіемъ взшрлш на ишкусное сіе подражаніе. Душа и чувспва нашш въ сію мшнупу находшлись въ неизлшспшмомъ волненш; на лицахъ зршпелеш рѣзко изображалшсь спрахъ, жалоснш и пегодованіе.—

Нашмопрѣвшшсь сшхъ вошнскихъ хшпроспеш, мы оставшлш спашщцу пренсполшенныа благодарносшю за досшнавленныа намъ добрыми казаками забавы, копорыа совершпенно для насъ, Пешербургскшхъ жшптелеш, новшя, всѣма любопыщныа; онѣ далш намъ понлшпше о войнѣ въ горахъ.

Посѣщшпель Кавказск. Мшнер. водъ,
А. Б—въ

Іюлш—1852 года.
Г. Пшшпгорскъ, жрш
Кавказскшхъ Мшнес-
радьныхъ водахъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Л А В А.

(Изъ Ла.картшна.)

Двѣ разныа спезш открышы передъ вами,
Слѣпшпше шзбшрлшть, шпомщы Пшершдъ!
Здѣсь васъ блаженспво ждепть; памъ—дркшми вш-
цами

Бешспертше блешпшть.

Пѣвецъ! ты вышполншлъ всеобщше уставы;
Ты Музы раншшми дарами ущедрѣшъ,
И дни швош силелшсь изъ горестеш и славы:

Къ чему же скорбъ и спношь?

Спыдшсь завшдовашь бешплодному покою,
Копорымъ дорожшшь ншщпожншй человѣкъ;
Всѣ блага жшзнш сей даны ему судьбою,

Но лшра наша вѣкъ!

Твош рлды вѣковъ! Ты граждлшншъ вселеннй;
По смертш алшарш шпомощво жшждетъ намъ,
Гдѣ бешпршспрасшпшою рукою воскуренншй
Не гашнетъ еншмшамъ.

Такъ къ царшпву буръ орелъ взлешашеть въ дерзно-
венѣ,

И съ гордымъ шоржешспвомъ шшрлшсь въ обла-
кашъ,

Вѣщашеть смершному: и я, земли рождене,

Но домъ мой въ небесахъ!

Такъ, слава ждепть тебѣ! но плшжкою цѣною
Въ ея свлщешншй храмъ купшшь ты долженъ
входъ.

Смошрш: нещасшше съ поншкшшою главою

Врата его спрешѣпть.

Слѣпецъ Іонш, помшмшй ншщетою,

Блуждашень по моршмъ подѣ гнѣпомъ злыхъ су-
дебъ,

Цѣною геншл, омочешншй слезою

Вымалшпваешъ хлѣбъ.

Торжашто, роковымъ огнемъ воспламеншнншй,

Спрадающшй въ цѣпяхъ за славу, за любовь,

Готовшй пальмою вѣнчашься заслуженннй—

Ншсходшшь въ снш гробовъ.

Вездѣ изгнлшншкш, спрадашльцы злополучны!

Тѣхъ сила грозшл, тѣхъ завшспъ угнела;

И небо, кажешся, сердцамъ великодушнымъ

Гоповшпшь болѣ зла.

Нреспашъ же сшповашь о люшомъ злоключенѣ;

Лшпш сердце слабое нещасшше спрашшшь;

Но ты, шспадшшй царъ! (*) Пущъ гордое прешрѣнше

Оно штебѣ вшущшшь.

(*) Эшо говоршшь Ла.картшнш объ одномъ поэтѣ, гонш-
момъ и нещасшномъ.

Что нужды, что тебя жестокошь удалла
 Опъ милыхъ береговъ спраны твоей родной?
 Что нужды, гдѣ тебѣ почтенная могила
 Назначена судьбой?
 Ни ссылка паякала, ни всѣ гоненья бѣдства
 Къ ней славы навсегда не прикуюшь твоей;
 Ея востребуешь отчизна, какъ наслѣдства,
 Оставленного ей.
 Восплачутъ варвары о злобѣ ихъ неправой—
 Аѳинскій Панпеонъ изгнанникамъ открышь.
 Кориоланъ погибъ, но Римъ своею славою
 Героя славу чинишь.
 Вспуная въ мрачную Плутонову державу,
 Овидій къ небесамъ десницу проспираль:
 Сармату оставлялъ онъ пепель свой; но славу
 Онъ Риму завѣщаль.

Пер. М. Загорскій.

LOGOGRIPHE.

Je suis sur mes six pieds ce qu'on ressent pour vous,
 Otez-m'en deux, je suis funeste à bien des fous;
 Qu'on me réduise à trois, je deviens invisible;
 Et suis ce qui vous rend vive, aimable et sensible.

Въ No 1, помѣщенная анаграмма значить: *Да и Адъ*.

MODES.

Coiffures.—On emploie beaucoup de petites guirlandes ou cordons de fleurs qui traversent le front et viennent former un second tour au-dessus des touffes de cheveux et entourent le bas des coques.

Dans les coques de cheveux et même dans les touffes, on entremêle des fleurs de diverses espèces, que l'on place de manière à bien accompagner la figure. Les unes tombent très-près de la joue, les autres s'élèvent en aigrette. On natte des géranium, des roses, des jacinthes, des oreilles d'ours, etc.

Une jolie coiffure était toute composée avec des branches de pois de senteur, qui étaient placées sur le côté en double fusée, dont une s'élevait et l'autre s'inclinait.

Avec les coiffures de bal on porte toujours des fer-ronnières.

Bonnets. Chapeaux.—Jusqu'à ce jour, les bonnets l'emportent sur toutes les autres coiffures, pour les concerts et les soirées. A la vérité, jamais on ne les a faits plus élégans: nous en avons vu qui se posent comme une fanchon, et qui, garnis de fleurs et de rubans par devant, laissent toute la coiffure du derrière de la tête à découvert.

— La grande question est enfin résolue, et la *passé* du chapeau d'une femme de bon ton est décidément agrandie; mais cette modification n'est encore que pour les modes un peu parées, car à la promenade on voit toujours de charmans bibis à petites passes.

МОДЫ.

Прически.—Въ большомъ употребленіи маленькія гирлянды или шнурки изъ цвѣтвъ, которыя кладутся по лбу, а вполрой рядъ повыше кушпиковъ волосъ и потомъ обершывается внизу пепель.

Въ пепли изъ волосъ, какъ и въ кушпики, вмѣшнваюуъ разные цвѣты; накальваюуъ ихъ шакъ, чпобъ они прикрывали немного лице; иные спущены близко къ щекамъ, другіе подымаюуся султанчиками. Впленаюуъ гераніумы, розы, гіациншы, медвѣжки ушки, и проч.

Красивая прическа соспавлена была изъ вѣпокъ душистаго горошка; они прищиплены были съ боку двойною ракешою, одна кверху, а другая наклонена.

Съ бальными прическами все продолжаюуъ носить ферроньеры.

Чепчики. Шляпки.—До сего дня чепчики имѣюуъ преимущество надъ прочими уборами для концершовъ и вечеровъ. По правдѣ, никогда ихъ не дѣлали шакъ щеголевано: мы видѣли нѣсколькo, которые надѣваюуся какъ *fanchon*, убраны спереди цвѣтами и лентами, сзади вся прическа открыта.

— Наконецъ рѣшенъ великой споръ,—поля шляпки дамы большого свѣта, рѣшительно должно бышь немного болѣе; но перемѣна сія только для нарядныхъ уборовъ, потому что на прогулкахъ все еще видны прелестныя бибисъ съ маленькими полями.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходниъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 3 и 4.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинами модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 11 дня, 1833 года.

Мы зла одинаго во вѣкъ не забываемъ;
Неблагодарности слѣды мы зримъ вездѣ:
Обиды на мѣди рѣзцомъ изображаемъ,
Благошвореніяжъ мы пишемъ на водѣ.

П. Суляроковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ
ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ XVIII
И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

(Продолженіе.)

Досадно слышашъ: *sta viator!*
Иль изъяснялся проспѣй:
Извольте ждашь, вѣшь лошадей!
Когда Губернскій Регистраторъ
Почтовой спанціи Диктаторъ
(Ему шипунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью спавитъ васъ въ туликъ.
Опъ эшаго-то Русскимъ практомъ
Ѣзда не слишкомъ веселишь:
Какъ ѣдешъ—дѣйствіе кипитъ;
Пріѣдешъ—спынешъ за анпрактомъ.

«Всѣ лошади въ разгонѣ!» было первое привѣтствіе ямщицкаго спароспѣ, при входѣ моемъ въ избу; оно не сильно меня порадовало. Бышь не можеть! возразилъ я: меня никпо не обгонялъ, со мною никпо не вспрѣчался.—«Да вышь здѣсь не ямъ, а спан-

ціл!» холоднокровно возразилъ на мое возраженіе спароспа, почесывая запылокъ: «всего 50 лошадей, 6 курьерскихъ, 9 подъ почту. Вчера проѣхалъ нашъ Генераль-Губернаторъ *Николай Петровичъ* на 10-ти коняхъ, да подъ Канцелярією его взято 7, да подъ передоваго 3. И теперь еще извошки, копорые возили Его Высокопревосходительство, не воропились; 20 лошадей запрягли подъ Ея Сіятельство Графиню *Марью Андреевну Троекурову*, 2 охромѣли. Вопъ и весь щѣпъ.»—Лжѣшь, спарый хрѣнь! вскрикнулъ я сердипо: я пойду самъ въ конюшню, освидѣтельствую.—«Пожалуй себѣ, хопъ спо разъ сходи!» замѣпилъ на па-лапяхъ лежавшій молодой ямщикъ, у котораго лице было какъ кровь съ молокомъ и усикки едва пробивались.—Я въ самомъ дѣлѣ насчиталъ подъ навѣсомъ болѣе 20 почтовыхъ лошадей въ хомуцахъ, сыпыхъ и бодрыхъ.—Я сказалъ, что ты лжѣшь, спарый плутъ! закричалъ я на спароспѣ, возвращаясь въ избу: бездѣльникъ!—«Полно, баринъ, лаяться-то, я самъ козырну, такъ уши развѣсишь! Подъ навѣсомъ сполпъ 6

лошадей курьерскихъ, да 9 подъ почпу, которая того и гляди, что на дворъ; оспальныя съ Тверскаго яма: привезли двѣ аспафеты; пеперь раскидывай бобами-по!» — Я спану жаловашься Начальству.—«Плачься Богу, а слѣзы вода!»—Въ запальчивости я было замахнулся, чтобъ его ударить, а онъ самъ, опспавивъ правую ногу назадъ, сжалъ кулакъ и готовился выбить око за око, зубъ за зубъ.—«Тронъ полько, опвъдавшь ямской браги; небо покажется съ овчинку. Видали мы и Енараловъ, не покма такнхъ малочиновныхъ, какъ ваше Благородіе!» Оборотился и пошелъ вонъ, хлопнувъ дверью. Надобно объяснишь здѣсь, что Городня была тогда господская. Она принадлежала славному и, едва ли не славнѣйшему въ Россіи проечному ѣздоку, Александру Петровичу *Белму*. Онъ былъ извѣстенъ *Императрицѣ Екатеринѣ*, которая, побившись объ закладъ съ Графомъ *д'Артуа* (Французскій Король Карлъ X) о томъ, что его привезутъ въ Москву въ двое сутокъ, полагая въ то число 12 часовъ на обѣды и отдохновеніе, поручила сіе дѣло *Белму*. Онъ исполнилъ Высочайшее порученіе къ совершенному удовольствію. *Государыни* поспавилъ Графа въ *Черную грязь* въ 44 часа; на оспававшійся же 28 верспъ употребилъ болѣе 5 часовъ. Такимъ образомъ великодушная *Монархиня* показала Французскому Принцу, что Она выиграла бы закладъ, по соблюдала законы госпепрїимства, проиграла оный. Изгнанникъ Графъ *д'Артуа*, находившійся тогда въ крайности, получилъ изъ Кабинета *Императрицы* 100 п. рублей не въ видѣ подарка или пособія, а какъ сумму, ему по праву принадлежащую.

«Вопшь какъ молодецки шагнулъ я: изъ избы во дворецъ! Сущность дѣла соспоишь въ томъ, что *Белмъ* избаловалъ креспьянъ села Городни. Они сдѣлались грубы, буйцы—и, прижимали безгласныхъ провзжихъ, выжимая изъ нихъ деньги. Я же, хопя и сеншменпальный пупешеспвенникъ, не былъ не полько гласною, но даже и полугласною буквою, соспоя тогда лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку кашпенарусомъ; а это по табели о рангахъ равнялось съ буквою ѡ, или,

много, много съ ѡ!!! Принявъ сіе немаловажное обсполпельство въ соображеніе, и, просидя въ чадной избѣ болѣе прехъ часовъ, я рѣшился нанять вольныхъ. Это же пришлось *кстати*. Ямщика *кровь съ молоколнз*, размещавшаго по обширнымъ палатамъ богатырскіе члены свои, укусилъ клопъ: онъ проснулся, низвелъ голубые очи свои съ превыспренней долу—и увидя меня, вскрикнулъ: «эхъ, баринъ! напрасно вы прапипте золотое время; еслибъ вы давича прибавили мнѣ къ прогонамъ, по пеперь мы давно бы въ Твери ликовали! А кони-по, кони-по: лишь держись!»—А сколько хочешь пы прибавки?—«Бездѣлицу: по три копѣйки къ прогонамъ за верспу на лошадь!»—Да выпъ указныя-по прогоны по 2 копѣйки; такъ пы хочешь взять въ 2½ раза, да еще и называешь это бездѣлкою!—«Ваша воля давашь и не давашь; выпъ мы васъ не принуждаемъ. Мнѣ пупъ выдупъ не велики барыши. Здѣшніе ямщики возьмутъ срыву, мепнутъ жеребій—и я долженъ буду снять у того, кому везти тебя доспанется.»—Я не зналъ вашихъ обычаевъ. Это несправедливо.—«Немы одни, всѣ люди живутъ неправдою!—Такъ и бынь, запрягай!»—Пока ямщики копались: подмазывали, запрягали; я велѣлъ сдѣлать себѣ личницу, а *Яковъ* съ похмѣлья давно опорожнилъ селянку изъ коренной сомовины съ кислую капустною, солѣными огурцами, укусомъ и перцомъ. Мы полешѣли, а не поѣхали; дорога шла изрядная, погода спояла ясная съ морозомъ—и все бы хорошо, еслибы злодѣй-ямщикъ переспалъ орашь пѣсни, опъ которыхъ, хопъ пресни, не было ни складу, ни ладу. Разъ десять я принимался унимать его, однако не могъ; вопшь, что называется: охота смертная, а участь горькая.

И подлинно зацѣлъ,

Да полько лишь совсѣмъ особымъ складомъ:

То онъ ницалъ, по онъ хрипѣлъ,

То верещалъ козлѣнкомъ,

То не пупемъ

Мяукалъ онъ котѣнкомъ.

«Въ Твери содержалъ тогда госпинницу для провзжихъ *Ипаліанецъ*, котораго имя

копья и не сохранилось для потомства, также какъ имена героевъ, жившихъ до *Атрида*, но достойно было безсмертія. Комнаты его были со вкусомъ меблированы, столовое бѣлье и посуда чисты, кушанье свѣже, прислуга порядочно одѣта и расפורна. Соотечественникъ *Тасса* былъ разговорчивъ и, сверхъ другихъ похвальныхъ качествъ, любилъ и ободрялъ поэзію: о семъ его достоинствѣ, общій залъ, исписанный стихами на всѣхъ языкахъ, письменно свидѣтельствовалъ. Хозяинъ не позволялъ спирать ихъ, кромѣ пѣхъ случаевъ, когда благоприспособность того требовала.

«Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ: я рѣшился прожить въ Твери до совершеннаго успокоенія души и возстановленія тѣлесныхъ силъ, и для того взялъ номеръ. Пообѣдавъ такъ, какъ давно уже мнѣ не случалось, я пошелъ бродить по берегамъ Волги, заходилъ въ Соборъ, въ Народное училище, въ Семинарію, въ шюрму....

Пловцевъ брадапыхъ на спрутахъ

Быль слышенъ съ шумомъ оплывикъ дождой;

И широко играла Волга

Въ заповѣдныхъ своихъ лугахъ.

«Я возвратился на кварширу въ 8 часовъ по полудни. Мнѣ подали порцію чаю въ общую комнату. Проѣзжіе на мое щастіе перемеджились, и я, куря табакъ и запивая чаемъ, имѣлъ досугъ не только прочитавъ, но и списать стихи и прозу, показавшіяся мнѣ болѣе другихъ интересными. Не спрашивайте: почему? Вы не добьетесь отъ меня никакого толку. Совѣтую вамъ лучше прочесть списанное мною со стѣнъ прапира (*). Скажу только, что я набрался изъ нихъ много ума, чего равноѣрно желаю моимъ чипапельницамъ и чипапелямъ.

(*) Здѣсь есть анахронизмы. Вѣроятно, авторъ сихъ дорожныхъ Записокъ, нѣсколько разъ въ разные времена проѣзжая изъ одной столицы въ другую, добавлялъ свои выписки новыми стихотвореніями, кои находилъ онъ вновь написанными на стѣнахъ Тверской гостиницы *К.*

I.

Стихи и проза, списанные съ капитальной стѣны, которая на право изъ дверей коридора и на которой висятъ эстампы, изображающіе четыре времени года.

a.

Владѣла пишина на сушѣ, на водахъ;
Пріяненъ воздухъ былъ; чухъ упра свѣтъ бѣдѣлся;
Зефиръ лобзалъ цвѣты, воспокъ едва красѣлся
И смершнѣй вслѣхъ вкушалъ покой во всѣхъ справахъ.

*

Ужъ кони попоаютъ, огонь видѣнъ въ ихъ глазахъ;
Почти пухъ Богу дня отъ солнца весь зардѣлся;
Ни пучки не было—небесный сводъ синѣлся;
На колесницѣ Фебъ—онъ здѣсь—и весь въ лучахъ.

*

Въ то время, Машенька прекрасна выходила;
Своею красотою она всѣхъ удивила—
Ея казался видъ пріяпнѣйшій всѣмъ свѣтъ.

*

Свѣтило дневное! ты не гордишься собою;
Хоть украшаешь міръ уже такъ много лѣтъ,
Ты поже передъ ней, луна что предъ побою!

Ив. Аристовъ.

б.

Экспромтъ во время стрѣльбы изъ пушекъ.

Хоть спрашенъ пушекъ гролъ и кажется для насъ,
Однакожъ ничего въ сравненіи милыхъ глазъ:

Однѣ, пуская гроль, насъ только устрашаютъ:
Другіе въ сердце къ намъ стрѣлами пролепаютъ.

Князь Кузусевъ.

в.

*Духъ и чувства, стѣтующіе надъ гробомъ.
Драматическій діалогъ.*

Кровавый съ сѣвера на твердь воспекшій сполтъ!
Почто часъ отъ часу багрѣешь ты сильнѣе?...

Скозь ни румянся ты—кого покишилъ гробъ,
Той лѣпоша тебя и яхонша краснѣе....

Петръ Побыдоносцевъ.

Здѣсь вѣчный гласъ уможъ; но эки повпорали,
Ревущи громъ въ ихъ кимвалахъ ударали,—
И се! въ восторгъ арю: единый изъ духовъ

Вспунилъ въ хранилище божественныхъ даровъ.

Открывъ съ почтеніемъ судьбъ златую урну,

Онъ взялъ небесный миръ и пишину безурну;

Помомъ въ ней взялъ вѣнецъ, силеменный изъ оловъ,

И, наконецъ, лучемъ чресла свои обвивъ,

Вспунаешь въ пучъ, взмахнувъ сафирными крылами.

Лешипъ, обремененъ безцѣнными дарами;

На радужныхъ зыбяхъ изъ молніи черны

Кладешъ онъ по слѣдамъ, спремая съ высоты.

Съ невообразимую несяся быспроую,

По сферамъ сыплешъ огонь онъ ногъ своихъ грядою;

Опъ крылъ лешащій вихрь свѣшили съ мѣспа рвешъ;

Шагнешъ—и шагъ его чрезъ пыскы планешъ;

Рукой гигантской онъ объ солныцъ опираешъ;

Опъ исполнинскихъ ногъ сводъ неба колебалешъ;

Трещашъ подъ нимъ міры—прясешъ свѣта ось—

Крыломъ махнешъ—и се! бѣгущъ кометы врозь.

Ужъ пушникъ сей прошешъ блиспающа громады,

Перелешъ міровъ вѣхъ звѣздныхъ мірады,

И доу опускаешъ по солнечнымъ лучамъ,

Поспѣшно онъ хотѣлъ предспасть пого очамъ,

Котораго Творецъ въ злодѣйствахъ всѣхъ прощаешъ—

Какъ вдругъ ужасный звукъ слухъ Ангельскій смущаешъ—

То былъ Перунъ, съ небесъ несомый буръ крыломъ,

Чреватой молніей, одѣшый въ вихрь и громъ.

Багрово зарево по сферамъ разливалось,

Свистяще эхо буръ громами прерывалось;

Клубился въ шверди дымъ, когда Перунъ лешъ,

И млечный пучъ подъ нимъ, какъ деспъ, казалось, шдѣлъ.

Степанъ Смирновъ.

О пѣнь Апридова! героя грозна пѣнь!

Для призы въ чеспъ твою сей посвящаю день.

Молю тебѣ, да симъ твоей ярый гнѣвъ смятчися,

Да мершый мой супругъ со мною примирися;

При жизни ты умѣлъ преспушниковъ прощаешъ,

По смерти—въ будешъ имъ изъ гроба отомщаешъ?

Судьба меня съ тобой навѣки разлучила;

На время въ сердцѣ семъ я чувсва умершвила;

Минушу предъ тобой измѣницей была;

Минушу... но сей мигъ я съ вѣчноспью спрягла!

Грузинцовъ.

«Смѣю ли выговорить тебѣ, о чемъ думаю—къ несчастію, давно и не безъ основанія?... Живѣйшее огорченіе дѣлаешъ меня нескромнымъ: просипте сильному, невольному чувспву сердца!... Мнѣ кажешся—вопъ шайна моя—что ни въ какомъ соспоянці, ни

въ какомъ ремеслѣ, нигдѣ на свѣпѣ *зависть* и *ненависть* не оспряпѣ болѣе жалъ своихъ, какъ между авпорами... (конечно не паками, которые имѣютъ испинный паланпъ)! Не спану и не умѣю изслѣдовапъ, опъ чего это; не буду брапъ примѣровъ, изъ писапелей древнихъ и новыхъ, а скажу полько слова два о *Сверномъ Вѣстникѣ*, на который упала слеза моя... «Слеза?»—Такъ почно—и свидѣтельспвуюсь небомъ, что не *мнимая*, но испинная, пламенная, сердечная!

Князь Шаликовъ.

О всемогущій Боже! сице
Сердца Царей въ швоей десницѣ.

К—ль.

Tchatirdag. Son nom signifie la montagne de la tente; parceque elle a éffectivement la forme d'une tente.

Имя Шепирдага значить гора *Теткина*; въ самомъ дѣлѣ она походипъ на *тѣтку*.

Ис. Сильгиревъ.

Ударъ меча по плечу широкому былъ его опвѣпъ; запылало гнѣвомъ сердце кропкое *Владислава*, и оспрое копые его вспрѣпилось съ швердою грудью хищника; брызнула кровь черная,—опуспилась рука сильная, и злобный бойринъ, какъ снопъ, покапился по песку глубокому.—Скоро сбилось по ихнему.—Быспро бѣжали успалые кони; бѣлая пѣна клубилась по ихъ бедрамъ широкимъ.

Егоръ Аладбинъ.

Я васъ дарю почти ничѣмъ,
И знаю, оппѣ мой—маранье:
Но все онъ вашъ—онъ вашъ за пѣмъ,
Что въ вашей власпи все мечпанье.

Владимиръ (Платоновъ) Дмитриевъ.

Смершъ скачешъ по валамъ и дѣлшпъ олопъ на частпи.

Грузинцовъ.

Раздоръ, шипящими эхиднами увипшій,
Терзающъ самъ себя, злодѣйспвами не сыпшій,
Запекшуюся кровь изъ черныхъ ранъ шоча,
Пылая яростью, зубами скрежеша.—

Раздоръ, отецъ вражды всепагубной, зловерной,
 Взоръ огненный и зракъ чмѣя мрачный, блѣдный,
 Изъ лютыхъ змѣй власы, свирѣиспво на челѣ,
 Касается главой—небесъ, спопой землѣ,
 Течешь какъ вождь, впреди, клеверповъ сонмъ пред-
 водитъ,
 Возрѣнемъ душевинъ и въ шрепешъ ихъ приводишь;
 Пылающъ пламенникъ въ рукѣ его горитъ,
 Раждаетъ смрадный дымъ, пѣмъ яркихъ искръ спремилъ;
 Повсюду сыплются, какъ инѣи сверкающъ,
 Падущъ лишь гдѣ, шамъ бѣдъ пожары зажигающъ.
 Во слѣдъ его сѣшашъ безпрепешной ногой:
 Изсохша ненависть, перзаема поской,
 Своекорыспіе, что все своимъ счашаешь,
 Которое ничѣмъ довольно не бываешь;
 Злопамашлива месшъ, носяща въ сердцѣ ядъ—
 Блеспишь, какъ углѣ горящъ, ея злодѣйскій взглядъ;
 Крамолы, зависть, злоспъ, коварны ухищренья,
 Недовѣряющъ себѣ самимъ сомѣнья,
 Гордыня, клеветы, обиды и хулы,
 Всѣ, несогласіе производящи, злы—
 Свирѣпаго вокругъ полняща исподина:
 У всѣхъ, воспламеняшъ огонь брани—цѣль едина.

Иванъ Поповъ.

II.

Стихи и проза, списанные съ капитальной стѣны, которая на лѣво изъ дверей коридора, и на которой висятъ въ черныхъ рамахъ эстампы, изображающіе торжество Венеры, шествіе Фетиды по морямъ въ колесницѣ, освобожденіе Ариадны и сошествіе во адъ Геркулеса.

Рожденіе смѣха.

Чашапели, кто хочешь знашь
 Какъ появился смѣхъ на свѣшъ?
 Прошу покорно прочашашь,
 Вошъ басенка о семъ предмешъ.
 Прошло, не помню, сколько дѣшъ
 По сотвореннѣ челоука;
 Положимъ, что прошло полвѣка,
 Ошъ эшаго убышку нѣшъ.
 Одной дѣвицы зубы
 Разгнѣвались на губы,
 Илѣ, шакъ сказашь, на скромность губъ.
 Одинъ послалъ къ Зевсу зубъ
 Изъ зубья своего Сенаша,
 Въ одеждѣ депушаа.

Явился зубъ предъ Зевса прощъ,
 На губы жалуется онъ,
 На прищѣсненъе ихъ доносишь,
 И такъ Юпитера онъ просишь:
 Вели, о Зевсъ! губамъ отверспые отворятъ,
 Почаще вверхъ и внизъ вели имъ шевелитъся,
 На нашу бѣлиану чшобъ всѣ могли вирашъ
 И ео чшобъ могли пѣвншъся.
 Внялъ просьбѣ ихъ Зевесъ
 И приказанъе далъ съ небесъ,
 Чшобъ кинули всю скромность губы.
 Съ шѣхъ поръ дѣвицы скаляшъ зубы
 И смершныхъ родъ смѣпся весь.

Масловитъ.

Ты дремдешъ, владыко! Владыко, пы
 дремдешъ!

К—нѣ.

Книжная лавка.

Послѣдній солнца лучъ сверкаетъ за горою!
 Повсюду шумъ глухой: запоровъ и ключей;
 Изъ лавокъ, погребовъ, медлительной спочою,
 Идущъ за самоваръ купцы къ семьѣ своей.

*

Здѣсь мрачно!... Книгъ ряды прилавки опягчающъ
 И въ смершной пишинѣ на полкахъ предспоаяшъ,
 Громады сверпковъ, кипъ, пол-лавки занимающъ
 И подъ прилавками безмолвныя лежашъ....

*

Лишь изрѣдка, съ высотъ подъ пополокъ взнесенный
 Огромный фоліаншъ, опъ смѣлаго поччка—
 (Копомъ-ошщельникомъ илѣ крысой попрысанный),
 Лешинъ—и падаешъ, измятый, съ высока!...

*

Подъ сводомъ каменнымъ сей лавки погребены:
 Романы, повѣсти, поэмъ обширный рядъ;
 Здѣсь проза Русская, стихи переведенны—
 Забышны, въ пыли, сиомъ безпробуднымъ спятъ!...

*

Журналовъ грозна брань, сердитыя посланья,
 Ни плескъ, ни похвалы, ни даже ѣдкость словъ,
 Ни рецензешна судъ, награды, ожиданья—
 Ни что не воскресишь забытыхъ мершвецовъ....

*

О славѣ будущей, о похвалахъ мечпалъ,
 Не будущъ ихъ шворцы, какъ мылтыхъ чадъ хвалишь,
 Число листовъ и всѣ шворенья изчисля,
 Чшпаньемъ бѣдняковъ зѣвающихъ моришь.

*

Пусть гордый *Аристархъ* ихъ жребій презираешь,
Смѣясь заброшеннымъ на снѣдь червей прудамъ,
Пуускай немногимъ онъ безмерные общаешь—
И Лепскою водою кропишь по чердакамъ...

*

На всѣхъ яришься смертн!... Какъ *Ливія Декады*,
Сопутница вѣковъ—такъ всѣхъ она пожнѣтъ:
И *Тасса*, и пворцовъ *Георгикъ*, *Лузіады*,
Равно въ гробъ вѣчнаго забвенія сведѣтъ!

*

А вы, *Гораціемъ* и *Боаломъ* прельщены!
За чѣмъ же спящихъ здѣсь сплщипте презирашь,
Чпо въ мракъ невѣжества и въ глухость обдечены,
Едва родясь, они спремилнсь умирашь?

*

Напрасно гени, какъ будто полубоги,
Умомъ по правиламъ безсмертны бышь хопяшь;
Вопще бѣгупъ они опъ общей всѣмъ дороги—
Всемощныя судьбы они не опврашяшь...

*

Ужель забвеніе, смягчаясь похвадою,
Омара дерзкаго добычу возврашншь?
Греми, *Гомеръ!*... Клянусь поэмою большою:
Лѣтъ пыскъ черезъ плънь—пы будешь позабышь!

*

А чпо для вѣчностн цпашъ дѣсячь дѣтъ или бохъ?
Не всель одно, чпо мигъ?... Здѣсь въ давѣ всѣ равны:
Одинъ шедъ малый пупъ, другой процедъ подохъ,
На полкахъ всѣ равно въ пылн погребены!

*

Кпо знаешь, можешь бышь, вопъ здѣсь въ углу пашпся
Пракъ оды громкн, способной разсмѣшншь;
И, старыхъ книгъ жидецъ, червь тощнй шевелнпся:
Въ поэмъ, чпо въ крмѣрь дурачеспвъ можешь бышь!

*

Безславемъ славнпся въ попомкахъ опдаленныхъ,
Сей рокъ, блестящнй рокъ имъ не былъ обречень;
Увы! безвѣспностн цѣльми опятченныхъ,
Лнспы и перелѣтъ мышцамъ доспались въ плѣнь...

*

Бышь можешь, сверпокъ одъ, галдмашнобразчкь,
Паукъ въ сѣпяхъ своихъ опъ зоркнхъ глазъ запкалъ;
Бышь можешь, съ рыбою или съ икрой прикачнкъ
Полнома глупоспей изъ лавки распаскалъ...

*

Бышь можешь, новая въ спнхахъ *Телемахида*
Для скужн—золото, для вкуса—смертнпный врагъ;
Памела новая, *Дсйдамія*, *Таврида*
Иль новнй *Мирамондъ* погребены здѣсь въ прахъ.

*

Гремѣшь на сѣверъ безсмыслнхъ главою
И пол-опечеспва заспавншь задремашъ,
Запъмншь и *Бавн* и *Мевн* собою
И скукой много дѣтъ чнпашпдеей перзашъ.

*

Немногимъ рокъ суднлъ!... новмѣспъ съ сочиненьемъ
Онъ съ ихъ погнбелю преграды положнлъ —
Скрывая давкн въ мракъ и поразнвъ неплѣннемъ,
Въ провинціяхъ вводншь вкусъ глупнй запрешнлъ.

*

Забывши долгъ родства, прнлчнтя и чеспн,
Опъ дѣдовскнхъ спнховъ заспавншь насъ зѣпашъ,
И за пвореніемъ печашнымъ въ дѣтъ, въ при деспн,
Давно-умершаго заспавншь проклнпашъ.

*

Скрываясь опъ мнрскнхъ погнбелнхъ волненнй,
Смѣщали въ свой черѣдъ современныхъ они;
И соннщца невѣждъ, въ воспоргакъ наслажденнй,
Чнпали—даже нхъ хвалнлн цѣлы днн.

*

И вопъ!... всему конецъ!... Здѣсь лавка, какъ моглнла;
Здѣсь плѣпъ переплѣпъ, и проза и спнхн:
Бумага на себѣ чупъ образъ сохрнпла;—
О! воздохнемъ объ нхъ: здѣсь авторскн грѣхн!

*

Любовь роднпельска нхъ въ переплѣтъ сокрыла;
Бумажкн, папкою и кожей облека;
Злппыми буквами пнпшулъ изобразнла,
Съ надеждою гордою на полкн вознесла.

*

И кпо же написавъ, печашпашъ удержался?
Кпо оду, псоню, басню забвеню самъ опдалъ?
Кпо выслушашъ себя другимъ не навязался,
И прозу и спнхн спокойно изрвалъ?

*

Ахъ, нѣтъ... поэтъ умреть спнховъ не покндалъ!
На смертнпный одръ глядншь—и спопы бѣпшь рукою—
Онъ уморншь гошпвъ прагедю чнпашъ;—
Онъ вѣчно смѣлъ и гордъ, доволенъ самъ собою!

*

Въ оводной лавкѣ онъ на проданны пудамн
Свои пворення глядншь одушевденъ;
Печашнпый пашнпшь лнптъ, замараннпый сельднпн;
«Мои спнхн!» крчпншь, воспоргомъ вспламененъ.

*

А вы, пѣвцы, друзья—на чердакахъ сѣднцн!
И вамъ ударншь часъ послѣднй, роковой!
Мелькнѣтъ немного дѣтъ—и, будто шѣнь бродящнй,
Прнденъ, друзья! прнденъ дрожащю стѣпной.

*

Помѣщикъ, дворянинъ Зарайска или Тамбова
Зайдешь къ Шарлеву, къ Зайкину, къ другимъ,
Иль спросишь можешь бышь и въ давкъ Глазунова:
«Чи кипа шамъ спиховъ и съ именемъ какимъ?»

*

Увы! купецъ-злойдѣй, качал головою,
Такъ будешь сельскому прищельду говоришь:
«Прозябшій въ махъ плодъ ты видишь предъ собою,
Спихи умершіе шворцовъ, гошовыхъ живишь.

*

«Мы часно видимъ ихъ: полною говорливой
Приходяишь къ намъ они, полкуюишь о спихахъ,
И полько въ горести безпечной, молчаливой,
Сидишь обруганный журналами чудака.

*

«Нерѣдко ввечеру, скипялся за нами,
Они приходилъ къ намъ чай съ ромомъ, съ водкой пишь,
Продашь прагедію, умучилъ насъ спихами,
О переводѣ вновь романа говоришь...»

*

«Но часто—нѣтъ слѣдовъ!... День цѣлый не являлся....
Когдажь поешь къ себѣ дня два не приходилъ:
Тогда—бѣда!... его ты долженъ опасаться;
Онъ бышенствомъ спиховъ два дня измученъ былъ!»

*

«Но, слышишь шумъ?... Бѣги ты встрѣчи-сь чудаками!
Бѣги, спасай себя отъ прозы и спиховъ!

Узнаюишь, окружаишь, зарѣжуишь какъ ножами;
Ты въ грусти проклянешъ и Феба и пѣвцовъ!»

Николай Полевой.

Я, не полько чпобѣ самъ рѣшилъ пи-
сать спихи, но съ нѣкопорого времени по-
перлъ даже прежнюю охоту и чипаишь
ихъ, и если чипаю: по не болѣе прехъ или
чепырехъ изъ нашихъ поэповъ.

Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ.

III.

*Стихи и проза, списанные съ надворной
стѣны общей залы, гдѣ находятся карти-
ны: кабанья и оленья травля.*

Эпиграмма.

Спихи я написалъ,—и не поешь, просниши, виноваты!

Казниши крипикой—спердию, хопя не радъ,
Пусть вѣчный пропоюишь спихамъ моимъ покой.

Но я, на зло Зондамъ, останусь самъ живой.

В. Васильевъ.

Вопь робость слабая, пріявъ пѣлесный видъ,
Отъ Дона до Москвы спеналочи лепишиъ,
Облившись горькими отъ ужаса слезами,
А вѣромчивость сѣпая, безразсудна,
Въ неосновательныхъ доводахъ неоскудна,
Просперши къ робости спеняющей ушеса,
И на обманщицу вперивши очеса,
Въ долинахъ спранспуеишь, пустыни протекаетъ,
Лѣсами пѣмными, спеная, пробѣгаетъ.

А. Анфиловскій Орловъ.

Донъ! Донъ!

Печальный звонъ.

Друзья, родные плачуишь,

И надъ покойникомъ прегорьки слѣзы льюишь.

Такъ все идешь: кому печаль, а черви скачуишь!

Вишь шипца имъ, кого на праздникъ имъ неосуишь,

Несуишь-по червеморца.

Ту чѣршву черви съѣдъ никакъ не угрызуишь

И съ голоду номруишь.

Книгопродавцы ли шакъ могуишь позабыться,

Чшобъ червямъ послѣ нихъ было чѣмъ поживишься!

Евстафій Станевскій.

Меня въ поля мои родныя

Когда бы могъ кпо возвратишишь—

Ужъ шакъ ли-бѣ спалъ я шамъ любить

Балны очи голубыя!

Николай Муравьевъ.

Я водку лучше почипаю:

Пріяпныхъ нашихъ всѣхъ забавъ,

Полезный табаку и чаю,

Она храниишь желудокъ здравъ,

Лечу на сѣверъ и воспокъ

Въ весельяхъ мысляхъ безъ кручины,

Пока горѣлки ешь глоспокъ.

Феохтистъ Угловъ.

Какъ часто свѣшь идешь верхъ дномъ:

А отъ шого, что все случайно!

Въ немъ злое смѣшано съ добромъ.

И словомъ: свѣшь прямая шайна-

Въ примѣръ воземъ себѣ войну:

Одна намъ лавръ и честь приносишь,

Другая-жъ намъ подобныхъ косишь,

И весь расчешъ: ни шпру, ни ку!

Вашинскій.

Русской съ Французомъ
Врагъ по ушру,
Другъ ввечеру.
Сродниковъ прощя,
Объ руку бьющя,
Пьющя и поющя.
Ярмарка въ роцѣ,
Въ сердцѣ воспоргъ!
Вечерь прекрасный,
Кудля и шоргъ;
Говоръ пьму-гласный,
Шумъ, суеша;
Русская чивоспъ,
Жипшелей живоспъ,
Лицъ красоспа;
Умъ Парижанокъ,
Пѣсни, вино...
Бездна приманокъ,
Спишы въ одно
Щаспьемъ міра.

Князь Александръ Шаховскій.

IV.

*Стихи, списанные съ простѣнка между об-
щею залогою и комнатого, въ которой каминъ
съ зеркаломъ и бюсты: Петра Великаго, Ло-
моносова, Суворова и Сенатора Князя Якова
Федоровича Долгорукаго.*

Галдъ армію полсвѣшну
Къ завоеванію вчинилъ;
Ордъ силу, въ шоржеспвѣ не смѣшну,
Въ гигантскихъ мѣрахъ упредилъ...
Она проспердася предъ нами:
Объемлешъ пакиши съ лѣсами,
Равнины, круши, дали, близкѣ, —
Тактическія всѣ предметы,
Всѣ спратегическія мены,
Смѣшенья съ высопами низъ.
Въ Шевардинѣ—гроза напора,
Въ Доронинѣ—подшами пьмы,
Въ Алексинкахъ—ряды собора,
По Войнѣ сонны—спьमितъ умъ...
Корсѣ полчища посспавилъ зѣльны
Окреспъ Рыгачева и Ельны,
Предъ Фомкиной по всѣмъ мѣстамъ,
У Рапова въ разлогахъ сжапыхъ,
Головина—въ долахъ покашыхъ...
Въ Валуевѣ—воипедъ самъ!

Павелъ Саткинъ.

Предай мнѣ испину, вѣками сохраненну,
Ты въ силахъ учини мея еѣ воспѣшь.

Н. Цибульскій.

Въ день ихъ свашьбы на балконѣ,
Какъ два Ангела спояшъ
Въ посребреномъ балаконѣ
Мило на народъ глядяшъ.

Князь Григорій Хованскій.

Я Музъ ничѣмъ не умолилъ:
Онѣ, какъ женщины, упрямы,
А я упрямы—зане дуракъ.
Ошъ гнѣва Музъ не унываю,
А все пою да припѣваю:
Дурацкій кстати мнѣ колпакъ.

Владимиръ Филимоновъ.

V.

*Стихи и проза, списанные съ двухъ уго-
ловыхъ простѣнковъ, между праваго окна и
дверью.*

Пчелка! какъ въ свѣтѣ пы полезна,
Ты и спрашна, пы и любезна;
Для блага смертныхъ пы живешъ;
Ты пишу имъ, пы свѣтѣ даешъ.

Егоръ Цвѣтковъ.

И еслибъ не былъ онъ (женскій полъ) для насъ необходимъ,
Творецъ швореніемъ не занялся бы симъ,
Въ копоромъ пользы нѣтъ, окромѣ полько худа,
Вреда всеобщаго.—То для какого-жъ чуда
Онъ былъ бы сошворенъ? И коль не для добра,
То изъ Адама Богъ не вынулъ бы ребра.
И пакъ, какъ всяка частъ намъ пѣла драгоцѣнна,
То Евою она Адалму замѣщенна.

Н. Телпневъ.

Спранно сердце человѣческое! Чего оно
всегда жалаешъ? чптобы часы жизни шли
какъ можно скорѣ.—О чемъ оно всегда жа-
лѣешъ?—Чпто скоро прошли они!

И... чпто же дѣлаешъ бѣдному сердцу?...
Не подвязывая крыльевъ времени, надобно
помипься подъ свинцовою его пятгоспю;
подвязавъ — испынаешъ учаспъ Икарву...
Бездна скуки ожидаешъ васъ изъ за-облакъ
наслажденія! Таковъ законъ природы!

«Чпто оспалось мнѣ послѣ удовольспвій мо-
ихъ?—Воспоминаніе—и полько!... Не все ли

кончился *воспоминатель*?... Здѣсь было по, тамъ было другое, тогда было такъ!! Вопль общее и всегдашнее повтореніе романа жизни нашей!»

Такъ думалъ я, *прощаясь толивыми глазами съ незабвенною Полтавою*... Синяя завѣса воздуха скрываетъ её—и *сердечный вздохъ мой* сказалъ ей послѣднее *прости!*

Князь Шаликовъ.

VI.

Стихи и проза, списанные съ простынка между львинымъ окномъ и надворнымъ львинымъ угломъ.

Онъ Пешербургскій видѣлъ свѣтъ;
И деликатность обращенья,
И дымъ полипыки густой
Ему не были новизной.

Н. Муравьевъ.

По мнѣ издавайте все
Газеты и журналы—
Купцы, подьячье, капралы,
Лишь не мѣшайте мнѣ.

Лебедевъ.

Басня.

Сюда! другъ другу все вскричали;
Нельзя дешево продавать;
И опрометью все бѣжали
Туда чего-то покупаешь.
Съ деньжонками монни
Я бросаюсь за ними...
И чтожь увидѣлъ?... возъ
Родовъ различныхъ смѣлъ.
А! а! пворцы стиховъ и прозы,
Узналъ и я теперь,
Гдѣ вы свои бережете слѣзы...
Вопль такъ ихъ чувствую въ рѣ!

Евстафій Станевичъ.

VII.

Проза, списанная съ средняго между оконъ простынка, на которомъ некогда повѣшено было зеркало.

Для чего я жилъ до сихъ поръ? Для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что занимаю мѣсто въ системѣ эфемернаго бытія?... За чѣмъ эпо чувствительное

сердце въ груди моей? За чѣмъ сіи мысли въ голову у меня?... Грущу, поскую, лью слѣзы о себѣ, о ближнемъ—и больше ничего!

Думаю о челоѳическѣ, о спранный судьбы его, о величіи и ничтожности, о суебности и заблужденіяхъ, о щастьи и гореспяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ спраспей,— разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, измѣриваю и... беру посохъ свой, иду въ поле съ пѣмъ, чтобы облегчить голову—и ни о чемъ не думаю!

Къ чему же служашъ мнѣ: моя чувствительность, мои разсужденія?

Князь Петръ Шаликовъ.

Конецъ.

Если бы моимъ милымъ чипапельницамъ, копорыхъ перпѣніемъ не могу нахвалиться, показались сіи выписки слишкомъ длинны, длинны, длинны: то мы опрѣчали бы имъ: вы правы, но за то онѣ сладки, сладки, сладки.

Могло-бъ досадно быть ушамъ,
Когда чипапели-Зоицы,
Завопяшь: Sta, viator! намъ
Тащиться за тобой нѣтъ силы.
Но къ припязаньямъ дерзкихъ лицъ
Въ насъ, къ щастью, самолюбье глухо,
И золотомъ, какъ у дѣвицъ,
Завѣшано для брани ухо.
И такъ, пока нѣтъ лошадей,
Перомъ досуждымъ погуляю...
.....
.....

«Но въ эпопѣ самый мигъ, когда я, очинивъ карандашъ и сложивъ въ осьмушку бѣлый листъ бумаги, предпринялъ было новое нашеспіе на спѣны Тверской госпинницы, вошли ко мнѣ Смотритель съ подорожною, пракирный Нѣмецъ съ рѣхпунгомъ (сѣпомъ), мой Яковъ Ильинъ съ докладомъ, что повозка подвезена, привезшій меня ямщикъ съ просьбою на водку, новый съ пребавніемъ впередъ прогоновъ, лысый спарикъ съ кружкой—на церковное спроеіе, хромоногая спаруха съ паредочкою—прося подаля

ня на Богадьню, безрукій пицій и толпа ребятишек—милоспынк. Раслашась и раздавъ всѣ мѣлкя деньги, опромезью бросился я изъ избы. Ухарскій ямщикъ свиснулъ—и мы помчались какъ изъ лука спрѣла въ село Мѣдное.»

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

ДОБРЫИ НАЧАЛЬНИКЪ!

Одному пщеславному и просповапому Начальнику подчиненные его безпрестанно говорили, что они *имѣютъ щастіе* донести... *имѣютъ щастіе* служить подъ его начальствомъ... *имѣютъ щастіе* находиться при его высокой Особѣ.

Онъ до того привыкъ къ сему возгласу, что спросилъ у одного, вновь къ нему опредѣлившагося чиновника, ни разу не употребившаго сего выраженія:

«*Вы, кажется, несчастливый!*» Сей вопросъ удивилъ его.

— Почему вы такъ мыслите? —

«Потому,» отвѣчалъ начальникъ: «что-вѣ у меня служащіе твердятъ мнѣ, что они *имѣютъ щастіе*, а вы мнѣ ни разу не сказали, и даже не намѣкнули, что *имѣете щастіе*; и такъ, прошу васъ, сказать мнѣ безъ обиняковъ, не имѣете ли вы въ чемъ нужды, на примѣръ, въ прибавкѣ жалованья, въ моемъ ходатайствѣ?»

Догадливый чиновникъ попросилъ жалованья—и получилъ значительную прибавку.

Добрый Начальникъ!

Н. К.

К О Ё - Ч Т О .

Малорослый человекъ, роспомъ съ пальчикъ, завелъ ссору съ великаномъ. Послѣдній въ запальчивости сказалъ первому: «если ты еще позволишь себѣ произнести хотя одно обидное слово: то я посажу тебя въ карманъ!—*Лучше въ свою голову, возразилъ карло; тамъ гораздо просторнѣе.*»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ

въ Мадридѣ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1809 года я принадлежалъ къ штабу Мадридской крѣпости. Губернаторомъ ея былъ храбрый Генералъ *Беллиаръ*, недавно умершій въ Брюсселѣ самымъ неожиданнымъ образомъ. Алькадь, или коррежидоръ, не знаю точно кто изъ двухъ, отвелъ мнѣ кварширу въ домѣ одного богатаго гудалго, по имени Дона *Переца д'Ивики*. Сей благородный Испанецъ жилъ долгое время въ Эль-Пуэрто-Санта-Маріи, но за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ поселился въ Мадридѣ. Донъ *Перецъ* былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, посѣдѣлый, но еще бодрый, здоровый и крѣпкій, высокаго роста, и хотя суроваго вида, но ласковый. На лицѣ его, сохранившемъ еще нѣкоторую пріятность и свѣжесть, почти всегда изображалось спокойствіе; но бывали, однако-жь, минуты, въ которыя это спокойствіе покидало его, и тогда густыя брови Дона *Переца* сжимались, большіе черные глаза сверкали, цвѣтъ лица спановилъ блѣднымъ, губы судорожно дрожали. Эти случаи были рѣдки и мгновенны, но тѣмъ не менѣе ужасны; опгадавъ или объяснивъ ихъ причину было бы не легко; они казались слѣдствиемъ какой либо пайной мысли, которая обнаруживалась пропивъ воли мыслящаго.

Донна *Тереза* была гораздо моложе своего мужа; она едвали имѣла двадцать чепыре года отъ рожденія и представляла собою совершеннѣйшій образецъ прелестныхъ, плѣнительныхъ дѣвушекъ Андалузій. Пламенные черные глаза, сверкающіе подъ длинными рѣсницами; брови, округленные съ удивительнымъ искусствомъ; уста, зубы, волосы, спанъ, формы—все въ ней было обворожительно. *Тереза* не имѣла дѣшей, и это очень огорчало Дона *Переца*. Я долго думалъ, что скорбь, омрачавшая по временамъ чело его, происходила именно отъ сей причины, но въ послѣдствіи открылось, что я ошибался.

Донъ *Перецъ* былъ женатъ уже въ другой разъ; но первый союзъ его былъ несчастливъ. Въ одно утро нашли въ садовой бесѣдкѣ пѣло жены его, плавающее въ крови. Вечеру на другой день, молодой Гидалго, родственникъ несчастной, который часто бывалъ въ домѣ Дона *Переца*, также найденъ убитымъ, близъ Альказара. Непроницаемая тайна скрывала всегда имя виновника сихъ преступленій; но скоро послѣ того, какъ это случилось, Донъ *Перецъ* оставилъ Санпа-Марію и переехалъ въ Севиллу, гдѣ, черезъ годъ, женился на Доннѣ *Терезѣ*.

Съ самаго вступленія моего въ домъ Дона *Переца* я былъ предметомъ постояннаго его вниманія. Въспомо того, чтобы по примѣру другихъ Испанцевъ, не допускавъ меня къ своему семейству, онъ самъ предсталъ меня женѣ своей и хопѣлъ, чтобы я свободно посѣщалъ её, даже въ его отсутствіе. Однако же, сколько ни пѣняла меня ангельская красота Донны *Терезы*, но такая довѣренность, необыкновенная въ Испаніи, живо меня пронула, и я твердо обѣщаль себѣ избѣгать всего, чтобы могло подать мнѣ поводъ къ нарушенію оной.

Живучи въ домѣ Дона *Переца*, я часто обѣдалъ за столомъ его; присуспивовалъ при *тертуллияхъ*, при *рефреско*; курилъ съ нимъ сигарки; пѣлъ съ Донною *Терезою*, аккомпанируя ей на гитарѣ, и часто сопровождалъ ихъ въ прогулкахъ. Товарищи мои завидовали моей участи: ибо, какъ ни оспорожно обходился я съ Донною *Терезою*, но всё полагали, что я пользуюсь ея благосклонностію. Многіе изъ спаршихъ офицеровъ спарались даже перевести меня на другую кварширу, чтобы занялъ мое мѣсто у Дона *Переца*, но сей послѣдній, будучи въ коронкахъ связяхъ съ городскимъ начальствомъ, упросилъ, чтобы меня оставили.

Между тѣмъ, неоспорожность одного изъ поварихей едва было не распороила моего щастливаго состоянія.—Въ одно Воскресенье, когда я возвращался съ прогулки,

вмѣстѣ съ Дономъ *Перецолъ* и его женою, поварихъ мой, встрѣпившись съ нами, сказалъ мимоходомъ нѣсколько безразсудныхъ словъ, которыя произвели на лицѣ гидалго вспышку, подобную тѣмъ, о какихъ я упоминалъ выше. Но въ этотъ разъ она исчезла не такъ скоро, какъ по бывало обыкновенно, и мы опошли довольно далеко, а Донъ *Перецъ* продолжалъ хранить молчаніе.— При нескромныхъ замѣчаніяхъ моего повариха, Донна *Тереза* закрыла лице своею манпильею; Донъ *Перецъ* шупля это замѣтилъ, и все, казалось, было забыто.

Какъ ни твердо было мое намѣреніе не предпринимать ничего такого, чтобы могло не понравиться Дону *Перцу*, но я не устоялъ противъ прелестей *Терезы*. Удивительная кротость ея голоса, Андалузская прелестъ её спана, оспрыи взглядъ её, и даже та холодность, которую она ко мнѣ показывала—лишили меня спокойствія; я ни о чемъ не думалъ, ничего не видалъ, кромѣ моей прекрасной Севилланки.

Ничто не можетъ быть превосходнѣе Испанскихъ ночей; не смотря на то, что на дворѣ споллъ уже Октябрь, мы проводили еще вечера на терассѣ дома, гдѣ курили сигарки, разсуждали о военныхъ происшествіяхъ, пѣли романсы. Разъ, возвращаясь въ свою комнату, послѣ одного изъ такихъ пріятныхъ вечеровъ, въ который любовь, пѣніе и блескъ неба восхищили мою душу, я нашелъ въ карманѣ своего фрака записочку, исколонную булавкою. Постѣшно развернувъ её, я прочелъ въ ней слѣдующія слова, написанныя на чистомъ Французскомъ языкѣ, но Каспильскимъ почеркомъ:

«Неблагодарный, ты меня не любишь!...»

Изумленный сполько же, какъ и пронупный симъ упрекомъ и безыменнымъ обвиненіемъ, я провелъ цѣлую ночь безъ сна, теряясь въ догадкахъ. Опъ кого могла быть эта записочка? Опъ *Маріанны* ли, пригожей горничной *Терезы*? Опъ самой ли жены Дона *Переца*? Или была по хипроспъ сего послѣдняго? Какимъ образомъ записочка попала ко мнѣ въ карманъ? На другой день я приспально наблюдалъ всѣ лица въ домѣ,

но ни одно изъ нихъ не открыло мнѣ тайны, копорую я желалъ узнать. Та же неприпворная внимательность со спороны Дона *Переца*; та же холодность жены его; та же почтительная услужливость *Маріанны*.

Недѣлю спустя, я нашелъ въ карманѣ своего фрака, копорый скидалъ во время *сіесты*, другую записочку того же почерка, гдѣ было написано:

«Ты не хочешь понять меня, благодарный; бойся огласки, копорая погубитъ насъ обоихъ.»

Безпокойство мое увеличилось. Скоро потомъ сильная горячка принудила меня лечь въ постель. Въ продолженіе моей болѣзни заботы обо мнѣ всѣхъ домашнихъ удвоились; *Тереза* нѣсколько разъ приходила съ мужемъ навѣщать меня, и однажды, когда, стоя позади Дона *Переца*, она успремилла на меня глаза свои, мнѣ показалось, что я вижу въ нихъ слѣзы. Тупь я началъ думать, что записочки могли бытъ писаны прелеспною Испанкою; при томъ же я узналъ, что ни *Маріанна*, ни другія горничныя не умѣли писать. Но я все еще не осмѣливался вѣрять такому щасію; одна мысль объ немъ кружила мнѣ голову.

Я выздоровѣлъ, и въ домѣ все пошло по прежнему. Только Донъ *Перець* чаще и долѣе оспавлялъ меня съ своею женою, копорая съ каждымъ днемъ спановилась задумчивѣе и оспороживѣе; что-жъ касается до меня, то спрасъ моя безпрестанно усиливалась. Въ одинъ вечеръ, Донъ *Перець* объявилъ намъ, что завпра онъ ѣдетъ на дачу, копорую недавно купилъ въ окрестностяхъ *Аранжуэца*, и что онъ пробудеть тамъ два дни. *Тереза* убѣдительно просила его взять её съ собою, но онъ не согласился исполнить ея желанія, и подозрительно улыбаясь, обратился ко мнѣ съ просьбою бытъ во время его отсутствія вѣрнымъ *cortejo* жены его. Рано по утру на другой день Донъ *Перець* уѣхалъ.

Разныя занятія не позволяли мнѣ въ теченіи цѣлаго дня посѣщать Донну *Терезу*.

Въ семь часовъ вечера я оставилъ друзей моихъ въ *Алькальской* улицѣ и отправился домой. Ночь была темная и дождливая; я шелъ скоро, сколько попому, что вечеромъ на улицахъ *Мадрида* не безопасно, сполько и отъ неперѣбнѣя увидѣть *Терезу*. Мнѣ оспавалось шаговъ прицать до ея жилища, какъ вдругъ, при поворотѣ въ улицу, кинулись на меня съ кинжалами два человѣка, закушанные въ широкіе *самбреро*. Я поспѣшно сбросилъ съ себя плащъ, выдернулъ шпагу и вонзилъ её по эфесъ въ бокъ того изъ нихъ, копорый нападалъ на меня съ большимъ ожесточеніемъ. Онъ упалъ съ тяжкимъ вздохомъ, не сказавъ ни слова, а другою, безъ сомнѣннѣя подкупленный убійца, обратился въ бѣгство; съ своей спороны, опасаясь послѣдствій сего непріятнаго произшествія, я также поспѣшилъ уйти. Я не успѣлъ еще оправиться отъ безпокойства, какъ вошла *Маріанна* и сказала мнѣ, что *Донна Тереза* проситъ меня посѣпить её. Я послѣдовалъ за горничною, и нашелъ *Терезу* въ самомъ роскошномъ, самомъ плѣнительномъ неглиже, какое только можно себѣ предспавить. Сказавши, что она употребила всѣ пособія *Испанскаго* кокетства для того, чтобы придатъ болѣе могущества своимъ прелеспямъ, я буду не въ состояннѣ выразить всего, что я почувствовалъ её увидѣвъ. Грудь ея вздымалась, лице пылало, черные глаза блиспали сквозь кристалъ слѣзъ ея. Едва только я сълъ подлѣ неё, какъ она зарыдала съ такою силою, что не могла проговорить ни одного слова. Я взялъ её за руку, копорую она не спаралась у меня отнять, и заклиналъ её сказать мнѣ, что было причиною ея горести: не случилось ли чего съ *Дономъ Перецомъ*, не нанесъ ли ей кто оскорбленія, не получила ли она извѣстія о какомъ нибудь нещасіи; но она, вмѣсто отвѣта, оспала меня самыми ненавистными и вѣспитъ самыми нѣжными именами, какіе только могутъ произнести уста *Андалузянки*. Она была такъ прекрасна! я упалъ къ ногамъ ея.....

На разсвѣтъ, выходя изъ дома *Донны Терезы*, я слышалъ сильный спукъ у воротъ.

Я поспѣшилъ сойти внизъ, и вспрыснулся съ *Сереносали*, принесшими прутья, которыми они подняли недалеко опшпуда... Это былъ прутья Дона *Переца*.

Донъ *Перець* впайнѣ возымѣлъ ко мнѣ ревность; онъ напалъ на меня ночью, и я убилъ его!....

Въ томъ же день перешелъ я на другую квартиру.

Пер. *Ил. Г—ва*.

СМЕРТЬ И БЕЗСМЕРТІЕ.

Богъ есть свѣтъ, который, не будучи видимъ, все содѣлываетъ видимымъ и скрывается подъ цвѣтами: глазъ нашъ замѣчаетъ одни лучи; сердце ощущаетъ теплому его.

Ангель послѣднихъ нашихъ минулъ, споль несправедливо названный нами *Смертью*, есть нѣжнѣйшій и благорасположеннѣйшій изъ Ангеловъ. Ему поручено Опцемъ Небеснымъ нѣжно и тихо принять удрученное сердце человеческое и съ холодной земли перенести его въ выпренный, пламенный эдемъ. Братъ его есть Ангель перваго часа жизни: онъ даетъ человѣку два поцѣлуя: первый для начатія жизни, другой, при желаніи, дабы онъ вознесся безъ ранъ горѣ, и вступилъ въ лучший міръ съ улыбкою, такъ, какъ вступилъ въ здѣшній со слезами.

Новый міръ представляется путешественнику въ видѣ темной полосы надъ небосклономъ: такъ будущая жизнь представляется угасающему нашему взору. Чѣмъ ближе мы къ ней: тѣмъ яснѣ различаемъ ея цвѣты и пальмы. Чувствованіе восторга и славы часто изображается на лицѣ умирающаго. *Клопштокъ*, въ минути кончины, увидѣлъ свою возлюбленную, предупредившую его. *Гердери* въ восхищеніи вскричалъ: *что я! Лерберхъ* воскликнулъ: *я готовъ, Господи!*—Такъ въ первые вѣки Христіанства умирали спарцы, просвѣтлѣвъ, подобно заходящему солнцу прекраснаго вечера, предвѣспнику прекраснѣйшаго разсвѣта.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАДЕЖДА.

(Изъ *Гѣте*.)

Молю, оправданная надежда,
Молю, меня не оставляй,

Когда глупецъ или невѣжда
Подымутъ на меня свой лай.

И будь всегда въ моихъ прудахъ
Моей споспѣшницею вѣрной,

И отгони напрасный страхъ
Презрѣннымъ быть толпой презрѣнной.

Увѣренъ я, что не напрасно
Въ душѣ моей огонь горитъ...

О пусть, пусть голосъ твой продлишь
Огонь сей чистый и прекрасный!

Такъ, вѣрю я, что совершится
Святой, оправданной твой глаголь;

Спокрашно прудъ мой наградится,
Какъ изобильной жатвой доль.

Л. Якубовичъ.

Тула.
1828.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕРЪ ПО ИЗГНАНІИ АДАМА.

*Адамъ, встрѣтилъ первый закатъ солнца, говоритъ
Евѣ:*

Смотри, мой другъ, гдѣ солнце засіяло?
Какъ мы изъ рая вышли въ этотъ лѣсъ,

Какъ утѣшительно оно играло
На томъ краю лазоревыхъ небесъ!

За чѣмъ же сбросило лучи на горы?
Ужель оно свѣтитъ не хочетъ намъ?

Напрасно ли порадовало взоры
И скажешь ли: просни, печальнымъ небесамъ?

Все разсыпается по горнымъ скапамъ;
Едва не скрылося за дальній неба край:

Ужель насъ создалъ Богъ къ однимъ упрашамъ
И солнце намъ упрашитъ, какъ и рай?

Но вотъ разсыпалось въ безчисленныхъ лучахъ:
Нѣтъ солнца,—пусто въ небесахъ!

И вотъ не жизнь, и вотъ не бытіе!
Его изгнанье предвѣщало,

О немъ мнѣ съ препетомъ сказало
Коварное предчувствіе мое.

И солнце говоришь! Оно-ль обманешь!

Кто вѣровашь училъ меня

И въ Божій міръ, и въ жизнь, и въ прелесть дня?

Оно—и нѣтъ его!—Такъ и меня же спанешь.

*

Темнѣешь лѣсъ и почернѣли горы,

Умолкли пилицъ невидимые хоры,

Все тихо—и душа моя тиха,

Не слышишь въ ней тяжелей гласъ грѣха

И легче спало опягченной;

Прошелъ поминельный недугъ:

Ужь не опять ли въ рай, мой другъ?

Ужь не просшилъ ли насъ Творецъ вселенной?

Но нѣтъ, и пищина обманчива для насъ;

Какъ въ эпой спранной мглѣ душа полна сомнѣній!

Нѣтъ опъыва на гласъ моихъ мученій:

Ужели правдивъ предчувствій вѣщій гласъ?

Ужели въ эпой пѣмѣ угаснушь всѣ надежды?

Но клонишь сонъ опягощенны вѣжды,

Но тьмой покрывъ и лѣсъ и небосклонъ;

Скажи мнѣ, другъ, что эпо: смерть или сонъ?

(Луна и звѣзды засветились; они пробуждаются.)

Гдѣ мы, мой другъ?—Все пошь же лѣсъ,

Но опъ чего-жъ свѣшло?—Взгляни на сводъ небесъ:

О, какъ поржеспвенно, прекрасно,

О, сколько памъ лучей горить!

Въ душѣ, какъ въ небесахъ, такъ весело, такъ ясно!

Нѣтъ, не умремъ: мнѣ Небо говоришь.

О другъ! что солнце намъ скрывало?

Оно, измѣнное, прошло

И сколько солицевъ такъ свѣшло,

Такъ радосно на небѣ возсіяло!

И всѣ они меня къ себѣ зовушь;

Я слышу, дружно вопіюшь:

Насъ создалъ Богъ единый, безконечный!

Какъ ты, мы въ лонѣ Бога вѣчны!

Я вѣрю имъ, я вѣченъ, смерти нѣтъ.

Безсмертія завѣшь! О тайна ночи!

Тебя скрывалъ опъ взоровъ солнца свѣтъ,

Но въ пѣмѣ свѣшилъ почныхъ тебѣ познали очи!

О, сколько памъ міровъ! вездѣ, всегда живи!

Адамъ, пвоя ли жизнь минешся,

Когда душа въ тебѣ опважно къ небу рвешся,

Когда полна къ Превѣчному любви?

С. Ш.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

На просторѣ, въ часъ досуга,

Въ часъ безпечности злалой,

У привѣпливаго друга

Поднимайся пиръ горой.

Други, други! улыбнувшись,

Сердце насжеъ распворишь,

На просторѣ развернувшись

И до суха чаши пишь.

Мы, друзья! всѣ дѣпки Еввы,

Всѣмъ памъ, всѣмъ коварный свѣтъ

Измѣняль, какъ сердце дѣвы;

Кто не вѣдалъ въ жизни бѣдъ?

Но, минувшему забвенью!

Все идетъ своей чредой:

Нынѣ—жизнь для насъ мученье,

Завпра—разцвѣтемъ душой.

Посмотрѣние, какъ играюшь

Въ свѣтлыхъ чашахъ пузырьки,

Тонущъ, блещущъ и всплывающъ,

И свивающъ въ кружки.

Такъ въ роскошныя дни Мая,

При пригожемъ вечеркѣ,

Краткій вѣкъ свой опживая,

Вьются мошки въ вѣперкѣ.

Кто не встрѣпилъ счастья въ свѣтъ

На разсвѣтѣ бытія?

Погрузи печаль, какъ въ Лептѣ,

Въ чашѣ свѣтлаго пишь.

Красно упрю, вечеръ ясный,

Можетъ спашься, Богъ пошлетъ.

О быломъ грустишь напрасно;

А что будетъ, то придешь.

На просторѣ, въ часъ досуга,

Въ часъ безпечности злалой,

У привѣпливаго друга

Поднимайся пиръ горой.

POUR ELISA FRISEL, LA FILLE DE MON AMI, ENTER-
RÉE DEVANT MOI, HIER 16 JUIN, AU CIMETIÈRE DE
PASSY.

Il descend ce cercueil, et les roses sans taches
Qu'un père y déposa, tribut de sa douleur!
Terre, tu les portas, et maintenant tu caches
Jeune fille et jeune fleur.

Ah! ne les rends jamais à ce monde profane,
A ce monde de deuil, d'angoisse et de malheur.
Le vent brise et flétrit, le soleil brûle et fane
Jeune fille et jeune fleur.

Tu dors, pauvre Elisa, si légère d'années!
Tu ne crains plus du jour le poids et la chaleur.
Elles ont achevé leurs fraîches matinées,
Jeune fille et jeune fleur.

Mais ton père, Elisa, sur ta cendre s'incline,
Aux rides de son front a monté la pâleur,
Et, vieux chêne, le Temps fauche sur sa racine,
Jeune fille et jeune fleur.

Chateaubriand.

И П А Р А Д А.

По первому всякъ ходишь;
Второе на ночь не походишь;
А льпнею порою
Во время црлаго палишь насъ спрашныи зной.

III.

E N I G M E.

J'ai, sans trop me flatter, décoré de mon nom,
Un instrument de guerre, une ville, un royaume;
Et de plus une étoffe ayant certain renom:
J'ai produit des héros, j'ai fait plus d'un grand homme;
J'ai gagné des combats... Mais quel cruel destin!
Après autant de droits au temple de mémoire,
Je végète ignoré dans le fond d'un jardin,
Moi qui suis des guerriers l'ornement et la gloire.

Въ No 2, помещенный логогрифъ значить: *Flamme*,
въ коемъ заключаются *lame* и *âme*.

M O D E S.

Les chapeaux parés sont garnis, indistinctement, de fleurs ou de plumes. Dernièrement, aux Italiens, un fort joli chapeau en satin blanc était garni de deux branches de jacinthes blanches, rosées légèrement, fixées à gauche de la forme par un nœud de rubans, et de ce nœud descendaient environ sept coques échelonnées jusque derrière au bas de la forme; la dernière coque, au bas, se trouvait très-petite.

Robes.—On a vu dans de grandes soirées quelques femmes élégantes porter des redingotes en satin ou velours de nuances parées, telles que paille, lilas, pour le satin; cerise, vert émeraude, pour le velours. Ces redingotes forment une espèce de draperie très-ouverte sur la poitrine, et qui dégage le cou. On ne met point de chemisette en dedans. Le reflet du velours sied très-bien à la peau. Dans celles de satin on met une demi-guimpe en blonde, qui s'arrête autour du cou, sans aucune garniture; le collet en tient lieu. Les devans de ces redingotes sont rabattus de chaque côté, comme des revers et s'ouvrent en s'élargissant vers le bas, de manière à montrer un jupon de satin blanc brodé, ou de blonde. Une toilette du même genre peut être en moire avec des revers de velours, ou en cachemire avec une bordure tout autour.

Bijoux.— Pour le bal, on fait de jolies parures en pierres de couleurs entourées de perles ou de diamans, montées avec une richesse de travail qui n'existe que dans les accessoires.

De magnifiques oiseaux de paradis pour coiffure. La tête et le cou de l'oiseau sont en or; les plumes sont figurées par des pierres de plusieurs couleurs, qui sont montées sur un fil d'or élastique, tremblantes comme les boutons de fleur d'orange d'un chapeau de mariée. Des bouquets de fleurs pour placer dans les coiffures *Sévigé*, sur le côté. Des plaques de ceinture en émail, à fleurs d'émail. Elles recouvrent et cachent la boucle en se rabattant dessus; les plus jolies sont sur fond opale.

Nouveautés d'étrennes.—C'est une obligation pour tous les magasins qui s'occupent de *fantaisies*, de les renouveler à cette époque du commencement de l'année; aussi voit-on de charmans petits objets destinés à des cadeaux d'étrennes.

Chez *Giroux*, rue du Coq, et chez *Susse*, place de la Bourse, on dispose de superbes albums destinés à recevoir des dessins originaux, des aquarelles de nos premiers maîtres.

Des écrans en gros-de-Naples peints, montés sur un manche en bois travaillé. Quelques-uns se désignent

par *Tentation*, du nom de l'opéra dont ils représentent des scènes. Il y en a dont l'étoffe est de couleur sombre.

Des jeux de cartes extraordinairement fines. On les nomme *cartes porcelaine*, parce qu'elles sont semblables aux cartes de visite émaillées.

Des écrans peints en fleurs comme des miniatures, sur carton de Bristol.

Des cornets de bal, à visite, des semainières, des agendas, trop longs à détailler.

Les plus belles reliures de livres de messe.

Pl. No 2. Capote de satin ornée de rubans de velours et d'une plume.—Robe de satin.—Manchon de velours brodé en soie.

М О Д Ы.

Нарядныя шляпки отдѣлываются, безъ разбора, цвѣтами или перьями. Недавно, въ Испанскомъ театръ, красивая бѣлая апласная шляпка отдѣлана была двумя вѣтками бѣлыхъ гиацинтовъ, слегка розоватыми, прихваченными съ лѣвой стороны пушлы бантомъ изъ ленъ; отъ банта сего шли пеплы около семи, постепенно уменьшаясь назадъ пушлы къ низу; послѣдняя пепла вверху весьма мала.

Платье.—На большихъ вечерахъ видно было нѣсколько щеголихъ въ апласныхъ или бархатныхъ реденготахъ, нарядныхъ цвѣтахъ, какъ соломный, лиловый въ апласъ; алый, изумрудный въ бархатъ. Реденготы сии сдѣланы съ весьма открытою драпировкою на груди; шея открыта. Шемизетокъ подъ низъ не надѣваютъ. Отблескъ бархата чрезвычайно идетъ къ кожѣ. Подъ апласные надѣваютъ полу-открытую блондовую шемизетку безъ отдѣлки, которую замѣняютъ воротникъ. Полы сихъ реденгатовъ заворочены какъ отвороты, открыты расширяясь къ низу, чпобъ видна была вышитая апласная или блондовая юбка. Такая одежда можетъ бытъ сдѣлана также изъ обьяри съ бархатными отворотами, или изъ кашемира, съ коймою вокругъ.

Вещи.—Для баловъ дѣлаютъ красивые уборы изъ цвѣстныхъ каменьевъ, осыпанныхъ жемчугомъ

или брилліантами; работа отдѣлки чрезвычайно богата; она находится только въ принадлежностяхъ.

Богатыя райскія пшички для причесокъ: головка и шейка золотыя, перья соспавлены изъ разноцвѣстныхъ каменьевъ, придѣланныхъ къ эластической золотой проволокъ; онѣ пренецущи какъ распуковки померанцовыхъ цвѣтовъ въ вѣнкѣ невѣсты. Букеты цвѣтовъ, надѣваемые въ прическахъ à la Sévigné съ боку. Эмалевыя бляхи для поясовъ, съ эмалевыми цвѣтами; онѣ прикрываютъ совершенно пряжку, ложась сверху; самыя красныя съ опаловымъ грунпомъ.

Новости подарковъ на новый годъ.—Обязанность всѣхъ магазиновъ, въ которыхъ занимаютъ прихотливыми вещами, возобновлять ихъ въ сію эпоху начала года; потому видны прелестныя педельныя вещицы, назначенныя для подарковъ на новый годъ.

У Жиру, въ улицѣ du Coq, и у Зюсса, на биржевой площади, приготовляютъ прекрасныя альбомы для оригинальныхъ рисунковъ, водными красками первыхъ нашихъ артистовъ.

Экраны, рисованные по гроденаплю, придѣланные къ деревянной ручкѣ, иныя называются *Tentation*, по имени оперы, изъ которой представлены на нихъ сцены. Есть нѣкоторые изъ матеріи темнаго цвѣта.

Карпы для игры чрезвычайно тонкія; ихъ называютъ фарфоровыми, потому, что онѣ походятъ на визитныя эмалированные карпы.

Экраны, росписанные цвѣтами, какъ миниатюры, по Бриспольскому карпону.

Бальныя и визитныя карпы, педельныя таблицы, записныя книжки, слишкомъ долго описывалъ подробно.

Самыя красивыя переплеты для молитвенниковъ.

Карп. No 2. Апласный капотъ, отдѣланный бархатными ленгами и перомъ.—Апласное платье.—Муфта изъ бархата, вышитая шелкомъ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходипь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 5.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 18 дня, 1853 года.

Ты страхъ умна, добра, въ шебъ доспомнспивъ куча;
Но и дурное естъ одно:
Ты мнипельна; себя тоской измуча,
Ты часто, отъ причудъ своихъ,
Наводишь грусть и на другихъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ
ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦЪ XVIII
И ВЪ НАЧАЛЪ XIX ВѢКА.

(Продолженіе.)

Боясь прилпнуть сиднемъ къ мѣсту,
И волю осизать любл,
Мнѣ нужно убѣждать себя,
Что я не поддежу аресту.

«Отъ Твери до Мѣднаго, отъ Мѣднаго до
Торжка, отъ Торжка до Выпорпуховска,
отъ Выпорпуховска до Вышняго-Волочка
доѣхалъ я благополучно, если не считаю
пого, что вздремавъ ночью, поперлялъ кар-
пузъ, подбилъ о спорожокъ глазъ и былъ
забрызганъ грязью съ головы до ногъ.

«Въ Вышнемъ-Волочкѣ и уздѣ онаго спо-
лялъ тогда Невскій пѣхопный полкъ, опли-
чпвшійся въ Шведскую войну. Имъ коман-
довалъ родной мой дядя Полковникъ *Поле-
таевъ* 1-й, я же былъ XVI сего имени. Ны-
нѣ говорятъ le sort fait les parens, le choix fait

les amis, а во время оно говаривали: *свой свое-
му по неволи другъ; свои собаки грызутся,
чужая не остутайся!* А потому, мнѣ и не-
льзя было протѣхатъ, не погостя у него:
меня бы мои родипели на глаза не пуспи-
ли и вся Москва указывала бы на меня паль-
цами, какъ на вольнодумца. Узнавъ, что ддя
живетъ въ деревнѣ, за 12 верспъ отъ
города, я выпросилъ у одного изъ его офи-
церовъ лошадь и пуспился къ нему вер-
хомъ, расчпавъ время, чтобы поспѣть къ
обѣду. Но l'homme propose et Dieu dispose

Снова бури надо мною
Собралися въ пишинѣ,
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...

«Въ дѣпспивѣ своемъ я часто видалъ на
Пепровскомъ театрѣ водѣвилъ *Нещастіе
отъ кареты*, соч. *И. Б. Княжнина*, и за-
пвердилъ изъ него куплетъ, что бѣды на
насъ приходять

То отъ каретъ,
То отъ манжешъ,

То опъ Аниошъ,
И гдѣ прикащикъ плушъ.

«Мои бѣдствія начались опъ икры, копто-рой я по упру назавпракался. Опъѣхавъ вѣрспъ 6, почувствовалъ я жажду: поперегъ дороги бѣжалъ свѣпмый ручей, я сошелъ съ лошади, напился, какъ *Гедеоновы* солдаты— и хопѣлъ опяпъ садиться. Ни пупъ-то было! Лошадь моя фыркала, спановилась на дыбы— и никакъ не подпускала меня поспавить ногу въ спремъ. Тщепно чипалъ я ей прелеспные стихи *Пушкина*:

Не косись пугливимъ окомъ,
Нога на воздухъ не мечи,
Въ полъ гладкомъ и широкомъ
Своекравно не скачи.

«Мой бурноногий Довець былъ глухъ къ новѣин. Я обхаживалъ вокругъ его, поглаживалъ морду, препалъ шею, но никакъ не могъ улучшить мгновение, чптобы врасплохъ вскочить къ нему на спину. Упомясь не на шупку, я рѣшилъ вести его подъ усипцы, надѣясь, что скоро добреду до какого нибудь селенія, или вспрѣчу людей, кои пособяпъ моему горю. Увы! ни прохожіе, ни провѣжіе не попадалися; деревни, сколько я ни пялилъ глаза, не было видно; а мое положение спановилось хуже и хуже. Лошадь была не поводиспа; я ппянулъ еѣ за поводъ силою; проселочная дорога пошла по болопшиспому мѣспу, между кочками; на каждый сапогъ мой налило по полуспуду горшечной глины; мои казацкіе съ широкимъ золопшымъ галуномъ шаровары—ощекопурило иломъ по колѣни. На мнѣ былъ сюрпукъ и сверху на Крымскомъ мѣху Венгерка; попъ пѣкъ съ меня градомъ; я задыхался подъ эпою тяжѣлою ношею.

«Идучи черепашьимъ галономъ, глупо было бы и ождапъ скорого прихода въ дядину деревню. И такъ, я сдѣлалъ привалъ на пнѣ ольхи, вынулъ часы: они показывали при четверти двѣнадцатаго. Опдохнувъ нѣсколько, снова побрѣлъ я, паща прокляпую свою лошадь. Голодъ и жажда, изнурение и мокрое плашье—дѣлали меня наспоящимъ *Донъ-Кишотомъ*, рыцаремъ печаль-

наго образа. Дорога по косогору спуспилась въ оврагъ, привела меня къ ручью: черезъ него надобно было переходить въ бродъ. Вода доспавала мнѣ по колѣни; бопшпки мои налились водою и походили на Турецкіе мѣха Цареградскихъ водовозовъ. Они шлѣпали, издавая разные звуки, когда я давилъ подошву, спупая ногою. *Голь хитра, нужда вѣжлива*, говоритъ пословица; я съѣлъ на кочку, пропянулъ ноги вверхъ— и вода двумя рѣками хлынула изъ бопшпнокъ моихъ на землю. Я опяпъ посмопрѣлъ на часы: было два по полудни. Обѣдъ ускользнулъ у меня изъ подъ носа; оспавалась надежда поспѣть къ горлчему чаю. Здобный папушникъ, сахарные крендели, ломпи сипшаго хлѣба съ свѣжимъ сливочнымъ масломъ лепали около рта моего, однакожъ въ ротъ не попадали. Безопвязный ручей въ другой разъ загородилъ мнѣ дорогу, въ другой разъ надлежало черезъ него переправляться. Опыпъ научилъ меня: перешедъ его, я съѣлъ на землю, вылилъ изъ сапоговъ своихъ холодную воду—и пошелъ. Ручей спановился шире, полнѣе, изъ воды камышъ высывалъ черныя бархатныя головки и дикія упки перепархивали. Вдали опкрылся прудъ, и на немъ мѣльница;—около неѣ спояли возы съ хлѣбомъ, а около нихъ суепились крестьяне.

Такъ изъ за пучъ луна выходишь
Вдругъ озаря небеса!

«По глазомѣру оспавалась еще добрая верспа до мѣльницы; но надежда слепѣла ко мнѣ съ неба, посадила на ковѣръ-самолѣпъ— и въ нѣсколько минутъ перенесла меня на плосину. Я спросилъ у сѣдова мѣльника: далеко ли до деревни Колымаги? А онъ, качавъ головою, съ копорой посыпалась мука, объявилъ мнѣ, что я сбился съ дороги, что не надобно было спускапъся въ оврагъ, а иппи по опушкѣ до ольховаго лѣса, а опспуда по озимямъ взяпъ вправо, и что до Колымаги счипается 10 верспъ невспупно. Я привязалъ свою лошадь къ пвовому суку, вошелъ въ избу, попросилъ кринку молока, хлѣба, велѣлъ сварить пятокъ яиць. Мѣльничиха принесла пшеничный каравай, вѣпчины—и я пообѣдалъ съ пакимъ ащепшномъ,

какъ будто бы это были коплеты à la *rapillotte* и Спразбургскій пашпепъ съ прюфелями, запилъ сливками и, свернувшись въ комокъ на передней лавкѣ, заснулъ споль крѣпко, что неслыхалъ спуга жерпововъ, хопя мѣльница была о шести поспавахъ.

«Долго ли я спалъ, не припомню, но проспувшись, очень испугался, увидя себя въ незнакомой избѣ, между людьми, мнѣ совсѣмъ незнакомыми. Часы мои показывали 7-мъ вечера; слѣдспвенно, надежда пипъ чай съ дядюшкою исчезла, какъ дымъ, какъ сладкая мечта. Оспавалось попытаться, не удастся ли мнѣ съ родными хопя поужинашь. Я топчасъ принялъ для сего самыя вѣрныя мѣры, по еспъ, нанялъ проводника верхомъ до деревни, гдѣ имѣлъ свое пребываніе мой дядя, далъ чепверпакъ двумъ дяюшимъ поселянамъ за по, чптобы они подержали за уши моего Буцефала, пока я на него сяду. Они ухватались споль цѣпко, чпто конь мой споялъ, какъ вкопанный: вскочилъ на сѣдло, вонзилъ шпоры въ бока моего Донца и умчаться изъ глазъ изумленныхъ креспьянъ—было дѣломъ одной минуцы. Мой *Санхо-Панхо* далеко отспалъ отъ меня—и я, оглянувшись, увидѣлъ, чпто онъ погоняетъ свою маленькую лошадочку длинною палкою. Мы прѣѣхали въ 8 часовъ вечера. Дядюшка, тѣпушка, кузени и кузены бросились мнѣ на шею. Самоваръ на сподѣ блиспалъ для меня зарѣй преображенія. Съ радости я пилъ, ѣлъ, хохоталъ, плакалъ—и, когда увидѣлъ, чпто меня считающъ сумасшедшимъ, разсказалъ имъ бѣдспвенныя свои похождения. Надо мной посмѣялись, и дядюшка попенялъ мнѣ, за чѣмъ не взялъ я его ординарца проводилъ меня, и хопѣлъ порядочно вымыть голову молодому офицеру, сыгравшему со мною такую армейскую шупку. Меня оппустили въ Вышній-Волочокъ не прежде, какъ на претій день, и по въ коляскѣ и обклавши окороками, подопиками, вапрушками и разнаго рода поспилами и вареньями.

«Тупъ-то узналъ я, чпто между пѣшеходспвомъ и пупешеспвемъ

На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быспроптѣ синицѣ,

нѣтъ ничего сходнаго; напропивъ, чпто

Это пакала же розница,
Какъ чуданъ и горница,

или, яснѣе сказашь: пипши пѣшкомъ и лепшь на чепвѣркѣ лихихъ коней

Такая же разноца,
Какъ жалника и воротѣ.

«Роскошно колыхаясь на рессорахъ, я далъ волю воображенію разнообразилъ, раскрашилъ сущеспвенный мѣръ мечпами, поселялъ его сущеспвами небывалыми, пакими, какихъ изображалъ намъ пламенный софиспъ *Жанъ-Жакъ Руссо* и какими высокій мечтапелъ *Платонъ* давалъ право воздушнаго гражданспва въ воздушной своей республикѣ

И все, чпто въ безпробудномъ снѣ,
Въ душѣ запущенной подъ спудомъ
Таилось на забвенномъ днѣ,
На вольномъ воздухѣ, какъ чудомъ,
Все быспро ожило во мнѣ.
Тѣлесной лѣноспи оспрастка
Нужна и въ нравспвенномъ быпу!
Какъ скачетъ легкая коляска,
Такъ мыслишь умъ мой на лету.

«Скоро мнѣ наскучило пускашь мыльные пузыри, и я началъ сравнивать свое недавно-прошедшее положеніе съ настоящимъ; *кстати*, припомнилъ два Нѣмецкіе преглупѣйшіе спиха, когда-то, гдѣ-то мною чипанные. Я произнесъ ихъ громко:

Man kann was man will—
Man will, was man kann;

и увидѣлъ въ нихъ здравый смыслъ, опрокинутый авпоромъ къ верху ногами. «*Могу сдѣлать все, чего желаетъ;*» это ложь! Могу ли я, не учась, заговорить по Санскритски? Могу ли, не имѣя понятія объ исторіи, вдругъ, однимъ сильнымъ хопѣниемъ, произвеспъ себя въ *Тациты*, въ *Карамзины*, въ *Нибурги*? Поможетъ ли мнѣ сила воли издавать такой же разнообразный, но не песпрый журналъ, какъ *Вѣспникъ Европы* 1808, 1809 и 1810 годовъ, превосходный по выбору спапей, изящный по слогу? Еслибъ я имѣлъ власпъ произращать Крымскіе лѣдоки на осигъ, выпъ изъ песку канавы и маковыми зернами крышь крыши домовъ: то

и тогда былъ бы не въ состоянїи помѣщать въ каждой книжкѣ по два, по при образцовыхъ стихопворенїа, какъ напримѣръ въ Сынѣ Опечеспа 1820, 1821 и 1822 годовъ! — Размышляя такимъ образомъ, непримѣнно влѣпѣлъ я въ гавань, по еспь, въ пѣсныя воропа поспоялаго двора, на которомъ оспановился. Выскочивъ изъ коляски, я попчасть пошелъ къ полковому Адьюпаншу, жаловался на оскорбительную шупку, сыгранную со мною шалуномъ-офицеромъ, его однополчаниномъ, и просилъ его взять на себя прудъ объявивъ ему, что я пребую удовлетворенїа. Онъ охотно взялся за это, и, оставя меня въ своей кварширѣ дожидаться отвѣта, осѣдлалъ коня—и отправился къ обидчику. Вышній-Волочокъ не Москва, въ четверть часа можно проѣхать весь городъ. Я ждалъ не долго: Адьюпаншъ возвратился самъ-другъ. Извѣстно всѣмъ забѣлкамъ, что во Франціи до пероворота, а у насъ до послѣдней войны съ Французами рѣдко спрѣмались, а дрались на сабляхъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, я и мой анпагонистъ вышли подъ навѣсъ поспоялаго двора, скинули сюртуки и скресли сабли....

А Сатакъ потѣха!

«Въ первой запальчивости, я оцарапалъ ему лобъ надъ правою бровью, попомъ провѣлъ рубецъ на полпальца выше перваго. Кровь хлынула; онъ зажалъ рану мокрымъ плашкомъ—и продолжалъ поединокъ. Я видѣлъ свое превосходство надъ соперникомъ, который глядѣлъ однимъ и то лѣвымъ глазомъ; это сѣдлало меня неоспорожнымъ; неоспорожность обоглась мнѣ не дешево: я поперялъ два пальца правой руки. Сабля выпала изъ руки моей. Послали за полковымъ лекаремъ; но онъ уѣхалъ въ Оспашковъ, гдѣ расположенъ былъ второй баталїонъ. Послали за уѣзднымъ; это былъ, какъ замѣнилъ мнѣ Адьюпаншъ,

Хирургусъ изъ Нѣмчинъ,

Который въ Волочкѣ считался знаменитымъ:

За пѣмъ, что былъ одинъ.

«И его не нашли въ городѣ; онъ уѣхалъ въ уѣздъ свидѣльствовать мѣрпвое пѣло

однорорца, опившагося въ Дмипрїевъ день на храмовомъ сельскомъ праздникѣ. Между тѣмъ, руку у меня раздуло горою; боль опчасу увеличивалась; опправили нарочнаго въ Бѣжецкѣ; но до него считалось 70 верспѣ. Необходимость заспавила насъ поспушпѣ по пословицѣ: *на безрыбьѣ и ракъ рыба*. Призванъ цирюльникъ; онъ перевязалъ мнѣ руку, какъ умѣлъ. Меця опвезли на мою кварширу. Я взялъ съ Адьюпанша честное слово, не говорпшъ объ этомъ моему дядѣ. На четвѣрпый полько день прїѣхалъ врачъ изъ Бѣжецка, осмопрѣлъ мою руку, обрѣзалъ пилою кости, обкроилъ мясо, привязалъ мазь—и далъ мнѣ внупръ лекарство. Я прохворалъ до 15 Полября, и хопя не совершенно излечился, однако чувствовалъ себя въ состоянїи пуспшпѣся въ дорогу, полько не въ ямской пелѣгѣ, а въ коляскѣ, купленной мною у полковаго Кварширмейстера. Дорога по Валдайскимъ горамъ и теперь незавидная (шоссе еще не гошова), а тогда была скверная. На мостовой чѣрпѣ переломилъ ногу, а на объѣздахъ поминушно попадались подъ колѣса крупныя каменья—и были пробнымъ камнемъ для экипажей. Мой ломался и чинился на каждой спанціи.

«Въ Зайцовѣ проспился я съ Валдайскими горами—и поздоровался съ однообразною болописною плоскостью, которая, спускаясь все ниже и ниже, разсплаелся до самаго Петербурга.

«По Новгородской дорогѣ тогда небыло проѣзда ни конному, ни пѣшему. Она славилась, какъ негодная изъ негодныхъ, опъ Камчатки до Кюменя и опъ Колы до Аспрахани

Дороги наши—садъ для глазъ,

Деревья, съ дерномъ вахъ, канавы;

Работы много, много славы,

Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ часъ.

Съ деревень, на часахъ споящихъ,

Проѣзимъ мало барыша:

Дорога, скажемъ, хороша—

И вспомнимъ спихъ: *для проходницъ!*

Свободна Русская ѣзда

Въ двухъ полько случаяхъ: когда .

Нашъ *Макъ-Адамъ* (*), или *Макъ-Ева*
 Зима свершишь, преща опъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ;
 Пусть окуетъ чугуномъ льдиснымъ
 И заporошитъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
 Или, когда поля пройдешь
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можешь въ бродъ
 Пройти, глаза зажмуря, муха.

«Въ 1787 году Императрица *Екатерина Великая* предприняла путешествие въ Южные области своей Имперіи; имѣла свиданіе съ Римскимъ Императоромъ *Иосифомъ II* и Польскимъ Королемъ *Станиславомъ-Августомъ*; вмѣстѣ съ первымъ посѣдила Тавриду, обозрѣла Черноморскій флотъ и всѣ чудотворенія Князя *Потемкина*. По сему достопамятному случаю, на улучшение большой дороги между Москвою и Петербургомъ, въ 1786 году Марша 25-го, повелѣно отпустить 4 милліона (нынѣшнихъ почти 16,000,000 рублей). Для покойнѣшаго путешествія Монархини проведена между Новгородомъ и Петербургомъ прямая дорога и, съ чрезвычайными прудами и издержками, намощена огромными дикими каменьями. Широкія щели между ними залиты известью, по обѣ стороны оной навалены кучи песка, и, за нѣсколько часовъ до проѣзда Императрицы, дорога была имъ усыпана. Ея Величество осталась довольною, объявила Монаршее благоволеніе главному Начальнику, наградила чиновниковъ, при усроеніи дороги сей употребленныхъ; но вскорѣ оказалось, что новал каменная мостовая хуже старой бревенчатой. Осенніе дожди снесли песокъ, распустили известь, копорая, какъ бѣлая рѣка, на поларшина глубины стояла поверхъ мостовой. Горе лошадиной ногъ, попадавшей въ щели между скалами необтѣсанными, не прилаженными! Горе колесу, которое попадало въ щели, какъ въ ло-

вушку! Провезъ бы я хулипелей просвѣщеніа въ курьерской пельжкѣ по этому практу, а потомъ прокапиль бы по нынѣшнему укапу: чтобы сказали они прошивъ пользы искусствъ и наукъ?

«У насъ и дороги и каналы, и фабрики и заводы, улучшаются; всё идетъ исполинскими шагами къ совершенству. Россія самое младшее изъ Государствъ Европейскихъ, но опередило многія, поровнялось со многими—и догоняетъ оспальныхъ, весьма, весьма, весьма пемногіа.

Время естъ всему:
 Гражданству, роскоши, уму,
 Рукой спешенной ходъ раздѣрень;
 Ипогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣрень,
 Пождемъ и возрастетъ ипогъ.
 Давноль могучій Петръ природу,
 Судьбу и смертныхъ превозмогъ,
 Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огонь и воду,
 И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
 Давно ли вдоль и поперѣгъ
 Прошоптана его Россія?
 Исполнятся судьбы земныхъ—
 И мы не будемъ безъ дорогъ!

«Это какое селеніе?» спросилъ мой *Яковъ Ильинъ*. Госпа! опвѣчалъ ямщикъ. При семъ магическомъ словѣ я вспрепенулся, соскочилъ съ конька моей фантазіи—и началъ приготавливаться къ поржеспвенному вѣзду въ Сѣверную Пальмиру. Первый вопросъ мой, по пріѣздѣ на ямъ, былъ о цпрюльникѣ. «Есть опспавной солдатъ; онъ брѣетъ меня и волоспнаго писаря;» сказалъ почтовой писарь: «не знаю, угодишь ли онъ на ваше Благородіе.»—Пошли за нимъ!—«*Матрѣшка!*»—На сей зовъ выглянула изъ перегородки маленькая дочка его.—«Бѣги къ *Харламыгу*, чтобы онъ сей же моментъ явился сюда; здѣсь имѣется до него касательность: проѣзжій баринъ пребуетъ выбришься!»—*Матрѣшка* босикомъ, накинувъ на плеча материну юбку, бросилась изъ избы опрометью. «Наша Госпа—деревня, ваше Благородіе;» замѣнилъ почтовой писарь: «а какъ я вѣдиль по дѣламъ въ Спасскѣ Тамбовской губерціи, въ Балашевъ и Ап-

(*) Англичанинъ *Макъ-Адамъ* изобрѣлъ нынѣшній превосходный способъ дѣлать дороги изъ бипаго камня. Благодаря ему, теперь шоссе (укапъ) опъ древней сподницы Царей до новой сподницы Русскихъ Императоровъ—есть одно изъ лучшихъ въ Европѣ.—*А. К.*

карскъ, такъ и города, кажись, водяпся въ нихъ и исправники и городничіе, и шюрма, а цирюльника нѣтъ, какъ нѣтъ! Калача не въ торговый день не найдешь купишь! Ей, ей такъ, ваше Благородіе!» *Харламычь* не заставилъ ждашь себя. Онъ былъ въ мундирномъ сюртукѣ, съ премея медалями; прослужилъ 27 лѣтъ мапросомъ въ Балпійскомъ флотѣ; былъ съ *Орловымъ* въ Средиземномъ морѣ, съ *Сарычевымъ* въ Ледовитомъ, съ *Чагазовымъ* громилъ флотъ Герцога *Зюдерманландскаго*. Онъ него пахло виномъ; руки дрожали, глаза худо видѣли: опасно было ввѣрять подъ его ножъ—свой носъ, губы и горло.... особливо послѣднее. Онъ могъ безъ умысла перерѣзать его; однакожь, нельзя было показаться на улицахъ столицы съ бороною, копорая опросла на вершокъ и парашилась, какъ щепина: я протянулъ горло! цирюльникъ началъ бришь, а я

У зеркала сквозь слѣзы такъ кисло морщилъ рожу,
Какъ будто бы съ меня содрать собирались кожу.

И не по пуспякамъ: ибо у него были

Не бришвы — косари.

«Умывшись, причесавъ буйную голову, одѣвшись и прихолодившись, я почувспвовалъ позывъ на ѣду. Хозяинъ-писарь объявилъ мнѣ, что въ эпопъ день обѣдало у него 7 ѣхавшихъ на почповыхъ купеческихъ прикащиковъ, и что провіанпу, копорый они сожрали, доспало бы для 14-пи голодныхъ дворянъ. Онъ упѣшилъ меня, сказавъ, что сосѣдъ его ямщикъ держилъ споль для проѣзжихъ. *Матрѣшка* вызвалась проводить меня, за что получила два мѣдныхъ пяпака.

«Насъ встрѣшилъ на крыльцѣ хозяинъ въ собольей шубѣ, и ввѣлъ насъ въ свѣплую избу, гдѣ спѣны, окна, лавки были вымыпы и выскоблены. Свяпыя образа спояли за спекломъ въ кіотѣ изъ краснаго дерева съ бронзой и паками же чепырю колоннами. Раззолоченные оклады горѣли какъ жаръ опъ неугасимой серебряной лампы, передъ ними пеплившейся. Когда я Богу помолился и на всѣ чепыре спороны поклонился, хозяинъ, копорому нельзя дать больше 36-пи

лѣтъ, широкоплечій, рослый, съ лысиною, съ чѣрною густою бороною, привѣпливо спросилъ у меня: чего мнѣ угодно, шей или супу, жаренаго рябчика или пеляпины, коплепу или форели, копорую сей часъ сварить можно? Я выбралъ щи, дичь и рыбу. Пока накрывали на споль и гоповили кушанье, я пуспился пупешеспвовать вокругъ спѣнъ, сплюшь убитыхъ Суздальскаго малярства гравированными карпшикамъ: подлѣ *Мамасва* побонща висѣла Француртская баталія и шпурмъ Очаковскій; далѣ, сказка въ лицахъ о семи братьяхъ *Симіонахъ*, погребеніе копа, *Шемякинъ* судъ, сказка о Царѣ *Лыгелъ* и о дочерѣ его Царевнѣ *Неулыбѣ*, и кто его перелгалъ, а еѣ разсмѣлль. Насыпн взоры, въ ожиданіи насыпипъ чрево, я вышелъ, чтобы приказать слугѣ своему принеспъ изъ коляски бупынку вина. «Не заглядывайте во Французскую кухню, или вы потеряете аппепитъ;» завѣщаль *Карамзинъ*. За чѣмъ не добавилъ онъ: *и въ Русскую!* Эпа папріопическая недомолвка лишила меня вкусаго обѣда. Кухня была черезъ спни; изъ неѣ пахло печеными шпрогами, жаренымъ мясомъ: эпо самое прятное благоуханіе носу человека голоднаго. Чупьѣ, пропивъ воли, заманило меня въ кухню.... Какое зрѣлище памъ мнѣ представилось, мой соспрадательный чипатель! Около чистаго очага суспилась опряпно одѣтая, съ чистыми руками, въ бѣломъ фарпукѣ кухарка—без.....!!!... Я не вышелъ, а меня выбросило вонъ изъ кухни....

Жалѣй меня, жалѣй меня!

Моимъ надеждамъ не сбывался;

Мнѣ доспша не надался.

Прощай до *Демонтова* прапкшира!

А. *Кораблинскій*.

Послѣсловіе. Если поѣздка г. *Полтаева* изъ Москвы въ Санктспербургъ удостоится благоволенія Публики: то я издамъ въ послѣдствій пупешеспвіе его въ Фин-Лие-Эсп-Кур-ляндію, Крымъ и на Кавказскую линию. Стоилъ мнѣ только присѣспъ, да выписать, попомъ выподоскашь, вывесни лянна, коѣ-чпо пообкромнн, пепреписать, спипъ въ петрадь и опустипъ изъ деревни въ столицу, напупспвуя оную спихами покойнаго *Ови*

Для Назона, переведенными покойнымъ Профессоромъ Иваномъ Осиповичемъ Срезневскимъ.

Иди ты, книжица печальная, во градъ,
Куда мнѣ самому, ахъ, вышши не велишь.

А. К.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Щ А С Т І Е , М Е Ч Т А Л И ?

Милый другъ! милый другъ! ежели щастіе земное
Только мечтанье пуспое,
Легкій въ дыму метеоръ,
Издали блескомъ прельщающій взоръ—
Что же спраданье?
Скажешь ли кто, что мѹка болѣзни мечпанье?
Ахъ, нѣтъ! не мечта, не мечта и злосое мгновенье,—
Ежели бремя жишейскихъ суесть,
Память минувшихъ и будущихъ бѣдъ
Сбросимъ мы съ сердца, и въ сладкомъ забвеньѣ,
Въ психихъ забавахъ дружбы, любви въ упоеньѣ,
Радости мы предадимся живой
— Кто согласится разспаться съ такою мечпой? —

И. Пальминъ.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ: 7-й ЭПОДОНЪ.

(Вольный переводъ.)

Куда, мятежники? Почто въ рукахъ сверкаешь
Убійственный вашъ мечъ?
Куда спремилесь вы, съ несповснвомъ въ взоръ?
Еще-ль согражданъ кровь на сушѣ и на морѣ
Не перестанешь печь?

*

Пришла-ль чреда главой поникнуть Кареагену
Опъ молніи орловъ?
Въ шріумчѣ-ль повлекушь неспройными полпами,
По спогнамъ городскимъ, окованныхъ цѣпями,
Бришаніи сыновъ?

*

О, если-бъ такъ! Но нѣтъ, по зрѣлище шное:
Безумные спѣшатъ,
Послѣдуя Парейнъ враждебному желанью,
Въ основахъ испребитъ клятвопреступной дланью
Отечественный градъ!

*

И хищный звѣрь себя подобныхъ не перзаетъ,
И левъ на льва нейдетъ:
Что-жь увлекаетъ васъ? Слѣпое-ль заблужденье,
Иль сила вышняя, или ожесточенье?—
Вы дайте мнѣ отвѣтъ!

*

Безмолвствують... спыдомъ покрѣлись блѣды лица,
И взоръ ихъ недвижимъ!
Ихъ ужасъ обуялъ... опъ робости пренецуютъ:
Такъ! грозное съ небесъ во гнѣвъ боги мещуютъ
Проклятіе на Римъ!...

*

За кровь пролипую должна быть кровь пролипа:
Такъ свыше суждено!
Здѣсь Рема кровь шекла:— съ шѣхъ поръ за втро-
ломство,
За казнъ невиннаго,— все Ромула попомство
Спраданы обречено!

Л.....

Ш А Р А Д А .

Опъ первой вы моей запрячше мѣхъ и шаль:
Проточилъ, нанесѣтъ убышокъ и печаль.
Второе— буква; нѣтъ такой въ раю Мильмона,
Въ спихахъ Вольперовыхъ, въ швореніяхъ Платона.

Она

Единственно сошворена.

Для Россовъ;

Еѣ упошреблялъ безмершный Ломошосовъ.

Ахъ, въ наши времена

Домашневилъ чуть, чуть не изгнана.

А цѣлое— хоща не Сумароковъ;

Но комикъ славный, бичъ пороковъ.

Ш.

Въ No 3 и 4, помѣщенныя значащ: шарада *Пол-день*,
загадка *Grenade*.

M O D E S.

Bonnets. Chapeaux.—Nous ne citerons de bien remarquable, pendant la semaine qui vient de s'écouler, qu'un bonnet que nous avons remarqué aux Italiens. Ce bonnet en blonde était orné de roses frisées, roses, et de scabieuses de velours noir. Il était garni de rubans roses et noirs; il était d'un effet charmant.

— Un délicieux petit chapeau de soirée qui nous a été montré dans les magasins de madame Lepetit, était de velours citron, doublé à l'intérieur de velours cerise un peu jaunâtre; une longue plume, dont le bas était citron, se mêlait de cerise, de façon que le petit bout, tombant en avant, était purement de cette nuance. Il est difficile de donner une idée de l'effet de ces couleurs à la lumière, et puis de cette petite forme si gracieuse.

Robes.—Le velours épinglé couleur maïs obtient un grand succès pour modes pasées. Nous avons remarqué une redingote de cette étoffe, dont le corsage à cœur devant était garni de draperies à la Sévigné, en crêpe; la jupe ouverte sur le devant laissait voir une robe de dessous en crêpe brodé, devant, en tablier.

Aux spectacles, on voit beaucoup de redingotes habillées, dont les corsages sont garnis d'un ou de deux rangs de pélerines décolletées, découpées à dents tout autour.

Beaucoup de robes décolletées se portent avec une guimpe en blonde froncée et retombant tout autour environ de trois ou quatre doigts. Ces guimpes, d'un effet tout-à-fait gracieux, garnissent fort bien les épaules.

On en fait du même genre en linge; mais celles-là se terminent au cou par un poignet large d'un pouce, et au bas du poignet seulement est fixée la garniture.

— Cette année, la vogue des manchons le dispute à celle des manteaux; très-souvent, au bois de Boulogne, lorsque le ciel est pur, les premiers sont en majorité parmi les femmes élégantes.

M O Д Ы.

Чепчики. Шляпки.—Мы опишем весьма замечательное, въ продолженіе испекшей недѣли, одинъ

только чепчикъ, который мы видѣли въ Испалианскомъ шапирѣ; сей блондовый чепчикъ опдѣланъ былъ розовыми завитыми розами и скабіозами изъ чернаго бархата. Ленны были розовыя съ чернымъ. Видѣ его былъ прелестенъ.

— Прекрасная мадеьякая, вечерняя шляпка, которую мы видѣли въ магазинѣ Г-жи Lepetit, была изъ желтаго бархата, подложена алымъ бархатомъ немного желтоватаго цвѣта; длинное перо, снизу желтое, впадало въ алый цвѣтъ, шакъ чпо кончикъ его, загнутый напередъ, былъ чистаго алаго цвѣта. Трудно дасть понятіе о видѣ сихъ цвѣтовъ при свѣтахъ, и о сей ловкой, щеголеватой формѣ.

Платья.—Булавчатый бархатъ, цвѣта maïs, употребляется съ большимъ успѣхомъ для нарядныхъ платьевъ. Мы замѣтили редентонъ изъ сей матеріи, лиць сердцемъ драпированъ à la Sévigné крепомъ. Юбка спереди открыта; внизу креповое платье вышито передникомъ.

Въ спекляхъ видно много нарядныхъ редентонъ, у которыхъ лиць опдѣланы двойными открытыми пелеринками, вырѣзанными вокругъ зубцами.

Открытыхъ платьевъ много носятъ съ собранною блондовою шемизеткою и висящею вокругъ на три или чепыре пальца. Шемизетки чрезвычайно красивы на взгядъ и хорошо прикрываютъ плеча.

Дѣлаютъ шакія же изъ баписпа; но у этихъ около шеи обшивка шириною въ дюймъ, а къ низу обшивки пришила оборка.

Нынѣшній годъ употребленіе мужскъ беретъ преимущество надъ плащами; очень часно, въ Булонскомъ лѣсу, когда небо чисто, первыхъ увидишь болѣе у щеголеватыхъ одѣтыхъ дамъ.

П о п р а в к а.

Въ Но 2-мъ Липерап. Прибавл. къ Русскому Инвалиду на стр. 14-й, во 2-мъ столбцѣ, снизу въ 3-й строкъ, ошибкою *напечатано*: сернаа, а слѣдуетъ *читать*: серый, и на стр. 15-й, въ 1-мъ столбцѣ; 7-я строка, *напечатано*: примѣрный, слѣдуетъ *читать*: примѣрный.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ
Субботамъ.

№ 6.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю карпичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 21 ДНЯ 1833 ГОДА.

Почини у всѣхъ во всемъ одинъ расчѣнь:
Кого кто лучше проведѣть,
И кто кого хитрѣй обманѣть.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ
ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ XVIII И
ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

Прости шлагбаумъ городской,
За коимъ всегда на стражѣ
Забошь безсмысленныхъ неспрыгъ рой,
А жизнь безцвѣтная все та же;
Гдѣ бредяшь, мысляшь, дышашъ даже,
Всегда по таксъ цеховой!
Прости блестящая столица!

«И живучи въ Сѣверной Пальмирѣ, я оспавался въ рангъ путешественника: ибо, какъ иначе назвашь человѣка, привлеченнаго туда однимъ любопытствомъ, не имѣющаго шамъ ни дома, ни родспва, ни свойства, ни постояннаго занятія; не состоящаго ни въ военной, ни въ гражданской службѣ, не купца, не фабриканта, не липератора, не художника? Какъ назвашь человѣка, котораго, продавая глаза, только и думаетъ, какъ бы получивъ позволеніе осмотрѣть сегодня Зим-

ній дворець, завтра Академію Художествъ, послѣ завтра Адмиралтейство; какъ бы доспавъ билетъ въ Эрмитажъ, въ Куинспь-камеру; записаться гостемъ въ Англійскій клубъ, въ большое мѣщанское собраніе; слышашъ пѣвицу *Сандунову*, восхищашъся игрою *Шушерина*, *Плавильщикова*, *Сахаровой*; представивъсь Княгинѣ *Дашковой*, побесѣдовавъ съ мореходцемъ *Шелеховымъ*, побывавъ въ рабочей у *Козловскаго*, вспрѣчьничавъ съ *Державинымъ*, съ прагнкомъ *Княжичинымъ*, съ Денисомъ *Ивановичемъ Фонъ-Визитымъ*, взглянувъ хоть издали на *Матушку-Царицу*, на пышнаго *Килзъ Таврическаго*?

«Каждый путешественникъ, обозрѣвъ какой-либо достопамятный городъ, или замокъ, огнедыщую или снѣговую гору, живописное мѣсто или карпичу славнаго художника, долженъ дать отчетъ въ первомъ впечатлѣніи, которое они произвели на него. Такъ водилъ, особливо между чувствительными путешественниками, кои обязаны еще сверхъ того—окропить видѣнные ими предметы слезами холодными, теплыми, горячими или пламенными; блестящими, жем-

чужными, алмазными, или просто драгоценными; слезами радости, печали, меланхолии, любви, мщениа, ревности, благодарности, воспора, или какими, какія на всякій случай всегда въ запасѣ у *новыхъ Стерновъ* имѣются.

«Съ перваго взгляда меня поразили въ Петербургѣ два памятника *Петра I*. Одинъ, воздвигнувшій *Екатериною II*-ю, другой, оплывшій по повелѣнію Императрицы *Елисаветы Петровны* и сохраняемый въ усвоенномъ для него зданіи. Какая разница! Тамъ пламенный конь *Петра* скачетъ, здѣсь выстываетъ маневреннымъ шагомъ. Первый изображаетъ духъ Русскій, который споль мудро постигла *Екатерина*, впорой—духъ иноземный, копорому слѣпо подражали Россіане въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ копоромъ много хорошаго; но онъ чуждъ намъ.

Чужое платье не нарядъ!

Хоша и въ зодохъ, красиво и богато,

Но или жмень, или мѣшковаго.

И нравы чуждые для силъ душевныхъ ядь,

Чувствъ бодрость расслабляющъ,

Способностямъ вредящъ,

И искажая умъ, его не украшающъ.

Мы спрашны съ ловкостью поддѣльной чуждыхъ спрашъ.

Медвѣдъ съ косматой шубой

Съ шляждой поступью, съ своей осанкой грубой.

Снесите обезьянъ.

«Смольный монастырь очаровалъ меня своею легкою, воздушною архитектурою. Я удивлялся, что онъ по сихъ цоръ не достроенъ (*). «Во всякомъ дѣлѣ, копорое начато и не совершено, есть для меня что-то печальное;» сказалъ *Карамзинъ*.—«Развалины древности говорятъ о прошедшемъ; спуть зданіе опслужило время свое: это спочтенный старецъ, лѣтми склоненный къ землѣ и гробу;—а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть «о прудахъ попереянныхъ.» Зимній дворецъ

еслибъ мнѣ и не назвали: я бы самъ угадалъ, что это дворецъ Императорскій. Не могу умолчать о спранный мысли, всегда приходившей мнѣ въ голову при взглядѣ на него: я боялся, что его когда нибудь выкрадутъ или выбѣдятъ—и пѣмъ лишатъ важной величавости. Почернѣлый опъ лѣтъ, посѣдѣвшій въ службѣ пяти Императорамъ, онъ исполняетъ душу священнымъ благоговѣніемъ.

Остановись, мой духъ,

Высоко залетаешь пы!

«Вспомни народную Русскую пословицу: *всякой свертокъ, знай свой шестокъ!* и другую: *не спрашся броду, не суйся въ воду.* Не намъ, не намъ издавать живописныя путешествія.

«Разскажемъ лучше просто неважныя наши похождения. Мнѣ предпочтительно хотѣлось остановиться у *Демонта*; онъ существуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ; въ немъ квартируетъ смѣсь, всякая всячина, и то и сѣ, опъ всего по маленьку. Это маленький городокъ, status in statu. Но прикащикъ, имъ завѣдывающій, объявилъ мнѣ, что нѣтъ порожняго нумера, и ящикъ опвезъ меня въ Лондонъ, также спаринную гостиницу для прѣзжающихъ, копорую расхвалилъ мнѣ. Въ послѣдствіи я опкрылъ, что содержатель одной даетъ ящикамъ по рублю на водку за каждый экипажъ, къ нему для поспоя привезенный. Сей расходъ напурально падаетъ на его поспояльцевъ.

«Гостиница, гдѣ я остановился, считалась одною изъ лучшихъ въ городѣ, и я, пропивъ всякаго чаянія, нашелъ въ ней Англійскаго Лорда, Саксонскаго Барона, Французскаго Маркиза, только что изъ Москвы возвратившагося—и рѣшительно отдававшего первенство Петербургу—въ просвѣщеніи и упонченности нравовъ; Испанскаго Принца и Голландскаго Банкара.—Я съ ними познакомился. Спенный Саксонецъ сказалъ мнѣ: «я здѣсь семь мѣсяцевъ—«и уже принадлежать разъ перемѣнилъ квартиру. Въ вашихъ гостиницахъ вкусно «кормятъ, полятъ цѣльными винами, обхо-

(*) По Высочайшему соизволенію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го онъ будетъ достроенъ по преемному плану. — В.

«дядяся учпиво — только первые три дня; «потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. Проживъ «въ одномъ мѣспѣ двѣ недѣли, придѣлся уми- «срать съ голоду и беспреспанно ссорилъ- «ся съ служшпелами за ихъ грубоспи. Эки- «спажъ нанимаю понедѣльно, а прежде нани- «смаль помѣсячно. Въ первые три дни я «сразъѣжалъ на красивой вороной чепвѣркѣ «въ щегольской карешѣ, на чепвѣршый впрѣ- «гли мнѣ одну чалую, хромую, на пяпый «еще одна вороная подмѣнена воронопѣгою, «и, что всего хуже, больною запаломъ. На «объгу она хрипѣла такъ, что меня поди- «срало по кожѣ.»

«Англійскій Лордъ, которому жаловался я на худую мостовую (*), важно опвѣчалъ мнѣ, что — «въ Петербургѣ лучшей не на- «дбно.»—Его мнѣніе показалось мнѣ темно- «вапымъ—и я просилъ объяснилъ мнѣ оно. «Не шупя увѣряю васъ, что лучшей мо- «сповой вамъ не надбно. Зимую, она ле- «жипъ подъ снѣгомъ, лѣпомъ еѣ почини- «сваюпъ.»—*Грибъ съгль!* прошепсаль я самъ себѣ подъ носъ.

«Ипаліанскій Принцъ—всегда ходившій въ огромныхъ букляхъ и съ кошелькомъ за спи- «ною, въ шѣлковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бриліаншовыми пряжками, въ гродѣшуро- «вомъ, шипомъ блеспками Французскомъ каф- «панѣ, съ кружевнымъ воропникомъ и ман- «жетами,—спрадалъ рюмапизмомъ, кашлемъ, насморкомъ; проклиналъ Русскій желѣзный климатъ, нашу медвѣжью напуру. Пипи- «чески, и съ такими жеспами, какъ будпо бы импровизировалъ ролю *Агамемнона*, изо- «бразилъ онъ мнѣ, какъ мучился спазмами, наѣвшись бопвиньи. Всего болѣе изумляло его по, что Русскіе желудки опъ щей и квасу не лопались; что Русскіе носы не опморазивались на 25-пип градусномъ мо- «розѣ; что Русскіе солдапы маршировали въ дождь и зной безъ зонпиковъ, и что пожар-

(*) Скоро Петербургъ будетъ вымопченъ на славу; взгля- «ните на новую мостовую Невскаго проспекта. Ан- «гличане и Французы будутъ пріѣзжать сюда, чтобы покатапъся по ней, такъ какъ они пріѣзжаютъ дивипъ- «ся рѣшенкѣ Лѣшняго сада и гранипнымъ нашимъ Набережнымъ. — В.

ная команда пушила огонь, а не сполла ра- «зинувъ ротъ и поджавъ руки. Голландскій Банкирь за пайну опкрылъ мнѣ, что Ан- «гличане завидуютъ нашему изобилію въ лѣ- «сѣ, пенкѣ, желѣзѣ и хлѣбѣ, и боится за Оспъ-Индскія свои владѣнія съ пѣхъ поръ, какъ *Петръ I* оподвинулъ Русскія грани- «цы въ Персію.

«Французскій Маркизъ, прискакавшій сю- «да изъ древней Царской столицы, Москвы,

Душиспный опоматъ,

Ходячій косешпкъ, проспеганъ весь на вапкѣ,
Мурашки не спряхнешъ безъ лайковой перчапки,
Чинипся день и ночь, напудренный скелешъ,
Поношенъ какъ бузваръ и спаръ какъ эпикешъ.

Онъ охуждалъ Московскую набожностъ, по- «спы, хлѣбосольспво; насмѣхался надъ пѣмъ, что памъ называюпъ Государыню *Матуш- «кою*; что дворовые люди зовупъ своихъ баръ опцами, кормильцами; что взрослые дѣпи и даже гвардейскіе офицеры цѣлююпъ руки у родипелей; что выходя изъ заспола благо- «даряпъ Бога за насущный хлѣбъ; что жипе- «ли, идучи мимо церкви, креспаяпся, а вспрѣ- «пясь съ священникомъ, подходить къ нему подъ благословеніе. Маркизъ поржеспвенно причислялъ Москвичей къ дикарямъ, къ вар- «варамъ, за то, что нашелъ нѣскольго му- «жей, согласно жившихъ съ женами, погда, какъ у Парижанъ бракъ *n'est qu'une manière honnête de ne plus se voir*; ему несносно было видѣпъ, что дворяне не шапаюпся по прак- «пирамъ, а обѣдаюпъ и вечера проводяпъ дома съ своими семейспвами, или въ госпяхъ у равныхъ себѣ.

«Эпо замѣчанія Европейцевъ, мои же соб- «спвенныя соспоили главнѣйше въ томъ, что Петербургъ не Русскій городъ, а Нѣмецкій. Двѣ прѣпи жипелей онаго не Россіане, а смѣсь двадцапи языковъ. И самыя коренныя Русаки: Ярославцы, Гороховцы, Нижегородцы, здѣсь промышляющіе, не по дпямъ, а по часамъ удаляюпся опъ святыхъ пра- «дѣдовскихъ обычаевъ; носяпъ на головѣ кар- «пузы, на шеѣ плапки; пьюпъ чай, а не зби- «пешъ; ѣдяпъ бѣлые хлѣбы, а не калачи; вмѣ- «сто зелена виша льюпъ себѣ въ горло слад-

кую водку; спыдялся иппи въ съспную харчевню, а просиживаютъ часы и дни въ расперяціяхъ, да въ кофейныхъ домахъ. Изнѣженность породнила ихъ съ флюсомъ, съ жабой, съ мигренемъ, съ плѣрези и соннею другихъ заморскихъ чѣрныхъ немочей, коихъ между ихъ пращурями видомъ было не видано и слыхомъ не слыхано. Мъщанки, ямщичихи, жены цеховыхъ, шорговки и даже крестьянскія дѣвушки подгородныхъ деревень бросили спройный сарафанъ, спашную душегрѣйку, парчевой кокошникъ, кисейную золотомъ вышитую шапу, монисты, зарукавья, черевики и одѣлись въ неуклюжіе шушуны, въ глупыя юбки, въ безобразныя синіе чулки, въ красныя туфли, въ которыхъ всѣ онѣ кажутся косолапыми.

«Въ театръ мнѣ досадно было слышать Русскихъ актѣровъ (*), не знающихъ по Русски, говорящихъ: *иногда, ихныя, коли* (вмѣсто: если, ежели); *обои* (вмѣсто: оба, двое); *намясь* (вмѣсто: шрепьяго дня, на дняхъ, на сихъ дняхъ).

«Изъ всѣхъ иноспранныхъ путешеспвенниковъ мнѣ пришелся по сердцу Саксонскій Баронъ. Я почти ежедневно находилъ случай провеспи съ нимъ часа два при въ пору дня, копорая у свѣпскихъ людей извъспна подъ именемъ: *l'avant soirée*, предвечеріе, ш. е. между 6-ти и 8-ми часовъ по полудни. Нѣмецъ-дядька мой вѣчно долбилъ мнѣ, что Русскіе дворяне не знаютъ цѣны ни деньгамъ, ни времени. Баронъ, объѣхавшій всю Европу, увѣрялъ меня, что нигдѣ не видалъ такихъ экономовъ, какъ въ Пепербургѣ. Кому вѣришь? — «У васъ чиновникъ, получающій 600 р. жалованья;» говорилъ мнѣ послѣдній: «живетъ такъ, какъ будто ему 6 ш. дохода; имѣющій 1,200 руб. ведетъ шакую жизнь, что человеку, неразумяющему хозяйства, потребовалось бы 12 тысячъ. Я сперва полагалъ, что они крадутъ, что у нихъ часто при повѣркѣ недоспаётъ казѣнныхъ вещей и денегъ; но вскорѣ удосповѣрился въ ихъ честности. Расходныя книги и счефы ихъ всегда ока-

зываются вѣрны, рѣшенія справедливы. Рѣдко чиновники попадаютъ подъ слѣдспвіе, подъ судъ, и изъ сихъ *рѣдкихъ* почти всѣ оказываются невинными. Я раскаяваюсь пеперь въ своей опромѣпчивости, въ обидномъ на счѣтъ ихъ заблужденіи, изъ копорого вывелъ меня одинъ пожилой вашъ соотечеспвенникъ, и также чиновникъ. Онъ доказалъ мнѣ такъ ясно, какъ свѣтъ солнца, что вся шайна Пепербургскихъ хозяевъ состоиптъ въ искусствѣ закупать сѣно, дрова, муку и другіе припасы — во время, въ пору, кспати.» — Просподушный Баронъ обѣщаль упомянуть объ этомъ въ своемъ путешеспвіи и опкрытъ глаза, кому надобно.

«Въ одно предвечеріе, мой Германецъ вынулъ изъ дорожной шкапулки свои замѣчанія о Пепербургѣ и прочиталъ мнѣ нѣсколько страницъ. Я удивился вѣрности его соображеній. Онъ замѣпилъ, что — «большая часть домовъ въ сей столицѣ принадлежатъ особамъ нѣжнаго пола. Прогуливаясь пѣшкомъ по опряпнымъ здѣшнимъ пропуарамъ;» замѣчаептъ Баронъ: «я люблю читать надписи на воропахъ, и надъ плпью изъ десяти нахожу: *домъ жены комиссіонера 9-го класса . . . домъ жены смотрителя 12-го класса . . . домъ жены придворнаго кофшшенка . . . жены придворнаго кухмистера . . . жены коллмиссара . . . жены оберъ-секретаря . . . секретаря . . . повытчика . . . купца.* Изъ эшаго я, не справляясь, вывожу заключение, что въ Россійской Имперіи мужья чрезмѣрно спраспны къ женамъ своимъ и имѣютъ къ нимъ безпредѣльную довѣренность, или существуетъ обычай отдавать большую часть имѣнія дочерямъ, а не сыновьямъ. Обычай, по мнѣнію моему, похвальный: дѣвочки трудно составиптъ себѣ соспоаніе, мальчику всѣ дороги опкрыны.»

«Толкаясь иногда по переднимъ вельможъ;» продолжалъ Баронъ: «нерѣдко случалось мнѣ слышать, что письмоводители ихъ опмѣнно вѣжливы съ просипелами и, судя по пріятному лицу, по нѣжной ихъ усмѣшкѣ во время разговора съ ними, принимаютъ въ ихъ дѣлахъ самое живое участіе. Опклад-

(*) Разумѣется, нѣкоторыхъ.

ниваясь имъ, они съ неподражаемою сладостью напускаютъ ихъ словомъ: *завтре*; пожалуйте *завтре*; навѣдайтесь *завтре*; побывайте *завтре*. Справясь съ словаремъ, я нашель, что оно значить morgen, demain— и спать было подозрѣвать секретарей въ проволочкѣ. Долго ли ошибиться иноспранцу, не пивѣрному въ языкѣ, споль богатомъ, какъ Русскій! Хорошо еще, что я на вечеринкѣ у графа *Зубова* напикнулся на одного дѣльца, воспитаннаго въ Московскомъ университетѣ и владѣющаго Нѣмецкимъ и Французскимъ языкомъ, какъ своимъ природнымъ. Онъ изъяснилъ мнѣ, что многозначительное нарѣчье *завтре*, имѣеть у приказныхъ совсѣмъ другой смыслъ. Оно означаетъ, что дѣло въ ходу, что по немъ вводится справки, сдѣланы запросы, ошибрается объясненіе опъ опѣвпчика, сочиняется записка или выписка, приписываются приличные законы; что все сіе будеть гошовой весьма скоро, на дняхъ, можеть бытъ, *завтре*»

«Еще замѣшка. Въ Германіи женихи и невѣсты публикуютъ себя въ газетахъ, описывая свои лѣта, ростъ, дородство, характеръ и достатокъ, и объявляя, какихъ лѣтъ, какого цвѣта у нихъ глаза и волосы, съ какимъ характеромъ и капиталомъ желаютъ они найти жену или мужа. Въ Россіи, полупросвѣщенной, гдѣ издаются только двѣ газеты: одна здѣсь, другая въ Москвѣ, есть особенное сословіе женщинъ, которыхъ единственнае ремесло сводить молодыхъ людей, разносить по домамъ записки о приданомъ, улаживать сватьбы. Онѣ называются *свахами*. Ремесло *свахы* обыкновенно соединено съ ремесломъ торговли вешьюю. Знапнѣйшія изъ нихъ торгуютъ спарыми шубами, плащями, поношенными шальями, спарннымъ серебромъ, вышедшими изъ моды золотыми вещицами и даже жемчугомъ и брилліантами. Меня хотѣли поддѣть сполнчине сплешники и увѣрили, будто бы у дѣшнихъ невѣстѣ, особливо у купеческихъ дочекъ, неугомонная спраситъ выпши за дворянъ, за людей знатныхъ, чиновныхъ, сдѣлапья княгинями, генеральшами. Но я плохо этому вѣрю; меня не проведушь:

одна птица весны не составляетъ; два примѣра между пылчыми бракосочетавшихся ничего не доказываютъ.

«Я, благородный Германецъ, не хочу подражать *Лѣккеру* и *Миссону*, взводившимъ на Россію небылицы.» — Баронъ закрылъ петрадь, а я кпнулся обнимать его.

«Дней черезъ шесть послѣ чпенія Бароновыхъ записокъ, изъ которыхъ я не проронилъ ни словечка, пришелъ онъ ко мнѣ упромъ очень рано и объявилъ о предспощей разлукѣ, о намѣреніи его побывать въ Выборгъ, Ревель и Ригъ. «У меня Вѣнская коляска;» сказалъ онъ мнѣ: «двоимъ въ ней просторно; не хотише ли бытъ моимъ поварищемъ?» — Баронъ глѣдѣлъ на меня споль нѣжно, споль грустно, что я подалъ ему руку и сказалъ: вдемъ! сполько опсрочьте свой опѣздъ на три дни. — «На цѣлую недѣлю!» вскричалъ онъ съ неприпорнымъ воспргомъ.

«Мнѣ не жалко было оставить пышную сполницу; я уже осмолпрѣлъ ея достопамятспости; а съ жишелями ея, которые пошнули въ бумагахъ, заняты дѣлами, слушають дѣла, рѣшаптъ дѣла, говоряптъ о дѣлахъ, не опсправляють ни одного пакета обыкновеннаго, а все съ надписью: *о нужномъ, весьма нужномъ, чрезвычайно нужномъ* (*); которые никогда не смѣются, всегда куда-то поропяптъ, никогда никуда въ пору не поспѣваютъ; на балахъ не пащуютъ, на

(*) Петербургъ есть сполница, гдѣ сосредоточены всѣ высшія, духовную, военную и гражданскую власть имѣющія особы и судилища. И такъ, ничего не мудрено, что въ немъ больше занимаются дѣлами, нежели въ Москвѣ, жишели которой живушь въ ней для пошго, что бы наслаждапья жизнью. А чѣмъ занимались въ концѣ XVIII-го вѣка въ Лондонѣ? Засѣданіями Парламентовъ и Французскою революціею! О чемъ болтали въ Парижѣ зѣваки (les badauts) на площадяхъ, журналиспы въ газетахъ? Бражили религію, Короля, Королеву, *Неккера*, хвалили *Лафайетта*, *Робертсера*, *Бирраса*, *Бонапарта*! А въ XIX вѣкѣ? Кричали противъ *Наполеона*, противъ *Бурбоновъ*, противъ *Казимира-Перье*. Развѣ это лучше? Развѣ легкомысліе и неспостоянство — примѣпы образованности. — В.

пирахъ не веселятся; я ни съ кѣмъ не могъ войти въ короткія, приапельскія связи. Смотря на великомучениковъ, часто, очень часто повторялъ я про себя стихи *Державина*:

Какъ бѣдный часовой топъ жаждетъ,
Который вѣчно на часахъ!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

КВАКЕРЫ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Одинъ путешественникъ, недавно возвратившійся изъ Америки, рассказываетъ слѣдующія подробности объ одеждахъ и обрядахъ тамошнихъ квакеровъ.— Женскій нарядъ для всѣхъ одного покроя и цвѣта; онъ состоитъ изъ тонкой суконной маншильи, подъ которую надѣвается еще родъ капопа изъ шелковой матеріи темнофіолетоваго цвѣта и косынка изъ бѣлаго лино. Одежда мужчинъ, также для всѣхъ одинаковая и отличающаяся своею чистотою, состоитъ изъ широкаго свѣтлосѣраго кафтана съ большими полами, изъ длиннаго камзола съ карманами и короткаго исподняго платья, завязаннаго шнурами. На ногахъ носятъ они сапоги съ желтыми отворотами, а на головахъ круглыя шляпы съ низкою пулею и широкими полями.

Мѣстомъ собранія служилъ имъ длинная зала, которой стѣны, ничѣмъ не украшенныя, выкрашены тѣмною краскою. Мужчины и женщины сидѣли, особо одни отъ другихъ, по обѣимъ сторонамъ сей залы; женщины безъ шляпъ и маншильи; мужчины также съ открытыми головами, и всѣ сіи принадлежности ихъ убора висѣли на особыхъ вѣшалкахъ, поставленныхъ подлѣ каждаго изъ членовъ собранія. Въ осанкѣ женщинъ замѣтна была спрощайшая правильность; косынки ихъ были сложены въ одну спорону, руки у всѣхъ опущены на колѣни, глаза устремлены въ землю; блѣдныя, худыя лица ихъ, по большій части не очень милыя, заспавляли догадываться, что они

постоянно наблюдають самую суровую воздержность.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго молчанія, одинъ изъ членовъ общества запѣлъ духовную пѣснь, которую продолжали хоромъ всѣ присутствующіе; за симъ снова послѣдовало молчаніе. Тогда другой квакеръ вышелъ на средину комнаты и произнесъ рѣчь о любви къ ближнему, смѣшанную съ текстами изъ Евангелія. Едва только онъ возвратился на свое мѣсто, какъ всѣ мужчины и женщины вспали и выспутили впередъ: старшіе оспались назадъ, а молодые сославили двѣ діагональныя линіи, одинъ полъ прошивъ другаго. Женщины сбросили съ себя плащи; мужчины, по примѣру ихъ, также скинули кафтаны, и шепъ я замѣнилъ, что лѣвая рука перевязана была у нихъ, поверхъ рубашки, голубою ленточкою: не смотря на мои сильныя убѣжденія, я никакъ не могъ узнать причины сему спранныму украшенію. Спавъ такимъ образомъ, молодые люди обоего пола начали плясать другъ съ другомъ, подъ голоса старшихъ собратій своихъ, которые оставались у стѣнъ залы и били въ то же время тактъ. Въ пляскѣ сей, обѣ линіи начинали прежде балансировать на мѣстѣ, потомъ проходили взадъ и впередъ, подпрыгивая довольно усердно.

По окончаніи пляски, топъ, который говорилъ рѣчь о любви къ ближнему, произнесъ новое поученіе, въ которомъ упомянулъ о происхожденіи сего обряда, установленнаго, по словамъ его, въ память царя *Давида*, плясавшаго предъ кивотомъ; послѣ сего онъ поклонился собранію и удалился. Скоро разошлись и всѣ прочіе, мужчины въ одну, а женщины въ другую спорону. Они сходятся только къ обѣду и вечерней молитвѣ, къ которой не допускають никого посторонняго.

Сіе обыкновеніе до крайности удивило меня, особенно показался мнѣ замѣчательнымъ топъ важный видъ, съ которымъ молодые люди обоего пола плясали едва не до упаду.

Доходъ, выручаемый отъ продажи квакерскихъ издѣлій, обращается въ пользу общества, въ которомъ нѣтъ нищихъ, попо-

му, что въ немъ непрерывны люди празд-
ные. Вообще физиогномія квакеровъ дышешъ
совершеннымъ спокойствіемъ, подобно ис-
паннымъ сполческимъ философамъ; они
умѣютъ переносить величайшія непріятно-
сти въ жизни почто также, какъ самыя
щасливыя перемѣны, и никогда не допу-
скаютъ обнаруживаться въ себѣ какимъ-
либо признакамъ радости, или печали.

Съ Франц. Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ШЛЯПѢ ДѢЛО.

Инымъ что шагъ, по неудачи;
Что шагъ, по радости другимъ:
Слѣпецъ надъ бездной невредимъ,
Упалъ на ровномъ мѣстѣ зрячій.
Кто опыскалъ къ Форпунѣ слѣдъ,
За все пошъ принимайся смѣло:
Въ сорочкѣ онъ родился въ свѣтъ,
И въ шляпѣ дѣло!

Съ Бургонской пробкой, за приборомъ,
Какъ спавятъ мнѣ медокъ проспой,
Или красокѣ пожилой
Блеснуть захочется уборомъ,
Иль баринъ, пополамъ съ грѣхомъ
Плюмажъ свой выспавляетъ бѣлой,
Я говорю себѣ шайкомъ:
Не въ шляпѣ дѣло!

Кто не богатъ, пошъ бѣгай спора
И въ судъ за правдой не гонись;
Или въ снѣгахъ безъ шляпы жмись
И жди годъ цѣлый приговора.
Богатому и шупъ моли!
Хомъ дѣло чѣрно, будетъ бѣло:
Изъ шляпы высыплеть рубли,
И въ шляпѣ дѣло!

На карпахъ проигравъ имѣнье,
Эрасъ женился на вдовѣ;
И въ домъ, и на головѣ,
Вездѣ Эрасу приращенье.
«Пусть надо мною;» говоришь:

«Подшучиваетъ городъ цѣлой;
«Но мнѣ тепло; я щасливъ, сытъ!»
И въ шляпѣ дѣло!

Когда везло Наполеону,
За колесницей вель онъ свѣтъ;
Но Русскій царь взялъ жезлъ побѣдъ—
И сшибъ съ чела его корону.
Припомня въ ссылкѣ прежній сонъ,
Какъ все въ глаза ему глядѣло:
«Имѣль»—вздыхала мыслила онъ—
«Я въ шляпѣ дѣло!»

Кп. В—ій.

1824 года.

БУДУЩНОСТЬ.

Ударить часъ—и я проснусь
Опъ жизненнаго усыпленья,
И весь въ безсмертье облечусь
Въ великій день Преображенья!
Разоблачусь предо мной
Прамаперъ всѣхъ сущесствъ—Природа,
И мыслей пламенныхъ свобода
Въ душѣ засвѣпиптъ факель свой!
Дремота дальнихъ заблуждений
Какъ сонъ исчезнетъ опъ очей
И, самой молніи быспрѣй,
Прейдутъ обманчивыя шныи.
Все въ новомъ свѣтѣ я узрю,
Неизъяснимымъ наслажудся,
И, встрѣпипвъ райскую зарю,
Въ неплѣннѣ ризу облачуся.
Границы тѣснаго ума
Перелечу на крыльяхъ Вѣры—
И не обниметъ духъ мой тѣма,
Гдѣ свѣпиптъ солнце высшей сѣры;
Ноги о камень не преткну,
Земныхъ не вжажудсь мудрованій,
И съ Фарисеемъ не начну
Безплодной философской брани.
Воспламенясь любви огнѣмъ,
Испью до дна блаженства чашу—
И Испины святымъ вѣнцомъ
Чело бессмертное украшу.

Н. Баталинъ.

Нижній-Новгородъ.

C H A R A D E.

La séduisante Mars paraît-elle au théâtre,
De son brillant talent le public idolâtre
Sait faire à tout propos entendre mon premier;
Sur le soir, au café, maint commis de boutique,
Oubliant un instant la vente et la pratique,
S'exerce avec ardeur à pousser mon dernier;
Mon tout s'introduit-il au milieu d'un ménage,
Nous donne de l'enfer la véridique image.

Въ No 5, помѣщенная шарада значить: *Молль-ерь*.

M O D E S.

Vous avons abandonné nos détails de toilette pour nous occuper de *ces petits riens* du moment du nouvel an, qui n'ont pour eux que cette première époque de l'année. Ce mois de janvier tout entier est laissé aux étrennes, et ce n'est pas encore inutile de rappeler que, pour les visites d'obligation, pour les dîners de famille, une jeune femme aime à renouveler ses parures; et puis une mère, un mari en retard, ne seront-ils pas bien aises de savoir que plusieurs de nos grands magasins se sont occupés d'eux dans ce cas; que M. Gagelin a réuni tout exprès à leur disposition les plus ravissantes choses que l'on puisse désirer voir porter à sa femme ou à sa fille? C'est une féerie que cette fraîche et riche collection de robes de bal de mille sortes, des gazes brillantes et légères, des crêpes veloutés ou brodés, des cachemires pompeux, les satins éblouissants et magnifiques de luxe et d'élégance; et les garnitures gracieuses et simples, les écharpes soyeuses et resplendissantes; toute cette confusion d'étoffes, ce fracas de parures qui ont l'avant-goût d'un bal: on ne sait pas, en entrant, ce qu'on vient chercher; en sortant, on voudrait ne rien laisser. Dire un mot des manteaux sans nombre qu'offre ce magasin, doit être inutile maintenant; il est assez connu pour que nul autre ne puisse lui opposer de rivalité.

Les longs tire-bouchons sont presque totalement abandonnés, surtout pour le bal, où la chaleur les défrisait promptement: on les remplace par des touffes crêpées, séparées, reposant sur les tempes. On dispose les fleurs, qui sont délicates et très-légères, également en touffes, qui se mêlent aux papillotes. Les guirlandes se posent sur le front et se font en élar-

gissant des deux côtés du front, faisant bandeau dans l'intervalle des touffes; d'autres guirlandes, que Natier et Bâton font en grand nombre, sont toutes rondes, à la *Rosière*: elles se posent un peu de côté.

Pl. No 5. Coiffures ornés de rubans. — Robes de crêpe.

M O Д Ы.

Мы оставили подробныя описанія нарядовъ, чѣмъ заняться мелочами новаго года, для которыхъ только и естъ эта эпоха начала года. Генварь мѣсяць весь посвящается для подарковъ, и не бесполезно будетъ напомнить, что для необходимыхъ посѣщеній, для семейныхъ обѣдовъ, молодая женщина любитъ возобновить свои наряды; также не пріятно ли будетъ для замедлившихъ матерей или мужей знать, что во многихъ изъ большихъ нашихъ магазиновъ занялись ими въ такомъ случаѣ; что г-нъ Gagelin соединилъ нарочно для сего самыя прелестныя вещи, какія только можно желать видѣть на своей женѣ или дочери? Это щеголеватое и богатое собраніе бальныхъ платьевъ пышныя разныхъ разборовъ, блестящія и легкія газы, крепы съ бархатомъ или вышитыя, богатые Кашемиры, блестящія и пышныя роскошью и щеголеватостію апласы, шелковистыя шарфы; вся эта смѣсь тканей и нарядовъ, которые предуготовляютъ къ балу, все это совершенное очарованіе: не знаешь, входя, на чѣмъ остановишь глаза; выходя, не хотѣлось бы ни съ чѣмъ разстаться. Сказать слово о плащахъ, находящихся въ семъ магазинѣ, теперь бесполезно; онъ столько извѣстенъ, что никакой другой магазинъ не можетъ войти съ нимъ въ соперничество.

Длинные локоны почти совсѣмъ оставлены, особливо для баловъ, гдѣ опъ жару они скоро развиваются: ихъ замѣняютъ взбитыи куспиками, укрѣпленными на вискахъ. Цвѣты и жѣпы и легкія накальваются также куспиками, смѣшывая съ волосами гирлянды кладуть по лбу, и дѣлають разширяя съ обѣихъ концевъ лба, составляя повязку между куспиковъ; другія гирлянды, которыхъ Натье и Bâton дѣлають весьма много, совсѣмъ круглыя, à la *Rosière*: ихъ кладуть немного на сторону.

Карш. No 3. Прическа съ лентами. — Креповая роба.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Января 25 дня, 1853 года.

Что есть любовь?—опрада.
Что есть любовь?—опчальнѣ сердцецъ,
Блаженство—скука и досада,
И жизни гибель—и вѣнецъ.

В. Пушкинъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ ХVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

Отъ Издателя сего путешествія.

«Русскій переводчикъ всей чипающей Европѣ извѣснаго Морьева романа: *Похожденія Хаджи-Бабы въ Персіи и Турціи*, избѣгая упоминательной его многорѣчивости, излишества пусныхъ, незанимательныхъ подробностей и безконечныхъ повпореній, сократилъ сію книгу до двухъ прешей. Публика, за такое къ ней вниманіе, изъявила ему уснами журналистовъ свое благоволеніе и раскупила всѣ экземпляры.

Я выкинулъ изъ дорожныхъ записокъ Переводчика *Полетаева* девять десятыхъ; многое передѣлалъ; многое пересказалъ по своему, вездѣ свято сохраняя смыслъ и духъ, и даже анахронизмы своенравнаго моего сопечесвенника. За все это, по напечатаніи части записокъ, содержащей путешествіе его отъ Москвы до Санктпетербур-

га и пребываніе его въ семь послѣднемъ, меня закидали письменными и словесными упрѣками. Словомъ,

Тотъ желалъ арбуза,
А тотъ солёныхъ огурцовъ.

«Посоветовавшись съ липературною моею совѣстью и нѣсколькими просвѣщенными друзьями, я успокоился: ибо это всё были вздорныя придирки. Но въ прошедшую среду получилъ я *замѣчанія*, которыя нашёлъ дѣльными и которыя уязвили въ самое сердце—мое честолюбіе. Въ нихъ между прочимъ содержится, что я—*сна протяжныхъ въ скрипучей телегѣ протязиль моего Полетаева*. Это задрало меня за живое, и я рѣшился еще сократить, уже мною въ десять разъ сокращенное. Прокачу васъ, господи, ни чѣмъ въ свѣтѣ недовольные, на курьерскихъ. Прошу садиться, коляска подвезена! Мой *Полетаевъ* уже занялъ въ ней мѣсто подлѣ Саксонскаго Барона, его сопутника, и мурнычипъ:

Хоть глѣду мало въ ней простора,
Но духомъ на просторѣ я:

И недоступнаго обзора
 Опъ насъ бѣгущіе края,
 И Океанъ воздушной степи
 Безъ береговъ и безъ границъ,

 Все умъ развизываетъ ширѣ!

«Въ то время, когда *Полетаевъ* съ Барономъ предприняли путешествованіе въ Финляндію, у Петербургскихъ знатныхъ баръ вошло въ моду, ѣхавши на почтовыхъ, брать съ собою собственнаго надежнаго кучера. Какъ не перенять у нихъ такой мелкой, какъ я, козявкѣ? Баронъ нанялъ за дорогую цѣну кучера, Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, изъ государственныхъ крепостянь, 11½ вершковъ росту, смазливаго лицомъ, съ орлинымъ носомъ, съ черными какъ смоль волосами и густою какъ лѣсъ бородою, съ большими на выкапѣ глазами, у которыхъ самыя бѣлки черноваты, шея въ складкахъ, руки, даже кисти обросли волосами;

Какъ верви сплелены въ немъ жилы;
 Опвѣдай съ нимъ своей пы силы;
 Въ немъ ребра, какъ липалъ мѣдъ.

Широкоплечій. . . . На моего Нѣмчика нашелъ сподбникъ, когда онъ увидѣлъ *Полуехта* (Полиевкина). Опъ поспѣшь нанялъ его на три года, поному, что давно имѣлъ намѣреніе вывести съ собою въ Дрезденъ дрожки съ Русскимъ кучеромъ, упряжью, Вѣнскимъ иноходцемъ и приспужною, которая бы ходила на однихъ заднихъ ногахъ, кланялась, свивалась въ кольцо и развивалась, ѣла землю и длиною гривую меда улыцы (*).

«О Финляндскихъ большихъ дорогахъ говорить нечего: природа сотворила ихъ изъ одного липаго камня;» замѣчаетъ *Полетаевъ*. — «Съ эпою масперницею прудно соспязаться и самому *Макъ-Адаму*. Малорослыя Финскіе

(*) У Россійскаго Посланика въ Берлинъ, Графа *Алопеуса*, были дрожки и кучеръ съ бородою. Осенью 1827-го года онъ прѣхалъ къ одной Русской путешественницѣ. Полушороговаяя малопка, дочь ея, такъ обрадовалась брадатому земляку своему, что протянула ему изъ окна руку и позволила цѣловать ее, тогда, какъ въ Петербургѣ она боялась навостиковъ и разнощиковъ. — В.

клеперы мчали насъ, какъ на крыльяхъ. Мы гуляли въ Парголовскомъ саду, бросили по цѣпкѣ на рановременный гробъ графа *Полье* (*), споль много общавшаго Россіи, его усыновившей; взглянули на высокіе хоромы и прекрасный садъ княгини *Лопухиной*, завернули въ Токсово, которое иноспранцы прозвали Петербургскою Швейцаріею; нашли тамъ нѣсколько семействъ Англинскихъ и Нѣмецкихъ негоціантовъ, перекочевавшихъ сюда на льпнюю пору, и одного Русскаго пустынника, и по похожаго на медвѣдя. На 68-ми верспахъ опъ села Токсова до д. Мятри, по просѣлочной дорогѣ, мы видѣли вкрапцѣ образчики всякаго рода худыхъ дорогъ: пѣски, болоша, прясину, броды, гнилыя мосты; перебирались чрезъ груды камней, между обгорѣлыхъ пней и глубокихъ вымошнъ, спускались съ крутыхъ горъ, съ какихъ прудно сойти пѣшему, поднимались на высоты почти опвѣсныя, скользили по глинѣ косогорьевъ, по краямъ глубокихъ овраговъ, ничѣмъ неогороженныхъ. Первую ночь провели въ д. Койколъ у Чухонца на дворѣ, не смыкая глазъ и пѣснясь къ пылающему костру, единственному убѣжищу опъ пучи комаровъ, бойкихъ и нахальныхъ; другую въ д. Сирки-Саръ въ Чухонскомъ амбарѣ, котораго дверь была опворена, не смотря на холодъ, на рѣзкій вѣтеръ и проливной дождь, изрядно промочившій насъ сквозь плохую драничную крышу; прѣпью на мызѣ Графа О. . . . , куда пустила насъ коровница Его Сіятельства изъ жалости. Намъ опвели свѣсплюю комнату, расопили каминъ, согрѣли чайникъ; но чаю пить нельзя было: ибо желтая болопная вода пропухла. Вѣнская Баронова коляска, промчавшаяся 6 п. вѣрспъ по Европейскому укапу, да болѣе пысаки по Русскому, не могла держаться прошивъ шолчковъ просѣлочной, достигнутой шолкѣ для Чухонскихъ двуколѣсныхъ пельжекъ.

«Выѣхавъ на большую дорогу въ Мятрь, мы осмопрѣли древній Канѣвскій монастырь на оспровѣ Ладожскаго озера, кр. Кексгольмъ и маленькую крѣпосницу Нейшлотъ. Има

(*) Опять анахронизмъ. Имѣ мѣспъ конца! — А. К.

последней, при внезапномъ вторженіи въ Русскую Финляндію *Густава III*, сдѣлалось громко мужествомъ своего Коменданта, котораго, на предложеніе Короля сдать ему оную, отвѣчалъ, что—«онъ обѣ одной рукѣ и не можетъ отворить тяжелыхъ крѣпостныхъ воротъ, а проситъ господъ *Шведовъ* самихъ потрудиться это сдѣлать.» Въ Выборгѣ мы провели время весело; подгородный садъ Барона *Николай* споль изящень, что *Делиль* вѣрно упомянулъ бы о немъ въ своей поэмѣ *Сады*, еслибъ зналъ его.

«Въ Троицынъ день, который празднуется здѣсь торжественнѣйшимъ образомъ, мы были очевидцами, какъ молодой Финнъ переломилъ себѣ руку, качаясь на качеляхъ, которые не похожи на Русскіе висячіе и круглыя. Финны врывающъ два высокіе столба съ широкими на верхнихъ концахъ продолбленными ушками (опверспіями), сквозь которые продѣвается толстая перекладина, въ эту перекладину крѣпко вколочены двѣ длинныя жерди, а къ нимъ прикрѣплена доска—шириною въ аршинъ или аршина въ полтора. Нещастный Финнъ, желавшій показать себя передъ нами молодцемъ, спалъ на доску, ухватился руками за жерди—и два сильные мужика раскатали его такъ, что онъ перевернулся вокругъ перекладины, головою внизъ, а ногами отвѣсно вверхъ. Онъ описалъ уже 13 круговъ, въ 14-й оборвался, ударился о камень и переломилъ лѣвую руку ниже локтя. Баронъ подарилъ ему 5 червонцевъ на лекарство. Мы и сами чуль не сломали шеи въ этой поѣздкѣ. Благосклоннымъ и неблагосклоннымъ чинашелямъ уже извѣстно, что сопутникъ мой нанялъ ухарскаго кучера, котораго посадилъ на козлы съ ямщикомъ. Онъ правилъ, а ямщикъ погонялъ. Въ такомъ порядкѣ околесили мы не только Русскую, но, видя, что нѣтъ большихъ препятствій въ пропускѣ насъ черезъ границу, и часть Шведской. Однажды, въ такое утро, какова никогда въ Россійскомъ царствѣ не бывало красивѣе и веселѣе, когда роса блестяла на цвѣтахъ крупными жемчужинами и спукъ коляски нашей по гладкой дорогѣ былъ сладостень,

Какъ вода согласное журчанье,
Какъ нѣжныхъ горлицъ поркованье,
Какъ помный ропотъ въ шерка,
Когда, въ полудень воспаленный,
Лобзаетъ онъ изъ подпущика
Цвѣшокъ, роскошно усыпленный.—

«Въ это утро надъ нашими бѣдными голубушками

Свершился вышній приговоръ,
Свершился! никакою силой
Неотразимой.

«Мы неслись во всю рысь подъ гору, какъ вдругъ лошади на полугорѣ крупно поворопили по пропикѣ вправо, правыя колѣса вскапнулись на косогорѣ—и коляска со всего размаха грянулась на каменный помостъ. Насъ съ Барономъ отбросило на сажень, кучеръ, ямщикъ едва успѣлъ выпутаться изъ вожжей, лошади съ передкомъ мчались, какъ будто вѣдма погоняла ихъ кочергою.— Судьбы хотѣли, чтобъ никто изъ насъ не проломилъ головы, не раздробилъ костей; завсе расплашилась коляска. Она была разбита въ дребезги. Съ нами была запасная, въ которой сидѣли наши слуги. Мы перебрались въ нее; съ изломанною оставили Баронова камердинера, приказавъ ему, починя оную, слѣдовать прямо въ Пепроградъ и опыскаль насъ въ Лондонъ, прошивъ Адмиральшества, куда прибыли мы въ полъ же день около полуночи. Вся бѣда наша случилась отъ того, что почповыя лошади были выставлены на станцію изъ той деревни, въ которую они по любви къ родинѣ поворопили.

«Въ Петербургѣ прожили мы недѣлю. Баронъ отпралялъ Россію, но хотѣлъ на пути осмотрѣть Лифляндію и Эстляндію; я вызвался сопровождать его до Минавы. Мы положили выѣхать рано, чтобы завернуть въ Троицко-Сергіевскій монастырь поклониться праху Князя Платона Александровича *Зубова*, брата его Графа Валерьяна Александровича, которому при покореніи Дербента вынесъ городскіе ключи Персіянинъ, подносившій ихъ нѣкогда *Петру Великому*.

Въ сподѣнемъ старецъ *Дарій* зрѣлся,
А юный Александръ въ тебѣ;

написать, по сему случаю, *Державинъ*, пѣвецъ *Фелицы* и славныхъ ея подководцевъ.

«Прагъ супруги его, гремящей красотою, покоится за оградю.

«Ходя по кладбищу, я (п. е. *Полтаевъ*) указалъ Барону на памятникъ Спашскаго Совѣтника *Тихонравова*, который соединялъ въ себѣ всѣ достоинства семьянина и гражданина, общалъ мудраго государственнаго человека и умеръ отъ напуги не доплавъ до чина Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника, куда безобразная, гадкая душонкою жена, сидя у него на закорпкахъ, безпреспанно его погоняла.

«Изъ Троицкаго монастыря, гдѣ промедлили, осматривая Инвалидный домъ, построенный и содержимый на иждивеніи Графовъ *Зубовыхъ*, мы добрели пѣшкомъ въ Спрѣльну, ходили по саду и, чувствуя усталость, оспались памъ почевашъ.

«Часу во впоромъ ночи постучались въ дверь ко мнѣ, и на опкликъ мой сказали, что одна Русская Полковница, на которую, на 7-й верстѣ отъ Спрѣльны по Нарвскому прагю, напали разбойники, имѣеть нужду въ моемъ совѣтѣ и убѣдительно просить пожаловашъ къ ней на четверть часа. Неучпиво, даже грубо-глупо мнѣ, было бы рыцарю *негальнаго образа*, опказашъ отъ случая услужить дамѣ. Я одѣлся и пошелъ съ предложеніемъ услугъ къ почтенной моей соопечественницѣ.

«И въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ даму почтенную, въ пождыхъ лѣтахъ сохранившую прилпность физіогноміи, опмѣнно образованную, благороднаго тона, который, не переходя въ жеманство, не спускаясь до фальшивыхъ нотъ мелкой шляхты, держится между пысканностью и неопрыпностью. Она была въ черномъ шелковомъ капотѣ, бѣломъ чепчикѣ и черной шали.

«Послѣ первыхъ привѣтствій, она рассказала мнѣ слѣдующее: «я Полковница *Н. . . .*, живу въ Ригѣ у зятя, вдовца, у котораго одна малютка, внучка моя; пріѣзжала въ Петербургъ на родину къ младшей своей до-

черк; возвращаюсь въ Ригу, въ четверомѣспной каретѣ, одна съ служилелемъ брата моего, Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника *И. . . . ва*. Пріѣхавъ сюда вчера часу въ осьмомъ вечера, я узнала отъ спашскаго смоприпеля, что лошади только пришли и что нужно покормить ихъ, а по онѣ не доvezуть до Кипени. Я согласилась ждать—и оспалась въ каретѣ. Черезъ четверть часа, подошла ко мнѣ порядочно одѣтая Нѣмка, присѣла и начала разговоръ: вы ѣдете однѣ?—«Одна!»—Куда?—«Въ Ригу.»—Не возьмете ли вы съ собою человека добраго, смирнаго, учпиваго, которому вы окажете величайшее одоженіе и который будетъ плашить половину издержекъ.—«Я плачу прогоны на шеспъ лошадей—и мнѣ ни денегъ, ни поварища не надобно; не могу взять незнакомаго: Богъ знаетъ, кто онъ.»—Эпо мой мужъ, злыхъ дѣлъ мастеръ; онъ никогда не оспавлялъ Петербурга; необходимость заставляеть его сѣлать поѣздки въ Ригу, для раздѣла съ братьями наследственнаго имѣнія. Мужъ мой имѣеть съ собою 40 п. рублей и почти ни слова не знаетъ по Русски: жальтесь надъ нами.—Тутъ подошла маленькая дочь ея и соединила свою просьбу съ материною. Мнѣ показалось, что она имѣеть сходство съ любимой внучкою моею, Капенкою *В. . . . ю*. Эпо убѣдило меня лучше, чѣмъ книксень и слѣзы старой Нѣмки, ея матери. Я согласилась взять съ собой ея мужа, только съ условіемъ, чтобы ему во всю дорогу не пить ни водки, ни пива и не курить табаку.

«Мы пустились въ путь за часъ до полуночи. На небѣ наволокло; ночь, какъ вы видите, сѣлалась темна. Насъ было только двое, да слуга мой; съ нами тяжелый чемоданъ, въ которомъ 40 п. серебряныхъ рублей. Подъѣзжая къ 7-й верстѣ, слышимъ крикъ: разбой! грабятъ! . . . Я вообразила, что воры подсмотрѣли, какъ укладывали ко мнѣ въ карету деньги золотыхъ дѣлъ мастера, и что они имѣютъ на нихъ виды. Слава Богу, я ошиблась. Съ словомъ: грабятъ! выбѣгаеть изъ кустовъ молодой человекъ, у котораго воры опняли всё его имущество.

Мы посадили его позади кареты, поворопили назад—и безъ памяти сюда прискакали. Я взяла для себя комнату, мой Нѣмецъ другую, молодаго челоѵка отослали спать въ ямскую избу. Помогите мнѣ, ради Бога! научите, что намъ дѣлать, какъ опыскавъ ограбленное?»—Я отвѣчала, что пойду распрошу, какъ это случилось—и не замедлю къ ней возвратиться. Оказалось, что ограбленный молодой челоѵкъ—студентъ, окончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, шёлъ въ Пепербургъ для принсканія мѣста. Онъ несъ кофмку съ плащемъ и 50 рублей цѣлковыхъ. Безпечно шёлъ онъ, насвистывая: *Vivat Akademia! Vivat Professores!* и подпираясь налитую свинцомъ дубинкою. Верскахъ въ 10-ти отъ Кипени пристали къ нему двое Русскихъ; они ласково съ нимъ разговаривали, вызывались неспи поочередно его кофмку; но онъ опклонилъ это. Когда смерклося: по одинъ изъ нихъ, хваля его дубинку, попросилъ её посмотрѣть, а получа, ударилъ ею по головѣ студента, который упалъ безъ чувствъ. Они отволокли его въ кусты, обобрали—и скрылись. Студентъ очнулся въ ту пору, когда карета Полковницы Н. проѣзжала мимо того мѣста, гдѣ лежалъ онъ; онъ выскочилъ, закричалъ, его посадили на запятки—и привезли въ Спрѣльду.

«Едва успѣлъ я, какъ *Тералень*, окончивъ Бароцу вѣстившее описаніе бѣдствія, поспигшаго нашего *Ипполита*, какъ вошелъ слуга Полковницы и доложилъ, что воры и украденное имущество опысканы.—«Какъ? какимъ образомъ?»—вскричали мы оба. И онъ рассказалъ намъ, что они съ студентомъ лежали на полахъ; ящики ужинали; другіе развѣшивали хомуцы на деревянные гвозди, когда вошли два челоѵка въ синихъ кучерскихъ армякахъ и спали нанимавъ лошадей до Кипени, говоря, что имъ шуда скоро поспѣть нужно и что они готовы заплатить осьмерные прогоны. Студентъ спалъ къ нимъ прислушиваясь, приглядывался—и вдругъ, опрометью прыгнуть съ полахей и, вырвавъ свою дубинку у одного изъ пришельцевъ, закричалъ: вопъ воры, которые меня ограбили! Ящики схватили

ихъ, обыскали, нашли все студентское имущество и даже деньги въ цѣлоспи. Они успѣли прогулять не больше рубля серебромъ. Ихъ допросили: они во всемъ повинились. Это были бѣглый кучеръ, да споларъ, ремесломъ пьяницы.

«Дѣло обошлось безъ моего совѣта.

«Теперь, рассказывая ли, какъ въ Ямбургѣ лошади, не сдержавъ тяжелой коляски, понесли насъ прямо въ рѣку; какъ ямщику удалось на бѣгу крупно поворопить ихъ, поваливъ экипажъ, разбивъ намъ носы и подбивъ глаза?

«Изобразилъ ли нашъ испугъ, когда на всемъ скаку упала подсѣдльная лошадь—и мальчикъ фореиторъ, смятый корешными, запищалъ жалкимъ голосомъ позади коляски? Успокоилъ ли, увѣдоми васъ, что мы опдѣлались однимъ спрахомъ? Да, точно такъ! Фореиторъ безвредно проскочилъ между колѣсами.

«Пожаловался ли на самоуправство содержателей почтовыхъ станцій въ Лифляндіи, запрягающихъ (*) по 8 и по 9 карлицъ-лошадочекъ въ экипажъ, который могли бы везти большою рысью 4 добрыхъ коня, и сдирающихъ прогоны за всѣхъ сполна, какъ за настоящихъ лошадей, рослыхъ и сильныхъ?

«Предосперечъ ли путешественниковъ отъ воровства Чухонцевъ и Чухонковъ, которые бродятъ около сполщихъ на почтовыхъ станціяхъ экипажей и, если подмѣтятъ, что вещь плохо лежитъ: по, какъ разъ спянуть?

«Представилъ ли вамъ картину Лифляндскаго поспоялаго двора, харчевни, или корчмы, какъ здѣсь ихъ называютъ? Сего предмета нельзя прейти молчаніемъ сенциментальному путешественнику. У меня и было объ этомъ написано; но прочитавъ описаніе

(*) Это злоупотребленіе, или спраделивѣ называть, грабительство, давно уже прекращено. Теперь во всей Россіи руководствующая Высочайше утвержденною Императоромъ Павломъ I-мъ таблицею, которая прибила на спѣтъ на всякой почтовой станціи.—В.

Русскаго пѣвца Ливоніи, я вырвалъ изъ своего журнала эпи спранцы и вписалъ списки *Языкова*. Послушайте!

Предъ нами черная корчма;
И мы вошли въ сію корчму—
Она похожа на пюрьюму,
Въ которой ужъ давно, давно
Не мышо и не мешено.
Порогъ возвышенный въ дверяхъ;
На пополахъ и на спѣнахъ
Буграми сажа, пыль и мохъ, —
А старый полъ—бѣда для ногъ.
Таковъ дороги вѣшней видъ,
Когда попоками бѣжишь
Снѣговъ расплавившихъ вода;
Такъ, мостовая гдѣ худа....
По ней печальный пѣшеходъ
Сердито, медленно идешь...
И, глядя на негодный путь,
Въ мечтахъ бранишь кого нибудь.
Двѣ комнаты: одна съ другой
Могли бы спорить душой;
Вдохъ неочищенной спѣны,
Свидѣтель мрачной спарины,
Поставленъ долговязый споль.
И вдоль спода того—скамья,
Но черноша и пыль ея
На ней не позволяюшь лечь.
На льво сумрачная печь
Съ широкимъ чернымъ очагомъ.
Окно съ замараннымъ стекломъ—
Замараннымъ, какъ бы за тѣмъ,
Чтобъ даже сумрачнымъ лучомъ
Не освѣщалася корчма,
И пушнику-бъ густая тѣма
Не позволила разглядѣть,
Что негдѣ будешь посидѣть,
И тѣду въ пишинѣ ночной
Дашь укрѣпительный покой.

«Да не вообразяшъ себѣ тѣ, коихъ судьба никогда не заводила въ корчмы Чухонскія, что *Языковъ* изобразилъ намъ самую плохую изъ нихъ. Увѣряю ихъ, что онъ всѣ на одинъ часонъ, равно запчканы, пѣмны, гадки, запчканы паушиною. Тотъ же поэтъ *Языковъ*, болѣе шеспи лѣтъ прожившій въ Дерптѣ, подтвердилъ нами сказанное. Онъ описалъ не одну корчму, а нѣсколько.

Еще корчма—объ ней ни слова!
Она, какъ прежняя, худа.

Онъ радужною своею киспью срисовалъ намъ съ напуры претпью:

Мы въ корчмѣ—въ ней мрачность паже,
Пыль и мохъ,
Полъ избытъ, а спѣны въ сажѣ,
Воздухъ плохъ;
Слишкомъ душень, для дыханья
Нездоровъ;
Сверхъ того, здѣсь домъ собранья
Комаровъ.

«Трактирная прислуга подобрала подъ маспъ къ аларпаменшамъ. Она вездѣ въ одинаковой ливрѣ: босикомъ, съ грязными ногтями, волосами прѣхъ цвѣповъ: огненными, красными и рыжими, распрѣпанными, какъ кудель шерспи у Русскихъ пряхъ, съ неумытымъ лицомъ, оловянными глазами, въ засаленномъ овчинномъ пулушѣ, въ черной понявѣ съ красною каймою по подолу. Описанная *Языковымъ* сходна съ каждою изъ нихъ, какъ два лапша, какъ два листа распареннаго вѣника.

Для насъ царица сей корчмы
Разсплала по полу солому—
И тихо улеглася мы.
Сія Чухонская бавкида —
Простипше эпюпъ эпюпъ,
Не привлекапельнаго вида,
Какъ весь Ливоніи народъ:
Лице, котораго Гогарпу
Не удалось нарисовать...
Вамъ не случилось ли виданъ
Уньмой Корскии ландкарпу?
Такъ не красива и черна
Была лицемъ сія жена:
Живые, сумрачные взгляды
Изъ подъ нависнувшихъ бровей;
Водось не перечесъ у ней:
Въ красѣ природной безъ помады,
Отъ головы до самыхъ пякъ
Они распрепаны лежать.
Ея угрюмая осанка;
Морщины древняго чела...
И, словомъ, всѣмъ она была
Спрашна, какъ вѣдьма Кіевлянка.

«Мы распались съ Барономъ въ Мипавъ. Онъ поѣхалъ въ Дрезденъ, а я....»

НВ. Вы узнаете объ этомъ въ слѣдующую Субботу, если прочитаете No 8-й Литературныхъ Прибавленій. *Примѣчаніе Издателя сихъ записокъ, г. Кораблинскаго.*

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

К О Ё - Ч Т О .

Романтическій поэтъ садился въ челнокъ забвенія, съ передразвительнымъ выперкомъплывѣтъ по озеру воображенія, бросаетъ якорь въ пристани вдохновенія, выходитъ на берегъ очарованія и, упоая въ духовномъ сладострастїи, прохаживается въ садахъ самозабвенія, кушаетъ плоды меланхоли. Въ алей вздоховъ нашъ романтикъ въспрѣчается съ Аглаєю, одѣною въ розовые чулки и жѣлтое платье. Онъ повѣряетъ ей поску, перзающую чувствительное сердце его, пуживъ о быломъ и минушемъ, видивъ въ настоящемъ ранній свой гробъ опкрытымъ, пляшъ глаза въ туманъ будущаго, во мглу грядущаго, въ опдаленный мракъ ожидаемаго, неизбѣжнаго, грознымъ призракомъ изъ за чѣрныхъ облаковъ и траурной завѣсы полупочи выглядывающаго. Наконецъ, порываемый бурею страстей, скользя по влагъ собственныхъ слѣзъ, онъ созерцаетъ невидимое, ощущаетъ безплодное, подслушиваетъ тишину, жалѣетъ о горькихъ радостяхъ, о сладкихъ горестяхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КРАСАВИЦА.

Всегда шпха, всегда прекрасна,
Какъ упренній младенца сонъ,
Игрива и разнообразна,
Какъ зеркальный хамелеонъ;
Она еще не знаетъ горя,
И чуждая мірскихъ заботъ,
Какъ млечный перлъ въ пучинѣ моря

Въ златой безвѣстности живепъ.
Её пляняетъ мїръ чудесной
Не шумной радостью пировъ—
Нѣтъ, блескомъ радуги небесной,
Сїаньемъ упренныхъ цвѣтовъ.
Глядя на жизнь, какъ на карпину,
Веселой думою полна;
Такъ Гвидо-Рени Магдалину
Изобразилъ бы, какъ она
Еще съ молитвой непорочной
Вперяла взоры въ небеса,
Когда въ очахъ, какъ перлъ восточной,
Не билась грѣшная слеза.

N. N.

НЕДОБРЫЙ СОНЪ.

Русская Мелодія.

«Что дилптко, что милое,
Что ходишь ты нерадостно,
Повѣсила головушку
На правую сторонушку?»
— Ахъ бабушка, ахъ милая,
Мнѣ съ вечера, съ полуночи
Недобрый сонъ привидѣлся;
Мнѣ чудилось, мнѣ грезилось,
Что будто я рѣкой плыла,
Рѣкой плыла да лѣсомъ шла.
Смотрю, въ лѣсу на сосенкѣ
Змѣя виситъ, змѣя шипитъ.
Изъ шѣмнаго кустарника,
Изъ частаго ракинника,
Колючаго шиповника,
Вдругъ выбѣжалъ косматый волкъ,
Схватилъ меня, помчалъ меня.
Съ того я сна нерадостна.—
«Ахъ дилптко, ахъ милое,
Недобрый сонъ привидѣлся;
Рѣкою плыть—шо слѣзы лишь;
Въ лѣсу ходишь—въ кручинѣ жить;
А стрый волкъ—шо мужъ лхой;
Въ лѣсу змѣя—свекровь шволя,
Свекровь шволя злородица.»

M. C—нъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ первый мой число, второй же нивы плодъ,
Который кормитъ весь народъ;
Всё—ночью бодро бдишь и грабишь не даёшь.

III.

Въ No 6, помѣщенная шарада значить: *Bisbille*.

M O D E S.

Pour ceintures de bal ou de robes du soir parées, on fait des torsades de soie qui se nouent à la pointe du corsage, et se terminent par des glands.

Généralement, pour les rubans et les fleurs, on observe l'harmonie entre les nuances, rose avec rose, bleu avec bleu, etc.

On fait, pour le spectacle, ou des demi-toilettes du soir; chez soi, de petits bonnets de blonde sur la forme des bonnets de lingères; des fonds prenant la tête, fermés en haut par un nœud en rosette, tenant au ruban qui forme les brides; tout autour une blonde en ruche, posée à plis crevés sur son pied.

Roche, passage de l'Opera.—Quelques derniers articles du moment, si jolis, si bijoux, que ce serait un regret de ne pas en donner l'idée, dans le nombre desquels nous avons particulièrement remarqué des semainiers montés sur pied, en écaille incrustée d'or; la coupe à bijoux, pareils relevée d'or en bosse.

De grands seaux à papier en palissandre, avec des anses de bronze doré de chaque côté.

De petites boîtes à plumes, en bois de santal, renfermant les plumes, la bascule, et des cachets camées.

Des boîtes à gants, en ivoire, doublées et incrustées d'écaille; d'autres en palissandre doublées de citron, incrustées de cuivre.

Des boîtes à mouchoirs, en bois russe incrusté de bois blanc. Ce bois russe, d'un gris de perle, semble être accompagné d'ivoire.

Une superbe boîte à thé, ayant le sucrier et deux flacons à thé en porcelaine couleur pêche, à légers et riches dessins d'or. Il est impossible de voir un meuble de meilleur goût.

Puis un nécessaire étrange: la boîte, d'une assez grande dimension, est en écaille, incrustée de larges bandes de nacre travaillées; dans l'intérieur est un nécessaire à ouvrage complet, en acier fin tout uni; il repose dans du velours blanc.

M O Д Ы.

Для бальныхъ поясовъ или къ вечернимъ наряднымъ плащьямъ дѣлають покрсы изъ шелку; они завязываются на мыскѣ лифа, и оканчиваются желудками.

Вообще, въ цвѣтахъ и лентахъ соблюдаютъ гармонию между цвѣтами: розовый съ розовымъ, голубой съ голубымъ, и проч.

Для спектакля или вечерняго полунаряда, дома, дѣлають небольшіе блондовые чепчики, на манеръ проспыхъ чепчиковъ; кронка въ обпязку по головѣ, собранная на верхъ подъ бантъ, сдѣланный репейкомъ, обернутый лентою, составляющею завязки; вокругъ блондовый рюшь, сдѣланный переломленными складочками.

Roche, въ проходѣ въ Оперу—Нѣсколько новыхъ вещей, столь красивыхъ, что жалко бы было не дать о нихъ понятія; въ числѣ ихъ мы замѣтили особенно недѣльные паблицы сполція, черепаховыя, выдѣланныя золотомъ; фуфляры для вещей, шакіе же обдѣланные возвышеннымъ золотомъ.

Большіе вѣдры для бумаги изъ палисандра, съ бронзовыми ушками, вызолоченными съ обѣихъ спонъ.

Маленькія коробочки для перьевъ изъ сандалнаго дерева; въ нихъ перья *bascule* и печати съ ашпиками.

Ларчики для перчатокъ, изъ слоновой кости, выложенные внутри и выклеенные черепахою; другіе изъ палисандра, выложенные лимоннымъ деревомъ, обдѣланные мѣдью.

Ларчики для плапочковъ, изъ Русскаго дерева, выклеенные бѣлымъ деревомъ. Это Русское дерево, перловато цвѣта, кажется, какъ будто съ слоновію кознью.

Прекрасный чайной ларчикъ, съ сахарницею и двумя стклянками для чаю, абрикосоваго цвѣта, съ легкими и богатыми золотыми узорами. Невозможно видѣть мебель, сдѣланную въ лучшемъ вкусѣ.

Потомъ спранный *nécessaire*: ларчикъ, довольно большой, изъ черепахи, выклеенный широкими полосами выдѣланнаго перламутра; внутри полный *nécessaire* для работы, изъ хорошей гладкой стали, лежущъ въ бѣломъ бархатѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 8.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Января 28 дня 1833 года.

Въ замѣнь паланповъ вашихъ всѣхъ
Мнѣ данъ одинъ лишь польско смѣхъ;
Съ меня и эпаго довольно!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ИЗЪ ДВОРЯНЪ
ПОЛЕТАЕВА ПО РОССИИ, ВЪ КОНЦѢ ХVIII И
ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

(Продолженіе.)

L'appetit vient en mangeant.

La fontaine.

«Пословица умнаго Русскаго народа: *повадитя кувшинъ по воду ходить, на толи ему и голову слошитъ*, едва ли не слыше Французскаго стиха. Дорогою перля—опъ голода, холода, ненастья, пьяныхъ ямщиковъ, грубіановъ-извожиковъ, чучель-староспъ, плутовапыхъ почтъ-содержапелей, скаредовъ-трактиричиковъ, бранчухъ-харчевницъ, я клялся сдѣлаться домосѣдомъ;» продолжалъ *Полетаевъ*: «но воропясь въ свой уголокъ, опогрѣвшись на лежанкѣ, опоспавшись на мягкой постелѣ, забывъ сажу харчевень, угаръ печей, грязь посподлыхъ дворовъ; забывъ, какъ

Пламя перпѣню дани

Исторіи тѣлу-таракани

Учился я на ихъ спѣнахъ,

опять дѣлался неосѣспомъ — и пускался мыкапсь по бѣлу свѣпу. Къ тому же: *привычка вторая природа*. Теперь уже я не досаду на прижимки спационныхъ смотрипелей: они держапъ собспвенныхъ лошадей, лошади просапъ корму; гдѣ же лучше доспапъ его, какъ не пускап ихъ въ разгонъ за двойные прогоны? Не сержусь на Жидовъ, копорые, впрпгая ободранныхъ клячъ, важно приказываптъ Польскимъ шляхпщамъ, напнимающимся у нихъ въ бапраки, чпобъ они держали ухо восппро, а по борзые кони размычуптъ ихъ кости по чиспу полю; не бѣшусь

Голодный споль огинувъ взглядомъ

И видя въ раннихъ племенахъ,

Живой обѣдъ со мною рядомъ

На двухъ и чепырѣхъ ногахъ;

Голодный, видя къ злой обидѣ,

Какъ по ногамъ моннѣ со сна,

Съ испуга, въ первобыпномъ видѣ

Семейно жмепся вепчина.

Я не грущу: пуспъ квасъ и молодѣ,

А хлѣбъ немного пожилой,

Я убаккиваю голодъ,

Надеждой, памяши сестрой.

Поспаясь за полдникомъ креспьянскимъ,

Отрадно мнѣ себя сказать:
Я шрюфли записывалъ Шампанскимъ,
Богъ дастъ и буду записывать.

«Да и такія ли бѣды случаются въ дорогахъ съ другими? Вотъ напримѣръ, съ милою моею Московскою знакомкою... «Расскажи-те, что такое?»— А вы хопшите слушать, господа? Погодите немножко: *скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.* Вотъ изволили видѣть: коляска моя медленно поднималась въ гору по сыпучему песку между Верро и Нейгаузеномъ, а я пробирался пѣшкомъ по опушкѣ озими, какъ увидѣлъ молодую даму, ведущую за руку дитя, несущую на рукахъ другое, выходящую на большую дорогу; за нею шла взрослая дѣвица, спарушка и лакей. Всѣ онѣ были въ мокрыхъ плащяхъ; вода лилась съ нихъ ручьями; усталыя, издрогшія отъ холода, насилу выпаскивая изъ нальнувшаго къ нимъ песку мокрыя ноги, дамы казались приговоренными къ смерти. Я ускорилъ шаги—догналъ ихъ, узналъ въ дамѣ съ младенцемъ—Александрю Андреевну *Ангельскую*, въ барышнѣ, сопровождавшей её—Софью Ивановну *Неугомоннову*, въ спарушкѣ—няню ихъ. Первымъ дѣломъ моимъ было предложивъ имъ свою коляску: я укушалъ ихъ своею шинелью, одѣяломъ, сюртуками; напоилъ виномъ, послалъ слугу своего и ихъ назадъ выпаскивать карету, самъ сѣлъ съ ямщикомъ—и общалъ ему синенькую бумажку, если онъ скоро довезетъ насъ до деревни, до которой оставалось еще 4 версты. Тамъ я сыскалъ имъ тёплую пѣзбу, согрѣлъ чай, купилъ курлицу, яицъ, цыплятъ, велѣлъ приготовить кашницу съ курицей, кашу крупную, кашку молочную. Часа черезъ два прѣехала ихъ бричка съ горничными дѣвушками, а къ вечеру припахались и ландо, въ самомъ плачевномъ видѣ: спѣкла, фонари разбины въ дребезги, карета прошибена насквозь, какъ пушечнымъ ядромъ, оспрою сваюю.»— Отъ чего постигло ихъ такое бѣдствіе?— «Отъ Русскаго авось, небось! Извозчики повезли ихъ въ объѣздъ; гнилой мостъ рухнулъ: карета, шесть лошадей, брѣвна, переводины, сванъ— всё упало въ рѣчку, къ щастію, не глубокою. Одинъ наёмный лакей, Бѣлорус-

скій шляхтичъ, шедшій за каретою, уцѣлѣлъ отъ общаго разгрома. Онъ-то, открывъ дверцу, выпаскалъ ихъ изъ кареты, въ которой онъ началъ было задыхаться подъ пуховиками и подушками, а грудной младенецъ захлѣбывался водою. Ужасно!

«А съ роднымъ братомъ моимъ Павломъ Ѳедоровичемъ? говоривъ въ своихъ запискахъ г. *Полетаевъ*. Онъ ѣхалъ тройкою въ обшешняхъ по Окѣ изъ Коломны въ Дедново: лёдъ обломился, лошади ухнули въ воду; онъ успѣлъ выпрыгнуть на лёдъ. Кучеръ обрѣзалъ у коренной гужи, у приспяжныхъ поспоронки; двухъ лошадей выпаскивалъ, а претя до того оробѣла, что плавала кругомъ по полыньѣ, билась, а не хотѣла вспрыгнуть на лёдъ—и утонула. На дворѣ былъ Крещенскій морозъ; вода отъ брызговъ замерзла на шулукахъ у брата и его кучера, рукавицы оледѣли, на сапогахъ напѣлъ толстый слой льду—и въ такомъ нарядѣ, и шаца на себя пудъ по пяши льду, надобно было итти болѣе двухъ вѣрствъ до селенія.—Въ другой разъ случилась ему нужда зимою побывать въ Сараповской деревнѣ.—Не доѣзжая вѣрствъ 10 до станціи Лысыя горы, пошелъ густой снѣгъ, поднялась мяпель сверху и снизу; замело снѣдъ, нанесло сугробы; снѣгъ, падая на лицо, сперва паялъ, потомъ замерзалъ. Глаза у ямщика слиплись; онъ сбился съ дороги, заѣхалъ въ оврагъ, откуда насилу высвободили кибитку. То извозчикъ, то брашнинъ слуга, то самъ онъ, попеременно шли впередъ, опыскивали дорогу, но не находили, и ѣхали куда глаза глядятъ....

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Сидь имъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони спали.

«Къ особенному ихъ щастію, близко находились скирды сѣна. Они подвезли къ нимъ кибитку съ подвѣтренной стороны, лошадей опрягли—и дали имъ корму; а самъ, выпивъ водки изъ погребца, копорый братъ

биралъ всегда съ собою, зарылся въ сѣно— и проспалъ въ немъ, пока совсѣмъ упихла вьюга.

«Ямщикъ опправился опыскивать дорожку—на лай собакъ. Гдѣ-жъ бы вы думали они ночевали? за полверсты отъ Лысыхъ горъ. Въ прѣмій разъ, ѣхалъ онъ изъ Рязани въ Вышгородъ въ распушцу. Ока еще стояла, а мелкія рѣчки и ручейки разбили хрустальныя свои оковы и бушевали, какъ Парижская чернь въ революцію. Ему нельзя было митовать Лиспанки, рѣчки, черезъ которую въ Пепровки куры въ бродъ переходящъ, но весною—глубокой и быстрой, какъ Терекъ. Она крупоберѣга—и креспяне, положе погда съ берега на другой перекладны, успиляютъ длиннымъ хворостомъ, по хворосту соломой, а по соломѣ землѣю или навозомъ. Имъ безопасно переправлялись черезъ него на двухколѣсныхъ *одражъ* своихъ; брагъ же мой ѣхалъ въ телегѣ пройкою. Кучеръ останоуился, брагъ слезъ съ повозки и приказалъ кучеру опспрячь одну приспяжную, а пару оспальныхъ перевести черезъ мостъ, который ходилъ ходенѣмъ, въ поводу. Кучеръ его *Трошка* въ полномъ смыслѣ человекъ Русской, все дѣлавшій на *авось*, опвѣчалъ ему: *авось проѣдетъ*. Брагъ мой также вѣровалъ въ это словечко, а потому и не спалъ пропиворѣчьши. Львая приспяжная была пуглива; сначала она спала жапъ коренную, а по срединѣ моста съ такою силою бросилась къ ней подъ оглоблю, что та сполкнула правую приспяжную въ воду, а она чуть не уволокла за собою телегу. Проворный *Трошка* опрѣзалъ гужи, опвязалъ поводъ отъ дуги—и съ великою опасностью вывелъ её на берегъ.

«А шурина мой, Сергѣй Егоровичъ *Рудомѣтовъ*, продолжаетъ эпизодически нашъ пупешественникъ: развѣ не перепоршилъ половину приданого, когда, возвращаясь съ молодою женою изъ деревни Пановы кусты въ свое Аносово, коляска его упала въ рѣку Цну съ порома? И отъ чего бы вы думали постигло его такое разореніе? Отъ того, что пьяные перевозчики такъ сильно ударили паромъ о берегъ, что коляску подало назадъ, задніе колѣса скапились въ воду, а

коренныя лошадей приподняло на дышлѣ кверху такъ, что они бы удавились, еслибъ не успѣли опспегнуть нагрудники.

«И пакія ли особы, какъ мы съ роднымъ своимъ брагцемъ и шуриномъ, испытали въ дорогѣ непріятности, мыкали горе, терпѣли убытки? Мнѣ рассказывали въ Мшагѣ (на большой дорогѣ отъ Пскова къ Новугороду), что Оберъ-Камергеръ Графъ *Матюшкинъ* возвращался черезъ Псковъ въ Новгородскія свои волости изъ чужихъ краевъ, въ тяжелой четверомѣстной каретѣ съ чемоданами и сундуками, набитыми иноспранными вещами и рѣдкостями. Одишь паромъ не поднятъ бы её; связали два вмѣстѣ: передокъ поставили на одномъ, а задокъ на другомъ.—По срединѣ рѣки верѣвки лопнули, суда разошлись врознь—и карета пошла на дно.

«Но на что занимаешь чипапелей чужими приключеніями? Мнѣ моихъ собственныхъ не уписать на двухъ стопахъ бумаги, не рассказать въ полгода! восклицаетъ мой сеншпенпальный пупешественникъ.

«Проспаясь съ наилучшимъ изъ возможныхъ Бароновъ наилучшаго изъ возможныхъ міра, я пустился въ древній Псковъ, воображая увидѣть въ немъ бѣлокаменный дворецъ великой Княгини *Ольги*, пышныя палаты посадниковъ, свѣтлыя перема болръ, кипяція торговымъ народомъ площади, парчами и бархатами заваленный госпипный дворъ; купцовъ, мѣряющихъ алмазы четвериками, а жемчужныя ожерелья аршинами. Вмѣсто пого я нашелъ дома безъ заборовъ, заборы безъ домовъ, веревъ безъ воропъ, окошки безъ рамъ, кладовыя безъ поклажи, жипницы безъ жипа. Я подивовался на Троицкій Соборъ—бывшій свидѣлемъ сполькихъ перемѣнъ и переворотовъ; поклонился св. мощамъ, подержалъ въ рукѣ славный мечъ Князя Гавриила—и, зажмуря глаза, помчался по Бѣлорусскому прапту.

«На проспранспвѣ двухъ пыслчѣ вѣрспѣ, отъ Пскова до Овидіополя, я объдалъ изрядно въ Полоцкѣ, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ Николаевѣ и Херсонѣ, вкусно въ Елисаветградѣ, обжорливо въ Киевѣ и Одессѣ.

«На пространствѣ шестии тысячъ пяти сотъ верстъ чрезъ Одессу, Крымъ и обратно чрезъ Екаперинославль, Курскъ и Тулу до Петербурга, приятно останавливаютъ путешественника Кіевъ, Софиевка, гдѣ очарованные сады Графини Попоцкой, Херсонъ и Николаевъ (немножко), Одесса также для не торговаго челоука (немножко), южный берегъ Тавриды и Днѣпровскіе пороги. А неприятности, скука, досада, лишениа—на каждомъ шагу.

«Исчислимъ важнѣйшія. Лошади по всей Бѣлоруссии скверныя, Евреи, почтъ-содержатели....., дороги песчанныя; слѣпней, оводовъ, комаровъ, мухъ, мошекъ миліоны; вѣсь нечего, ночевать негдѣ: ибо Жидовская корчма безъ сравненія пакоснѣе самой западной Чухонской, Мордовской, Мещерянской.

«Изъ Дерпта я пригласилъ съ собою молодого челоука, спраснаго любителя живописи. Прїехавъ въ Кіевъ, онъ пошелъ снимать виды; его схватили, какъ шпиона, снимающаго планъ крѣпости—и отвели въ полицію, откуда я освободилъ его, представя его паспортъ и поручась за него. Такъ какъ подозрѣніе на него пало болѣе опъ незнахія Русскаго языка: то я нанялъ ему Жида въ проводники; однако и эпо не пособило. Мальчишки-школьники окружили ихъ и съ побѣдными криками повели въ процессію по улицамъ къ Полцимейстеру. Я бросился самъ просить его; добрый Полцимейстеръ (Полковникъ *Сталинскій*), сълъ со мною на дрожки—и поѣхалъ выручать его. Признаюсь, что прежде и я и Полцимейстеръ сердились на такое самовольство; но увидя среди толпы школьниковъ моего Нѣмчика и брадатаго Еврея, несшаго портфель, складной стулъ, пишпиръ и краски, расхотались. Полцимейстеръ былъ такъ добръ, что съ тѣхъ поръ давалъ солдата для охраненія опъ обидѣ молодого художника.

«Въ Новомосковскѣ, бывшемъ прежде уничиженія Запорожской Сѣчи казацкою станицею, чуть-чуть меня самага не арестовали, какъ челоука подозрительнаго. Прїехавъ сюда въ Воскресенье, я пошелъ въ Соборъ къ обѣднѣ и, по окончаніи Божествен-

ной службы, вступилъ въ разговоръ съ Пропіереемъ, спрашивалъ его о рукописяхъ, о рѣдкостяхъ, о сокровищахъ соборныхъ. Въ этотъ день были у одного тамошняго зажиточнаго казака крестины: казначейша была кумою, Городничій кумомъ. За обѣдомъ Пропіопъ сообщилъ ему, что въ городъ прїехали недобрые люди, допытывались о церковныхъ богатствахъ; сполли въ церкви въ очахъ, прибавилъ пожилой Запорожець, отецъ хозина; а потому они должны быть Фармазоны (Франкъ-Масоны), Каполики. Городничій, дослужившійся въ Перекопскомъ гарнизонѣ до офицерскаго чина, и порядочно, яко первая персонa въ городѣ, подкуликинувшій, вообразилъ, что самъ Господь невидимо посылаетъ ему средство сдѣлать отличіе по службѣ, спасти православіе и отечество и получить крестникъ, который имѣлъ опъ спать и видѣлъ. Онъ велѣлъ позвать кварпальнаго, опвѣлъ его въ другую комнату, пошелъ ему на ухо—и опсправилъ ловить меня. Опъ обѣщалъ своему начальнику представить меня къ нему живаго или мѣртваго.

«Между тѣмъ я, съ моимъ дорожнымъ поварищемъ-живописцемъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ за городъ осматривать дачу, гдѣ лѣпомъ Екаперинославскіе епархіальные Архіереи имѣютъ свое пребываніе. Возвратясь оптуда, я нашѣлъ, что передъ воротами постоялаго двора расхаживалъ часовою, у коляски споллъ другой. Кварпальный, подошедъ ко мнѣ, просилъ меня пожаловать къ Городничему. Когда я введенъ былъ къ нему, опъ лежалъ пропянувшись на диванѣ и, не привспавъ даже, грубо спросилъ у меня: «опкуда ты ѣдешь?»—Изъ Петербурга. — *Городничій*. Куда? — Путешествую по отечеству, хочу видѣть Крымъ, Одессу. — *Городничій*. Безъ всякой надобности: никто не повѣритъ? Съяшь по дороге деньги, безпокоиться—даромъ! Вотъ какой выскочка! Кто ты таковъ?—Я, также молча, подалъ ему подорожную.

«*Городничій*. Эстаго недостаточно. Если у тебя паспортъ?—Я вынулъ свидѣтельство объ опспавкѣ—и подалъ его. Онъ долго верпѣлъ его въ рукахъ и грозно восклик-

нуль: Эпа бумага писаная, гербъ на печатки спёрся. Я не могу знашь, можетъ бышь, шебъ его пьяная баба за рубль написала.

«Я съ жаромъ возразилъ ему, что онъ меня оскорбляетъ, что я дворянинъ, состою въ 9-мъ классѣ, и что онъ спанетъ опивчашъ за обиду, мнѣ сдѣланную.

«Городничій. Не храбрись, а прѣде Богу помолись. На какую потребу возишь ты съ собою иностранца Француза, когда ихъ въ Россію впускашь не вѣлно?»

«Я. Мой поварищъ Лифляндець, вѣрный подданный Ея Императорскаго Величества, уроженецъ города Риги.—Вотъ его видъ.

«Городничій. Эпо писано по Басурмански; какіе-то каракульки, да и гербъ не Русскій. Меня не обманешь. Подавай печатное, съ двуглавымъ орломъ, а не то я шебя опсправлю по пересылкѣ за карауломъ въ Екатеринбургъ къ Губернатору.

«Тутъ я вспомнилъ, что у меня въ шкапулкѣ лежитъ дипломъ на званіе члена обществва любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ, и что онъ заключаетъ въ себѣ всѣ качества, коихъ господинъ Городничій споль насполнительно изволитъ прѣбовать. Я опдалъ ключъ своему поварищу, попросилъ его сходить на нашу квартиру и принестъ дипломъ. Пока онъ ходилъ туда и сюда, г. Городничій распрашивалъ меня: «за чѣмъ я вожу такую кипу Французскихъ книгъ?» Я отвѣчалъ ему, чтобъ читашъ.—«На что держу при себѣ чершежи?» (такъ называлъ онъ лацкаршы). Для того, чтобы знашь, въ какой губерніи и уѣздѣ нахожусь, черезъ какія рѣки спану переправлялся, куда ѣду и когда доѣду, и по этому располагашъ свои днѣвки и ночлеги.— Молодой человекъ возвратился и вручилъ мнѣ желанный дипломъ, на огромномъ пергаменномъ листѣ напечатанный, съ огромною краснаго воска печатшю, съ двуглавымъ орломъ, опъ сіянія котораго убѣгаетъ невѣжество, прячущся въ душло филлины, занимающъ глаза фурці. Я подождалъ его на сполкѣ передъ дива-

номъ, развернулъ—и первый взглядъ, Городничимъ на дипломъ брошенный, произвелъ на него дѣйствіе электрической искры. Онъ вскочилъ, принудилъ меня сѣсть, расшаркался, опрекомендовался, попочивалъ арбузомъ, дынею, чаемъ, проводилъ пѣшкомъ до заспавы, велѣлъ опворить рогатку (*)—и препокорнѣйше упрашивалъ не жаловаться на него Губернатору.

«Насладилъ величественными видами Днѣпровскихъ пороговъ, полюбовавшись цвѣтущимъ состояніемъ Нѣмецкихъ колоній, побывавъ на дворянскихъ выборахъ въ Курскѣ, поигравъ въ боспонъ въ Тульѣ, я возвратился въ Москву, купилъ себѣ домикъ—и началъ поживашъ попихохоньку.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЯ АЛЬПІЙЦА.

Раскинулся плющъ, какъ зелёная шкань,
По скапамъ Монблана сѣдаго,
Мелькаешъ надъ бездною пугливая лань
При кликахъ ловца молодаго.
Бывало игралъ я по волѣ стрѣлой:
Душа охладѣла—и лукъ обезсилѣлъ съ охладшей душой.

Свирѣль паспуха пробудилась въ горахъ,
Въ долинахъ звучатъ колокольчики спѣда,
Альютъ снѣга на угрюмыхъ скалахъ
И радужно блещутъ струи водопада.
Бывало свергался я съ горъ какъ рѣка:
Душа охладѣла—и бысприлъ ноги сковала тоска.

И кто-жь благотворный огонь погасилъ,
Которымъ душа согрѣвалась?
Кто въ сердцѣ уійцу—тоску поселилъ?
Съ нимъ радость давно ли разпалась?
Мой другъ, ты погаснулъ—и съ жизнью твоей
Погасло свѣшило моихъ лучезарныхъ, безоблачныхъ дпей!

(*) До царствованія Императора Павла I-го шлагбаумовъ на заспавахъ не было, а сполки рогатки на колесахъ.—К.

Я помню, какъ съ другомъ при преляхъ рожка,
 За робкой козой беззащитной
 Лепель со скалы на скалу въ облака,
 Какъ горный орелъ ненасытной.
 Лавина съ снѣжущихъ льдовъ сорвалась,
 Гремящая, съ другомъ въ бездонную пропасть спрѣ-
 лой унеслась.

Съ тѣхъ поръ неспраденъ семейственный кругъ,
 Съ тѣхъ поръ мнѣ посыла долина.
 Блуждаю въ горахъ, гдѣ покоился другъ,
 Гдѣ въ безднѣ бѣлѣпелъ лавина.
 Тоской безупышной помясь, одинокъ,
 Я въ бездну закинулъ съ душою моею несогласный
 рожокъ.
 Ободовскій.

LOGOGRIPHE.

Je suis avec ma tête, un fleuve très-fameux,
 Et, sans ma tête, un habitant des cieux.

Въ No 7, помѣщенная шарада значить: *Сто-рожь*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ричардъ Дарлингтонъ, драма въ трехъ оп-
 дѣленіяхъ, переведенная съ Французскаго
 В. А. Каратыгинъ. *Ницца*, драма въ двухъ
 дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго.
Вечеръ на хуторъ, близъ Диканьки, Малорос-
 сійская импермедія въ одномъ дѣйствіи. Бе-
 нефисъ въ пользу актёра г-на Каратыгина,
 9 Января 1833 года.

Давно уже сцена потеряла свое достоин-
 ство въ отношеніи къ драматическимъ про-
 изведеніямъ, классическая трагедія исчезла,
 безсмертныя творенія Расина, Вольтера,
 Кребильона, сохраняются только въ памя-
 ти людей образованныхъ, обязанныхъ за свой
 очищенный вкусъ почитать пеламъ спарой сце-
 нической школы. Духъ времени и политиче-
 скія безпокойства во Франціи видимо уро-
 нили драматическую поэзію. Сама Париж-
 ская Мельпомена, сія представительница
 пзщнаго зрѣлица, не долго горевала о Таль-
 мп, нѣкогда любимомъ жрецѣ своемъ, она
 сбросила корону и погу царственную, и
 окруживъ себя Шекспировыми привидѣніями,

постоянно щеголяетъ пеперь въ арлекин-
 ской епанчѣ. Никто не въ состояніи оспо-
 ривать у Русскихъ искусства подражанія
 всему иностранному. Еслибъ мы въ свою
 очередь не выводили на нашу сцену несп-
 совыхъ злодѣевъ, палачей и опиврапныхъ
 спрашилищъ: для кого бы прудились тогда
 пворцы Французскихъ прилогій? На что
 намъ слѣдовать славнымъ образцамъ Озерова,
 когда познакомясь съ *Дюмасовыми* драмами,
 мы гораздо дешевле покупаемъ свое безмер-
 піе.

Мы видѣли представленіе драмы *Ричардъ
 Дарлингтонъ* и, по сходству ея съ *Анто-
 ниемъ*, думаемъ, что она должна быть по-
 го же сочинителя; она переведена такимъ
 же напыщеннымъ, книжнымъ слогомъ, и ра-
 зыграна тѣми же почти актёрами. Вотъ
 ея содержаніе: честлюбивый *Ричардъ*, не-
 помнящій родства также, какъ и *Антоній*,
 былъ призрѣнъ родителами *Женни* и воспи-
 танъ съ нею вмѣстѣ; онъ женился на ней
 по склонности. Желаніе спяжать опличія
 въ государственной службѣ, внезапно посе-
 ляютъ въ немъ ненависть къ супругу. *Ри-
 чардъ* не ищетъ благовидныхъ причинъ рас-
 поргнуть бракъ, но просню пребудетъ опъ
Женни, чшобъ она подписала разводную и
 навсегда его оставила: ея слѣзы и отчаяніе
 не колеблютъ злодѣйскаго сердца. Послѣ же-
 спокаго паденія, опъ коего *Женни* разби-
 лась въ кровь, въ минушу *Ричардова* несп-
 повства, онъ приводитъ её въ чувство и
 опсылаетъ въ сопровожденіи своего секре-
 таря въ Дувръ съ глазъ долой. Сообщникъ
 вызывается оказать ему памъ еще другую
 важную услугу: уничтожить меприческія
 листы о его супружествѣ. Въ то самое вре-
 мя, когда приводится въ исполненіе сіе пред-
 приятіе и *Ричардъ*, одобренный успѣхомъ
 своего орапорства въ Парламентъ, меч-
 таепъ впорично жениться на внукѣ Мар-
 киза да *Сильва* и приобрѣсти званіе Пера
 съ ея рукою, онъ узнаепъ, что *Маврей*,
 покровительствующій *Женни*, убилъ его се-
 кредаря и освободилъ её. Бѣшенство *Ри-
 чарда* увеличивается, когда расперзанная
 нещастіемъ супруга, снова прибѣгаетъ къ
 его состраданію. Что дѣлаепъ неистовый

честнолюбецъ? Онъ запираетъ двери на ключъ и, безоружный, бросаетъ жену съ балкона въ пропасть. Чтобы дополнить эффектъ этой отвратительной сцены, зрителямъ слышны были стоны умерщвленной *Женни*; но, по счастью, не только никто не аплодировалъ этому, но многие съ негодованіемъ опзывались о семъ эффектѣ. Къ развязкѣ является *Миссъ Вильморъ*, нареченная впорая *Ричардова* супруга, со всѣмъ семействомъ, для подписанія свадебнаго договора. Когда по видимому все благопріятствуетъ *Ричарду*, *Маабрей*, не зная о происшедшемъ, хочетъ остановить его преступное намѣреніе, и при сопровожденіи *Ричарда*, онъ же *Маабрей* подымаетъ свой съдовласый парикъ и говоритъ: *я палачь, а это сынъ мой!* Паденіемъ на полъ *Ричарда* и бѣгствомъ предспоящихъ заключается драма. Избави насъ Богъ отъ подобныхъ! — Что сказатъ объ игрѣ актёровъ? По нашему мнѣнію, г-жа *Каратыгина* (*Женни*) играла лучше всѣхъ; сцену втораго дѣйствія, гдѣ *Ричардъ* наспойчиво пребуетъ отъ жены согласія на разводъ, она вела со всѣмъ искусствомъ опытной актрисы: громкія рукоплесканія зрителей подтвердили эту истину. Вообще она выдержала свою роль весьма опчепливо. Г-жа *Каратыгина* одарена умомъ и чувствомъ неподдѣльнымъ; ей можно бы одно посовѣтовать: оставишь свою афектацію въ выговоръ: ибо мудроно усвоишь Русскому языку интонацію Французскую; такле и напряженіе голоса, замѣченное у ней по большей часпи въ чувствѣ оскорбленномъ, бываетъ непріятно. Г. *Каратыгинъ* (*Ричардъ*) былъ ужасенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; впрочемъ роль *Ричарда*, для самолюбія первокласнаго таланта, каковъ г. *Каратыгинъ*, менѣ благодарна, чѣмъ роль *Антонія*. Вообще мы думаемъ, что ростъ г. *Каратыгина* слишкомъ колосаленъ для парникалярнаго плащя; поневоля кажется, будто онъ не въ настоящемъ представленіи участвуетъ, а готовится къ спектаклю, проходяшь свою роль на главной репетиціи *безъ костюма*. О игрѣ *Брянскаго*, сего опличнаго артиста и остальныхъ актёрахъ, судишь нечего, она уступала въ этой драмѣ движе-

нію декорацій, которыя быстро переселяли воображеніе зрителей по къ предверію Лондонскаго парламента, по въ домъ *Ричарда Дарлингтона*.

Драма *Ницца*, есть полу-Русское произведение: въ ней выведенъ опспавной, но честный Оберъ-Секретаръ сенатской, не помть, что принадлежитъ къ неслыханному диву, а по всѣмъ вѣроятіямъ къ числу секретарей вѣпренныхъ и францовъ. Онъ какъ-то нечаянно, куда-то засунулъ важный документъ, (что ему чести не дѣлаетъ!) ибо отъ упраты онаго зависло благосостояніе цѣлаго семейства. Положимъ, что это могло случишься съ какимъ нибудь Парижскимъ адвокатомъ, но не съ сенатскимъ Оберъ-Секретаремъ. По сей-по ошибкѣ семейство *Лизы*, благоденствовавшее нѣкогда въ Саратовѣ, проиграло процессъ; бѣдная *Лиза*, впадшая въ крайность, принуждена была просишь подаліе отъ проходящихъ для своей матери, на Крестовскомъ оспрову; она сходишь съ *Одоевиль*, и пѣтъ самымъ человекомъ, который былъ причиною ея нещастія, не выдавъ его нѣкогда прежде. *Лиза* умоляетъ его о состраданіи; *Одоевъ* опдаетъ справедливость ея пригожеству. Удрученная недостаткомъ дѣвушка, надѣется получишь богатое подаліе отъ незнакомца! Между пѣтъ, уже по уши влюбленъ въ неѣ опспавный гусарскій Роммиспръ *Сулской* и готовишь на ней женишься. Во впоромъ дѣйствія, какимъ-по очарованіемъ, поясненнымъ письмомъ великодушнаго Оберъ-Секретаря *Одоева*, опять *Лиза* дѣлается богатою. Благопріобрѣтъ значительную сумму денегъ на службѣ, *Одоевъ* уступаетъ ей половину своего состоянія, въ вознагражденіе своей вины, и узнавъ наконецъ, что не вѣста *Сулскаго*, его пріятеля, есть та самая особа, съ семействомъ коей онъ сыгралъ непроспительную шутку, *Одоевъ* приводитъ себя на память черпы ея лица, не допускаетъ своего пріятеля на ней женишься, а самъ женишься на *Лизѣ*. Не знаемъ, къ какому роду пьесъ причестъ это произведение? Въ немъ все есть: дѣлнія горы, прогулка разнощиковъ по Крестовскому оспрову, довольно пустой разговоръ

пвей, есть бриліанщикъ - каламбуриспъ , прикащикъ изъ госпинаго двора и даже дож- жикъ.

Малороссійская импермедія *Вечеръ на ху- торъ, близъ Диканьки*, недалеко ушла отъ импермедій Великороссійскихъ. Изъ забавной и оспроумной книги пасичника *Рудаго Пау- ка* можно бы было выбрать чтонибудь поинтереснѣе черпей въ мѣшкѣ. Къ счастью, эта плоская шупка продолжалась недолго. Замѣнимъ мимоходомъ, что въ сей импер- медіи всѣ дѣйствующія лица изъяснялись не Малороссійскимъ, а какимъ-то Новго- родско-Финляндскимъ языкомъ. Мы уже не спанемъ распроспраняясь о томъ, что костюмы, при всей своей свѣжести, были не вѣрны. Мотивы музыки взяты изъ *Ка- зака-стихотворца*. Оригинальная пляска Жи- довъ и Казацкій панецъ г-жи *Бертранъ-Ат- рюксъ* доставили удовольствіе. Театръ ки- пѣлъ зрительями, и могло ли бытъ иначе въ бенефисъ одного изъ первыхъ нашихъ ар- тистовъ?

Р. М. З.

MODES.

Chapeaux. Bonnets.—Les chapeaux recouverts en crêpe continuent à soutenir leur vogue; le satin jonquille, recouvert de crêpe blanc et orné de rubans jonquille et blanc est d'un effet merveilleux.

— Parmi les modes qui ont fait le plus de sensation dans les dernières soirées, et qui ont même été remarquées à une réception de la Reine, nous nous faisons un plaisir de citer les bonnets à *la Flore*. Ces bonnets, garnis de fleurs légères par devant, se placent très-en arrière sur les cheveux, et, terminant avec grâce en espèce de Fanchon, laissent par conséquent à jour le derrière des cheveux, où le coiffeur place à son gré ou un bracelet de fleurs, ou simplement un bouquet détaché.

Outre les bonnets de gaze de laine blanche ornés de roses, nous en avons vu en gaze de laine rose, égale- ment ornés de roses. Ces derniers, outre la fraîcheur, ont l'attrait de la nouveauté.

Robes.—L'étoffe de fantaisie la mieux portée au- jourd'hui pour concerts et soirées non-dansantes, est le châly, non pas le châly simplement imprimé, et comme une femme élégante n'en porterait plus, mais le châly broché et damasquiné, et ensuite imprimé entre les colonnes brochées, ou à colonnes perses riches, ou à fleurs détachées.

Dans les soirées, les couleurs qui dominent jusqu'à ce jour sont le blanc et le bleu pour les jeunes person- nes; la cerise et le maïs pour les mamans. Nous avons remarqué qu'avec une robe bleue, les souliers de sa- tin noir sont d'un excellent goût.

МОДЫ.

Шляпки. Чепчики.—Шляпки, покрытыя крепомъ, все еще въ большемъ употребленіи; жонкилевая апласная шляпка, покрытая бѣлымъ крепомъ и опдѣланная жонкилевыми съ бѣлымъ лентами, пре- лестна на взглядъ.

— Изъ модъ, наиболѣе сдѣлавшихъ впечатлѣніе, и замѣченныхъ даже въ одномъ собраніи у Коро- левы, мы съ удовольствіемъ упомянемъ о чепчи- какъ à la Flore. Чепчики сіи, опдѣланные легки- ми цвѣтами спереди, надѣваются очень назадъ на волосы, и, оканчиваясь щеголевато въ родѣ Fan- chon, не закрываютъ слѣдовательно заднихъ вол- лосъ, гдѣ парикмахеръ прикалываетъ, по своему произволу, или браслету изъ цвѣтовъ, или про- сто опдѣльный букетъ.

Кромѣ чепчиковъ изъ шерстянаго бѣлаго газа, опдѣланныхъ розами, мы видѣли изъ шерстянаго розоваго газа, также опдѣланные розами; сіи по- слѣдніе кромѣ свѣжести имѣютъ всю прелесть новоспи.

Платья.—Изъ пестрыхъ тканей, пеперь на- болѣе употребляемыхъ для концертовъ и вече- ровъ, гдѣ не танцуютъ, есть шали, не просто печатный шали, какого щеголиха не надѣнетъ, но запканный и волнистый, и попомъ печатный между запканными полосами, или красивыми ши- щевыми сполбами, или опдѣльными букетами.

На вечерахъ господствующіе цвѣта до сего вре- мени: бѣлый и голубой для молодыхъ особъ; цвѣ- та алый и маисъ для пожилыхъ дамъ. Мы замѣши- ли, что съ голубымъ платьемъ, черные и апла- сные башмаки въ опличномъ ходу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 9.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. Зо, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Феврала 1 дня, 1853 года.

Почто разсудку вопреки
Тужить, что не во всемъ мы щастіе находимъ?
Размыслимъ лучше, въ чемъ мы жизнь свою проводимъ.—
Играемъ только въ дураки!

Хеллицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Я ЗАНЯТЬ! МНѢ НЕКОГДА! КОГДА МНѢ!

Рыжеватый парикъ, поношенный сюр-
шукъ или фракъ, засаленный жилетъ, сѣро-
желтаго цвѣта исподнее платье и козло-
вые сапоги со скрипомъ — вопль костюмъ
стариннаго приказнаго человѣка; онъ ходилъ
робкими стопами, низко кланялся, слезалъ
въ канаву, чѣмъ поспорониться при встрѣ-
чѣ съ начальникомъ; онъ былъ заспѣчивъ,
робокъ въ кругу незнакомыхъ людей; но это
было—во время оно!....

Нынѣ напрошивъ: очки (очки непременно!)
модный фракъ, цвѣтной галстукъ, щеголь-
ской плащъ, бѣлая шляпа, надменный видъ—
болѣе или мѣнѣе вѣрные признаки, если не
губернскаго, то по крайней мѣрѣ столич-
наго приказнаго. Шаги его по медленнымъ
и важнымъ, по порывистымъ; онъ углубляется
безпрестанно въ какія-то важныя по видѣ-
мому размышленія; онъ киваетъ вамъ голо-
вою, не приподымая шляпы; бѣжитъ, когда
вы хотите спросить о здоровьи домашнихъ;

словомъ, онъ весь не свой. Впрочемъ, вы все-
гда можете съ нимъ встрѣтиться въ теа-
трѣ, на гуляньѣ, въ концертѣ, на балѣ.—

Я зналъ одного человѣка, который слылъ
за дѣловаго попому только, что запер-
дилъ наизусть именины, рожденія и домаш-
ніе праздники нѣкоторыхъ вельможъ, и не
забывалъ являться къ своимъ папронамъ со
всенужайшимъ поздравленіемъ.

Другой дѣлецъ заирался въ своемъ каби-
нетѣ по нѣскольку часовъ, чѣмъ—чинить
перья!—

Третій: думалъ, сдѣлалъ, пыхтелъ, пи-
салъ—и попалъ въ дѣловые люди, хотя ду-
малъ нескладно, а писалъ и того хуже.—

Много есть способовъ прослыть дѣловымъ
человѣкомъ, изъ которыхъ, можетъ быть,
самый вѣрный: *казаться таковымъ.*

— Мужъ вашъ, сударыня, сдѣлался пелю-
димомъ, это для меня странно: онъ не та-
ковъ былъ восемь лѣтъ назадъ...—

«Ахъ, мой Жакъ занятъ, измученъ служ-
бою, заведенъ дѣлами; по упру въ депар-

паменпѣ, послѣ объѣда съ секретаремъ дома; ему опдохнуть нѣкогда!»

Все это можно объяснить такъ: восемь лѣтъ назадъ *Жакъ* работалъ самъ и былъ бѣденъ, нынѣ онъ имѣетъ секретаря, помощниковъ, поклонниковъ, жену, домъ, услугу, карешу, шесть лошадей. . . . бѣдный *Жакъ* заваленъ дѣлами! . . .

«*Мнѣ некогда*, говоритъ судья пришедшему къ нему безъ подарка испцу—*приходите другой разъ.*»

«Я занятъ!» кричитъ журналистъ спарому своему пріятелю: «корректура, выборъ статей, переводы, крипика, полемика, типографія, сотрудники—все отнимаетъ у меня время, которое бы я могъ провести съ побою, мой любезный!»

«Сего дня почтовой день, говоритъ должникъ заимодавцу, я занятъ, пишу письма, *забьгите* ко мнѣ завпрешній день, мой почтенный, мы вѣдь съ вами безъ церемоній!»

«Я на минушку къ тебѣ, мой милый: ѣду на *репетицію* новой комедіи;»—говоритъ молодая актриса спарому своему Селадону—и спѣшитъ на любовное свиданіе съ молодымъ другомъ.

«Я безпрестанно занимаюсь!» . . . пишетъ студентъ въ деревню къ отцу и—*занимается* игрою на билиардѣ и другими *нестыжными* играми. . . .

«Я занятъ! мнѣ некогда! я озабоченъ! я занимаюсь! когда мнѣ!» . . . Вотъ, что безпрестанно, со всѣхъ споронъ кричатъ служащіе и неслужащіе, богатые и бѣдные, умные и глупые, здоровые и больные:

Совсѣмъ пѣтъ, добрые мои чипатели, послѣ многихъ замѣчаній, наблюденій и опытовъ, я увѣрился, что человекъ дѣловой и трудолюбивый никогда не скажетъ: я занятъ! мнѣ некогда! когда мнѣ!—ибо, кому недоспадночно дня *Божьяго* на работу, тому хоть распяни эниопъ день на 48 часовъ, онъ все будетъ кричать: «я занятъ! мнѣ некогда! когда мнѣ!»

И. И.

К О Ё - Ч Т О .

Собственная слава ослѣпляетъ насъ больше, чѣмъ чужая. Фонари новыхъ *Диогеновъ* не находятъ людей, потому, что ихъ не ищутъ. Это попаенные фонари, обращенные спекломъ къ носящимъ ихъ. Они освѣщаютъ только ихъ самихъ и кружокъ около ногъ ихъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГІОРБА.

Волшебная повесть, соч. Фанъ-дери-Вельде.

I.

Великолѣпно восходило солнце, отражая первые лучи свои на свѣпыхъ броняхъ *Идаллана* и *Рино*, коихъ бодрые копья несли скорою, дружною рысью. Пламенные глаза ихъ, жадно озираясь изъ подъ густыхъ кудрей, искали приключеній. То былъ не первый вылетъ юныхъ орловъ: по обычаю спрансивующихъ выпазей, они уже сразили многихъ драконовъ, одолѣли многихъ исполиновъ; не разъ получали изъ рукъ *Карль* дорогіе подарки отъ спасенныхъ ими дѣвицъ; знаменитѣйшихъ красавицъ востока и запада избавляли они изъ рукъ злобныхъ чародѣевъ; бѣлоснѣжныя руки съ благодарностію обнимали ихъ колѣна; лилейныя перси бурно волновались на ихъ броняхъ, и прелестнѣйшія дѣвы спыдливо подносили имъ въ золотыхъ покахъ сокъ *Сиракузскаго* греза; но не смотря на то, сердца ихъ остались свободными, холодными и пвердыми, подобно ихъ каленнымъ панцырямъ. Сладостное чувство независимости, сила и огонь, гордость и юношеская отважность обнаруживались въ ихъ взорѣ, ихъ станѣ и всѣхъ пѣлдвиженіяхъ.—Такъ они ѣхали, прекрасные, величественные, подобно божественнымъ братьямъ *Кастору* и *Поллуксу*. Мирно спояло копье на правомъ спремени, мирно брякалъ мечъ на лѣвомъ бедрѣ, небрежно держала рука богато украшенные поводья. Внезапно опозвались въ ухахъ ихъ жалобныя звуки женскихъ голосовъ. Кони вздрог-

нули; всадники приникли ухомъ; лѣвая рука невольно подобрала поводья, правая схватила копье; оспрыя шпоры глубоко вонзились въ бока коней, и оба виписзя спрѣлою помчались, ни мало не размышляя, раны или поцѣлуи, ушибы или сокровища, темница или кольцо обручальное будутъ плодомъ сего новаго приключенія.

II.

Пишущіе кони быспро примчали ихъ къ древней дубравѣ, откуда раздавались вопли, кои спановились все слабѣе и слабѣе, почти замирая въ шепотъ почтенныхъ спарцевъ-деревьевъ. — «Впередъ, *Идалланъ!*» — вскричалъ *Рино*, и шпора его принудила быспроногого коня еще къ опважнѣйшему бѣгу. — Тутъ открылась предъ ними зелѣная поляна. Въ полнѣ опврапительныхъ Арабовъ спояли двѣ дѣвицы ангельской красоты, привязанныя къ деревьямъ, а преспарѣлый, худоцавый, смуглый спаричишка въ богатой восточной одеждѣ, казалось, любовался зрѣлищемъ ихъ полуобнаженныхъ прелестей. Онъ ужъ выхватилъ изъ подъ пояса сверкающій кинжалъ; ужъ подошелъ къ одной дѣвицѣ, но *Идалланъ* и *Рино* съ быспропою молніи впоргнулись въ толпу и, по рыцарскому обычаю, безъ допросовъ, безъ суда, каждый однимъ ударомъ копья пригвоздивъ троихъ Арабовъ къ ближайшему дубу, начали мечами косить чалмоносныя головы язычниковъ.

Неустрашимость, опытность, тѣлесная сила и увѣренность въ правотѣ дѣла скоро помогли имъ одолѣть шайку гнусныхъ хищниковъ. Кого мечъ пощадилъ, того растоптали кони; остальные съ воплемъ бросили оружіе. Кто могъ бѣжать, бѣжалъ; одинъ только смуглый Карло еще сопротивлялся имъ, чернымъ железомъ описывая въ воздухѣ спиранные круги и линіи. — «Напрасный трудъ!» вскричалъ, смѣясь, *Идалланъ*: «знай, господинъ волшебникъ, что наше оружіе, скованное въ мастерской Феи Діаманды, не спрашится волшебства, и что насъ можетъ побѣдить одна только естественная, превосходнѣйшая сила.» —

— «Если тебѣ угодно это испытать,» подхватилъ *Рино*, соскочивъ съ коня: «пой гоповъ съ тобою сразиться: позови назадъ своихъ бѣгцовъ-Арабовъ; пусть они дадутъ тебѣ оружіе!» —

Не опивчая ни слова, со взглядомъ, въ которомъ открылась вся бездна ада, чародѣй съ кинжаломъ въ рукѣ успремился на связанную жертвы, но быспрый мечъ *Рино* его предупредилъ. Съ развоенною головою пало чудовище; земля разверзлась и поглотила свою опврапительную добычу. Синеватый дымъ поднялся изъ прецины, и скрежетъ и хохотъ спрашно опоздался въ земной упробъ. —

Какъ будто влекомый внупреннымъ спремленіемъ, каждый рыцарь бросился къ одной изъ красавицъ. Мечъ быспро разсѣкъ узы, отъ которыхъ на нѣжномъ плѣтѣ оспавались красныя полосы. Вода, почерпнутая шлемами изъ ближайшаго источника, привела красавицъ въ чувство, и съ первымъ взглядомъ ихъ прелестныхъ, лазурныхъ очей, возшло для ихъ избавителей новое, прекрасное солнце: ослѣпленные его лучами, они увидѣли прупы язычниковъ, деревья, источникъ, дѣвицъ и самихъ себя въ радужномъ сіяніи. Прелестныя дѣвы, содрогаясь, посмотрѣли на поле битвы, а потомъ, сложивъ руки крестомъ на грудь, пали ницъ предъ рыцарями, робко перешептывались на какомъ-то неизвѣсномъ языкѣ, и послѣ крапкой, внупренной борьбы, бросились въ объятія юношей. Два пламенныхъ поцѣлуя горѣли на устахъ восхищенныхъ виписзей, и прежде, нежели они успѣли опомниться, ужъ дѣвы крѣпко обнялись. Маленькія ножки ихъ мгновенно покинули землю; красавицы взвились, и Зефиръ округлил ихъ воздушную одежду. Два невыразимыхъ взгляда еще успремились на избавителей, и высоко надъ исполнскими деревьями прелестныя исчезли изъ глазъ изумленныхъ рыцарей. —

III.

«Клянусь мопмъ рыцарскимъ обѣтомъ, не слишкомъ учтиво оставитъ насъ здѣсь однихъ!» — замѣпилъ *Рино* послѣ крапкаго молчанія.

—Неблагодарно!— проворчалъ *Идалланъ*.

Рино. Не говори эшаго! Еслибъ я и пролилъ всю кровь мою въ эпомъ бою: то поцѣлуй, который прелестная напечатлѣла на моихъ устахъ, вознаградишь бы меня избыточно.

Идалланъ. Я раненъ въ руку.

Рино. А я въ сердце, и голову побилъся объ закладъ, что моя рана опаснѣе.

Идалланъ. Чтожь теперь намъ дѣлать?

Рино. Ъхашъ! Къ западу умчалось небесное видѣніе, а шуда-то намъ и дорога.

— Опяшь ужъ ѣхашъ!— вздохнулъ *Идалланъ*, и оба пошли къ конямъ.

«Стой! Чшо я вижу?» вскричалъ *Рино*.

—Гдѣ?— спросилъ *Идалланъ*.

Рино. Покрывало, бѣлое съ золотыми лаврами, земная оболочка, которую покинули богини, воспаря съ земли.

Оба спрѣлою кинулись къ покрывалу, и подняли его въ одно время за оба кончика.

«Моей избавленной, оно мое!» вскричалъ *Рино*.

—Моя его оставила, оно мое!— воскликнулъ *Идалланъ* грознымъ голосомъ.

Рино. Я первый его замѣнилъ.

Идалланъ. Я пролилъ кровь въ сраженіи.

Рино. Оно мое, и никому не уступлю его.

Идалланъ. А мнѣ оно дороже жизни.

Крѣпче руки ихъ схватили покрывало, грозилъ его разорвать.

«Спой!» сказалъ *Рино*: «на что безумно уничтоживъ то, что въ цѣлоспи оцасплвивишь по крайней мѣрѣ одного изъ насъ? Не лучше ли хладнокровно и мирно изложивъ другъ другу свои права?»

—Нѣтъ!— гнѣвно вскричалъ *Идалланъ*: здѣсь дѣло идетъ только о моемъ правѣ. Если и ты полагаешь имѣть оное, то пусть мечъ рѣшитъ.—

Рино. Ты раненъ, и мой военный соповарищъ,—я съ тобою не сражаюсь.

Идалланъ. Неужь-то драка съ Мавраміи испощила въ тебѣ весь запасъ мужества?

Рино. *Идалланъ*! но ты меня не разсердишь!

Свирѣпо *Идалланъ* рванулъ за покрывало; *Рино* выпустилъ его изъ рукъ, чтобы сохранить превосходную ткань. Высоко вознесъ её *Идалланъ*, повѣсилъ на вѣтвь, и спалъ предъ нею съ обнаженнымъ мечемъ.— «Покрывало мое!» вскричалъ опъ испустиво: «и если ты не прусь, то бери его силою оружія!»

Благородный *Рино* до половины выхватилъ мечъ изъ ноженъ, но вдругъ одумался, опустилъ его опяшь, и безмолвствуя, хопѣлъ сѣсть на коня.

— Презрѣніе?— взревѣлъ *Идалланъ*, и съ оружіемъ въ рукъ успремился на своего поварища. Сей, оборотясь, обнажилъ мечъ. Вспыхнулъ жестокой бой надъ прупами лзычниковъ; искры сыпались послѣ каждаго удара. Съ равнымъ мужествомъ и равнымъ искусствомъ каждый нападалъ и каждый оборонялся. Никто не могъ одолѣть другаго. Далеко опзывался спукъ и прескъ мечей. Испуганныя пшцы, шума, вспрененулись, взвились, и быспроногія олени въ спрахѣ искали убѣжища въ самой дикой чащѣ лѣса.

IV.

Посреди пустынныхъ горъ, таинственно освѣненныхъ величественными лворами, чернѣлась гранитная пещера волшебницы *Гюрбы*.—Решета и коплы, пучки правъ и мушц, Иероглифы и зеркала, кристальные шары и крокодилы висѣли по стѣнамъ въ спрашно-мистическомъ смѣшеніи. Два человѣческихъ основа, держа факелы въ коспаныхъ рукахъ, освѣщали обширные своды. Въ кругу волшебныхъ знаковъ и бѣдующихся коспаней человѣческихъ лежала преспарѣлая *Гюрба*, и припкши лицомъ къ землѣ, уводяшею рукою рвала на себѣ послѣдніе скудные остатки сѣдыхъ волосъ. Вокругъ нея ходили два коша, большіе, черные, ласково мурлыча и плавно повѣвая хвостами. Внезапно пѣло ея попрыслось, какъ будто электрическимъ ударомъ. Съ сверкающими глазами она приподнялась, простерла волшебный жезлъ къ огромному магическому зеркалу, про-

бормотала слова таинственныя, — и въ числомъ кристаллъ показались дивныя, разноцвѣтные образы. Все живѣе становилось ея участіе, все ярственнѣе ея радость, и лишь только вырвался изъ груди ея крикъ восхищенія, какъ настежь отворились заповоры пещеры, и задыхаясь, вбѣжали ея прелестныя пипомицы, *Алианда* и *Даура*.

— Вотъ и мы, любезная маменька! — воскликнула *Даура*, обнимая её съ горячностью.

«Отъ смерти, отъ посрамленія, изъ рукъ гнуснаго *Расалколя* спасены мы!» — вскричала восхищенная *Алианда*, съ дѣтскою любовью прижимая къ устамъ пощую руку волшебницы: «спасены благороднѣйшими, храбрѣйшими, прекраснѣйшими выпязми!» —

— Тише, дѣточки! — подхватила волшебница: мое вѣрное зеркало рассказало мнѣ все, и можете спаться болѣе, нежели вы желаете. —

Краснѣя, дѣвушки спыдливо попутили сверкающіе глаза въ землю.

— Скоро, увы, слишкомъ скоро любовь земная открыла себѣ пупъ въ вашихъ юныя, неопытныя сердца. Тщательно я до сихъ поръ берегала васъ отъ сей коварной спрасси; но съ той минутой, въ которую удалось измѣннику *Расалколю* посредствомъ пагубныхъ чаръ исхитить васъ изъ хранительной пещеры, моя надъ вами власть кончилась. Хотя рушился адскій планъ злодѣя погубить меня и васъ, но можете быть, вы нѣкогда пожалѣете о томъ, что не умерли отъ его кинжала: ибо перзанія оскорбленной любви раздраютъ нѣжное женское сердце мучительнѣе тысячъ кинжаловъ. —

«Вѣдь ты еще не знаешь нашихъ избавителей,» прошептала *Алианда*.

— Они мушкетеры, слѣдственно ихъ знаю. Какъ волкъ ходитъ на гиенну, а сія послѣдняя на шакала, такъ одинаково и все это нечестивое племя, различаясь только паружнымъ видомъ и различными способностями обманывать и ловить свою добычу. Немудрено, что глаза крошкой сайги ободящаяся красивыми полосами пигра. —

Слезы канули изъ глазъ красавицъ.

— Я васъ люблю душевно, мои дѣтки! — продолжала *Горба* смгченнымъ голосомъ: вы праправнучки моей доброй племянницы, которую я схоронила въ сонный годъ моего рожденія. Охотно я бы сослала вамъ пощастіе, которому можете сдѣлаться причастными только въ безбрачномъ состояніи, но вы любите, и всѣ мои увѣщанія написаны напескъ. Одно только предоставьте моему материнскому о васъ попеченію: хочу испытать вашихъ будущихъ супруговъ. —

«Развѣ мало ихъ испытало сраженіе съ *Расалколемъ* и его Арабами?» — спросила *Алианда*.

— Правда твоя! оно испытало ихъ рыцарскую неустрашимость; но кто ручается за постоянство сердца? —

«Если всѣхъ мушкетеровъ будемъ подвергать испытанію;» замѣтила *Даура*, улыбаясь: «кто изъ нихъ выдепъ свѣтелъ изъ числительнаго горнила?» —

— Ваши вопросы заключаютъ въ себѣ явственнаго *нѣтъ* на мою просьбу, — и съ тѣхъ поръ, какъ вы увидѣли иноземцевъ, я безсильна надъ вашими сердцемъ. По крайней мѣрѣ, уважьте мое послѣднее увѣщаніе! —

Снова просперла она жезлъ къ зеркалу, и взору изумленныхъ дѣвицъ предстало кровавое поле битвы въ дубравѣ. — *Алианда* узнала свое покрывало, которое разтѣвалось на вѣтви, а подлѣ свирѣпо сражались знакомые ей рыцари. —

«Ради всѣхъ боговъ!» — возопили въ одинъ голосъ обѣ дѣвушки: «*Горба*, помоги, защити, спаси!»

— Видите ли вы этихъ свирѣпыхъ воиновъ? — сказала старуха: они сами не знаютъ, кто изъ нихъ имѣетъ право на сіе покрывало, а при всемъ томъ каждый изъ нихъ, для обладанія сею воздушною пиканью, готовъ умертвить своего друга. Вотъ вамъ изображение того, что сіи дикари называютъ честью, и повѣрьте мнѣ: какъ пеперь споты ихъ въ наглой битвѣ расплываюптъ невинныя луговые цвѣты, такъ жестокость

сихъ могучихъ воиновъ, ихъ гордоспъ и надменность, ихъ свирѣлая чувстввенность жезлоною рукою раздавптъ ваши нѣжнѣйшія чувстввоанія, можетъ бытъ — ваше сердце. — —

«Къ чему теперь такъ много словъ!» вскричали дѣвушки: «спасай, милая бабушка! разними сумасшедшихъ!»

Гюрба сомнипельно покачала сѣдовласою головою, и жезломъ отккрыла клѣпку, висѣщую на стѣнѣ пещеры. Колибри, щебеча, вылетѣла и ласково сѣла на плечо старухи.

— Принеси покрывало, Иммо! — сказала *Гюрба*: и приведи сюда несповыхъ! —

Тихонько она коснулась жезломъ до крыльшекъ ппички, и очаровательно запѣвъ, она полетѣла, какъ изъ лука спрѣла.

У.

Идалланъ и *Рино* все еще сражались съ прежнимъ ожеспоченіемъ. Разбиты были ихъ щипы и шлемы. Кровь уже лилась ручьями изъ многихъ ранъ, и обагрпала землю; — вдругъ близъ нихъ запѣла ппичка, звучнѣе и сладостраснѣе соловья. Нѣжнѣйшія чувства пробудились въ груди сражающихся. Невольно они опустили мечи, и безмолвспвуя, заключили перемиріе. Едва переводя духъ, они все внимательнѣе вслушивались въ небесные звуки, и наконецъ увидѣли прелеспную ппичку, которая, сіяя золопомъ, лазурью и пурпуромъ, качалась на вѣткѣ подлѣ покрывала. Все нѣжнѣе, все плѣнительнѣе спановилось очаровательное пѣніе, — и наконецъ изъ устъ *Рино* вырвались слова: «какіе мы глупцы, что изъ пуспиковъ другъ другу рубимъ кости!» —

— Ты правъ! — сказалъ *Идалланъ*, опустивъ мечъ въ ножны, и подаль поварищу окровавленную руку. — Звучная побѣдная пѣснь раздалась изъ горлышка дивной ппички; она схватила покрывало крошечными пурпуровыми когпями, и обольспительно воркуя, медленно полетѣла къ западу. — «Она зоветь насъ! Не ѣхатъ ли за нею?» спросилъ *Рино*.

— За покрываломъ! — воскликнулъ *Идалланъ* съ воспоргомъ: сіе милое знаменіе ведетъ насъ къ прекраснѣйшей побѣдѣ! —

И въ одно мгновение они вскочили на коней и быспро понеслись по горамъ, по доламъ, вслѣдъ за воздушнымъ вожапымъ, не выпуская изъ вида блестящей пкани, копорая въ дали сіяла предъ ними, какъ пупеводная звѣзда. —

VI.

На развалинахъ, нѣкогда великолѣпнаго замка спояла сѣдовласая *Гюрба* съ цвѣтущими пипомицами. — Вы не хопите внимать моимъ увѣщаніямъ, — говорила она ласковымъ, любви исполненнымъ голосомъ: вы не согласились посвятить, подобно мнѣ, вашу дѣеспвенность богамъ, и въ награду сего принялъ рѣдкія познанія, великую власпъ и полубеспмертіе. Пламенные желанія юности дышатъ только земными радостями, быспропечными, обольспительными. Да будетъ вамъ то, чего желаете. Что можетъ оцаспливить смерпную дѣву, вы получите: юношу, вами любимого, богатспво, блескъ и почести. Все прочее предоспавимъ богамъ всемогущимъ! —

«Ты говоришь такъ важно, такъ поржеспвенно, милая маменька!» говорила *Алианда*.

— Тому причиною ваше положеніе, вашъ необдуманнпй выборъ на всю долгую жизнь и воздушные образы будущности, которые, хопя и всѣ поговариваютъ въ окрестностяхъ о глубокихъ познаніяхъ *Гюрбы*, лишь темно и беспорядочно носятъ предъ моимъ омраченнымъ взоромъ. — Тому причиною сія развалина, заключающія въ себѣ могилу моей доброй племянницы, вашей прапрабабушки. И ея дни омрачила и сократила несчастная любовь. И вамъ угрожаютъ подобныя мученія; ибо не въ моей власпи призвать духовъ съ цвѣтущихъ долинъ Вахалла, чтобы дать ихъ вамъ въ супруги. Вы непременно хопите сочепаться узами брака! Да будетъ исполнено ваше желаніе! Я слышу вдали пѣніе сладкозвучнаго Иммо, и спѣшу приготовить вамъ ваши будущія жилища. —

И около себя и пипомицъ *Гюрба* провела кругъ. Къ востоку, западу, югу и сѣверу

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА.

Ангель - Хранитель! бодрствуй всегда паде нами
незримо!
Язву болѣзни, ночью и днемъ, крыломъ отпѣвай!
Кроющихъ злое въ сердцахъ знаменуй мглою предъ
нами,
Тихимъ, кропкимъ лучемъ на лица добрыхъ
свѣти!

И. Пальминъ.

КЪ * * *

За чѣмъ божественной Хариты
Въ ней расцвѣтаешь красота?
За чѣмъ такъ пурпурны ланиты?
За чѣмъ такъ сладостны уста?
Она въ душѣ не пробуждаешь
Возвышенныхъ, излщенныхъ думъ;
При ней безумье не скучаешь
И пламенный хладѣешь умъ.
Какъ дочь невѣжества просная,
Она не любитъ Пэриды;
Она очами не сверкая
Поэма имя говоришь.
Слугъ суешь, слугъ забвенья
Ея любовь обречена;
Но жизнь любимца вдохновенья
Поймешь и скрасишь не она.
Такъ слѣдъ убогаго челна
Спруя безсильная лобзаешь,
Когда высокая волна
Черезъ него перелетаешь.

Лыжковъ.

ДОБРАЯ НОЧЬ.

«Доброй ночи! доброй ночи!»
Лилъ разъ я говорилъ,
«Ужъ давно, давно пробилъ
Часъ покоя, часъ полночи!»
И въ отвѣтъ къ груди моей
Лила грудь свою прижала,
Обняла, поцѣловала,
И печальное прости
Мнѣ съ улыбкою сказала.
И прощальный сей привѣтъ

раздавались таинственныя слова заклинанія. Трижды она свирѣпо топнула ногою въ землю. Глухой гулъ опозвался въ ухахъ пререцущихъ дѣвъ. Загрохотали подземные громы, задрожала ось земли, зашатались развалины, изъ горныхъ прещинъ устремились молніи, густыя облака дыма спѣснили дыханіе, и чрезъ нѣсколько мгновений красавицы съ ужасомъ замѣтили, что онѣ не одиѣ находятся среди развалинъ. Толпа блѣдныхъ, рогатыхъ, безобразныхъ демоновъ, съ сверкающими глазами, обступила волшебный очеркъ *Горбы*, благоговѣнно ожидая ея повелѣній.

— Духи земли!— вскричала съдовласая дѣва съ царскою сановитостью: *Алиагда* и *Даура*, мои пипомницы, просятъ у меня приданого.— Духи востока и запада! я приказываю вамъ обратишь развалины сего замка въ великолѣпный дворецъ, да живешь въ немъ *Алиагда*.— Духи сѣвера и юга! соорудице на вершинѣ утеса, опдѣленного опъ насъ дубравою, подобный приютъ для моей *Дауры*. Скорѣе за работу! Въ девять крапъ девять мгновений все должно бытъ готово.—

Фея махнула жезломъ— и половина демоновъ исчезла. Другая съ прескомъ раздвоила землю, чпобы доехать опшуда гранита, мрамора, золота, желѣза и всего нужнаго для постройки. Молніи сверкали непрерывно, перекаты грома вторились до безконечности, земля опъ сильного колебанія грозила обрушиться, буря свирѣпствовала, спрашно шумѣли подземныя воды. Вся природа, казалось, яростно возстала противъ дерзостнаго нарушенія ея правъ, видя, что безсмертныя руки принялись за смертное дѣло. *Алиагда* и *Даура* лежали безъ чувствъ посреди хранительнаго волшебнаго круга. Вскорѣ и вершина супротивнаго утеса запылала багровымъ заревомъ, въ знакъ спрашной дѣлательности гномовъ. Одна только *Горба*, среди всеобщаго разгрома, спояла спокойно въ своемъ всеильномъ кругу, жезломъ управляя свирѣпыми стихіями, копорыя не осмѣливались даже коснуться до сѣдинъ ихъ повелительницы.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

Полонь былъ волшебной силы:

У груди прелестной Лилы

Я забылъ и ночь и свѣтъ;

Утопая въ пѣгъ спрасной,

Я горѣлъ, я дорожилъ

Каждымъ мгномъ, и прекрасной

Только въ шутку говорилъ:

«Лила, Лила, доброй ночи!

Доброй ночи,—ужь пора!»

Ночь прошла—а наши очи

Не смыкались до утра.

II. Чижовъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ въ числѣ именъ

Видоку и Карпушу;

Второй бываетъ память, гдѣ звонъ,

Гдѣ проповѣдывалъ Плапонъ,

Ахъ, безъ него Капонъ ужь не Капонъ!

Все—грѣшную на крюкъ сажаетъ душу,

Варить въ смолѣ: его я больно спрушу.

III.

Въ No 8, помѣщенный догориѣвъ значить: *Gange* и *ange*.

М О Д Е С.

Toilettes de Bal.—Les jeunes personnes portent au bal beaucoup de robes en gaze unie. On peut y joindre une ceinture à corsage en velours noir, ce qui est d'un joli effet sur une robe rose ou jonquille. Ces ceintures varient de formes; elles ont des épaulettes, d'où part une longue pointe, qui descend sur les manches et se termine quelquefois par un gland. Nous avons trouvé charmant le costume de bal d'une jeune personne de quinze ans, ayant la plus jolie chevelure blonde qu'on puisse imaginer. Sa robe, en gaze *donna Maria* rose tendre, avait une ceinture en velours noir formant un corsage à pointe sur la poitrine et sur le dos; des pointes retombaient sur les manches; tout autour de la poitrine dépassait une petite valenciennes. Un seul petit liséré de velours noir tenait lieu de ceinture au bas de la taille. Sur le front passait une guirlande de roses sans feuilles, ayant toutes les pétales

noires. Les cheveux relevés à la chinoise formaient un nœud au sommet de la tête. Point de collier ni de boucles-d'oreilles.

Les jeunes femmes élégantes ont des robes de bal en gaze blanche brodée en soie nuancée, entremêlée d'or ou d'argent. Une gaze blanche brodée d'un semé d'argent, une longue ceinture de satin blanc nouée sur le devant un peu de côté et ayant des bouts flottans ou fixés au-dessus de l'ourlet par un bouquet de roses, une plume rose et quelques épis de diamans pour coiffure, composent une toilette du meilleur goût.

Pl. No 4. Beret de gaze.—Robe de velours.—Manches de tulle ornées de nœuds.

М О Д Ы.

Бальные наряды.—Молодые особы бывають на балахъ по большой части въ платьяхъ изъ гладкаго газа. Можно съ ними надѣвать пояса, сдѣланные лифами, изъ чернаго бархата, что чрезвычайно красиво на розовомъ или жонкилевомъ платьѣ. Пояса сии разныхъ формъ; они дѣлаются съ эполемами, откуда идетъ длинной мысокъ, спускающийся на рукава и оканчивающийся иногда желудкомъ. Намъ весьма понравился бальный костюмъ одной молодой дѣвицы пятнадцати лѣтъ, имѣющей самый прекрасный блондинскій цвѣтъ волосъ, какой только можно вообразить. Платье изъ газа *Донна Марія*, нѣжно розоваго цвѣта, было съ чернымъ бархатнымъ поясомъ, составленнымъ лифъ съ мысками на груди и на спинѣ; на плечахъ также мыски; вокругъ лифа выпущено узенькое кружево. Въспло пояса внизу падан узенькая черная бархатная выпушка. По лбу положена гирлянда изъ розъ безъ листьевъ; песпики все черные. Волосы зачесаны по Китайски, наверху головы составляли бантъ. Ни ожерелья, ни серегъ.

Щеголихи надѣвають на балы платья изъ бѣлаго газа, вышитыя шелками въ шнѣ, перемѣшанна съ золотомъ или серебромъ. Бѣлое газовое платье, вышитое серебряными мушками; длинный бѣлый апласный поясъ, завязанный спереди немного на спорокъ, съ распущенными концами или прихваченными надъ рубцомъ букетомъ розъ; розовое перо и нѣсколько бриллиантовыхъ колосевъ, составляющихъ въ оплечномъ вкусѣ нарядъ.

Карп. No 4. Газовый беретъ.—Бархатное платье.—Тюлевые рукава съ бантами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 10.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
справкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 4 ДНЯ 1855 ГОДА.

Какой намъ въ горѣ прокъ?
Сама ты говоришь, что наша жизнь — цвѣтокъ;
Дунь только вѣсперъ — и увянешь!
Такъ надо ея дорожить,
И въ свѣтѣ весело пожить!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ БОРОДЪ.

Въ ту чудную эпоху, когда важный для человѣчества вопросъ о возстановленіи бороды не разрѣшенъ еще глубокомысленными Парижанами, и когда мы споль охотно спремимся къ преобразованію костюма и перемѣнѣ Европейской кургузой одежды на долгополую Азіатскую, нашимъ читателямъ конечно назидательно будетъ узнать исторію бороды во Франціи, отъ начала V-го столѣтія до XIX-го. Сей переворотъ на Французскихъ нашихъ подбородкахъ есть, можетъ быть, замѣчательнѣйшій всѣхъ прочихъ, намъ угрожающихъ; онъ пеперь еще на зарѣ своей. Классики, Маркизы, Аббаты, Виконты единогласно возспали прошивъ святопаисивеннаго, какъ они полагаютъ, введенія бороды, приличнаго, по ихъ мнѣнію, однимъ дикарямъ и варварамъ. Сколько жаркихъ нападеній должны были претерпѣть сіи преобразователи, сіи *великодушные смертные*, въ мыслящей головѣ которыхъ зачатъ

зародышъ высокой мысли воскресить бороду! — Но щептию мелкіе умы, соврапившіеся съ истиннаго пуши, коварно домогаются лишить ихъ бодрости. Они не ослабляютъ въ благородной своей твердости, и скоро Франція, опустивъ окладистую бороду, возрадуется торжеству просвѣщенія надъ невѣжесвомъ.

Усы, прежде бороды извѣстныя въ нашей исторіи, служили украшеніемъ *Клодіону Косматолу*, при вторженіи его въ Галлію; сіи усы были тонки и подсприжены, расчесывались гребнемъ и оплечали Франковъ отъ сосѣдственныхъ народовъ. Римляне, Галлы и Германцы не носили ни бороды, ни усовъ, а козлиныя бороды Голиовъ ни мало не походили на бороды народа Франческаго. *Теодорикъ*, Король Готскій, по свидѣтельству *Сидуаня*, опращавъ только пѣ клочки волосъ на щекахъ, кои мы называемъ бакенбардами; всѣ остальные волосы онъ нещадною рукою выдергивалъ изъ бороды своей. За это *Сидуанъ* называетъ его женоподобнымъ щеголемъ.

Усы были въ модѣ до конца *Клодоевска* царствованія и даже до начала VII вѣка. Позднѣе, Французы спали носить бороду въ подражаніе Королямъ своимъ, которыми придавала она важность и величіе. Не воображайте себя однакожь, что сіи бороды были густы, кудрявы, длинны; совсѣмъ нѣтъ! Это были маленькіе клочки волосъ на самомъ концѣ подбородка. Мало по малу клочекъ эпошъ увеличивался, расширялся, и, съ наспуленіемъ VIII столѣтія, бороды Французовъ можно было безъ зазрѣнія совѣспи называъ густыми. Одни только лица духовныхъ особъ не раззнакомились съ бршпвою; одни только они возспавали прошивъ новой моды опущааъ бороды, почипая сіе беззаконіемъ. Кажется, однакожь, что ихъ гоненіе не имѣло никакого вліянія на бороду: ибо мода научила переплетать её жемчугомъ, унизывааъ золопными и серебряными блеспками.

Большая часть Королей, царствовавшихъ до *Карла великаго*, умерли не достигнувъ мужеспвеннаго возраста, и слѣдспвенно не успигали щаспія имѣаъ бороду длинную, широкоую, гладко-расчѣсанную: они-то, въ негодованіи своемъ, положили конецъ владычеству бороды. *Карль великій* возвращааъ усамъ прежнее ихъ великолѣпіе; *Карль пльинивій* носилъ усы, копорые падали у него тонкими прядями на грудь; но неудобство, причиняемое ихъ длиною, скоро сдѣлалось ощупительно, и, къ половинѣ IX вѣка, усы были обршпы.

Въ началъ X-го столѣтія борода снова вошла въ права свои. Современная исторія упоминаетъ о висѣвшей до пояса сѣдой бородѣ Короля *Роберта*, совмѣспника *Карла простаго*. Норманны, опустошавшіе погда Францію, пренебрегали бородою и носили одни только усы.

Борода, болѣе и болѣе приходившая въ уваженіе, скоро приняла различные виды. Она раздѣляема была на три части, то есть, на обохъ щекахъ, подъ носомъ и на концѣ подбородка. Въ послѣдспвіи борода на щекахъ была выщипана, а при *Генрихѣ I* вошли въ честь усы густые и висащіе, и

борода длинная, оспрая, опушающая конецъ подбородка. Такую бороду носилъ *Гюгъ*, графъ Шалонскій, въ то время, когда бывъ побѣжденъ *Рихардомъ*, герцогомъ Норманскимъ, онъ явился съ сѣдломъ на спинѣ, просивъ его о помилованіи. По сему поводу лѣпописцы замѣчають, что *Гюгъ* болѣе походилъ на козла, нежели на лошадь. Въ сію достопамятную эпоху борода достигла высшей степени своей славы. Щасливъ былъ обладатель красивой бороды; имя его переходило въ потомство, вмѣспъ съ названіемъ, свидѣтельспвовавшимъ о качествѣ сего народнаго убранства лица человѣческаго.

Къ причудамъ судьбы опнеспи должно, что въ ту самую пору, когда борода пользовалась во Франціи величайшими почестями: въ Англіи сморѣли на неё весьма неблагоприятно. Около 1066 года *Вильгельмъ завоеватель*, овладевъ Англіею и желая уничтожить всякое различіе между безбородыми Норманнами и бородапыми Англичанами, приказалъ симъ послѣднимъ обршпъ миніапюрные ихъ усики и хохоль волосъ, порчавшій на подбородкѣ. Въ одинадцатомъ вѣкѣ, Папа *Григорій XII* былъ заклятымъ врагомъ бороды, и обнародовалъ, какъ непреложное церковное правило, запрещеніе духовенству носить бороду.

Съ тѣхъ поръ бороды постепенно начали уменьшааъся въ своемъ объѣмѣ; ихъ переспали носить на подбородкѣ и оспавляли только кусчикъ волосъ около рта; другіе носили клочекъ оныхъ подъ нижнею губою; но день ото дня борода все болѣе рѣдѣла и укорочивалась. Въ царствованіе *Лудовика младшаго*, около 1149 года, бородѣ и усамъ нанесенъ рѣшительный ударъ. На сей разъ и духовенство послѣдовало общей модѣ. Должность циркульника сдѣлалась значительною; Короли имѣли циркульниковъ, копорые опправляли при нихъ должность хирурговъ и называли себя *mires* или брадобрѣями. *Лаброссъ*, міге или циркульникъ *Лудовика святаго*, игралъ весьма важную роль при *Филиппѣ смѣломъ*. Всякому извѣспна его исторія и прагическій конецъ. Такимъ образомъ, борода была всѣми поки-

нута, кромѣ Тамплиеровъ, продолжавшихъ еще носить её по образцу восточному. Въ такомъ положеніи оставалась она до *Филиппа Валуа*, который хопѣлъ воскресить бороду и успѣлъ въ помѣ во время своего царствованія; но торжество ея было весьма кратковременно. Она вновь была оставлена, испытавъ прежде всѣ перемѣны, уже ею понесенныя, то естъ, превращаясь попеременно въ маленькую бородку, въ усики, въ усы и въ хохоль волосъ надъ нижнею губою. Духовенство однакоже упорно сохраняло её. Въ 1370 г. *Петръ Бенуа*, Епископъ города Сен-Мало, въ Синодальныхъ установленіяхъ своихъ запретилъ духовнымъ особамъ носить усы и бороду.

Бристые подбородки долго оставались въ модѣ во Франціи, не взирая на пропивное обыкновеніе земель сосѣдственныхъ, особливо Испаніи, гдѣ носили даже накладныя бороды. Въ концѣ XIV-го вѣка и въ печеніе всего XV-го борода оставалась въ забвеніи. *Карль VII*, *Лудовикъ XI*, *Карль VIII*, *Лудовикъ XII* не носили её, а примѣру ихъ подражали и придворные.

Мы достигли, наконецъ, XVI-го столѣтія: короли, придворные, прослоюдины, духовенство, монахи, всѣ слѣдовали одинакой модѣ, и борода не воскресала... Насупилъ, наконецъ, вѣкъ, удивительный по случившимся въ немъ событіямъ, по чудесамъ, въ немъ совершившимся, по свѣту, пролптому имъ на умы. Изящный вкусъ ожилъ, искусства, одобряемыя царствовавшими тогда монархами, достигли совершенства. *Францискъ I*, *Генрихъ VIII*, *Карль V*, каждый сосоставляющъ эпоху въ исторіи королевствъ своихъ. Борода опять опрасла; дворъ, граждане и духовенство снова подпали ея владычеству.

Здѣсь мы прекратимъ на время свои изслѣдованія. Въ другой спашѣ намѣрены мы изложитъ исторію позднѣйшихъ измѣненій бороды и ея возстановленія въ приличномъ ей достоинствѣ, чести и славъ.

Съ Франц. Ил. Г—ва.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГІОРБА.

(Продолженіе.)

VII.

Пропекло девять крапъ девять мгновений; погасло пламя на вершинѣ супротивнаго утеса, и солнце, отражаясь на позолоченныхъ кровляхъ, освѣпило великолѣпный замокъ, окруженный высокою стѣною и семью крѣпкими башнями. Подобно седмизвѣздію, сверкали въ блескъ дня семь золотыхъ куполовъ башень. — *Гіорба*, гордымъ окомъ окинувъ созданіе вѣрныхъ служителей, волшебнымъ жезломъ коснулась пшопицъ, въ мерпвый сонъ погруженныхъ. Пораженныя новостью предметовъ, ихъ окружающихъ, онѣ робко оглядывались во всѣ стороны. — Подъ разрушенными сводами оконъ, среди полуобвалившихся стѣнъ и спорожевыхъ башень, онѣ заснули на одрѣ изъ сыраго моха, а проснулись на бархатныхъ диванахъ, вышитыхъ золотомъ, на мраморномъ балконѣ великолѣпнаго замка. Изъ первобытнаго гранита построено было гордое зданіе, покрытое мраморомъ и поддерживаемое стройными колоннами. Готическая смѣлость и сила сочетались съ Греческою красотою. Крипальныя двери балкона открывали видъ въ роскошныя, испинно царскіе чертоги. Превосходнѣйшими произведеніями живописи и валяніа украшены были залы, кровли, лѣспницы и дворцовый садъ, который, подобно волшебному міру, съ своими фонпанами, водопадами, озерами, бесѣдками, аллеями, оспровами и обелисками планулся по лѣвому скапу горы. Сначала, онѣ все сіе почли за обольстительный сонъ, но взглядъ на знакомыя окрестности вскорѣ удостоверишь ихъ, что все это создала *Гіорба* силою волшебства.

Съ чувствомъ живѣйшей благодарности кинулись красавицы на шею попечительной родственницѣ, и обворожительно Демосеевыхъ рвчей говорили слезы кропкой любви и признательности. — Довольно! довольно! — вычала *Гіорба*, вырываясь изъ ихъ объятій: еще вы не знаете, заслуживаю ли

я вашу благодарность. Одни только вѣчные боги это рѣшатъ послѣ вашей кончины, когда взвѣшены будутъ цвѣты и терны земной жизни! Мнѣ теперь нѣкогда распроспраиваться: ибо слышу попопъ коней *Идаллана* и *Рино*. Не могу смотрѣть на непріязненныхъ мужей, которые изъ моего земнаго сада унесутъ прелестнѣйшія розы, можетъ быть для того только, чтобы измѣять ихъ суровою, дерзкою рукою. — Теперь я съ вами расстаюсь, но всегда буду принимать материнское участіе въ вашей судьбѣ. Только прияды мнѣ дозволено видимо навѣспить супругъ *Идаллана* и *Рино*: въ минушу высочайшаго щастія, глубочайшей скорби и въ часъ кончины. Сохраняйте чистоту сердца, какъ я доселѣ ея щипательно лелѣла; въ часъ роковой, въ смертный часъ, я поцѣлую слажу съ вашего чела перзанія послѣдней борьбы, и отходящему духу предтеку въ блаженные поля Валгаллы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ теперь съ вами расстаюсь. —

И свѣтомъ небеснымъ преобразилось юнѣющее лице *Гюрбы*; морщины старости исчезли, и золотыя кудри, роскошно волнуясь, осѣнили ея выю и перси. Лазурно-пурпуровыя крылья восшумѣли на плечахъ; спройный, величественный спанъ облекся въ одежду изъ радужныхъ лучей, и въ облакъ амбры *Гюрба* вознеслась надъ изумленными дѣвцами, которые неподвижно смотрѣли вслѣдъ ей въ благоговѣйномъ безмолвіи.

Съ радостно-побѣднымъ пѣніемъ *Илло*, держа въ когтяхъ покрывало *Алианды*, влѣпѣлъ въ высокія ворота замка. Вслѣдъ за нимъ съ громомъ опустились подъѣмныя мосты. На спаниныхъ коняхъ своихъ, *Идалланъ* и *Рино* прискакали на дворъ, быстро соскочили и бросились къ спонамъ восхищенныхъ красавицъ. Въ двѣ живописныя группы слились щастливцы-любовники, а *Илло* съ высокой кровли замка запѣлъ имъ сладостную свадебную пѣсню.

VIII.

Съ высокаго свода кристальная лампа разливала тусклый свѣтъ на пурпуровыя шелковые занавѣсы брачнаго ложа, на которомъ

Рино, обрѣвши прекраснѣйшую побѣду, загнулъ на груди щастливой *Алианды*. Со взоромъ, исполненнымъ сладостныхъ слезъ, въ копорыхъ выражалась и мгновенная боль и высочайшая радость, молодая, прелестная супруга приподнялась надъ спящимъ любимцемъ, чтобы облобызать его, — какъ вдругъ зашумѣли пурпуровыя занавѣсы, и *Гюрба* предспала предъ ложе.

— Щастлива ли ты, *Алианда*? — спросила она, волшебнымъ своимъ дыханіемъ навѣвая глубокой сонъ на спящаго *Рино*.

«Невыразимо щастлива!» шеннула *Алианда*, скрывая краснѣющія ланипы на груди попечительной матери.

— И такъ, ни одно желаніе уже не волнуется сихъ смертныхъ персей? —

«Одно только!» отвѣчала молодая спыдливымъ шепотомъ.

— Одно еще? — спросила изумленная *Гюрба*: и такъ, ненасытное желаніе преслѣдуетъ бѣдныхъ смертныхъ даже на высочайшей степеніи земнаго благополучія? Опкройся мнѣ, моя милая! — —

«Вчера, на свадебномъ пиршествѣ, за круговою чашею, мой *Рино*, рассказывая мнѣ о своихъ рыцарскихъ спранствіяхъ, слишкомъ пламенными, слишкомъ живыми красками описывалъ прелести дѣвицъ, имъ спасенныхъ: боюсь, что я — можетъ быть скоро — не одна буду имъ любима.»

— Какъ? уже въ первую ночь брака закрамась въ грудь твою ревность, *Алианда*? —

«Лучше смерть, чѣмъ имѣть соперницу! Такъ я чувствую!»

— И чего же ты хочешь? — спросила *Гюрба*, наморщивъ чело.

«Не хочу, чтобы меня перзала пытка неизвѣстности или мучительнаго подозрѣнія, хочу имѣть довѣреннаго человека, который бы увѣдомлялъ меня, когда *Рино* преклоняетъ колѣна предъ чужими алтарями, для того только впрочемъ, чтобы я могла усиленно любовью опозвать любимца моего сердца отъ дупи заблужденія или презирающаго вѣромнаго!»

— Непріязненныя чары властвують надъ тобою и мною, — отвѣтствовала Фея печальнымъ голосомъ: я увѣрена, что исполненіе сей просьбы навлечетъ на тебя несчастіе; но высшія силы велятъ мнѣ покориться безразсудному желанію юности. —

Она топнула ногою; изъ подъ пола явился крошечный гномъ, который поставилъ на креслы, въ головахъ кровати, часы изъ драгоценнѣйшихъ металловъ и каменьевъ, искусно сославленныхъ въ видѣ храма Киприды.

— Возьми сіе магическое произведеніе искусства, — сказала *Гіорба*: но скрывай его тщательно отъ своего мужа, дабы его преступное буйство не разрушило невиннаго обвинителя. Вѣчно споятъ сіи часы; вѣчно безмолвствуютъ сіи колокольчики; одно только пвое милое лице отражается въ этомъ зеркалѣ; но какъ скоро и пвой супругъ сдѣлается причастнымъ пороку его пола, то звуки сладострастные испекутъ изъ сей колоннады, спрълка укажетъ на часъ пайнаго свиданія, и чистый кристалль зеркала представитъ тебѣ образъ щастливой соперницы. —

Алианда хотѣла благодарить, но важно прервала её *Гіорба*: не благодари меня, ибо вмѣстѣ съ симъ даромъ обратишь долги мученія, позданое раскаяніе, и вскорѣ *Гіорба* пощипитъ тебя впорично, но заспанитъ тебя въ слезахъ! —

Сказала и мгновенно исчезла.

IX.

Направя воздушный полетъ къ блестящему, семибашенному замку, *Гіорба* предспа-ла предъ ложе крошкой *Дауры*, и маперинскимъ поцѣлуемъ разбудила её изъ перваго сладостнаго сна въ объятіяхъ *Идаллана*. Тотъ же вопросъ, тѣ же увѣренія невыразимаго щастія, но и тихая, скромная *Даура*, казалось, тайла въ сокровеннѣйшей глубинѣ сердца какое-то желаніе. Послѣ долгихъ, неотступныхъ увѣщаній *Гіорбы*, наконецъ она сказала:

«Къ крайнему моему прискорбію узнала я отъ *Идаллана* и *Рино*, что дикая вспыль-

чивость моего супруга была виною кровопролитнаго поединка за поперянное покрывало, что *Рино* предлагалъ руку примиренія, но для сохраненія собственной жизни нашелся принужденнымъ сражаться. — Посему спрашусь, что суровый нравъ *Идаллана*, не пощадившій даже лучшаго друга и повариха, нѣкогда расперзаешь и мое сердце, и приготовитъ мнѣ горестные дни и слезныя ночи. О, еслибъ я владѣла волшебствомъ, которое, подобно *Давидовой арфѣ*, удаляло отъ него дикаго демона ярости! — Чего тогда недоспавало бы къ моему щастію?»

— *Ильмо!* — воскликнула *Гіорба*, ласково улыбаясь, и отворила окно. Влепѣла прекрасная ппичка, неся на шеѣ алмазами осыпанную ленту, на которой висѣла маленькая флейша изъ слоновой кости.

— Возьми эту флейшу, моя кропкая *Даура!* — сказала волшебница: надѣнь эту ленту на шею, и всегда носи на груди сей подарокъ пвоей заботливой матери. Какъ скоро вспыхнетъ гнѣвъ *Идаллана*, какъ скоро суровыя слова его оскорбятъ нѣжную душу моей доброй пипомицы, то тихіе звуки мира, испекающіе изъ сей слоновой кости, укропятъ неистовое пламя и успокоятъ бурю его сердца. —

Съ радостнымъ изумленіемъ, *Даура* приняла магическую флейшу, и *Гіорба*, благословивъ её, исчезла.

X.

Изъ потока времени, со дня бракосочетанія *Алианды* и *Дауры*, годъ умчался въ море вѣчности, — и *Гіорба*, при страшномъ прескѣ подземнаго грома, вышла изъ подъ упеса, споящаго въ дубравѣ, между замками *Идаллана* и *Рино*. — Въ прежнемъ блескѣ еще сіяли сіи гордыя зданія, величественно и грозно еще возвышались ихъ стѣны, опбрасывая длинныя тѣни въ долину; но упесъ, на копоромъ спояла теперь *Гіорба*, изменилъ свой видъ: голую прежде скалу теперь вѣнчали высокіе кедры, красивые лиственницы, плащаны и тополи, обсаженные цвѣтущими розовыми кустами. Золотой куполь, поддерживаемый девятью колоннами

изъ блага мрамора, украшалъ вершину утеса. Влекомая любопытствомъ, *Гюрба* вошла въ ропонду храма, и съ радостнымъ изумленіемъ увидѣла въ глубинѣ свой собственный образъ, увѣнчанный давно-поблекшими розами и свѣжлмъ кипарисомъ. Со слезами пихаго умиленія на глазахъ, она немедленно хопѣла воспарить къ своимъ пипомицамъ, дабы незримо напечатлѣть имъ на челѣ признапельный поцѣлуй, но была въ нерѣшимости, насладиться ли созерцаіемъ *Аліандина* щаспія, или направить полетъ къ *Дауръ*?— Тутъ зоркіе глаза ея увидѣли двухъ женщинъ, которыя справа и слѣва приближались къ утесу. Узнавъ любезныхъ пипомицъ, *Гюрба* облеклась въ непроницаемый туманъ. Но сіе узнаніе было не радостное. Такъ медленно, съ поникшимъ взоромъ, не крадется щаспіе;— сіи блѣдныя ланиты преждевременно увяли опть губительнаго дыханія скорби.— Съ горестнымъ предчувствіемъ *Гюрба* спряталась за алтарь, на которомъ спояло ея изображение. Тутъ вошли блѣдныя красавицы и, рыдая, бросились одна другой въ объятія.

«Мои бѣдствія доспигли высочайшей спепени!» горевала *Аліанда*.

—Послѣдняя надежда моей жизни рушилась!—вздохнула *Даура*.

Аліанда. Въ какое нещаспіе повергъ меня послѣдній подарокъ нашей доброй мапери! Почти при всякомъ измѣненіи луны, колокольчики волшебныхъ часовъ раздрааютъ мое бѣдное, обманутое сердце. Нещаспное зеркало непрерывно показываетъ мнѣ новыя лица, никогда почти не выражающія благородства души; лица, рѣдко опличающіяся выраженіемъ ума и нѣжности женскихъ прелестей. Слѣзы мои до сихъ поръ вынудили одни только обѣщанія исправленія. Мои справедливыя упреки его раздражаютъ, а сегодня, повѣришь ли, сегодня еще видѣла я въ зеркалѣ ненавистное лице моей горничной, вѣпреной, наглой!—Нѣтъ! сіи огорченія, сіи непрерывныя обиды не могу я переносить долѣе!—

«Ахъ! а я еще гораздо нещаспнѣе тебя, милая сестрица!» говорила *Даура*, рыдая: «одно только упоеніе чувстввенно-

спи привело *Идаллана* въ мои объятія! Онъ никогда, никогда меня не любилъ! Это я пеперь живо чувствую, и невыразимо спрадаю. Уже въ первыя недѣли послѣ сватъбы ему были въ тягость кропкіе звуки моей флейпы, которыя, пропивъ его воли, смягчали его жестокій, буйный нравъ. Однажды въ дружескій часъ, въ который сей коварный притворспвовалъ самую нѣжную любовь, удалось ему выманить у меня пайну мапериискаго попеченія. Шупя и ласкаясь ко мнѣ, онъ снялъ у меня съ шеи драгоценную лешпу, и какъ скоро увидѣлъ онъ въ рукахъ своихъ магическую флейпу, то лице его вдругъ омрачилось, глаза запылали адскимъ огнемъ; онъ громовымъ голосомъ назвалъ меня гнусною волшебницею, недоспойною раздѣлять долѣе его рыцарское ложе, и свирѣпо бросилъ флейпу на земь. Еще разъ излились нѣжныя звуки. Но пщепно! *Идалланъ* въ ярости распоппалъ мою флейпу ногами, и на вѣки умолкла сладостная мелодія!—Увы! что я вытерпѣла съ поей нещаспной минутой!»

—Сердце его злобно, забудь его!—воскликнула *Гюрба*, и зримо предспала предъ горующихъ сесперь, которыя въ радостномъ испугѣ кинулись въ ея объятія.

—Вашъ выборъ былъ слишкомъ опрометчивъ!—продолжала спаруха уныло: я пщепно васъ предосперегала, пщепно изъясляла готовность испытать любовниковъ. Но—бѣда пришла, и пребуетъ помощи, не упрековъ. Тебѣ, *Аліанда*, еще есть надежда помочь;—тебѣ, бѣдная *Даура*—нельзя! Но, чпобы ты не сомнѣвалась въ истинѣ моихъ словъ, по подвергну испытанію обоихъ супруговъ, а помомъ да поспигнешъ неисправляемаго злодѣя спрашное, вѣчное мщеніе *Гюрбы*!—

Сказала Фея поржеспвеннымъ, грознымъ голосомъ и—исчезла.

Безмолвспвуя, нещаспныя супруги обнялись, и медленно побрели назадъ въ свои великолѣпныя темницы.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Н. Г. Р—ОЙ.

Вы очаровываете способны,
Нельзя въ стихахъ вамъ опказать;
Вы вдохновенія достойны—
На васъ лежишь его печать.

*

Но васъ хвалятъ я не умѣю,
Вы выше всѣхъ земныхъ похвалъ.
И съ кѣмъ сравнишь я васъ поэмью,
Когда вы сами идеаль?...

*

Для идеала нѣтъ сравненія;
Краса—не требуетъ похвалъ;
И такъ, одно лишь удивленіе—
При видѣ васъ—я ощущаю.

П. Н—нѣ.

О..ГЪ Н.....ВНЪ У....ВОЙ.

Я очень радъ, что нѣтъ у васъ
Ни будуара, ни альбома;
Вы чужды стиходѣевъ—насъ—
И лѣтъ вамъ вовсе незнакома.
Я радъ, *поверже* я могу,
Экспромптомъ, вольно, какъ бывало,
Нагашъ вамъ кучу—и нагу!
Но правды будетъ здѣсь не мало.
Какъ не наѣмщикъ, а поэтъ,
Сперва скажу я укоризны:
Вы, напримѣръ, весьма капризны,
Въ васъ вовсе сожалѣнья нѣтъ,
Васъ наше радуешь мученье,
Вы ненавидите мушину—
И ваше гордое презрѣнье,
Какъ ядъ глохаетъ Еввы сынъ.
Насмѣшка вашихъ успѣ прекрасныхъ
Для многихъ Селадоновыхъ спрашанныхъ
И нестерпима и горька,
А ваша ласка такъ легка,
Что часто вздохъ одинъ далеко
Еѣ отъ сердца увлекать—

И впаить женщиной жестокой
Васъ воздыхатель называлъ.
Теперь, сказавши злаго много,
Сердечной, чистой похвалой,
Основанной на правдѣ спрогой,
Я мадригалъ окончу мой;
Бранишься съ вами нѣтъ мнѣ силы,
Хотя бы я много хотѣлъ;
Я-бъ разсердилъ васъ не успѣлъ:
Я очень добръ, вы—очень милы.
.....
Вы нѣжно любите супруга,
Вы невзыскательнаго друга
Всегда умѣли обласкать.
У васъ разсѣянный мечтатель,
Порой безпечный спиходѣй,
Но чаще тайный наблюдатель,
Ума и глупости людей—
Былъ волень, какъ въ семьѣ своей.
И любите онъ любовью брата,
Живую, склонную къ добру,
Всегда веселую сестру
Пѣвца Корсара.....

А. Крюковъ.

Э Л Е Г І Я.

Не озабоченъ жизнью я!
Равно мой умъ и сердце праздны:
Какъ бой часовъ разнообразный,
Однообразна жизнь моя.
Напрасно возвращаешь я мнѣ
Подъ благосклоннымъ небомъ юга,
Напѣвы щастья и досуга
И бодрость юношескихъ силъ.
Напрасно сердце обновишь
Алкаль любви очарованьемъ,
Иль славы гордымъ обладаньемъ,
Любви потерю замѣнишь.
Не измѣнился жребій мой!
Я влну, скукой изнуренный,
Какъ вянешъ цвѣтъъ, перепесенный
Подъ небо родины чужой.

Г—ий.

C H A R A D E.

En esprits orgueilleux mon premier est fertile.
L'éclat de mon second aux cheveux ne sied pas;
Et lorsque mon entier trouble les potentats,
Vous verriez de frayeur mon premier immobile.

Въ No 9, помѣщенная шарада значить: *Плут-онъ*.

M O D E S.

Cet hiver, la mode s'annonce riche et parée; les satins et les velours sont les étoffes que le luxe élégant choisit de préférence pour grande toilette. Le satin et le velours qui conviennent si bien aux formes du moyen âge; aux longues tailles pointues, aux gros plis drapant sur la hanche; étoffes luxueuses, qui appellent les blondes, les bijoux, les ornemens.

Les corsages décolletés doivent monter assez haut par devant, et ne dégarnissent beaucoup que les épaules et le dos. Pour cela, ils ne doivent pas être coupés arrondis au passage de l'épaulette et du devant, mais être coupés droit, de manière à s'élever jusqu'à la poitrine.

Beaucoup de manches de blonde sont rattachées en dedans, à la couture, qui est formée d'un très-petit et délicat liseré de satin, par des nœuds de rubans de gaze satinée.

On fait quelques manches courtes à doubles bouffans étagés; le premier plus ample et plus haut que le second, qui se termine ordinairement au bas par une blonde très-peu foncée.

Il est indispensable de placer à l'intérieur des corsages décolletés une blonde haute de deux ou trois doigts, lorsque la robe est en étoffe parée; autrement, si elle est de demi-toilette, la chemisette intérieure brodée garnie est suffisante.

Dans un dîner, où se trouvaient réunies plusieurs femmes très-élégantes, nous avons recueilli quelques ensembles de toilette que nous citerons avec plaisir. Une jeune femme, grande, élancée et brune, portait une robe de *satin des Indes*, couleur maïs; le corsage, drapé à la tyrolienne, était décolleté; les manches longues unies. Cette forme simple venait des ateliers de *Victorine*. Le chapeau, très-petit, en velours noir, était assez grand, du côté droit, qui relevait sur un bouquet de sept plumes couleur maïs, étagées de pose et de grandeur; sous le plus petit côté se trouvait un nœud de ruban de gaze de la couleur des plumes; point de blondes, point de brides, point de rubans

mêlés aux plumes. Ce chapeau venait des magasins *d'Herbault*. Avec cela, une écharpe en gaze d'ou Maria bleu de ciel.

M O D Ы.

Нынѣшнею зимою мода появляется богачая, нарядная; щеголеватая роскошь избираетъ предпочтительно для большаго наряда апласъ и бархатъ. Матеріи сія такъ приличны къ костюмамъ средняго вѣка, къ длиннымъ паліямъ съ мыскамъ, къ большимъ складкамъ на бокахъ; роскошныя матеріи, къ которымъ необходимо идуть блонды, вещи, украшенія.

Открытые лифы должны быть довольно высоки спереди, спина и плеча очень открыты; для того лифъ не должно выкруглять ошь плеча къ переду, но рѣзать прямо; такімъ образомъ оны возвышшяся на груди.

Много блондовыхъ рукавъвъ прихватываютъ изъ нутра къ шву, который состоитъ изъ весьма тонкаго, нѣжнаго апласнаго *liseré*, баншамъ изъ апласнаго газа леншъ.

Шьются короткіе рукава двойными буфами, одна надъ другой, первая шире и полнѣе второй, которая обыкновенно оканчивается слегка собранною блондою.

Подъ открытый лифъ непременно должно подшивать блонду въ два или три пальца ширины, когда платье изъ царядной ткани; подъ полунарядное же платье довольно хорошо подшить вышнюю шемизетку.

На одномъ обѣдѣ, гдѣ было много щеголеватодѣвшихъ дамъ, мы замѣтили нѣсколько полныхъ нарядовъ, которые опишемъ съ удовольствіемъ. Одна молодая дама, высокаго роста, стройная, черноволосая, была въ платьѣ изъ Индѣйскаго апласа, цвѣта маисъ; лифъ открытый, драпированъ по Тирольски; рукава длинныя, гладкіе. Сей простой покррой былъ ошь Г-жи *Victorine*. Шляпка, весьма маленькая, черная бархатная, съ правой стороны довольно велика; она приподымалась къ букету изъ семи перьевъ, цвѣта маисъ, постепенно уменьшающемуся наклонностію и величиною; подъ лѣвою стороною былъ баншъ изъ газovýchъ леншъ, подъ цвѣшъ перьямъ; ни блонды, ни завязокъ, ни леншъ около перьевъ. Шляпка сія была изъ магазина *d'Herbault*. При эпомъ шарфъ изъ газа Дюна *Maria*, небесно-голубаго цвѣта.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 11.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №, съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 8 ДНЯ, 1833 ГОДА.

Какъ спранникъ, зноемъ упоженный,
Въ пѣни желаешь отдохнуть:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаешь вѣчнымъ сномъ заснуть.

Карализинъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

О КРАТКОМЪ КУРСѢ СЛОВЕСНОСТИ, ПРИ-
СПОСОБЛЕННОМЪ КЪ ПРОЗАИЧЕСКИМЪ СО-
ЧИНЕНІЯМЪ.—ВАСИЛІЯ ПЛАКСИНА.—С. П. Б.
1832.

Самъ на себя, бѣдяжка, поднялъ руки!

«Ужъ вѣрно журналистъ пупыми спрѣ-
лами спрѣллетъ въ сочинителя;» скажетъ
госпожа *Жеманкина*, взглянувъ на слово:
Пересмѣшникъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, онъ распопѣ-
шился надъ бѣднымъ авторомъ и посовѣ-
туетъ ему поучиться въ Уѣздномъ учили-
щѣ; — примолвитъ господинъ *Догадчиковъ*,
прочитавъ эпиграфъ.

— Произведетъ его въ пошлые писа-
тели! — прибавитъ *Пѣтуховъ-Индійскій*, за-
хопавъ во всё горло.

«Замѣшитъ, что такъ писывали пращу-
ру наши Славяне до избрѣненія письменъ
Кирилломъ и Меѳодіемъ!» шепнетъ на ухо
сосѣдкѣ своей госпожа *Сантиманова*.

Совсѣмъ нѣтъ, мои смиренныя кумушки,
мои скромныя куманьки! Вы ошиблись. Здѣсь
не найдёте вы ни извозничьихъ оспрошъ,
ни поваренной соли, ни площадной пере-
бранки, ни отборныхъ выражений полкуча-
го рынка. Я удержусь даже отъ всякихъ
замѣчаній и полкованій, потому, что они
могутъ показаться приспраспными; пред-
ложу просто выписки: сами вы судите,
обвиняйте, оправдывайте!

Угодно ли вамъ послушать, какъ прозор-
ливо и съ какою тонкою разборчивостью
характеризуетъ г. *Плаксинъ* нашихъ духов-
ныхъ ораторовъ?

I.

Проповѣди Стефана Яворскаго *восхищали*
силою мыслей великій духъ Петра (спр. 170.).

II.

Проповѣди Феофана Прокоповича *отлича-
ются необыкновеннымъ расположеніемъ мы-
слей, которыя такъ непримѣтно располага-
ютъ и увлекаютъ слушающихъ* (спр. 171.).

III.

Краснорѣчіе Гедеона Криновскаго *превосходитъ* всѣхъ его предшественниковъ *возвышенною смѣлостію мыслей и свободною выраженіемъ* (спр. 171.).

IV.

Георгій Конисскій *извѣстенъ искусствомъ почерпать мысли изъ природы* (спр. 171.).

V.

Амвросій Пропасовъ *умѣлъ искусно почерпать мысли изъ окружающихъ обстоятельствъ* (спр. 172.).

VI.

Поучительныя слова и рѣчи Филарепа Дроздова, Митрополита, оплочаются *глубокомысліемъ и* ученымъ краснорѣчіемъ (спр. 172.).

Любопытно ли для васъ видѣть оцѣнку Русскимъ романамъ, оцѣнку, сдѣланную знакомомъ? Любопытно!

Развѣсьше-жь уши,
Разньше ропъ,
О-вы чувствительные души!

1.

Евгенія, (романъ, соч. Георгіевскаго) *одушевлена пламеннымъ чувствомъ* (спр. 138.).

2.

Два Ивана, Бурсакъ и другіе, Нарѣжнаго, *носятъ на себѣ печать необыкновеннаго таланта, знанія народности и* человѣческаго сердца (спр. 138.).

3.

Иванъ Выжигинъ, какъ собраніе сапирическихъ каршинъ, которыя оживляясь *дѣйствіемъ*, получаютъ отъ него занимательность, *есть отличное произведеніе*. Преимущество Загоскина передъ Булгаринимъ состоитъ въ *большемъ знаніи народнаго языка* (спр. 139.).

4.

Петръ Ивановичъ Выжигинъ, какъ герой романа, совершенъ, какъ *человѣкъ милъ*. Въ Юрій Милославскомъ и Рославлевѣ видно *большее знаніе народнаго языка* (спр. 140.).

5.

Рославлевъ *со встѣми своими сподвижниками милъ и занимателенъ* (спр. 139.).

Примѣчаніе г. Плаксина: Во всѣхъ сихъ чепырѣхъ романахъ и въ Димитріи Самозванцѣ, Булгарина, *не проявляется духъ народный*.

6.

Монастырка — Погорѣльскаго, *прелестна*; въ ней все идетъ такъ мило, такъ просто и естественнo, что, кажется, все это видишь (спр. 141.).

7.

Двойникъ, того же сочинителя, *есть также произведеніе очень хорошее*, не смотря на нѣкопорыя, встрѣчаемыя въ немъ несообразности (141.).

8.

Киргисъ-Кайсакъ, соч. Ушакова, *заслуживаетъ особенное вниманіе* (142.).

9.

Комъ Бурмосеко, его же, и также *заслуживаетъ особенное вниманіе* (спр. 142.).

10.

Дочь купца Жолобова, соч. Калашникова, *если не самый занимательный изъ всѣхъ нашихъ историческихъ романовъ, то, по крайней мѣрѣ, самый вѣрный и* сообразный съ нашимъ Русскимъ характеромъ (спр. 142.).

Примѣчаніе г. Плаксина: Русское сердце, *при чтеніи Рославлева, сильно бѣется, страдаетъ и радуется*; особливо драматическія и семейныя каршины и *народныя толки выше всякихъ похвалъ*.

11.

Послѣдній новикъ — Ложечникова, *обличаетъ пріятное и полезное чтеніе*.

12.

Спрѣльцы—Масальскаго, *поже обличаютъ пріятное и полезное чтеніе*.

13.

Поѣздка въ Германію—Греча. *Этотъ романъ, въ отношеніи изображенія характеровъ, можно сравнить съ дочерью купца Жолобова*.

Послѣ сихъ полныхъ опредѣлений и рѣзкаго очерка физиогноміи Русскихъ романовъ, кто не повѣритъ сочинителю Крапкого курса словесности въ томъ, что — «учить «не значить только сообщать, передавать «знанія, а дѣлать ясными, вразумительными истины, неудобно, или трудно познаваемые (глава 4, стр. 67.)?»

Въ заключеніе, выпишемъ еще нѣсколько мнѣній автора о разныхъ писателяхъ.

1.

Опличнѣйшій образецъ чувствительнаго путешествія — Карамзина; впрочемъ, оно много перяетъ отъ недоспашка господствующей идеи, къ которой бы путешественникъ спремься, то радовался, то огорчался, то надѣялся, то отчаявался; тогда не было бы безпреспанныхъ однообразныхъ воспорговъ (стр. 109.)!

2.

Въ путешествіяхъ Карамзина, Свиньина, въ письмахъ Русскаго офицера—О. Глинки, есть весьма полныя и живописныя изображенія.

3.

Писали (Русскую исторію) Спроевъ, Кайдановъ и Констанпиновъ; каждый изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и недоспашки (стр. 129.).

4.

Сергѣй Глинка написалъ Русскую исторію, которая *свидѣтельствуетъ о его сильномъ патриотизмѣ, но не обнаруживаетъ въ немъ историческаго искусства.*

Прочитавъ сдѣланныя нами наскоро выписки, мы не можемъ согласиться съ г. издателемъ *Телескопа*, который (№ 15, стр. 367,—1832) усиливается доказать: «что новый курсъ словесности, изданный г. *Плаксинъ*», не порадовалъ насъ ничѣмъ новымъ.»—Мы нашли въ немъ много новаго.

Каченевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГІОРБА.

(Продолженіе.)

ХІ.

Въ ночи свадебной, ровно чрезъ годъ послѣ бракосочетанія, *Идалланъ* безпокойно валялся на уединенномъ ложѣ, а *Даура*, забывшая имъ и покинутая заспуникомъ спраждающихъ, благодѣтельнымъ сномъ, въ отдаленной комнатѣ заливалась горячими слезами.

Сердце *Идалланово* было злое, доказательствомъ чему служилъ его насильственный поединокъ за покрывало. Грубая жестокость и дикая, буйная вспыльчивость помрачали блескъ многихъ, истинно рыцарскихъ добродѣтелей, его украшавшихъ. Таковы были его душевныя качества, когда щастіе, изъ своего рога изобилія, вдругъ излило на него всѣ дары любви, блеска и богатства. Сіе неожиданно скорое исполненіе всѣхъ его желаній довершило его злобный характеръ. Съ подругою милою, кропкою, которую любовь, играя, привела въ его объятія, онъ, въ пагомъ высокомеріи своемъ, спалъ обходясь, какъ съ презрѣнною невольницею. Царскія сокровища, взгроможденные щедрою рукою *Гіорбы*, пробудили въ немъ жажду золота.—Сотни подваспныхъ ему семействъ, которыхъ, живя подъ сѣнію гордаго замка, вырубали дремучія лѣса и воздѣлывали пуспыри, воспламенили его честолюбіе. Въ надменной душѣ его родились исполинскіе замыслы. Уже онъ воображалъ себя властителемъ обширнаго государства; уже мысленно сочетался бракомъ съ дочерью могущественнаго Императора, и потому угрюмо и презрительно смотрѣлъ на свою добрую, вѣрную жену, которая, не будучи, какъ онъ, помима жаждою славы, по его мнѣнію, была вовсе неспособна содѣйствовать его великимъ замысламъ.—Каждый день перенося новыя огорченія, новыя обиды, наконецъ она раскаялась въ необдуманномъ выборѣ, слѣдствіемъ минувшаго упоенія любви.

Такъ лежалъ на одинокомъ ложѣ *Идалланъ*, превожмый грезами, спрашными, мрачными, какъ его черная душа, изъ копорой онъ исходилъ. Внезапный свѣпъ прервалъ его безпокойную дремоту. Онъ вскочилъ, и предъ нимъ споялъ, озаренный блѣднымъ, синеватымъ сіяніемъ, злобный *Расалколъ*, еще обезображенный спрашною головною раною, копорую *Рино* нанесъ ему въ дубравѣ.

— Первый годъ пвоего брака минулъ! — сказало гробовымъ голосомъ привидѣніе: и, благодаря богамъ! ты чувспвуешь себѣ нещасливымъ. *Идалланъ!* пвой возвышенный духъ вѣрно чувспвуетъ всю пягость цѣпей, приковавшихъ тебѣ къ женщинѣ, въ неизвѣспности рожденной. *Даура* не годилась для тебѣ и пвоего честолобія: судьбою предопредѣлена тебѣ блестящая участь. Три короны гошвы украсилъ главу пвою, если сдѣлаешься ихъ достойнымъ.—

«Посланникъ небесный!» вскричалъ восхищенный *Идалланъ*.

— Знай! продолжалъ искуспитель: съ пого дня, какъ безразсудное усердіе вооружило тебѣ и *Рино* противъ меня, я, осужденный жестокостью *Гюрбы*, въ семь плачевномъ видѣ блуждаю и буду блуждать по подземнымъ пропастямъ горъ, пока мужеспвенный подвигъ не уничтожитъ пагубнаго волшебства. Того храбраго випязя, копорый освободилъ меня, возведу я на первый престоль міра, и сочепавъ его бракомъ со дочерью сильнѣйшаго монарха, уступлю ему всѣ мои сокровища въ вѣчное попомспвенное владѣніе.—

«О, когда бы мнѣ суждено было прекрапитъ пвои бѣдспвія, мудрый волшебникъ!» вздохнулъ *Идалланъ*.

— Только ты одинъ эпо можешь, благородный, опважный випязь! продолжалъ *Расалколъ*: только ты одинъ имѣешь средства уничтожить *Гюрбу*, освободить меня, и самому сдѣлаться щасливѣйшимъ изъ смерпныхъ; но поспъ, кто хочетъ служить *Расалколу*, не долженъ щадить крови.—

«Дай мнѣ золота и власпи, и я умерщвлю для тебѣ миллионы!»

— Возьми эпу изсохшую вѣлку,—сказалъ духъ: поди съ нею въ спальню *Дауры*, и пронзи кинжаломъ сердце пвоей спящей жены, такъ, чпобы пеплая кровь ея обрызнула прупникъ. Новая жизнь разольется на мерпвому деревцу; попомъ посади его въ землю: оно мгновенно зазеленѣетъ и украсится цвѣпомъ, изъ копорого созрѣетъ прелеспный плодъ, сіяющій пурпуромъ и золотомъ, подобно Гесперидскому яблоку; но смерть пайтся въ его внуспренности. Сорви эпо яблоко и пошли опъ имени пвоей жены *Рино* и *Алиандъ*. Оба, опвѣдавъ его, немедленно умрутъ. Какъ скоро получишь вѣспъ о ихъ кончинѣ, то привези сюда ихъ прупы и положи подлѣ прупа пвоей жены. Срубви ядовитое деревцо и расколи его на мелкія часпи. Вырви сердца изъ прехъ пруповъ, и сожги ихъ на кострѣ изъ ядовитаго деревца. Какъ скоро огонь пожретъ послѣднюю жилочку,—гнусная *Гюрба* умретъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, и я свободенъ и на вѣки пвой должникъ.—

«Изволь!» вскричалъ *Идалланъ* съ кроваждающимъ, сверкающимъ взоромъ и, схвативъ лѣвою рукою волшебное деревцо, правую кинжалъ, пихо побрелъ въ спальню нещасливой *Дауры*. Спрашнымъ своимъ сіяніемъ свѣспило ему привидѣніе. Тихонько опворилась дверь, и вопъ имъ представилась прелеспная женщина, копорую сонъ безмятежный ласково заключилъ въ свой объпмъ. Подъ золотыми кудрями роскошно волновались полныя, бѣлыя перси. Очаровательная улыбка, заря лучшаго міра, сіяла на блѣдныхъ ланцахъ. Голосомъ, копорый усмирить бы пигра и пронулъ бы самага закоренѣлаго злодѣя, она въ эпу самую минупу шепнула во спѣ, спраспно горюя: «спзвѣ пы меня разлюбилъ, мой *Идалланъ?*» Но, злобно скаля зубы, *Идалланъ* занесъ кинжалъ.— Вдругъ молнія выхватила кинжалъ изъ его руки, и вмѣсто *Расалкола* спояла предъ нимъ волшебница *Гюрба*, успремляя на него гнѣвные взоры.— Онъ вздрогнулъ, пораженный ужасомъ, и глаза его, казалось, умоляли землю, чпобы она его поглотила.

— Твой нѣжный спругъ хотѣлъ сдѣлаться пвоимъ убійцею, мол дочь! — сказала

Гюрба карающимъ голосомъ: вопиь плоды безразсуднаго выбора! Вопиь слѣдствія пренебреженія маперинскихъ увѣщаній!—

«*Идалланъ*, возможно ли? Ты хопъль меня убить?» спросила рыдающая *Даура*, всплеснувъ руками.

— Хопъль!— глухо пробормоталъ злодѣй, скрежеща зубами.

Безъ чувствъ упала *Даура* на ложе, а *Гюрба* обратился къ *Идаллану*, продолжала:

— Нещасная жена пволя, за безразсудную къ тебѣ любовь, наказана жестокими перзачіями души, упрашою сердечнаго спокойствія. — Какой казни достоинъ ты, пзвергъ?—

Коварно безмолвствовалъ *Идалланъ*.

— Къ безвинной пвоей супругѣ, къ пвоему вѣрному другу-поварицу и его милой женѣ, и ко мнѣ, благодарнѣямъ коей ты обязанъ своимъ щастіемъ, сердце пвое сполько же чувствовало привязанности, сколько пвой идолъ, бездушный металлъ. Честоплюбіе и гнусная жажда золота были единственными друзьями пвоихъ дѣяній! Казнь пволя да будетъ соразмѣрна пвоимъ пресупуленіямъ! Сюда, демоны! Низриньте злодѣя въ пылающую пучину Геклы. Тамъ, въ кипящей смоль и сѣрь, душа и пѣло его да выдержатъ огненную пынку, покуда смерпное пѣло, ступясь, не обратится въ золото. Многія тысячи льптъ суждено раждающемуся металлу лежатъ въ употребъ земли, покуда миліоны случаевъ не повезутъ его подъ другое небо, покуда онъ, принявъ видъ круга, не оплгетпшъ главы безрадостной. И когда новая корона возсіетъ алмазами, по да пробудится въ ней грызущая совѣсть, и доколь не распадетъ блестящій вѣнецъ, дополь да мучитъ душу вѣчная жажда сокровищъ и почестей!—

Сказавъ, она вознесла свой власпипельный желъ.—Вдругъ оино, зазвенѣвъ, съ прескомъ обрушилось. Шума, влгнѣли два безобразныхъ демона. Черные съ головы до ногъ, они махали огромными крыльями лепучихъ

мышей. На головѣ порчали рога, а огненные глаза ихъ, дико сверкая, съ злобною радостью успремлялись на нещаснаго *Идаллана*. Цѣненья оипъ ужаса, онъ опустился на колѣни. Дико хохоча, они схватили его оспрыми когпами и вылетѣли въ разрушенное окно. Все слабѣе и слабѣе раздавались вдали жалостные вопли осужденнаго, и наконецъ замерли въ воздухъ.

ХІІ.

Случилось однажды, что легкомысленный *Рино* запоздалъ на охотѣ, которая соспавляла его любимое увеселеніе съ того времени, какъ по собспвенной винѣ своей утратилъ онъ семейное щастіе. Гонясь за раненою ланью, заѣхалъ онъ слишкомъ далеко въ чащу, изъ которой щещпно искалъ выхода. Оипъ осенняго холода онъ продрогъ. Вечерняя звѣзда пускло сіяла на небѣ; безлунная ночь уже накрывала черпый покровъ свой на землю. Въ дубравѣ царствовала глубокая тишина, прерываемая полько опдаленнымъ воемъ волковъ и унылымъ крикомъ филиновъ. Онъ соскочилъ съ лошади, чтобы оцупью опыскать пропипку. Съ четверть часа бродилъ онъ, ведя за собою коня: вдругъ слышались вдали веселые звуки трубъ и липавръ. Съ удивленіемъ посмопръвъ въ шу сторону, откуда раздавалась музыка, онъ увидѣлъ себя въ концѣ лѣса, предъ великолѣпнымъ замкомъ, коего ярко освѣщенные окна разлвали дневное сіяніе на обширную поляну. Образованный и вмѣстѣ изумленный симъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, ибо въ эпою споронъ никогда не видалъ подобнаго зданія, онъ сѣлъ оипя на жеребца, и поскакалъ къ воропамъ замка.— При оглушительномъ прескѣ лнычарской музыки опустился подъёмный мостъ, распворились наспежъ ворота, и съ радостными кликами, во внушрнемъ дворѣ, окружила его толпа богато одѣтыхъ пажей. Двое взяли лошадь за уздечку, двое приняли копье, лукъ и колчанъ, пятой почпипельно держалъ ему спремя, а шестой, въ знакъ привѣтствія, благоговѣпно преклонилъ предъ нимъ колѣно.

«Развѣ вы меня знаете?» спросилъ изумленный *Рино*.

— Какъ не знать рыцаря *Рино*, споль знаменитаго по красотѣ и мужеству!—возразилъ почтительно пажъ: не угодно ли вамъ, благородный рыцарь, пожаловать въ споловую? Васъ ждуть съ неперыніемъ Графъ *Арно* и его прелестная дочь *Розамонда*.—

Рино, отдавъ коня своего одному пажу, пошелъ за другимъ въ великолѣпный замокъ. Мраморные переходы, поддерживаемые колонадою изъ порфира, вели къ широкой алебасровой лѣстницѣ, по обѣимъ сторонамъ коей тянулись вверхъ золотыя перилы, украшенныя выпуклою рѣзбою. Двѣнадцать пажей въ бѣлой шелковой одеждѣ, вышитой золотомъ, предшествовали ему съ восковыми свѣчами. Наспѣжь распворились двери высокой, ярко освѣщенной залы, въ которой богато одѣтые рыцари и дамы сидѣли за длиннымъ столомъ, роскошно заставленнымъ яствами и золотыми поклами. Сомнишельно, не вѣря глазамъ своимъ, *Рино* вошелъ, и съ балкона залы привѣспивовала его восхищительная музыка. Рыцари и дамы почтительно встали. Спарецъ, величественной осанки, въ рыцарской одеждѣ, держа за руку прелестную дѣвицу, для описанія коей пѣнное перо слишкомъ слабо, принялъ его съ ласковымъ радушіемъ. Красавица, пурпуровыми устами опѣвдавъ вина изъ полного покала, молвила сладкозвучнымъ голосомъ: «именемъ владѣтеля сего замка, я, дочь его *Розамонда*, по древнему обычаю, симъ покломъ привѣспивую доспославнаго вишнязя *Рино*!»

Обвороженный *Рино* выпилъ до дна золотой покаль, и напечатлѣвъ пламенный поцѣлуй на бѣлоснѣжной рукѣ *Розамонды*, пожалъ руку почтенному владѣтелю замка, который посадилъ его на почетное мѣсто между собою и дочерью. Дружеская бесѣда, шутки и смѣхи, веселая музыка, огненное вино, а болѣе всего близость прелестной сосѣдки воспламенили кровь его до почки кипѣнія, и упоили его до того, что ему и въ голову не приходило спросить, откуда взялся сей замокъ, и почему хозяинъ его

знаетъ. Вскорѣ углубился онъ въ спраспную бесѣду съ *Розамондою*. Еще нѣсколько минутъ, и обоюдные взгляды ихъ заговорили про любовь, и руки вспрѣпились съ пламеннымъ пожапіемъ. Тупъ владѣтель замка вспалъ и начались шанцы.

Упоенный восторгомъ, *Рино* полетѣлъ съ *Розамондою* по залѣ, бурно прижавъ красавицу къ пылающему сердцу, и въ быспромѣ круженія вальса похипя у неѣ первый поцѣлуй, на который она также пламенно опвѣчала. Кончился танецъ, и *Розамонда* шопотомъ позвала восхищеннаго *Рино* въ дворцовый паркъ. Уединенный гротъ принялъ любовниковъ, и шупъ-по *Розамонда*, прикиши лицомъ къ груди *Рино*, спыдливо и робко призналась, что она принадлежишь ему на вѣки, что добрый отецъ вѣрно успушптъ ея просьбамъ, и согласишся на ихъ бракосочетаніе.

Лихорадочная дрожь пробѣжала по членамъ легкомысленнаго *Рино*. Запинаясь, сказалъ онъ въ замѣшательствѣ: «клянусь моею рыцарскою честью! я люблю тебя безпредѣльно, обожаемая *Розамонда*, но не могу сдѣлаться швоимъ супругомъ: ибо я женатъ.»

Слезы ручьемъ полились изъ прелестныхъ очей *Розамондиныхъ*. Томимая горестью, она жестко упрекала его въ томъ, что онъ, будучи уже связанъ священными узами, домогался ея любви, и пѣмъ навсегда разрушилъ еѣ душевное спокойствіе; клялась, что безъ него не можетъ жить, и умоляла его прогашельнымъ голосомъ, чтобы онъ распорнулъ сіи узы, и соченался бы съ нею бракомъ. *Рино* угрюмо опговаривался.—«*Алианда* моя законная жена,» сказалъ онъ рѣшишельно: «никогда, никогда еѣ не покину!»

Новые упреки, новыя слезы, новыя просьбы.—Пламенные поцѣлуи горѣли на его устахъ; полныя, мягкія руки его обнимали; на груди его волновались, безъ покрова, прелестнѣйшія перси. Уже онъ спалъ колебаться, но скорѣ опомнился, и нѣжно освободясь изъ спраспныхъ объятий *Розамонды*,

сказала: «оставьте меня, прекрасная Графиня! Огонь ваших лобзаний сожжетъ мою честность, и я, обезображенный клеймомъ измѣны, явлюсь предъ вами вѣроломнымъ супругомъ, соблазнительемъ невинности и безчестнымъ рыцаремъ. Простите мою опроверженность. Ваша красота, ваши ласки возбуждали мою чувственность, копорая, къ сожалѣнію, не разъ уже увлекала меня за пределы обязанности. Я надѣялся войти съ вами въ кратковременную любовную связь, но вы пребудете брака, хотите навсегда овладѣть мною. Этого не можетъ быть. Я въпренъ, влюбчивъ, но сладости сіи не сдѣлаютъ меня вѣроломнымъ. Жена моя добра. Ей обязанъ я всеми земными благами. Она уже слишкомъ много преперѣла отъ моей невѣрности, и скорѣе пусть изсохнетъ рука сія, чѣмъ покину *Алианду*, чѣмъ поклянусь въ вѣрности другой, хотя бы и божественной *Розамондѣ*.»

Предпринявъ послѣдній приступъ на сердце *Рино*, *Розамонда* обняла его съ дикою горячностью. Онъ щипотно спарался вы-свободиться изъ ея объятий, и въ эпу мигу темнота гроша вдругъ озарилась свѣтомъ факеловъ, и вбѣжалъ владѣтельница замка, въ сопровожденіи рыцарей и щипоносцевъ.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда одинъ, во тѣмъ ночной,
Безсонницей помимый,
Далекій отъ семьи родной,
Отъ матери любимой,
Я предаюся мечтѣ своей
И, въ дань воспоминанью,
Слеза спруился изъ очей;
Тогда, какъ по преданью,
О прошлыхъ и забытыхъ дняхъ,
Печальный, я воспоминаю
О прежнихъ счастьяхъ мечтахъ,
И раны сердца расправляю.

Тогда заложитъ мнѣ въ груди
Тяжелое печали бремя!...
О память! память! не буди
Уже того, что скрыло время!...
И гдѣ-жъ мнѣ сердцемъ отдохнуль,
Отъ бури и ненастья?
На чью глава склонится грудь?
Кто приметъ здѣсь во мнѣ участь?

Н. Н.

ГИМНЪ МОЛЧАНІЮ.

Молчаніе, дитя покоя, другъ,
Жизнь украшающихъ искусствъ, наукъ!
Уединенья спражь привычный, посплодный!
Средь говорливыхъ господъ желанный!
Гдѣ ухо бѣдное отъ нихъ унепено:
Тотчасъ побой облечено.
Въ бышу жинейскомъ ты имѣешь вѣсь и силу;
Тобою мудрый испитъ невѣждъ и Золму.
Для душъ невинныхъ и проспыхъ.
Ты чувство выразишь сильнѣе,
Чѣмъ славные творцы въ твореніяхъ своихъ...
Тѣ оспря слова, которыхъ нѣтъ оспре,
Не споятъ эпиграммъ своихъ.
Средь многолюдства ты честь женщинъ охраня-
ешь
И глупымъ умъ ты замѣняешь.

П. Лихачевъ.

Ш А Р А Д А.

Я цѣпь, я связь рѣчей, я первый слогъ шарады;
Второй же слогъ, не пуншъ, не пиво, не вино,
Однако же пшпѣ, въ пракспирахъ введено,
И Нѣмцы - шустеры его опишья рады.
Къ тому же дешево! Выпь съ цѣльми кто моимъ
Короче поведѣтся:
Тотъ скоро денежекъ въ карманѣ не дочѣтлся.
И дѣльно! Ты, проспакъ, не связывайся съ нимъ.

Ш.

Въ № 10, помѣщенная шарада значить: *Сом-гоул*.

M O D E S.

Une autre femme, blonde et blanche, portait une robe de velours *purpurine*. Corsage à draperie croisée, manches de blonde froncées au-dessus du poignet par une petite ganse de soie qui retombait sous le bras, où elle nouait en se terminant par deux petits glands. Ceci est une innovation de *Victorine*, que nous n'avons pas encore vue reproduite. Une broche d'or, enrichie de pierres de couleur très-variées, était placée sur la poitrine. Dans les cheveux, deux nœuds de gaze satinée, de la couleur de la robe; une écharpe de blonde blanche.

Il y avait beaucoup de satins brochés, des cachemires et des velours des Indes; des turbans de cachemire et de gaze, sur lesquels on remarquait un plus grand nombre d'oiseaux de paradis que de plumes d'autruche.

Au bal, on emploie peu de plumes pour placer dans les cheveux. Les fleurs en guirlandes, les fleurs en couronne sont du meilleur goût. Les charmantes petites couronnes rondes de mademoiselle Casaubon sont ravissantes de détail. En petites fleurs très-déliçates et légères, sans feuilles; elles sont nuancées de manière que l'un des bords se trouve d'un rose, d'un bleu, etc., très-pâle, et la teinte augmentant insensiblement est foncée à l'autre extrémité.

Le matin, on porte beaucoup et avec une extrême distinction des manchettes plates en mousseline ou batiste très-claire, bordées d'un simple large ourlet; elles retournent sur la manche et ferment par trois petits boutons de lingerie.

Une jolie forme de sucrier d'argent est à bateau, en argent bruné, ondulé sur les bords par des sinuosités peu saillantes; il est élevé sur quatre griffes d'argent mat; des deux côtés sont des anses ciselées en guirlandes de fruits, également en argent mat.

Le service du thé est beaucoup plus élégant en cuivre bronzé qu'en argent ou en plaqué; la bouilloire doit être ronde, élevée sur un socle qui repose sur quatre boules; le robinet seul peut être en argent. La théière, si elle n'est pas pareille, peut être en métal anglais.

M O Д Ы.

Другая дама, блѣлокүрая и блѣлая собою, была въ бархатномъ платьѣ пурпуроваго цвѣта. Лицѣ драпированъ крестообразно, блондовыя рукава собраны повыше кисти на полкой шнурокъ, который завязывался подъ рукою, на концахъ маленькіе жѣлуди. Это нововведеніе Г-жи Victorine, котораго мы ни на комъ болѣе не видали. На груди золотая булавка, опдѣланная весьма разнообразными цвѣтными камнями. Въ волосахъ два банта изъ апласисаго газа, подъ цвѣтъ платья; бѣлый блондовый шарфъ.

Много было платьевъ изъ запкапнаго апласа, изъ Кашемира и Индѣйскаго бархата; шюрбаны Кашемировыя и газовыя, на которыхъ замѣтно было болѣе райскихъ шпичекъ, нежели спраусовыхъ перьевъ.

На балы, мало накалываютъ перьевъ при уборкахъ изъ волосъ. Цвѣты гирляндами, вѣнками въ лучшемъ вкусѣ. Прелестныя, небольшія круглыя вѣнки, дѣвицы Casaubon, восхитительны въ подробности, — изъ самыхъ мелкихъ легкихъ цвѣтковь, безъ листьевъ; они опшѣнены пакъ, что одинъ край розовый, голубой, и проч. чрезвычайно блѣдный, но плѣнь, нечувствительно сгущаясь, сплавилась тѣмною на другой споронѣ.

Упрямъ, много носятъ и съ большимъ опшѣченіемъ, гладкія манжетки изъ кисеи или весьма прозрачнаго баписпа, просто съ широкимъ рубцемъ, завернуты на рукавъ и зашпегнуты прѣмя шпичными пуговками.

Красивая форма для серебряной сахарницы лодочкой, изъ темнаго серебра; края сдѣланы мало-означенными изгибами; она поставлена на чепырехъ когпяхъ изъ маповаго серебра; съ двухъ споронъ ушки вырѣзаны гирляндами изъ плодовъ, также изъ маповаго серебра.

Чайный приборъ несравненно щеголеватѣе изъ бронзовой мѣди, нежели изъ серебра или апмѣке; самоваръ долженъ быть круглой, поставленъ на цоколѣ, подъ которымъ чепыре шарика; одинъ кранъ можетъ быть серебряной. Чайникъ, если не пакой же, можетъ быть изъ Англійскаго мѣталла.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТИИ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 12.

Цѣна годовому изданію,
составляющему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 11 ДНЯ 1833 ГОДА.

Онъ черезъ чуръ въискашелевъ и спрогъ;
Онъ о любви какую-то химеру,
Какой-то чудный идеаль,
Не кепани, въ головѣ создавъ.
Мы не въ Аркадіи: у насъ другіе нравы.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛЮБОВЬ У ОКНА.

Никогда не боялся я такъ наступленія
зимы, какъ нынѣшнимъ лѣтнемъ.

Противъ моей кварширы одна молодая
дѣвушка каждый день постоянно садилась
съ работою къ полурастворенному окну,
у котораго она дышала упренною прохла-
дою и вечернею теплотою. Такъ увидѣлъ
я её въ первый разъ, и съ тѣхъ поръ не
проходило дня, чтобы я не смотрѣлъ на
неё и не восхищался ея плѣнительною, бо-
жественною красою. Не спаяу рисовать
вамъ портрета моей прелестной сосѣдки
потому, что всѣ влюбленные рисуютъ пор-
треты своихъ красавицъ, и кромѣ разницы
въ цвѣтѣ глазъ и волосъ, портреты эти
почти всегда какъ двѣ капли воды схожи
одни съ другимъ. Надобно сказать однако-
же, что ея большіе глаза, по пламенные,
по исполненные томности, проливали огонь
по моимъ жиламъ, когда оповодя ихъ оупъ
своей работы, она, вѣроятно случайно,

останавливала на мнѣ свои взоры. Волосы,
черные какъ смоль, падали густыми локона-
ми вдоль лица ея и шѣмъ ярче отражали
близну ея кожи. Она была блѣдна, но эта
блѣдность дѣлала её еще болѣе привлека-
тельною. На устахъ ея мелькала иногда
быстрая улыбка, которая придавала лицу
ея новую выразительность, и была подоб-
на молніи на небѣ, покрытомъ тучами.
Однакожь я, противъ воли, набросалъ очеркъ
ея портрета. Но онъ весьма далекъ оупъ
совершенства оригинала!...

Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на неё по
цѣлымъ часамъ. Спрятавшись за занавѣскою
у окна, я упивался ея красою. Иногда
осмѣливался я глядѣть ей прямо въ лице,
и чтобы лучше разсмотрѣть её, спалъ но-
силь очки. Надобно замѣнить, что я имѣю
несчастіе, или лучше сказать, щастіе быть
близорукимъ; это избавило меня оупъ вели-
чайшихъ непріятностей. О слабость зрѣ-
нія, благодарю тебя!

Но здѣсь не мѣсто разсуждать о выго-
дахъ слабого зрѣнія. И такъ, я смотрѣлъ

на мою прекрасную сосѣдку, и очень ждалъ высказать ей любовь, которую она мнѣ внушила, и мечтанія, которыми поселялъ во мнѣ ея прелестный образъ. Отъ мечтаній до поэзіи одинъ только шагъ. Влюбленные и поэты бывають обыкновенно и мечтателями. Я сочинилъ ей стихи. Какъ они были ничтожны! Да и можно ли хорошо изъяснить то, что чувствуешь, когда спросишь не даешь вамъ покоя. Я бросилъ жалкіе стихи свои къ ней на балконъ; недѣли двѣ лежали они тамъ незамѣченные и подверженные непостоянству погоды. Всѣ мои знаки, всѣ движенія оставались напрасными. Наконецъ она нашла ихъ.

Стихи, даже самые плохіе, всегда болѣе льстятъ сердцу женщины, нежели лучшая проза. Спросите, почему? Не знаю, но это справедливо. Наконецъ, она прочла стихи мои; улыбка и взоръ ея, казалось, благодарили меня; по крайней мѣрѣ я такъ думалъ, и былъ щастливъ.

Я не рѣшался еще однакожь предсказать ей и ея семейству. У неѣ было семейство почтенное, строгое, и можетъ спать, незнакомое съ поэзіей и ея вольностями. Прошелъ еще мѣсяць, и зима начала угрожать морозами пламенной любви моеѣ. Я съ большею ревностію спалъ дѣйствовать глазами и знаками, и вовсе пересталъ опходить отъ окна. Двѣ пары очковъ разбилъ я, смотря на неѣ.

Когда мнѣ случилось сдѣлать у окна съ моею матерью, сестрою или пріятелями, то я обходился нѣжнѣе съ первою, ласковѣе съ послѣдними. Лицемѣръ! Я хотѣлъ показать моеѣ сосѣдкѣ свой нѣжный и ласковый нравъ.

Однажды бѣдная старуха подошла ко мнѣ просить милосыни. У меня была одна только серебряная монета, и я отказалъ ей... Она настаивала... Я подмѣтилъ взглядъ изъ прощивнаго окна, и монета моя перешла въ другой руки и другой карманъ. Я хотѣлъ показать ей, что я жалосливъ къ бѣднымъ: Лицемѣръ!

Но зима наступала съ своими морозами, туманами и снѣгами. Я предчувствовалъ,

что скоро окно закроется и у меня не останется послѣдняго упѣшенія. Наконецъ, я принялъ рѣшительное намѣреніе. Въ одно утро, безъ дальнихъ размышленій, иду къ дверямъ ея дома, всхожу на лѣстницу: сердце билось у меня такъ сильно, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди. Во мнѣ происходила борьба между страхомъ, надеждою и любовью, и въ борьбѣ этой, каждое изъ сихъ чувствованій поржесствовало попеременно. Наконецъ, я спущусь машинально, не зная кого спросить, что сказать. Кто-то идетъ опворить мнѣ... Слышу неровные шаги, грубый, хриплый голосъ, который говоритъ мнѣ: кто тамъ! Дверь опперта. Что я вижу?... Это она, это предметъ моихъ восторговъ, но она — хрома, безъ всякой пріятности въ пали, съ красивыми руками и мужицкимъ голосомъ!!!

Изумленный, разочарованный, я спросилъ у неѣ первое имя, какое мнѣ пришло въ голову, и безъ оглядки сбѣжалъ внизъ.

Проходя подъ окномъ ея, я взглянулъ въ него послѣдній разъ, и опять еѣ тамъ увидѣлъ, но любовь моя проскочила въ дверь.

ПОКРОВИТЕЛИ.

Покровители такъ долго, такъ часто и такъ несправедливо подвергались злословію, что мы, нижепоименованные, пользуясь годами покровительства, составили союзъ для того, чтобы восхвалить ихъ благодѣнія и воспѣть ихъ добродѣтели.

Хвала первая. — Пѣснь первая.

Дѣвушка. — Покровитель ея великодушный человекъ, который безкорыстно платилъ долги несчастныхъ и дарилъ мебели, которыми никогда назадъ не опбираешь.

Хвала вторая. — Пѣснь вторая.

Театральнй дебютантъ. — Покровитель его журналистъ, никогда не пребующій възятокъ за похвалы свои.

Хвала третья.— Пьсьнь третья.

Согинитель водевилей.— Покровитель его старый водевилецъ, посядвшій надъ куплецами; онъ, изъ благороднаго желанія ободришь талантъ, представляесть его Директору театра съ слѣдующими словами: «эпопъ молодой человекъ написалъ превосходную пьесу; я не помогаль ему ни со-свѣтами, ни пѣломъ. Сыграйте его пропз-сведение; я не буду дѣлаться съ нимъ въ «выручкѣ.»— Если-жь покровитель и подѣлится, то не иначе, какъ по ошибкѣ казначея.

Хвала четвертая.— Пьсьнь четвертая.

Согинитель романовъ.— Покровитель его предприимчивый чувствительный, снисходительный книгопродавецъ: онъ предлагаесть ему въ долгъ и типографію и бумагу. Его условия такъ мягки, такъ для автора выгодны. Онъ не ищетъ барышей; не попребуесть денегъ; онъ ихъ выручитъ за первопроданные экземпляры романа. Не опасайтесь, онъ не припечатаетъ ни одного лишняго экземпляра; онъ помогаетъ автору изъ усердія къ опечесвенной словесности; изъ любви къ его дарованію, ищетъ средствъ споспѣшествовать выходу въ свѣтъ споль занимательной книги.

Хвала пятая.— Пьсьнь пятая.

Танцовщица.— Покровитель ея нѣжный обожатель, которій на ней женился и возишь въ каретѣ. Если онъ не женился, по попому, что у него нѣтъ кареты. Если же у него есть карета, а онъ не даесть её, то и въ такомъ случаѣ нельзя винить его: это знакъ, что онъ женатъ. Простите ему великодушно!

К О Ё - Ч Т О .

Когда *Людвигъ XV* выезжалъ на охоту, за нимъ всегда возили 40 бутылокъ вина, котораго онъ почти никогда не опивдываль. Однажды, день былъ жаркій, и Король спросилъ вина.— Мундшенкъ опивчалъ,

что вина нѣтъ. «Развѣ не возятъ за мною, какъ водилось прежде, по 40 бутылокъ?» спросилъ монархъ. Мундшенкъ признался, что обычай сей всегда исполняется, но вино все уже выпито.— «Впередъ прошу брать съ собою 41 бутылку; прибавилъ *Людвигъ XV*: чтобъ и для меня оспавалось что нибудь.»

Жиль-быль отецъ. У него было два сына умныхъ, а претій дуракъ. Худо было одному дураку съ двумя умниками.

Жиль-быль другой отецъ. У него были одинъ сынъ умный, а два дурака. Еще хуже было одному умному съ двумя дураками.

Всѣ люди братья. Но ежели сдѣлать разборъ, то какое будетъ число дураковъ пропивъ умныхъ!—Надобно, впрочемъ, дѣлать различіе между *умными* и *умнигающими*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Г И О Р Б А .

(*Окончаніе.*)

— Что я вижу!— вскричалъ онъ: какой позоръ моимъ сѣдинамъ! *Розалонда*, среди темной ночи, съ открытою грудью, въ объятіяхъ молодаго человека! Мой домъ навсегда поруганъ, мой знаменитый родъ навсегда опозоренъ!

«Невинность вашей дочери я уважаю, и всегда свято уважалъ;» скромно опивѣствоваль *Рино*: «пусти она сама засвидѣтельствуетъ, что я не соблазнитель.»

— Вы ошибаетесь, милый папенька!— робко умоляла *Розалонда*, обнимая колѣна старца: *Рино* уже женатъ!—

— Женатъ?— взревѣлъ старикъ, и опшолкнулъ её ногою, такъ что она безъ чувствъ упала на землю: женатъ? И такъ честь моей дочери навсегда опозорена! Это тебя погубитъ, *Рино*! Ты испытываешь, какъ въ замкѣ Графа *Арно* наказываютъ нарушителя

госпепрѣимства.—Сюда, щипноосцы! Наложите оковы на бездѣльника! —

Рино сдѣлалъ рукою быстрое движеніе къ лѣвой бѣдрѣ; меча не было; онъ снялъ его еще до шапцевъ. Кулаками онъ спалъ обороняясь противъ написка служиледей, но вскорѣ одолѣнъ былъ множествомъ, поверженъ на земь, заключенъ въ оковы и увлеченъ въ темницу, которая находилась глубоко подъ землею, на сѣверной споронѣ замка.

ХІІІ.

На гнилой соломѣ лежалъ несчастный *Рино*, пляжками цѣпями прикованный къ гранитному столбу. Въ ниши спѣны спускало пещица лампада, но довольно свѣгло, чпобы показашъ ему всѣ ужасы темницы.— «Проваль возьми!» вскричалъ онъ съ сверкающими глазами, какъ будто хопѣлъ ими взорвашъ на воздухъ тяжелыя желѣзныя двери: «проваль возьми! Когда измѣнялъ я доброй женѣ, то невыразимыя радости всегда были наградою моихъ любовныхъ шалостей. Сегодня въ первый разъ я поступилъ, какъ слѣдуетъ честному рыцарю, и за то помлюся въ смрадномъ подземельѣ. Если судьба не хочеть быть умнѣе и справедливѣе, то я гопповъ попрошилъ еѣ, чпобы она впередъ вовсе обо мнѣ не безпокоилась!»

Въ мрачныя думы погрузился бѣдный узникъ.—Лишь изрѣдка, съ тяжкими вздохами, вырывалось изъ груди его имя *Алианды*. Вдругъ за дверью темницы послышался громкій разговоръ. Женскій голосъ умолялъ; мужской суровый опвергалъ; наконецъ брякнуло золото, и гремя, опуспились заповоры.

Въ обольспительной ночной одеждѣ, съ распущенными волосами, бѣднымъ лицемъ, подупрозрачнымъ покровомъ, небрежно пакинутымъ на перси, вошла *Розамонда*. Дрожащимъ, печальнымъ голосомъ она сказала: «вы меня опвергли, *Рино*, когда вамъ еще предстолялъ свободный выборъ, и поппому ни слова обо мнѣ и адскихъ перзаніяхъ опверженной любви. Ради *саев* только я пришла. Ваша жизнь, которая мнѣ дороже

моей собственной, дороже всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, теперь въ опасности.»

— Жалю, чпо минупное упоеніе имѣло споль важныя послѣдствія!—опвѣчалъ *Рино*.

«Лвица, у которой похипили дѣшей, еспъ агнецъ въ сравненіи съ опцемъ моимъ, если ему должно спасти честь своего знаменитаго рода. Вамъ надлежитъ избрать: или мою руку, или мучительную смерть.»

— Эшо жестоко!— вскричалъ *Рино*; содрогаясь.

«Подумайте, чпо вы для *Алианды* навсгда погипбли. Если ваша супруга любитъ васъ споль же испинно и нѣжно, какъ ваша *Розамонда*, по, клянусь богами, она скорѣе уступитъ васъ мнѣ, чѣмъ опдастъ въ жертву мучительной смерти.»

— Твердости моей не поколеблютъ ухипренныя умозаключенія! — опвѣспповалъ *Рино* рвшительно: родипель вашъ обязанъ позвашъ меня въ рыцарскій судъ, если онъ честный рыцарь. Тамъ я буду опвѣчалъ, и гопповъ дамъ рыцарское удовлеспвореніе. Если-жъ онъ эшаго не хочеть, если намѣренъ въ глухомъ подземельѣ умершпвить меня безоружнаго, скованнаго, то онъ презрѣнный убійца.—

«*Рино!*» умоляла *Розамонда*, обнимая его съ дикою спраспью. Но онъ нѣжно обхватилъ еѣ, понесъ къ дверямъ, сколько позволяли ему оковы, позвалъ пооремщика, назвалъ его бездѣльникомъ, обманывающимъ господина, и предалъ ему рыдающую красавицу, которая распалась съ нимъ со взоромъ, преисполненнымъ живѣйшей любви и гореспи.

— Адская ночь!— вздохнулъ *Рино*, бросясь на солому: какалъ мука, висѣлъ на волоскѣ между цвѣшущею жизнью и хладною смерпью. Впрочемъ, одно упѣшаетъ меня въ сей пляжкій часъ испытанія: вѣрносеть, доселѣ чуждую мнѣ въ сей жизни, я запечашлю моею смерпью, и преперпя справедливую казнь за слѣзы, вымученныя у *Алианды* моимъ легкомысліемъ, очищенный, воспарю къ радоспямъ Валгаллы. Да благословятъ боги жену и сына! —

Снова загремѣли запворы, и вошелъ владѣтель замка въ одеждѣ печали.

— Припадку состраданія вы обязаны, что я еще разъ пришелъ поговорить съ вами! — сказалъ спарецъ съ насильственно-подавленнымъ гнѣвомъ.

«Мнѣ не нужно ваше состраданіе,» сухо возразилъ *Рино*.

— Вы нарушили гостепріимство, обольстивъ мою единственную дочь. —

«Это ложь!»

— Рыцари и щипносыцы были свидѣтелями моего позора, который мнѣ бы надлежало смыть кровію. Теперь они же должны быть свидѣтелями моего гнѣва. —

«Я пребую рыцарскаго суда!»

— Но слѣзы моей дочери почти поколебали мое твердое намѣреніе. Если разведешься и женишься на *Розамондѣ*, то я еще могу просипить. —

«Этого я не сдѣлаю!»

— *Розамонда* прекрасна пѣломъ, но еще краше душею и сердцемъ. Она происходила отъ знаменитѣйшаго рода. Несмѣнныя сокровища взгромождены въ подвалахъ сего замка, и на двѣнадцать дней пути къ северу проспираются мои владѣнія. Примите, *Рино*, жизнь изъ руки моей дочери. —

«Положите всѣ мукы ада въ одну чашу, царскую корону въ другую: я не покину жены ни за какую цѣну.»

— *Рино!* развѣ вдова *Алианда* будетъ мнѣ безупышна, нежели покинушая *Алианда*? —

«Не трапайте словъ полупустому!»

— Клянусь безсмертными богами, *Рино!* я васъ увѣщаю въ послѣдній разъ. Слѣны сей пемницы или увидятъ васъ супругомъ *Розамонды* или услышатъ вашъ послѣдній смертный вздохъ, вырванный орудіями пытки. —

«И такъ, погубите меня, всемогущіе боги!» вскричалъ *Рино* дикимъ голосомъ: «моя твердость не поколеблется!» — И съ силой словами онъ сорвалъ съ головы своей одинъ

изъ золотыхъ кудрей, такъ что кровь полилась ручьемъ, и подаль его владѣтелю замка.

«Если въ вашемъ сердце плѣпѣть хопя одна искра жалости, то перешлите сей локонъ моей женѣ, съ извѣстіемъ, что я умеръ ей вѣрнымъ, съ просьбою, чтобы она моего сына воспитала, какъ честнаго рыцаря. Теперь призовите вашихъ палачей! я готовъ!»

— Клянусь Воданомъ! — взревѣлъ старикъ, задыхаясь отъ ярости: ты не увидишь восхода солнца! —

Онъ позвонилъ въ колоколъ, и — двѣнадцать рыцарей въ полномъ вооруженіи, съ опущенными забралами и обнаженными мечами вошли безмолвно, торжественно. Одинъ изъ нихъ снялъ съ узника оковы. Впоричѣно загудѣлъ колоколъ, и въ другомъ концѣ пемницы, пляжко скрыпя, распворились желѣзные ворота пайнаго судилища. Плающіе факелы освѣщали высокіе своды, обвѣшенные чѣрнымъ крепомъ. Всѣ орудія пытки, изобрѣшенныя жестокомъ человѣческимъ остроуміемъ, свѣтло вычищенныя и въ грозномъ порядкѣ расположенныя, спрашно сверкали въ багровомъ сіяніи факеловъ. Въ огнѣ камились огромныя клещи, а посреди подземелья возвышался заспѣнокъ, вооруженный верѣвками, рычагами, винтами, колесами, крючьями и другими машинными. Трое палачей въ алыхъ кашпанахъ, съ голыми до плечъ руками, сполли въ готовности у заспѣнка; подлѣ нихъ зрѣлся пуспой, опкрытый гробъ.

— Въ послѣдній разъ говорю тебѣ: избирай! — вскричалъ сѣдовласый варваръ.

«Смерть!» воскликнулъ *Рино* рѣшительнo, и вздохнувъ: «*Алианда!*» пвердыми шагами пошелъ къ заспѣнку. Внезапно яркій лугъ освѣтилъ пемницу. Въ одно мгновение ока исчезли своды, броненосные рыцари, палачи и орудія пытки. *Рино* очутился въ великолѣпной залѣ, коей лазоревый сводъ, золотыми звѣздами устланный, поддерживали мраморныя колонны, обвитыя розами. Съ улыбкою радости на устахъ, подошла

къ нему волшебница *Гюрба*, и прелестная, какъ въ день бракосочетанія, съ двойнымъ жаромъ первой и вновь пробудившейся любви, восхищенная *Алианда*, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, припала къ груди *Рино*, благодаря его за непоколебимую вѣрность.

— Ты выдержалъ испытаніе! — сказала *Гюрба* ласково: и пѣмъ уже наказанъ за прежніе прослушки, кои теперь и *Алиандо* вѣрно преданы забвенію. — Возвратилась любовь, ожила довѣренность, и я, исполненная сладостныхъ надеждъ, спокойно разспаюсь со вновь соединенною четою. Нещасную *Дарру* беру съ собою. Можетъ спастись и она забудетъ минувшія спраданія въ моемъ пихомъ, безмятежномъ убѣжищѣ, котораго ей никогда, никогда не надлежало бы покидать. Проспите мои дѣши! Не забывайте, что лучшія блага брачнаго союза — любовь и довѣренность. *Рино!* всегда оставайся пѣмъ же самымъ *Рино*, какимъ ты былъ въ гропъ съ *Розамондо* и въ пемницѣ Графа *Арно*. — *Алианда!* не забывай, что не слѣзы, не упреки, одна только искренняя любовь и непримворная ласки могутъ воспоржествовать надъ невѣрностью мужчинъ. —

Сказавъ сіе, она исчезла въ облакъ благоуханій, и вновь сочепавшіеся, при пламенныхъ лобзаніяхъ, покліялись всегда слѣдовать ея мудрымъ наставленіямъ.

Они сдержали слово. Еще въ глубокой старости *Алианда* соспавляла щастіе своего *Рино*, *Рино* соспавлялъ щастіе своей *Алианды*. И долго, долго спустя, въ кругу веселыхъ дѣшей и внучапъ, внезапно постѣшила преспарѣлую *Алианду* попечительная *Гюрба*, которая, являсь въ одеждѣ, пзъ лучей сопканной, поцѣлуемъ умчала бѣгущую жизнь съ поблекшихъ устъ пипомницъ.

Съ Нѣм. В. Тило.

НАСЪ СЕМЕРО.

Днпя, которое дышетъ свободно, которое чувствуетъ, что жизнь переливается по всѣмъ его членамъ, можетъ ли, въ своей простотѣ, знать, что такое смерть?

Я встрѣпилъ маленькую креспьянку. «Мнѣ восемь лѣтъ,» сказала она. Волосы у ней вились, и головка ея, въ семь уборъ, была заглядѣнне.

Она имѣла видъ деревенской, дикой, одѣпа была пѣсколько спранно. Глаза ея были прекрасны, испинно прекрасны. И я улыбнулся ея красопѣ.

«Милая малюпка, сказалъ я ей, сколько у тебя брапьевъ и сесперь?»

— Насъ всѣхъ семеро, опвѣчала она, — и поглядѣла на меня съ изумленіемъ.

«А гдѣ они? скажи пожалуйста.»

— Насъ семеро, двое живутъ въ Конваѣ, а двое на морѣ. Двое изъ насъ, брапъ и сеспра, лежатъ въ могилѣ, а я живу съ маленькой въ кладбищенскомъ домѣ, близко опъ нихъ. —

«Ты говоришь, что двое живутъ въ Конваѣ, двое на морѣ, а всё васъ семеро! Какъ же это? скажи пожалуйста, милая крошка.»

На это возразила малюпка: насъ семеро, мальчиковъ и дѣвочекъ, двое изъ насъ на кладбищѣ, подъ большимъ деревомъ. —

«Ты бѣгаешь, днпя мое, вся полна жизни. Если двое изъ васъ въ землѣ, то васъ только пятеро!»

— Могилы ихъ зелены; ихъ можно видѣть; онѣ въ двухъ шагахъ опъ нашихъ дверей, и лежатъ другъ подлѣ друга. Тамъ я часно шпопаю чулки, рублю платки; тамъ я часно спжу и ною имъ пѣсни.

— И часно, сударь, когда солнце зайдетъ, когда пихо и ясно, я тамъ сажусь, беру свою похлѣбку и ужинаю съ ними. — Маленькая *Анто* умерла первая. Она очень мепалась въ поспель, пока Богъ не освободилъ её опъ спраданія, и тогда она опавла насъ. — Её положили въ могилу; пришло лѣто, и мой брапъ, *Анто* и я играли около могилы.

— А когда землю покрыло снѣгомъ, и я бѣгала и поскользалась, пришла очередь уй-

ши брату моему *Вань*, и онъ лежишь под-
лъ маленькой сеспры.—

«Такъ сколько же васъ, я ей сказала:
если двое на небъ?»— Малюпка возразила:
о, сударь! насъ семеро.

— Но они умерли! двое мертвыхъ; души
ихъ на небъ.— Я перьялъ слова, попому
что малюпка всё спояла въ одномъ, и го-
ворила: «насъ семеро!»

Пер. *И. Покровский*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

СОВѢТЪ МУЩИНАМЪ.

(*Pendant к известному романсу: Советъ двѣцалъ*).

Друзья! отъ женщинъ вы бѣгите,
Онъ причина всѣмъ бѣдамъ:
Капризы, ревность посудише,
Какихъ игрушекъ пѣшь у дамъ.—
Опасно, право, къ нимъ ласкаться,
Онъ кружашъ собою весь свѣтъ;
Съ разборомъ надо въ нихъ влюбляться,
Сказашъ чшобъ кшани: *да иль штъ!*

*

Смирениць пѣхъ вы берешесь,
Про коихъ мапушки твердятъ:
«Она ребенокъ, — не дичишесь;
Любите вы её, какъ братъ!»
Но долго-ль дружбъ разыграшся,
Коль ей свободный ходъ даюшъ:
Вся шушка въ помъ, что обвѣчашся
Сеспрыцу съ брашцемъ позовушъ.—

*

И шакъ, пускай кричашъ вамъ въ слѣдъ:
«Люблю» — а вы скажише — *штъ!*

*

Когда кокетка пожмала,
Чшобъ въ сѣти юность заманишь,
Своей деревней васъ прельщая,
Захочешъ вашу страсть купишь,—

Неидише съ нею въ шоргъ презрѣнный;
Васъ свѣтъ позоромъ заклеишъ.
И шакъ, вы барынь влюбленной,
Холодной сдѣлавши визишь,

*

На всю любовь ея въ опѣишь
Скажише прямо ей: *штъ, штъ!*

*

Ревнивыхъ женщинъ, какъ отъ яда,
Друзья, спарайтесь убѣгать;
Ну что-жь, скажише, за опрада,
Себя въ ихъ цѣни заковать:
Вы заживо проспштесь съ свѣшомъ;
Миръ будешъ вашъ подъ башмакомъ.
Избави Богъ! — за шуалешомъ
Прослешъ покорнымъ мужешкомъ!

*

И шакъ, вы ревности во слѣдъ,
Безъ лишнихъ словъ скажише — *штъ!*

*

Богатыхъ дуръ вы не ищише,
Чшобъ былъ спомысячный доходъ;
Вы всѣхъ собою пасмѣише,
Коль васъ жена на хлѣбъ возмѣтъ.—
Съ рубля по гривнѣ чшобъ въ награду
Вы получали за любовь,
Да парочку роговъ въ опраду,
Когда простынешъ ваша кровь.

*

Златой вы глупости въ опѣишь
Съ усмѣшкою скажише — *штъ!*

*

Но если милое созданье
Плѣишь васъ шѣломъ и душой—
Рѣшише сердца ожиданье;
Клянитесь ей въ любви святой.—
Подруга въ жизни вещь безцѣнна,
Коль эпошъ даръ вамъ Богъ пошлетъ:
Съ ней ваше шаспѣ несомѣнно,
И васъ судьба не угшешетъ.

*

Съ воспоргомъ милою погда
Прижавъ къ груди, скажише: *да!*—

Г. Кругл . . . въ.

CHARADE.

Pour argumenter, mon premier
 Dans mainte phrase est en usage.
 Si l'on n'avait que mon dernier
 Pour faire avancer mon entier,
 Ce serait un triste équipage.—

Въ No 11, помѣщенная шарада значить: *И-грохъ*.

MODES.

Encore une nouveauté de l'autre siècle! On porte, le soir, en grande toilette, au lieu de manteaux, des *mantes* de soie noire, attachées par des rubans de couleur assortis à la robe ou au reste de la parure. Ces *mantes* sont gracieuses coquettes; les premières que nous ayons vues venaient des magasins de M. Gagelin, rue de Richelieu.

Encore un siècle! et nous avons repris les manches à *sabot*, les manches de mademoiselle de la Vallière. La blonde doit descendre plus bas du côté du coude que de côté de la saignée, et l'on place un nœud dans le milieu.

Quant aux manches longues, nous allons plus loin, et nous remontons à François Ier; les manches de Diane de Poitiers. Elles sont partagées en bouffans, quelquefois dans toute la longueur de la manche; mais plus légères, elles n'ont que deux bouffans dans le bas. Au milieu se trouve un nœud qui semble serrer la coulisse.

Pour les corsages décolletés, on emploie toujours les mantilles dans le dos, mais par devant on garnit avec des draperies bouffantes. Les corsages en pointe sont fort bien portés.

Les jupes sont généralement sans garnitures au bas; celles qui paraissent adoptées se placent dans la longueur. Pour le bal, elles sont d'une élégance pleine de charme et de grâce. C'est du haut en bas une guirlande de fleurs, délicates ou de marabouts; ceci surtout est léger et doux, tremblant et mobile à chaque mouvement de la danseuse. C'est un nuage au travers duquel la teinte de la robe paraît adoucie et vague, et qui sied parfaitement au visage.

Ces traverses sont plus simples pour les robes de toilette moins parées, en rubans, soit en une seule ligne terminée par un nœud, soit par des nœuds dans toute la longueur.

Pl. No 5. Pardessus garni de loutre du Kamtschatka et doublé en velours de russie.—Gilet de casimir.—Pantalon de casimir à côtes.

МОДЫ.

Еще новость прошедшаго столѣтія! Вечеромъ, въ большомъ нарядѣ, вмѣсто плащей, надѣвають черныя шелковыя маншны, завязанныя лентами, приличными платью, или прочему наряду. Маншны сн щеголеваты и ловки; первыя, какія мы видѣли, были изъ магазина Г-на Gagelin, въ улицѣ Ришельѣ.

Еще вѣкъ! и мы ввели въ употребленіе рукава à *sabot*, рукава *de la Vallière*. Блонда должна быть спущена къ локтю длиннѣе, нежели внутрь руки; къ срединѣ прикалываютъ баншъ.

Что же касается до длинныхъ рукавовъ, то мы возвращаемся еще далѣе, къ царствованію Франциска I-го: рукава *Diane de Poitiers*. Они раздѣлены буфами, иногда во всю длину рукава; иногда же только двѣ буфы выше рукава, въ срединѣ баншъ, который, кажется, схватываетъ вздержку.

Къ открытымъ лицамъ надѣвають маншны только сзади, а спереди отдѣлываютъ пышными *draperies*. Лицы съ мысками въ большомъ употребленіи.

Юбки вообще безъ отдѣлокъ внизу; а кладутъ отдѣлки вдоль. Для бала, онѣ исполнены прелестны и щеголеватосны. Сверху внизъ гирлянда изъ нѣжныхъ цвѣтовъ или изъ марабу; сіе послѣднее особливо легко и нѣжно, движешся и шрепетѣетъ при всякомъ движеніи шапцовщицы. Это облако, сквозь которое цвѣтъ платья нѣжится и неопредѣленный, что чрезвычайно идетъ къ лицу.

Эти поперечныя отдѣлки простѣе къ платьямъ, не столь параднымъ. Изъ ленты, просто гладкая лента, окапчивающаяся баншомъ, или во всю длину баншы.

Карп. No 5. Pardessus (родъ Русскаго армяка), опороченный Камчатскимъ бобромъ.—Казимировый жилетъ.—Казимировыя панталоны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 15 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Поэты! отъ чего Аспреи времена,
Вы вѣкомъ *золотыли* назвали? . . .
Тогда жеманья народовъ племена
И *золота* не знали.

Вердеревскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, и лба моего не покрывали тогда тѣ глубокія морщины, копорья сдѣлали теперь лице мое похожимъ на Китайскій манускриптъ.

Я порхалъ на полѣ жизни, какъ ласпочка порхаетъ надъ водами, и не заботился о предстоящей бурѣ.

Но наступленіе сей бури было слишкомъ яросно и тяжело для моихъ слабыхъ крыльевъ; они не могли еѣ вынести.

И такъ, отъ всего меня уцѣлѣло одно только перышко: имъ нищу я *первую любовь мою*.

Любовь эна была чиста, благородна и совершенно неприпворна; ибо въ молодости мы ненавидимъ припворство; довѣрчивость составляетъ ея наслажденіе.

Припомъ же моя возлюбленная была такъ прекрасна! формы и бѣлизна ея были такъ восхищительны!

Она не имѣла ни одного изъ тѣхъ пороковъ, копорые обыкновенно приписываютъ красавицамъ; въ одномъ только я упрекалъ еѣ, и именно: въ ея горячности и въ помъ, что она слишкомъ скоро отвѣчала моему пламени.

Она не вкушала, а распочала удовольствіе.

Друзья, копорыхъ я имѣлъ въ то время, могутъ засвидѣтельствовать, если только помнятъ, какъ гордился я между ними своимъ выборомъ. Многимъ изъ нихъ позволялъ я прикасаться къ *ней* устамі. О! я увѣренъ, что сіи избранники никогда еѣ не позабудутъ!

Прекрасная подруга первыхъ безсонныхъ ночей моихъ! Какими оборожительными мечтами украшала ты мое будущее! Сколько разъ, думая о своей старости, назначалъ я мѣсто смиренному камину, грѣясь предъ копорымъ, надѣялся находить въ тебѣ новую опраду! Тебѣ надлежало быть розою въ шерновомъ вѣнцѣ моей жизни, но судьба того не захотѣла!

Чудовище, жестокой похититель, завистник пвоихъ прелестей, опнялъ тебя у моей пламенной страсти. Я опмспилъ ему; кровь омыла полученную мною обиду; но поржеспво мое было причиною пвоей погибели. Я увидѣлъ, какъ ты упала при окончаніи нашего боя... и, увы! ты не возспала уже опъ сего пагубнаго паденія.

Такъ все проходишь. Надежда позлащаетъ сосудъ, въ которомъ ожидаемъ найши щастіе, но—одинъ ударъ жестокаго рока—и надежда исчежаетъ, какъ дымъ.

Пожалѣйте же обо мнѣ вы, люди, одаренные чувспвительностію, которыхъ души переспупили за предѣлы привязанности обыкновенной!

Вѣрный моей горести, я лѣтъ тридцать не курю болѣе *трубки*. Предметъ первой любви моей была.... *трубка*.

ПЕРЧАТКИ.

Мы удивляемся, представляя себѣ различіе между пѣми неуклюжими перчатками, которыхъ привязывались къ рукамъ ремнями, походили болѣе на суму и предохраняли опъ холода добрыхъ Галловъ—и пою поюкою, мягкой, выкроенною рукою арпшисна лайкою, которая, подѣ предлогомъ опряжности, по цѣлымъ днямъ, и даже по ночамъ, покрываетъ руки молодыхъ и спарухъ нашихъ, а также пѣкопоровъ женоподобныхъ щеголей.—Трудно опредѣлшь съ точностію время, когда выдѣлываніе перчатокъ во Франціи достигло значительной степени совершенства, и когда ихъ употребленіе сдѣлалось общимъ между людьми зажиточными. Достоверно однакоже, что первыя перчатки изъ тонкой кожи, съ ппью пальцами, сдѣланы были для выспихъ духовныхъ сановниковъ, которые надѣвали ихъ во время богослуженія.

Во времена рыцарства, войны и паладины носили перчатки особеннаго вида, соспавлявшія часть ихъ вооруженія; верхняя

половина оныхъ, сшиная изъ полспой кожи, проспиралась до самаго локтя. Въ эпоху, довольно опдаленную опъ нашего времени, рыцарскія перчатки, сохранивъ свою форму, спранно измѣнили имя, и названы были перчатками *à la Crispin*, опъ имени слуги въ комедіяхъ, смѣлаго и наглаго Фарсѣра, который имѣлъ удивительный успѣхъ на сценѣ, и является еще и нынѣ, въ пѣкопоровъ старинныхъ пѣсахъ, въ перчаткахъ по локоть, съ длиною рапирою въ рукѣ. Одинъ несчастный случай, въ справедливости котораго соглашаются многіе историки, прекратилъ, на нѣсколько лѣтъ, употребленіе Италіанскихъ перчатокъ при дворѣ Французскомъ. *Юанна д'Албре*, мать *Генриха IV*, была оправлена посредспвомъ перчатокъ, напшанныхъ ядовитыми благовоніями, изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ Италіанцамъ.

Употребленіе перчатокъ сдѣлалось наконецъ споль общимъ, что они начали играть важную роль въ нашихъ нравахъ и одеждѣ, такъ же, какъ шляпа, которая нынѣ такъ мило пляшетъ у насъ на головѣ, когда мы встрѣчаемся съ человекомъ, коему хотимъ изъяснить дружбу, уваженіе или преданность. Должно признаваться, что въ разныхъ сходбищахъ, называемыхъ общеспвами, есть условія, чрезвычайно спранные!

Брошенная перчатка служила знакомъ вызова на поединокъ; перчатка подпняла была доказательспвомъ того, что вызовъ принятъ. Въ *Цидль*, трагедіи *Корнелл*, актѣры дають одинъ другому пощечину-перчаткою.

Перчатки не опспавали опъ успѣховъ роскоши и моды; искусство кожевенное и перчаточное доведены до совершенства, на которомъ остановились. Прежде сего еще однакоже, гибкость кожи, употребляемой для сей необходимой принадлежности таулета, подала поводъ къ посповицѣ, справедливо примѣняемой ко всему, что пресмыкается и преклоняется, то есть, ко всѣмъ лѣспцамъ и пройдохамъ, кои ползають по переднимъ вельможѣ, ища мѣста, или по-

дачки. Мы легко можем убѣдиться, что и въ нашъ вѣкъ, они столь же гибки и мягки, какъ перчапки. — Спина ихъ не корчилась, не мнѣтся опъ поклоновъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ КАМЕНЬЩИКА.

Былъ нѣкогда въ Гренадѣ бѣдный каменьщикъ, который со всевозможнымъ усердіемъ праздновалъ каждый праздникъ; но не смотря на такую набожность, день опо дня становился бѣднѣе и бѣднѣе, такъ, что едва могъ прокармливать свое многочисленное семейство. Въ одну ночь разбудилъ его спукъ у двери его хижины; онъ отворилъ еѣ и увидѣлъ предъ собою незнакомаго священника, высокаго, худощаваго, съ длиннымъ, сухимъ лицемъ.

— Любезный другъ, сказалъ ему незнакомецъ, я замѣнилъ, что ты добрый христіанинъ и думаю, на себя можно положиться; не хочешь ли ты поработать въ нынѣшнюю ночь?—

«Съ большою охотою, сеньоръ *Падре*, только бы заработать деньги.»

— Объ этомъ не безпокойся, позволъ лишь завязать себѣ глаза.—

Каменьщикъ согласился, и священникъ повелъ его разными закоулками къ какому-то дому, у дверей котораго они остановились. Священникъ досталъ ключъ и, вложивъ его въ замокъ, повернулъ, казалось, съ большимъ трудомъ; потомъ отворилъ тяжелую дверь, которая снова была за нимъ запорена и заперта, и повелъ каменьщика далѣе, чрезъ длинный коридоръ, во внутренность зданія. Тамъ онъ снялъ у него съ глазъ повязку, и каменьщикъ увидѣлъ себя на пѣсномъ дворѣ, слабо освѣщенномъ свѣшомъ одной лампы. Посрединѣ онаго находился пустой бассейнъ спарннаго Маврипанскаго фонтана, подъ которымъ священникъ велѣлъ каменьщику устроить небольшой склепъ, показавъ ему

приготовленные для сего кирпичи и извесь. Онъ трудился цѣлую ночь, но не могъ окончить своей работы. Незадолго до разсвѣта, священникъ положилъ ему въ руку золотую монету и снова завязавъ глаза, опшелъ домой.

— Согласенъ ли ты продолжать свою работу?—спросилъ его тамъ священникъ.

«Разумѣется, сеньоръ *Падре*, если только вы мнѣ также исправно заплашите.»

— Такъ завпра въ полночь, я опять приду за тобою. —

Незнакомецъ сдержалъ слово, и склепъ былъ оконченъ.

— Теперь, сказалъ священникъ, помоги мнѣ перетащить пѣла, которая хочу похоронить въ этомъ склепѣ.—

При сихъ ужасныхъ словахъ у бѣднаго каменьщика волосы на головѣ спали дыбомъ; съ претепомъ послѣдовалъ онъ за проводникомъ своимъ въ одну дальнюю комнату, ожидая увидѣть что нибудь страшное, но пришедъ туда, скоро успокоился: ибо примѣнилъ въ углу чепыре большихъ глиняныхъ сосуда; они были набиты деньгами, и бѣдняку нашему сполно немалаго труда перенести ихъ въ приготовленное для нихъ хранилище. Склепъ былъ задѣланъ, и малѣйшіе слѣды работы изглажены. Каменьщика вывели изъ дома по прежнему съ завязанными глазами, но какъ показалось ему, уже не тою дорогою, по которой онъ пришелъ туда. Поводивъ его нѣсколько времени по улицамъ и разнымъ запутаннымъ переходамъ, вожапый каменьщика остановился, далъ ему двѣ золотыя монеты и сказалъ: «пожди здѣсь, пока заблагоуспитъ къ заупрѣнъ въ соборной церкви. Если-жъ ты осмѣлишься до пѣхъ поръ снять съ глазъ повязку, то тебѣ не миновать бѣды.» Съ сими словами священникъ удалился; каменьщикъ въ точности исполнилъ его наставленія, и когда на соборной колокольнѣ раздался первый ударъ колокола, онъ развязалъ себѣ глаза и увидѣлъ предъ собою волны Ксенія. Возвратясь домой, онъ недѣли двѣ пировалъ на деньги, заработанныя имъ

въ продолженіе двухъ ночей; послѣ чего спалъ опять бѣденъ по прежнему.

Много лѣтъ прожилъ онъ такимъ образомъ, работая по немногу, усердно молясь, поспойнно празднуя воскресные и праздничные дни. Дѣти его, выросшая, станаовились похожими на нищихъ; такъ были они пощи и оборваны. Однажды, сидя у дверей своей хижины, онъ наслаждался вечернею свѣжестію и прохладою, какъ подошелъ къ нему одинъ старый богачъ, владѣлецъ нѣсколькихъ домовъ, извѣстный своею непомерною скупостію. Богачъ, усремивъ на каменьщика глаза свои, осѣненные густыми, нахмуренными бровями, сказалъ ему:

— Я слышалъ, пріятель, что ты очень бѣденъ.—

«Это суцая правда, сеньоръ, какъ вы и сами видѣть изволише.»

— Въ такомъ случаѣ, ты вѣрно не откажешься взять на себя работу, и не спашешь со мною дорожиться.—

«Я беру дешевле всей нашей братьи каменьщиковъ въ цѣлой Гренадѣ.»

— Эшаго-то мнѣ и надобно. У меня естъ старый домъ, который превращается въ развалины и не приноситъ мнѣ никакого дохода, потому, что его никто у меня не нащимаесть, такъ я хочу сдѣлать въ немъ нужныя поправки, за самую сходную цѣну.—

Онъ повелъ каменьщика въ большой, необиаемый домъ, который въ самомъ дѣлѣ былъ въ весьма худомъ состояніи. Прошедши чрезъ нѣсколько комнатъ, они вошли во внутренній дворъ, гдѣ взоры бѣдняка нашего поразили. Мавританскій фоншанъ. Онъ посмотрѣлъ на него, и чтобы пояснить смущенное воспоминаніе, которое возбуждалъ въ немъ сей фоншанъ, спросилъ у богача, кто жилъ прежде въ этомъ домѣ.

— Чѣрпъ побори бездѣльника, который послѣ всѣхъ занималъ его!— отвѣчалъ богачъ: это былъ одинъ скупой старичишка; при жизни его носились слухи, что онъ чрезвычайно богатъ, и что будучи бездѣпень,

онъ завѣщаетъ все свое имѣніе на церковь. Онъ умеръ скоростпивно, и пошчасъ явилась полпа наслѣдниковъ за оставшимся послѣ него наслѣдствомъ, но у него ничего не нашли, кромѣ десятка червонцевъ въ спаромъ кожаномъ кошелкѣ. Главное же нещасіе пало на одного меня, потому, что эпошъ негодный продолжаетъ госпашъ въ моемъ домѣ, не плаща за поспой, и я никакъ не придумаю средствъ выпроводить отъ себя мершваго поспойльца. Говорашъ, что каждую ночь въ пошй комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно спашъ, бываесть слышенъ звонъ мешалла, какъ будто бы кто считалъ тамъ деньги, а иногда раздаются стоны и вопли на внутреннемъ дворѣ. Справедливы или нѣтъ эти слухи, но пѣтъ не менѣе они у всякаго ошбиваютъ охоту жить въ моемъ домѣ.—

«Послушайте, сеньоръ, сказалъ каменьщикъ, позволше мнѣ пожить въ немъ даромъ до пѣхъ поръ, пока явится новый поспойлецъ, а я обязываюсь за это починить его; а главное облегчить душу покойника, который пошщаетъ его. Я добрый христіанинъ и къ тому же совершенный бѣднякъ, такъ меня ни что не испугаесть; даже самъ чѣрпъ, явшеъ онъ мнѣ хоня въ образѣ мѣшка съ деньгами.»

Предложеніе каменьщика съ радостію было принято, и онъ на другой же день переселился въ домъ съ своимъ семействомъ. Мало по малу онъ привелъ его въ порядокъ; спукъ золота не раздавался болѣе въ комнатѣ умершаго священника, но слышался иногда въ карманѣ живаго каменьщика. Словомъ, состояніе сего послѣдняго увеличилось быспрымъ образомъ, къ большему удивленію его сосѣдей, и онъ спашъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Гренадѣ. Значительныя еуммы пожертвовалъ онъ на церковь, безъ сомнѣнія для того, чтобы примириться съ своею совѣстію, и открылъ тайну своего обогащенія не прежде, какъ на смершномъ одрѣ, сыну своему и наслѣднику.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСТАВЛЕННЫЙ.

Мнѣ жизнь надоѣла, я хладенъ, какъ лёдъ,
 Душа изнываетъ въ печали;
 Лаиса, какъ прежде, со мной не живешь,
 А съ ней всё опрады пропали!

*

Не вѣрю надеждѣ, не вѣрю очамъ;
 Бѣгу онъ лукаваго взгляда.
 Боюсь, какъ опшельникъ, предаться мечпамъ,
 Спрашуся упишься ихъ яда.

*

Кто разъ былъ обманушь коварной мечпой,
 Кто разъ былъ покинушь очами:
 Тотъ вѣрно далъ слово—былъ хладну душой,
 И вѣкъ не прельщашься мечпами.

*

Повѣришь недолго коварнымъ словамъ,
 Предаться лукавой улыбкѣ.
 Но послѣ, о Боже! какъ грустно очамъ
 Увѣришься сердца въ ошибкѣ.

*

Какъ тяжко мгновенно душой охладѣть,
 Опъ грусти—прекрасныхъ спрашишься,
 И шой половиной души не владѣть,
 Съ кошорой мечпалъ соединишься!

Петръ. Никифоровъ.

КЪ А. О. МЕРЗЛЯКОВУ,

при поднесеніи моихъ опытовъ въ стихахъ.

Любимецъ Музъ, Парнасса украшенъе,
 Прими плоды моихъ трудовъ!
 Въ швоемъ вниманіи найду я ободренъе,
 Которое мнѣ десный всѣхъ вѣнцовъ!

Поэзіей обвороженный,

Измлада спрунъ швоихъ плѣнялся я игрой,
 И на крылахъ мечпы ленилъ въ шомъ край бла-
 женный,

Гдѣ ты возобновилъ Аспренъ вѣкъ злагой;

Гдѣ, Теокрипову свирѣлъ намъ предавалъ,

Ты многотрудный пушъ побѣдно совершалъ;

Или, съ Виргиліемъ на поприще вступалъ,

Соперникъ шаспливый, съ нимъ лавры раздѣлялъ!

Сколь поучительно, о нашихъ дней Горацій!
 Умѣлъ ты наславлять Пизоновъ молодыхъ
 Искусству дивному прекрасныхъ Музъ и Грацій—
 Благошворительницъ швоихъ!

Сколь часто на берега святаго Іордана
 Очаровательный Торквашъ тебѣ манилъ,
 И въ слабой шой спранъ, среди вершинъ Ливана,
 Парнассъ ты новый находилъ!

Сколь часто смѣлою рукою
 Ты лиру Пиндара присвоивашъ умѣлъ;
 Иль, какъ Неледнскій, помясь любви поскою
 Ты заунивно пѣсни пѣлъ!...

Межъ избранныхъ мужей сколь часто ты являлся
 Вишней пламеннымъ—плѣншелемъ сердцеъ,
 И краспорѣчія цвѣтами обвивалъ
 Твой поэшическій вѣнецъ!...

Такъ! на алтарь Наукъ и Просвѣщенъя
 Дары высокіе побой возложены!

Плоды мечпы и вдохновенъя—
 Твоей Камены пѣсношѣнъя,
 Въ скрижалъ безсмертшя внесены!

По чшо хвалы мои? Поэтъ! въ спыхахъ нельспи-
 выхъ,

Я данъ лишь скудную воздашь тебѣ желалъ
 За упошельный воспоргъ часовъ шаспливыхъ,
 Которымъ ты меня столь часто услаждалъ!
 Тобой воспитанъ былъ мой геній робкій, юный,
 На свѣшлорадосшной зарѣ минувшихъ дней—
 И съ шой поры звучашъ спройный
 Мои неопышныя струны!

Прими же даръ усердный мой.
 О! приюши его подъ лаврами швоими!
 И Аполлона огонь свашой
 Мнѣ завѣщадешя богами всеблагими!

Бороздина.

2 Марта, 1828.
Москва.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое въ Авзоніи спруншя;
 Въ коплѣ и чайникѣ *второе* кипляшя—
 И *цѣлому* всегда на чшо нибудь годншя.

Ш.

Въ № 12, помѣщенная шарада значить: *Car-rosse.*

НОВАЯ КНИГА.

Эрпели и Чирь-Юртъ. *Поэмы соч. А. Полежаева. — Москва. — Въ Типографіи Лазаревыхъ Инст. Восточ. языковъ, — 1832.*

Въ то время, когда писатели-романисты смялся такъ и сякъ, съ большими и съ меньшими успѣхами переладилъ безсмертныя созданія великаго Шотландца на Русской ладъ, когда писатели-переводчики безпреспанно дарящъ публику больше или меньше плохими переводами трагедій, драммъ, романовъ и водевилей, словомъ, когда мы болѣе *ожидаемъ* — нежели *видимъ* хорошаго на литературномъ нашемъ поприщѣ, намъ пріятно сообщить читателямъ нашимъ, что въ поэмахъ г. *Полежаева* — какъ мы, такъ вѣроятно и всѣ любители изящнаго, приобрѣли драгоценную находку.

Все, что видѣлъ и чувствовалъ поэтъ — все высказалъ сильными, звучными стихами; вопъ, что говорилъ онъ самъ въ предисловіи:

«Среди ежедневныхъ спычекъ и сраженій, «при разныхъ мѣстахъ въ Чечнѣ, въ шуму «лагеря, подъ кровомъ одинокой палатки, «въ 12 и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, «воспламенялъ я воображеніе свое подвига- «ми прошедшей битвы, достойной примѣ- «чанія въ летописяхъ Кавказа, и въ 11 дней «написалъ посылаемый къ тебѣ Чирь- «Юртъ.»

Послѣ такого предисловія, въ которомъ вся душа поэта-воина открылась передъ нами, какъ на ладони, какой спуденный крипикъ спанелъ привязывавшя къ мелочамъ, опыскивая слабые стихи, или нарушеніе правилъ Аристотеля въ стихъ мгновенно вылившихся стихотвореніяхъ? У насъ рука не поднимается!

Думаемъ, что лучше угодимъ читателямъ, выписавъ здѣсь два, при отрывкѣ.

На ровномъ

Пространствѣ илнстой земли

Стояшь въ величій огромномъ

Аулъ Тавлинцовъ — Эрпели.

Обложки скалы и горы кремнистыхъ

Его фундаментъ вѣковой!
Алеи пополей пѣнистыхъ —
Краса громады спроевой!
Вездѣ — блуждающіе взоры
Вспрѣчаютъ сакли и заборы,
Плепни и валы; каждый домъ —
Бойница съ насыпью и рвомъ;
Надъ разорвавшейся рѣкою,
Бѣгущей съ горной высоты,
Искусства чуднаго рукою
Вездѣ успроены мосты;
Водовороты, переходы,
Каскады, мельницы, опводы —
Все дышетъ рѣзкой нагопой
Природы дикой и простой!
Въ Ауль шумъ и конскій попокъ,
Молчанье жѣнъ и дѣпскій хохотъ;
На кровляхъ, въ окнахъ, у воропъ
Княщій, вѣпреный народъ
Богато убранный, одѣтый,
Какъ Кизельбаши Персіяны;
Тамъ — Ашаманскій япаганъ;
Тамъ ружья, сабли, писполопъ
Блещашъ, сверкающъ серебромъ
Въ своемъ парадѣ боевомъ;
Здѣсь — коней спранные приборы,
Луки, уздечки, спремена;
Бородъ разкрашенныхъ узоры,
Куски маперій, полопна,
Едва скрывающіе плечи
Сѣдыхъ, запачканныхъ спарухъ,
И лай собакъ на Русской духъ,
И крикъ, и визгъ, и сцены впрѣчи,
И говоръ воанъ, и вѣпра гулъ!
Вопъ сконированный Ауль!
Идемъ — и видъ другой каршины:
Среди возышенной равнины,
Загроможденной съ двухъ споронъ
Пирамидальными горами,
Объявшихъ гордыми главами
Съ начала міра небосклонъ,
Разбиты бѣлыя палатки. . .
Быльи можешъ, прежнія догадки
Теперь рѣшилиез: эпо ояъ,
Второй нашъ добрый батальонъ!

О Эрпели, о Эрпели!

И ты урокомъ для земли!

И ты, быльи можешъ, для поэта

Въ другіе дни, въ другія лѣта
 Послужишь пищею живою!
 Ты воскресишь воспоминанье
 О буряхъ сердца, о спрдаанъ
 * Души волнующей тоскою
 Подъ игомъ спрасши роковой!
 Бышь можешь, ежели холера
 Меня въ червя не обратишь,
 Походный грифель мушкетера
 Въ карманной книжкѣ сохранишь
 Твои лѣса, ручьи и горы,
 И друга искреннаго взоры
 Прельстивша съ правнукомъ моимъ
 Изображеніемъ швоимъ.

Не зная изешари властей,
 Повиновенъ и Кнзлей—
 Вина мяшежныхъ покушеній
 Бунповъ и общаго вреда—
 Въ кругу Шамхаловыхъ владній
 Гнездилась дикая орда.
 На днѣ вершеповъ неприступныхъ,
 Таясь какъ новый сапана,
 Тамъ не думала она
 Надеждъ и замысловъ преступныхъ.
 Взирала гордо на позоръ
 Бунповщиковъ окружныхъ горъ,
 Смиранныхъ вдругъ единымъ словомъ,
 И, ненавидя миръ и дань,
 Въ ожеспochenіи суровомъ
 Она готовилась на брань.
 Ни жребій явный испребленья,
 Ни мѣры кропкія главы
 Побѣдныхъ войскъ и ополченья
 Въ виду защитной ихъ горы,
 Ни увѣщанія Тавлинцовъ

 Неукропили роковой,
 Ошважный бунтъ Кайсубулинцовъ.
 Съ вершинъ ушесовъ на опрядъ
 Они смѣются беззаботно,
 Готовящъ пуди и охопно
 Кинжалы длинныя оспрящъ.
 Ни пущь широкой, ни шропинъ
 На ихъ высокія спремнинъ
 Спонаъ прищельцовъ не ведутъ.
 Предъ любопышными очами
 Спонищъ съ гранишными спѣнами
 Природной крѣпости редущъ

Не достигаемый, огромной.
 Въ хаосъ пронаспи бездонной,
 Какъ шаршаръ буйной и живою,
 Кшищъ свободные Аулы. . . .
 Кто видѣлъ лѣгкія черпы
 Съ каршины адской суены
 Въ заводахъ Брянска или Тулы,
 Гдѣ неумолкнутой чередой
 Гудящъ и спонущъ надъ водой
 Жельзо, мѣдь, чугуны и камень;
 Гдѣ угли, искры, жаръ и пламени
 Блеспящъ, сверкающъ и шумящъ;
 Гдѣ гвозди, молоты, машины
 И рукъ искусственныхъ пружины
 Въ насильномъ дѣйствіи звучашъ,
 И поражающъ удивленіемъ
 И свѣжій слухъ и свѣжій взоръ,—
 Того незначущимъ сравненіемъ
 Знакомлю съ видомъ эшихъ горъ.
 Дыща слѣпыми ожеспochenіемъ
 Тамъ всё кишищъ вооруженіемъ:
 Какъ муравьиные рои
 Мелькающъ всадники и кони;
 Кующъ джелоны, сбруи, брони,
 Чеканящъ ружья, лезвіи.
 Вездѣ развѣды, шумъ и попопъ,
 Въ глухой дали опызвной грохощъ,
 Огни, пальба, воинскій крикъ
 И въ кольцахъ грудь на Русской шпыль.
 Они не знаютъ нашей вепрѣчи,
 Имъ не знакомъ открытой бой,
 Пишомцы наглыхъ бишвъ и счи,
 Они не зрѣли надъ собой
 Свиспящихъ ядеръ и каршечи.
 Но рати сѣверной приходъ
 Даспъ брами новый оборощъ!

. . . . Въ осьми верспахъ опъ ципадели,
 Среди равнины на холмахъ
 Шапры опряда забѣдли.
 Здѣсь видимъ дружные полки
 Съ береговъ Москвы благословенной;
 А тамъ—гранёные шпыки
 Пѣхоты Русской опдаденной,
 Изъ заграничныхъ городовъ,
 Всегда гопшвые на зовъ
 Царя, начальниковъ и чести;
 Тамъ—гибель вѣрная враговъ,
 Алая крови, бѣдъ и мести

Споишь вапата казаковъ;
А памь—за лагеремъ походнымъ
 Ибрагимъ Бекъ и Ахметъ Ханъ,
 Князя опъ крови Мусульманъ,
 Пылая рвеньемъ благороднымъ,
 Изъ разныхъ спранъ подъ Эрпели
 Свои дружины привели.
У нихъ Кумыки и Тавлинцы
 Съ свинцомъ и спалю на коняхъ,
И съ япаганамъ въ бояхъ
 Пъхона Горцевъ—Михшулинцы.
У водъ холоднаго ручья
 Ауль лепгучий ихъ мящется
И знамя розовое вьщется
 Надъ бьхой ставкою вождя.
 Всъ ждущъ рьшипельной осады,
 Всъ ждущъ и смерщи и награды!
И вопъ—на упренней заръ
 Отрядомъ легкимъ башальоны
 Съ вселхемъ двинулись къ горъ!
 Пуши жевидно . . . ивъщъ препоны!
 Война и слава не безъ слугъ:
 Съ подошвы горной сошни рукъ
 Взывающъ новую дорогу!
 Идушъ и рокошь . . . впереди
 Зялощъ пушки роковыя,
 Внутри рядовъ и позади
 Книжалы, ружья боевыя
И безпардонные шпыки!

Не выписываемъ далѣе:—пустъ сами чп-
 памели узнающъ, что представилось очамъ
 нашихъ воиновъ, когда они доспигли вер-
 шины одной изъ самыхъ огромныхъ горъ
 Кавказскихъ; пустъ полюбопытствующъ
 узнать, какъ свершали наши герои на хреб-
 тахъ сихъ исполиновъ міра—дѣла, достой-
 нныя:

— «Изъ рукъ безсмертія втика!»—

N. N.

MODES.

Les velours de mode sont: *rubis*, *rose de Jéricho*, et *vert de cour*. Il est impossible d'avoir choisi de plus

belles nuances pour une étoffe dont les reflets sont purs en tranchans. Rien n'est plus élégant et plus magnifique que le rouge *rubis*, et le frais vert de cour, aux lumières avec des plumes, des bijoux et de la blonde.

Les ceintures en cordelière sont de nécessité avec les robes en pointe.

Pour écharpes on porte généralement celles en tulle *illusion*; mais on doit observer qu'elles sont bordées par une frange de soie, et non par un gland qui leur ôte toute leur souplesse et leur grâce.

D'autres en blonde se rabattent en double rang comme une mantille, et retombent en très-longs pans carrés.—Madame Gleizal, rue Dauphine, nous en a montré de fort belles à dessins riches et légers.

On porte en demi-toilette beaucoup de palatines plates à pans; elles sont doublées ordinairement de marcelline cerise ou orange; de même que les manchons à l'intérieur. Les fourrures de martre sont toujours fort distinguées parmi toutes les autres.

МОДЫ.

Для бархатовъ въ модѣ цвѣта: рубиновой, Тер-
 хонской розы и зелѣный придворный. Невозмож-
 но выбрать лучше цвѣтовъ для матеріи, у кото-
 рой ошблески такъ чисты и рѣзки. Ничего нѣтъ
 щеголеватѣе и великолѣпнѣе краснаго рубиноваго
 и зелѣнаго придворнаго цвѣтовъ, при свѣчахъ, съ
 перьями, вещами и блондою.

Пояса *en cordelière* необходимы при платьяхъ
 съ мысками.

Шарфы вообще посящъ изъ тюля *illusion*; надо-
 замѣнить, что у нихъ на концахъ шелковая ба-
 храма, а не желудь, который отнимаетъ у нихъ
 всю пѣжность и щеголеватость.

Другіе изъ блонды, оплодженныя въ два ряда, какъ
 маншеты, съ длинными четверугольными кон-
 цами.—Госпожа Gleizal, въ улицѣ Dauphine, по-
 казывала намъ прекрасныя, съ богатыми легкими
 узорами.

Въ полунарядъ носящъ много гладкихъ палати-
 новъ съ концами; ихъ обыкновенно подкладыва-
 ютъ алымъ или оранжевымъ марселиномъ, также
 какъ и муфту внутри. Собольи мѣха все оплн-
 чаются между всеми другими.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 18 ДНЯ 1833 ГОДА.

Конечно, жениха пріянно намъ любилъ;
Еще пріяниѣ самой любимой былъ;
Но и въ любви знать не мѣшаетъ мѣру.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

С О Н Ъ.

Мнѣ кажется, что о снѣ имѣютъ слиш-
комъ хорошее понятіе. Правда, что онъ
служитъ намъ отдохновеніемъ, но за по-
нѣшъ ничего смѣшнѣе на свѣтѣ.

Въ немъ не представляется ничего по-
слѣдовательнаго, поспояннаго, порядочнаго.
Все перепутано, все до крайности смѣшно,
все не на своемъ мѣстѣ. Трудно предспа-
вить себѣ, какія глупости мнѣ иногда снятся.

Петроній клеветалъ на жизнь, говоря, что
сонъ есть ея отблескъ.

Вчера, на примѣръ, мнѣ грезилось, что я
женщина; я спросилъ себѣ куры, былъ безъ
ума отъ самаго себя, разсыпался въ нѣжно-
стяхъ и вздохахъ, далъ себѣ праздникъ, и
дошелъ наконецъ до того, что спалъ по-
читая себя красавицею. Если бы въ шесть
часовъ утра не позвонилъ у дверей одинъ
изъ моихъ заимодавцевъ, по праву не знаю,
чтобы вышло дальше.

Представляю себѣ *Невтона*, спящимъ подъ
деревомъ. Говорятъ, это была яблоня.

Неспройный рядъ нелѣпыхъ сновидѣній,
фантасмическихъ призраковъ пѣснился въ
головѣ его. Великій геометръ, высокій ме-
тафизикъ былъ въ нѣкопоромъ самозабвеніи,
какъ бы въ ничтожествѣ. Можетъ быть
въ умѣ его и вертѣлись цифры, тангенсы,
кривыя линіи, но во всемъ этомъ не было
ни капли порядка и здраваго смысла.

Но вопль, падаетъ къ нему на носъ ябло-
ко, и онъ просыпается.

Заснувъ профессоромъ математики, онъ
пробуждается гениемъ.

Никакъ не могу эпаго поспигнуть. Если
бы моему учителю математики упала на
носъ цѣлая пыква, онъ и тогда оспался бы
величайшимъ дуракомъ на свѣтѣ.

Когда я былъ актѣромъ на провинціаль-
номъ театрѣ, по мнѣ часто кидали въ ли-
цо яблоки, изъ чего я съ прискорбіемъ за-
ключилъ, что для того, чтобы я могъ по-
пасть въ великіе артисты, яблокамъ эшимъ
надлежало быть печеными.

Сосѣдъ мой открылъ мнѣ, что жена его
снился иногда будто бы онъ оселъ, и будто
бы она каждую ночь ѣздитъ на немъ на ры-

нокъ. Это наименѣе глупый изъ всѣхъ сновъ, о которыхъ мнѣ рассказывали.

Говорятъ, что во снѣ бываюшъ ошибки, весьма неприяшныя.

Хорошенькая женщина, видя себя въ мнимомъ зеркалѣ, пугается, примѣшивъ на лицѣ своемъ слѣды оспы, которой у неѣ никогда не бывало.

Академику грезится, что его слушаютъ.

Публицисту снится, что онъ впервой Ликургъ.

Трусу видится, что онъ храбръ.

Это замяніе существеннаго міра.

Мнѣ снилось, что я умёнъ: надобно бытъ снисходительнымъ и извинять спящимъ ихъ безразсудства.

КАПЛЯ ЧЕРНИЛЪ.

— Я держу пари на дюжину Шампанскаго.—

«Согласенъ.»

— Начинай.—

«Сію минупу.»

Когда мнѣ приходилъ на мысль марапу бумагу, то я дѣлаю къ этому пьему приговореніи, которыхъ спали для меня необходимою, и безъ которыхъ я поперядъ бы половину дарованій. Я люблю, на примѣръ, чтобы въ такомъ случаѣ: перья у меня были перечипены, чтобы ручки большихъ, желтыхъ креселъ моихъ плотно обнимали меня, чтобы чернила не были густы, бумага не двигалась по столу, и чтобы, наконецъ, окно въ моей комнатѣ было заперто, какъ можно плотнѣе.

Какъ скоро всѣ эти условія соблюдены, то я подтираю голову обѣими руками, собираюсь съ мыслями и попомъ начинаю писать.

Если погода пасмурна, если черныя тучи нависли на небосклонѣ, если вѣтеръ рветъ листья и качаетъ вѣтви каштановаго дерева, распускаго у меня подъ окномъ: то брови мои нахмуриваются, лобъ наморщиваетъ-

ся, и тогда горе роду человѣческому: онъ не вѣситъ и золотника на вѣсахъ моего правосудія. Недостаетъ только грому и молніи, чтобы заславить меня перевернуть вверхъ дномъ цѣлый свѣтъ.

Но если погода ясная, если пчелы прилетаютъ собирать медъ съ цвѣтцовъ моей *Гортензіи*, если дѣтви играютъ подъ деревомъ и солнце сіяетъ въ полномъ блескѣ, то я прихожу въ веселое расположеніе духа, и смотрю на міръ совсѣмъ другими глазами. Всѣ люди кажутся мнѣ добрыми; а женщины!... О! онѣ представляются мнѣ ангелами, ниспосланными небомъ на землю для услажденія бѣдной жизни нашей!

Вчера я былъ ужасно раздосадованъ: слуга мой пролилъ изъ бутылки чернилъ, а въ чернилицѣ у меня не оставалось ихъ ни капли. Я мучился одною мыслию и непременно хотѣлъ изложить её на бумагу—невозможно!... Посылаю за чернилами въ аптеку, значило бы развѣять мысли мои въ вѣтру; я горячился, кричалъ, бранился, топталъ ногами, но ничто не помогало, мысли мои разлетѣлись, какъ облака въ вѣтряную погоду—и я съ досады въ дребезги разбилъ чернильную бутылку.

Въ ней оставалась одна капля.

Въ рукахъ у мастера всякой предметъ годится въ дѣло: поломайте только надъ нимъ голову! И я принялся размышлять надъ этою черною капелькою, печально уютившеюся на развалинахъ своей гробницы.

Нешастная! сказала я ей, какъ бы жестоко огорчила ты меня, если-бы въ бытность мою школьникомъ, упала ты на мою пергаду численосаніи.

Но еще болѣе огорчила бы ты меня, если бы вылилась словомъ *нѣтъ* въ отвѣтъ *Аноты* на письмо, которое я къ ней писалъ вчера.

Тобою можетъ совершиться гибель семьи, которыхъ благополучіе зависитъ отъ одной подписи.

Въ случаѣ нужды ты можешь возжечь войну во всѣхъ странахъ міра.

На кончикъ пера *Махмудова* одна изъ по-добныхъ тебѣ была причиною смерти мно-гихъ тысячъ людей....

Тупъ прервали мои размышленія спугомъ у дверей.

Это была *Анютина* горничная; она при-несла мнѣ опвѣтъ госпожи своей.

Онъ заключался въ слѣдующихъ словахъ: «сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ, въ Бу-лонскомъ лѣсу.»

Мнѣ надобно было написать два слова; я взглянулъ на каплю чернилъ, она высохла!

Но какъ мнѣ непременно надлежало оп-вѣдать: по я схватилъ свой перочинный ножичекъ; капля крови выступила у меня на рукъ, и я написалъ: «Да, любовь и оспро-рожность.»

— Я проигралъ. Пойдемъ, *Владимиръ*, я заплачу тебѣ закладъ. —

«Погоди еще. Надобно объяснить это чипапелю.»

Вопъ и объясненіе. Благосклонный чипа-пель, у меня оспавалась одна капля чер-нилъ; я побился объ закладъ, что напишу тебѣ ея цѣлую спатейку: выигралъ ли я? Мнѣ нечѣмъ написать пвоего опвѣта; пе-ро мое совсѣмъ сухо.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЪ К А.

О времена! о вѣкъ!

Онъ въ спрашныхъ судоргахъ, въ немъ спраждешь
человѣкъ;

Ужь радость съ пѣснями давно забыли люди:

Изныли опъ тоски и запѣснились груди.
Пушь жизни—весь подконъ и длинный рядъ стѣей;

Вездѣ нахмуренность смѣнила ласку;
Что-жь стало общество?—Кулачный бой спра-
стей,

Откинувшихъ и спыдъ и маску.

О. Глишка.

ПѢСНЯ ШОТЛАНДЦЕВЪ.

(Во время китовой ловаи.)

1-й Рыбакъ.

Греми волна,

Быспрѣй ладья;

Душа полна

Оярадъ мой.

Хоръ.

Сгущайтесь, пучи громовыл!

Шуми, угрюмый океанъ!

Бушуй, свирѣпый ураганъ!

Не страшны волны намъ съдыя!

2-й Рыбакъ.

Кипъ, сынъ морей,

Небесъ мнѣ даръ,

Руки моей

Прими ударъ.

Хоръ.

Разниъ мы копьями умѣемъ:

Не посраимъ опцовскій прахъ;

Доколь оспрога въ рукахъ,

Добычу вѣрную имѣемъ.

3-й Рыбакъ.

Добычу намъ

Послалъ Творецъ!

Друзья къ брегамъ; —

Трудамъ конецъ.

Хоръ.

Какъ пшца мчится надъ волною,

Мы полетимъ къ роднымъ скаламъ;

Насъ дѣва ждетъ къ своимъ грудямъ

Прижать лилейною рукою.

Л. Л.

L E B A I.

Heureux temps où j'aimais la danse pour la danse;

Où, la veille d'un bal, durant la nuit, mes yeux

Voyaient, demi-fermés, se former en cadence

Mille groupes joyeux!

Où mon réveil était un bonheur, un délire,

Où la première alors j'étais toujours debout;

Où mon cœur battait d'aise, et par un long sourire

Je répondais à tout.

Où sans savoir encor si j'étais laide ou belle,
 J'ornais mes noirs cheveux d'une riante fleur,
 Sans que mon front gardât, riant et pur comme elle,
 Des traces de douleur.

Car j'ignorais alors que le Ciel à la femme
 Eût dit: «Tu grandiras pour aimer et souffrir...»
 Et qu'aimer et souffrir fût même chose à l'âme;
 Et fût toujours mourir.

Heureux temps où mes pieds, dans leur folle vitesse,
 Semblaient ne pas poser sur le parquet glissant,
 Où mes regards, n'ayant ni langueur ni tristesse,
 Trouvaient tout ravissant.

Où je ne cherchais pas, jalouse et soucieuse,
 D'un regard un regard, d'une main une main,
 Où le bal le plus beau, pour mon âme oublieuse,
 Était sans lendemain.

Où jamais au retour, une pensée amère
 N'ayant entremêlé de pleurs un court adieu,
 Je m'endormais, donnant un baiser à ma mère,
 Une prière à Dieu.

Car j'ignorais qu'il compte et nos jours en nos larmes,
 Avant de leur donner de la réalité,
 Et je n'avais alors, étrangère aux alarmes,
 De foi qu'en sa bonté.

Heureux temps à jamais retranché de ma vie,
 Jours dont je garde encore un si doux souvenir,
 Oh! que vous promettiez à mon âme ravie
 D'autres jours à venir!

Et que je savais peu, dans mon insouciance,
 Que l'amour se jouait de nous, comme l'enfant
 Fait des fleurs qu'il rejette avec impatience,
 Et cueille triomphant.

Que l'on m'eût dit alors: tu deviendras rêveuse,
 Puis triste, toujours triste; et j'aurais ri long-temps
 Sans comprendre qu'on pût se trouver malheureuse
 Plus de quelques instans.

Car ma jeune âme était paisible comme l'onde,
 Sur laquelle un beau jour avant l'orage a lui,
 Et souriait au monde, hélas! tant que ce monde
 Pour moi n'était pas lui.

C H A R A D E.

Mon premier est très-nécessaire
 A l'habile couturière,
 Ainsi qu'à ton tailleur.
 De mon dernier le coiffeur fait usage.
 Mon entier, grand malheur,
 Des humains, trop souvent, est le triste partage.

Въ No 13, помѣщенная шарада значить: По-варъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ 1-го Января 1832 по 1-е Января 1833-го
 представлено на С. Петербургскомъ Русскомъ
 театрѣ 59 новыхъ пьесъ, и именно:

3 Трагедіи:

Антоній, въ пяти дѣйствіяхъ;
Елисавета и Графъ Эссексъ, въ пяти дѣйствіяхъ, и
Битва при Тиверіадѣ, въ пяти дѣйствіяхъ.

8 Драмъ:

Карлъ XII на возвратномъ пути въ Швецію, въ пяти дѣйствіяхъ;
Рославлевъ, въ пяти дѣйствіяхъ;
Мечъ Провидѣнія, въ пяти дѣйствіяхъ;
Маіоратъ, въ пяти дѣйствіяхъ;
Сумасшедшій, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Сальваторъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Двуужница, въ пяти суккахъ, и
Проступокъ, въ двухъ дѣйствіяхъ.

12 Комедій:

Адольфъ и Клара, въ одномъ дѣйствіи;
Фанни, въ пяти дѣйствіяхъ;
26-е Августа, въ одномъ дѣйствіи;
Блѣдовый маскарадъ, въ чепырѣхъ дѣйствіяхъ;
Особенное покровительство, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Долиникъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Ночь на Новый годъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Утро Генриха IV, въ одномъ дѣйствіи;
Женатый Философъ, въ одномъ дѣйствіи;
Семейство Риксбургъ, въ одномъ дѣйствіи;
Дѣть тайны, въ одномъ дѣйствіи, и
Разводъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ.

2 Драмашическія сцены:

*Моцартъ и Саліери, и
Цыгань.*

3 Оперы:

*Элиза и Клавдій, въ двухъ дѣйствіяхъ;
Невѣста, въ прѣхъ дѣйствіяхъ, и
Преступная дочь, въ двухъ дѣйствіяхъ.*

20 Водевилей:

*Маль да удалъ, въ одномъ дѣйствіи;
Баронъ Фонъ-Тренкъ, въ одномъ дѣйствіи;
Крестьянка-лунатикъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;*

*Женихъ-мертвецъ, въ одномъ дѣйствіи;
Филиппъ, въ одномъ дѣйствіи;
Цирюльникъ и парикмахеръ, въ одномъ дѣйствіи;*

*Усы, въ одномъ дѣйствіи;
Каламбуристъ и Журналистъ, въ одномъ дѣйствіи;*

*Первая любовь, въ одномъ дѣйствіи;
Станиславъ, въ одномъ дѣйствіи;
Дезертиръ, въ одномъ дѣйствіи;
Кетли, въ одномъ дѣйствіи;
Дочь Маргариты, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;
Трактиричикъ судья и цирюльникъ-стрля-
чій, въ одномъ дѣйствіи;*

*Мужъ и жена, въ одномъ дѣйствіи;
Двуногая лисица, въ одномъ дѣйствіи;
Услужливый сосѣдъ, въ одномъ дѣйствіи;
Сельтская невѣста, въ одномъ дѣйствіи;
Актриса, пѣвица и танцовщица, въ од-
номъ дѣйствіи, и
Старый гусаръ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ.*

5 Иншередей:

*Праздникъ на острову;
Именины благодѣтельнаго помѣщика;
Праздникъ въ Графскомъ селѣ Иванови-
на, и
Русской ялицкѣ.*

6 Балетовъ:

*Швейцарская молодница, въ одномъ дѣй-
ствіи;
Кіакинъ, въ пяти дѣйствіяхъ;
Донъ-Жуанъ, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;*

Телемакъ на островѣ Калипсо, въ прѣхъ дѣйствіяхъ;

*Игры Париса, въ одномъ дѣйствіи, и
Сулбека, въ чепырѣхъ дѣйствіяхъ.*

Изъ этого перечня читатели видятъ, что Петербургскій Императорскій Театръ въ минувшемъ году не нуждался въ новыхъ пьесахъ; но многія ли изъ нихъ достойны театра, это читатели увидятъ изъ крап- каго изложенія безпристрастнаго нашего мнѣнія о всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ драматургіи, музыки и хореографіи.

Начнемъ съ начала:

1) *Антоній*, прагедія, переведенная съ Французской драмы: *Antony* актеромъ г. *Каратыгинь* спаршимъ. Герой сей пьесы—пе- годий-развратникъ, который ничѣмъ не до- рожишь, удовлетворяя скопской своей спра- сии. Онъ, видя, что всѣ его угрозы не мо- гутъ заспавишь *Адель*, совращенную имъ уже съ пупи добродѣтели, покинуть своего мужа, убиваетъ её.

Только прекрасная игра г. *Каратыгина* сп. (*Антоній*) и г-жи *Каратыгиной* сп. (*Адель*) привлекають въ эту пьесу образо- ванную публику.

2) *Елисавета и Графъ Эссексъ*, прагедія, переведенная съ Нѣмецкаго актеромъ *Каратыгинь* сп. Любовь мудрой Англійской Королевы *Елисаветы* къ великолѣпному Гра- фу *Эссексу*, и неограниченная его самона- дѣяность, доходившая иногда до дерзости и погубившая его, служила основою нѣко- торымъ произведеніямъ прагиковъ Англій- скихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ. Помя- нуемая прагедія принадлежишь г. *Дикю*. Г. *Каратыгинъ* желалъ перевести Нѣмецкую прозу Русскими стихами. Успѣлъ ли онъ въ этомъ? Сомнѣваемся, и не безъ основанія. Слышанные нами со сцены стихи сіи не ушли отъ прозы. Для рѣшительнаго под- твержденія сказаннаго нами, желаемъ, чтобъ переводъ г. *Каратыгина* былъ напечатанъ.

Въ прагедіи: *Елисавета и Графъ Эссексъ* г. *Каратыгинъ* въ роль Эссекса и г. *Брли-*

скій въ рольъ государственнаго казначея Англіи Лорда *Бюрлея* (который выведенъ на сцену хитрымъ, пронырливымъ царедворцемъ), заслужили справедливую похвалу образованныхъ зрителей. Это достойные жрецы Мельпомены.

3) Молодой Русскій поэтъ, имя котораго не имѣемъ права объявить нашимъ читателямъ, посѣдилъ Палестину. Проникнутый святою поэзіею предметомъ его окружающихъ, онъ создалъ трагедію: *Битва при Тиверіадѣ*. Душа, тёплая върою, душа, которой доступна первоначальная, высокая цѣль Крестоносцевъ исхисилъ гробъ Господень изъ рукъ Невѣрныхъ,—не взиралъ на сухость содержанія и зыблущуюся основу сей трагедіи, будетъ въ ней восхищаться поэтическими мыслями, облеченными благозвучными, сильными стихами. Многіе опривки заимствованы изъ св. Пророковъ.—Очарованіе декораций и великолѣпіе костюмовъ довершаютъ его восхищеніе.

4) *Карль XII*, достойный соперникъ Великаго Петра, послѣ невольнаго своего пребывания въ Бендерахъ, возвращается въ опечаленіе. На пути своемъ встрѣчается онъ съ однимъ Маіоромъ, который, по его повелѣнію, былъ изгнанъ изъ Швеціи. Случайно Маіоръ спасъ жизнь *Карла* и тѣмъ возвратилъ себѣ дружбу непреклоннаго въ своихъ намѣреніяхъ Короля. Вотъ основа драмы: *Карль XII на возвратномъ пути въ Швецію*.

Сія пьеса принимается Германскою публикою съ постояннымъ удовольствіемъ, Русская же публика смотритъ на неё въ призму хладнокровія. Главною причиною этому полагаемъ, если не ошибаемся, дурной переводъ этой драмы.

5) Послѣ *Юрія Милославскаго*, драматизированнаго Княземъ А. А. *Шаховскимъ*, не было ничего изъ его произведеній худшаго передѣлки прекраснаго романа Загоскина *Рославлевъ*. Отрицательное достоинство этой драмы признано единодушно и *Свербою Пелого*, и *Московскимъ Телеграфомъ*, и

Молвою. Повторять сказаннаго не желаемъ; говорить проповѣдь совѣспи не умѣемъ!

6) Покойный авторъ прекраснѣйшей въ свое время драмы: *Сулѣты или Спартацы XVIII вѣка*, Л. Н. *Неваховичъ*, написалъ драму: *Месть Провидѣнія* и, чувствуя самъ недосыпавши оной, оставилъ её въ своемъ портфель, гдѣ и пролежала она лѣтъ пятнадцатъ, если не болѣе. По смерти уже его явилась сія пьеса на сценѣ и оправдала своего автора въ томъ, что онъ не безъ основанія хотѣлъ предать её ничтожеству.

7) Драма: *Das Majorat von Kossiten* передѣлана въ Русскую трагедію *Маіоратъ или убійца-Кастеланъ* (переводчикъ хотѣлъ выразить: Кастеланъ-убійца). Въ ней много романтическаго, слѣдственно, мнимая попребность нашего вѣка удовлетворена. Въ сей драмѣ превосходенъ г. *Брянскій*. Онъ играетъ спарика, свершившаго въ молодости своей убійство. Призракъ убитнаго имъ преслѣдуетъ его чрезъ десятки лѣтъ. Совѣспъ грызетъ его душу, и спраданія видны на лицѣ, слышны въ голосѣ г. *Брянскаго*. Если бы сей артистъ не во всѣхъ своихъ роляхъ былъ превосходенъ: по одна роль Кастелана поставила бы его въ рядъ первоклассныхъ Европейскихъ драматическихъ артистовъ.

8) Дюжинные Французскіе драматурги *Antony-Bérard* и *Alexis* написали для паланпа *Beauvallet* драму *Le fou*. Сія драма, переведенная на Русскій языкъ, пригодилась для г. *Каратыгина* сп. Онъ въ ней играетъ сумасшедшаго. Нещасный, оклеветанный въ убійствѣ любимой имъ женщины, лишился разсудка.

Г. *Каратыгинъ* сп., игралъ сумасшедшаго Эврарда (въ подлинникѣ *Ebérard*), приводилъ Публику въ неизъяснимый восторгъ. Рукоплесканія не умолкаютъ до конца пьесы.

9) *Сальваторъ*, Атаманъ (какихъ-то) брагпеевъ-невидимокъ, не опспалъ и не ушелъ

впередъ опъ своей брагьи-сценическихъ разбойниковъ. Онъ, какъ водится въ драмахъ, разбойничаетъ, вѣжничаетъ, великодушничаетъ. Нельзя не смѣяться, слушая въ Русскомъ сполитномъ театрѣ исковерканный Русскій языкъ. В. А. Жуковскій въ статьѣ о критикѣ (см. Вѣспникъ Европы 1809 года) сказалъ, что большую часть переводовъ можно сравнить съ ложными слухами, которые и самую истину нерѣдко превращаютъ для насъ въ небылицу. Между этими переводами первое мѣсто принадлежитъ Русской драмѣ: *Сальваторъ*.

10) О драмѣ: *Двумужница*, было уже говорено и пространно въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* минувшаго года N№ 101 и 102.

11) Одна дама, въ долговременное опсупствие своего мужа, сдѣлала невольный просупнокъ. Мужъ возвращается. Она опъ угрызения совѣсти впадаетъ въ болѣзнь и въ бреду опкрываетъ свой просупнокъ мужу. Онъ, не желая на счетъ своего лба славиться величіемъ души своей, рзспается навсегда съ невольною преступницею. Вотъ содержаніе *Скрибовой* драмы: *Une faute*, переведенной на Русскій языкъ подъ названіемъ: *Проступокъ*. Г-жа Каратыгина ест прелестна къ этой пьесѣ, особенно въ той сценѣ, въ которой она въ самозабвеніи опкрываетъ мужу свою измѣну.

12) Комедія *Адольфъ и Клара* передѣлана изъ старинной оперы сего же названія. Въ оперѣ восхищаетъ музыка, а въ комедіи восхищаютъ палантъ г-жи Каратыгиной сп. (Клара) и г. Сосницкаго (Адольфъ).

13) *Фанни, или мать и дочь соперницы*. Это переводъ: *La Mère et la Fille, comédie en 5 actes, par M. M. Escipis et Mazères*. Содержаніе сей комедіи слѣдующее: какой-то Англичанинъ, обрученный съ какою-то дѣвицею, обольстиль ея мать. Отецъ первой, узнавъ объ украшеніи чела своего, выводитъ, какъ говорится, на свѣжую воду Англича-

нина. И эта комедія, имѣющая собственное свое достоинство, украшается палантомъ г-жи Каратыгиной сп.

14) 26-е *Августа или отгадай не скажу*, ест худшая изъ пуспѣйшихъ комедій. Ею мы обязаны Князю А. А. Шаховскому.

15) *Блдовый маскарадъ или Европейство Транжирина*, комедія сочиненія Князя А. А. Шаховскаго, обогатившаго отечественную сцену многими прекрасными пьесами, которые долго будутъ восхищать нашу Публику. Здѣсь же ему не пощасливилось. Опкупщика *Транжирина* дурачить женщина (которую назвать по ея профессіи не смѣемъ передъ нашими читательницами), и обираютъ и объѣдаютъ плушты-друзья. *Европейство* Транжирина годилось бы для *Камгадаловъ*.

16) Комедія: *Особенное покровительство*, ест водяное произведеніе Французской пали. Одинъ опспавной, заслуженный офицеръ, прѣзжаетъ изъ провинціи въ сполитцу, чтобы чрезъ спараго своего сослуживца, сдѣлавшагося Миниспромъ, достать себѣ выгодное мѣстечко. Миниспръ, областавъ спараго знакомца, оставляетъ его въ своемъ кабинетѣ одного. По возвращеніи своемъ, Миниспръ вспомнилъ, что въ кабинетѣ лежатъ бумаги, тайна которыхъ не должна быть никому извѣстна *нѣкоторое время* и полагалъ, что офицеръ успѣлъ прочесть ихъ, сажаетъ его въ крѣпость на это *нѣкоторое время*. По прошествіи же онаго предлагаетъ нечаянному арестанту одно выгоднѣйшее мѣсто. Но, по пословицѣ: *пуганая ворона и куста боится*, провинціальный прѣпелъ опказываетъ опъ мѣста, опрекается опъ мплостей вельможи и увзжаетъ во свояси.

Изъ этого изложенія читатели наши видятъ, чего должно ожидать опъ сей комедіи; въ прѣхъ дѣйствійхъ и безъ всякихъ эпизодовъ.

(*Будетъ продолженіе.*)

M O D E S.

Les manches sont décidément élargies du bas, retenues par un poignet boutonné aux robes simples, et marquées par des fronces et un nœud, aux robes ha-billées.

Les tailles en pointe ne sont pas encore adoptées pour les robes négligées; elles sont bien et très-bien au bal.

Une charmante toilette, qui mérite d'être citée, était remarquée ces jours derniers dans une soirée de musique. C'est une robe de cachemire de l'Inde, ponceau, tout unie. Le corsage à draperie croisée était attaché sur les épaules par des agrafes longues et étroites en bijouterie; ces agrafes étaient posées comme un poignet pour retenir les plis du devant tenant à ceux du dos.—En or guilloché très délicat, et semé de petites émeraudes. Les manches en blonde étaient couvertes dans le haut par des mancherons à pointes, et froncées au poignet où elles étaient retenues par deux bracelets, espacés l'un de l'autre. Une mantille-écharpe en blonde et une chaîne en émail et pierres de couleur, terminaient cette parure d'un si bon goût.

Il y avait d'assez particulier à cette soirée, deux autres femmes dont les robes exactement de la même nuance, mais d'un tissu national, semblaient rivaliser avec la riche étoffe de l'Inde. C'était un barrège-mous-seline doublé entièrement de gros-de-Naples ponceau. On ne peut se figurer le melleux de ces plis longs et soutenus. L'une de ces robes était faite en pointe devant, à mantille *de point* derrière. Les manches *en point* étaient surmontées de jockeis en pointes arrondies. L'épingle en broche était une camée enchâssée dans une plaque d'or uni; les bracelets, une bande d'or uni, fermés par une camée; pour ceinture, une cordelière de soie ponceau. Une écharpe en dentelle, et des souliers de satin blanc.

Une jolie robe était en satin vert, le corsage en point avait une draperie de tulle attachée dans le milieu et sur les épaules par une grosse perle encadrée dans une plaque d'or, dont les quatre coins étaient marqués par un rubis. La ceinture était une fantaisie qui pourrait n'avoir que peu d'imitations. C'est une natte en semences de perles, agrafées au milieu par une plaque qui répond à celle de la draperie.

M O Д Ы.

Рукава рѣшительно дѣлають внизу ширѣ, съ застѣгнутою обшивкою у проспекныхъ платьевъ, съ сборками и банпомъ у нарядныхъ платьевъ.

Лифы съ мысками еще не въ употребленіи для проспекныхъ платьевъ; они хороши, очень хороши для бала.

Прелестный нарядъ, достойный быть описанъ, замѣченъ былъ на сихъ дняхъ на одномъ музыкальномъ вечерѣ. Платье изъ Индѣйскаго пунцоваго Кашемира, одноцвѣтное. Лифъ съ крестообразными складками, на плечахъ перехваченъ длинными и узкими застѣжками,—они положены были чѣтобъ отдѣлить переднія складки отъ спинки. Застѣжки сдѣланы изъ чеканнаго золота, съ мелкими изумрудами. Блондовые рукава прикрыты были вверху рукавчиками съ мысками, собраны внизу и перехвачены двумя браслетами, одинъ отъ другаго въ нѣкопоромъ разстояніи. Блондовая манилья, шарфъ и эмалевая цѣпь съ цвѣтными камнями, окачивали сей нарядъ въ споль хорошемъ вкусѣ.

Было нѣчто особенное на семъ вечерѣ: двѣ другія дамы въ платьяхъ того же цвѣта, но изъ опечесивенной шкани, казалось, ни мало не уступали богатой Индѣйской матеріи. Это барежь-кисея, подложенная пунцовымъ гроденапемъ. Нельзя себѣ представить нѣжность этихъ длинныхъ поддержанныхъ складокъ. Одно изъ сихъ платьевъ было сдѣлано спереди съ мыскомъ, сзади кружевная манилья. Рукава кружевные прикрыты были эпюлетами съ округленными мысками. Булавка *en broche*, — апликъ, вдѣланный въ гладкую золотую бляху; браслеты, гладкая золотая полоска, застѣгнутая апликомъ; поясъ *cordelière* изъ пунцоваго шелку; кружевной шарфъ, и бѣлые апласные башмаки.

Красивое зеленое апласное платье, лифъ съ мыскомъ, драпированъ шюлемъ, прихваченнымъ въ срединѣ и на плечахъ большою жемчужиною, вдѣланною въ золотую бляху, въ кошорой по чепыремъ угламъ рубины. Поясъ необыкновенный, кошорый, можетъ, мало найдеть подражателей. Это коса изъ жемчужныхъ семянъ, застѣгнутая въ срединѣ бляхою, сдѣланною на подобіе прихватывающихъ драпировку.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 15.

Цена годовому изданію,
состоющему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 22 ДНЯ, 1855 ГОДА.

На бѣдной сей землѣ кто можетъ быть доволенъ?

Кто здѣсь щастливъ, спокоенъ?

Преспушниковъ — законъ спрашивать;

Невинному — судьба грозить.

М. В — 68.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧЕЛОВИТНАЯ ЛѢВОЙ РУКИ

*Особамъ, имѣющимъ попеченіе о воспитаніи
юношества.*

Обращаюсь ко всемъ друзьямъ юношества и умоляю ихъ удостоить сострадательнаго вниманія несчастную участь мою и положить конецъ предрасудкамъ, которыми я принесена на жертву. Насъ двѣ сестры: глаза человека не болѣе нашего сходны одинъ съ другимъ, и не могли бы жить въ большемъ согласіи, если бы родители наши, по приспраснію своему, не спавили между нами самаго обиднаго различія. Еще съ младенчества пріучена я была думать, что сестра моя занимаетъ высшую передо мною степень. Я выросла, не получивъ ни малѣйшаго образованія, тогда какъ для ея воспитанія не жалѣли никакихъ трудовъ и издержекъ. У ней были учителя числосписанія, музыки, рисованія и пр.; когда же мнѣ случалось приняться за перо, иглу или карандашъ, то я получала строгій выговоръ,

а иногда и побои за свою неловкость и неумѣніе. Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сестра допускала меня къ себѣ въ товарищество, но и тутъ она всегда хотѣла брать надо мною верхъ, и вообще призывала меня только по необходимости, или чтобы лучше выказать собственныя достоинства.

Не подумайте, Мм. Гг., чтобы съмованія мои происходили отъ тщеславія; нѣтъ, безпокойства мои имѣютъ другую, гораздо важнѣйшую причину. Въ семействѣ, къ которому объ мы принадлежимъ, искони принято за правило возлагать всякое попеченіе о его существованіи на меня и на сестру мою. Если, по несчастію, ей случится занемочь (а она, должно признаваться, довольно часто бываетъ подвержена хирагрѣ, лому, судорогамъ, и многимъ другимъ припадкамъ), то, что спанется съ несчастною семьею нашею? Неправда ли, что это великое различіе, которое родители наши полагали между двумя совершенно равными сестрами, содѣлается для нихъ предметомъ горькаго раскаянія? Увы! намъ должно бу-

день совершенно погибнуть въ сей крайности, и я не только не найду способвъ этому помочь, но даже не въ состояннн буду начертать покорнѣйшей просьбы о вспоможеннн, ибо и нынѣ принуждена я была прибѣгнуть къ постороннему пособию для написаннн сей челобитной, которую имѣю честь поднести на благоусмотрѣнне ваше.

Удостоите, Мм. Гг., исполковать родителямъ моимъ несправедливостъ исключительной ихъ привязанности, и внушите имъ, что они необходимо должны распочать свои попеченн и нѣжность въ равной степени на всѣхъ дѣтей своихъ.

Съ глубочайшимъ почтеннмъ и преданностию навсегда пребуду, Мм. Гг., гоговая къ услугамъ вашимъ

Ливалъ рука.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛО Р Д Ъ Ш И Р Л Е Й.

Карль I кончилъ жизнь на эшафотѣ. *Кромвель*, обогранный кровню Короля своего, успремилъ въ Ирландн съ многочисленною армнсю, принудилъ маркиза *Осмонда* снятъ осаду Дублина, взялъ присупомъ городъ Тредаль и повелѣлъ истребитъ весь гарнизонъ его. Одинъ только человекъ былъ пощажень имъ. *Кромвель* гоговилъ ему казнъ болѣе ужасную и постыднѣйшую. Смерть обыкновенную почипалъ онъ слншкомъ легкою для враговъ ненавистной своей власнн; онъ жаждалъ слѣзъ, мученнй, позора, испязаннй, и за пѣмъ уже слѣдовала самая казнъ.

Нещасливецъ, обреченный съкиръ палача, былъ молодой графъ *Ширлей*. Его нѣжная юность, его мужество, личныя достоинства и знатность происхожденн обезоружили бы мщенне всякаго другаго, но свирѣпый *Кромвель* не зналъ ни великодушнн, ни милосерднн; неумолимый, какъ самый адъ, подобно ему, онъ никому не давалъ пощады.

Послѣ четырнадцати - мѣсячнаго започеннн, графъ *Ширлей* оставилъ свою мрачную темницу, чптобы явилъся предъ судьей не-

правосудныхъ и подкупленныхъ пираномъ. Онъ оправдывался какъ воинъ, какъ герой, и не спарался сильно опстаивать жизнь, обреченную на жертву кровожаднымъ удовольствнямъ черни. Покорный своему жребню, онъ опровергалъ мнимыя пресупленн, въ которыхъ его обвиняли, однимъ только праводушнымъ исчисленнмъ своихъ обязанностей, обязанности война, вѣрнаго подданнаго, преданнаго опечестиву гражданина. Приговоръ его былъ произнесенъ. Присудили, на завтра упромъ, опрубитъ Эдуарду *Ширлею* голову на главной Дублинской площади. Адская улыбка показала на лицахъ судьей его; между слушателями поднялся ропотъ одобреннн; и полицейскне служители увели *Ширлея*, смѣлымъ взоромъ своимъ; казалось, вызывавшаго смерть, которую онъ сполько разъ безспрашно вспрѣчалъ на полѣ битвы.

Но когда онъ возвратился въ сырую тюрьму, въ которой жилъ болѣе года, любовь къ жизни съ силою пробудилась въ груди его. Измятая солома, служившая ему ложею; тусклая лампада, которой блѣдный свѣтъ замѣнялъ дневные лучи, изрѣдка проникавшн къ нему въ узкую опдушину; необдѣланный камень, прикрытый лоскутомъ холстинны; оковы, заржавѣвшн опъ слѣзъ, которыми оросили ихъ сполько нещасныхъ; все это одѣлось для него цвѣтомъ менѣе мрачнымъ, менѣе ужаснымъ. «И такъ, должно эпо покинуть!» вскричалъ онъ, бросаю грустные взоры по слѣнамъ тюрьмы своей. Онъ произнесъ эти слова нѣжнымъ и унылымъ голосомъ.

Неужели сн мрачныя вертепы, гдѣ человекъ налагаепъ оковы на человека, спановятся спокойнымъ обипалищемъ для пѣхъ, кто долго въ нихъ прожилъ? Такъ, и чпто значнпъ, въ двадцать лѣтъ самая ужасная темница? Въ сн лѣта душа такъ полна будущимъ, сердце бептся съ такою живосннсю! Эпо опдыхъ дышати на могилъ.

Но смерть! смерть! Эпо бездна, эпо безбрежный океанъ, въ который, въ двадцать лѣтъ, не кидаются добровольно. Можно еще не блѣднѣя вспрѣчать еѣ лицомъ къ лицу въ сраженнн; она такъ прекрасна на полѣ

бипвы! Но смерть на эшафопъ! Великій Боже! надобно бытъ болѣе, нежели человѣкомъ, чтобы взирашь на неѣ безъ пренепа.

Ширлей очень это чувствовалъ. Не смотря на все его мужество, на всю его философію, сердце билось въ груди его съ чрезвычайною силою. Здѣсь, въ этой темнотѣ, его не подкрѣпляли болѣе взоры толпы; оставшись на единѣ съ самимъ собою, онъ снова спалъ обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ спалъ ребенкомъ.

Облокотясь головою на руки, онъ погрузился въ воспоминанія о прошлыхъ дняхъ своей жизни, какъ вдругъ въ умъ его мелькнула мысль о нѣжной матери и сестрѣ, которыхъ онъ оставлялъ безъ защитника въ свѣтѣ; при этой мысли горькія слезы полились изъ глазъ его.

«Какъ! вскричалъ онъ, и я не могу, передъ смертію, поручить ихъ какому нибудь сосрадапельному существу? Не могу написать къ нимъ въ послѣдній разъ нѣсколькихъ строкъ?... О мапушка! о милая Женни! Въ минушу вѣчной разлуки, не имѣшь опрады въ послѣднемъ, прощальномъ поцѣлуѣ!...»

— Не надобно такъ огорчаться, сирь *Эдуардъ*;— отвѣчалъ чей-то грубый и хриплый голосъ.

Это былъ голосъ человѣка, вошедшаго предъ тѣмъ въ темницу графа. *Ширлей*, будучи въ нѣкоторомъ забытій, не замѣтилъ его, и незнакомецъ нѣсколько минутъ стоялъ предъ нимъ, сложа руки и какъ бы ожидая отвѣта. Наконецъ онъ продолжалъ:

— Поняли ли вы меня? Не надобно такъ огорчаться; ни въ чемъ не должно опчаяваться... Успокойтесь.—

Эдуардъ поднялъ глаза, и спараясь призвавъ обыкновенную твердость свою, спросилъ: чего ты опъ меня хочешь?

— Я сей часъ вамъ объясню это. Позвольте мнѣ сѣсть, а прежде удостовѣриться, что насъ никто не подслушаетъ.—

Между тѣмъ, какъ незнакомецъ заботился о томъ, что считалъ нужнымъ для сво-

ей безопасности, *Эдуардъ* успѣлъ внимательно рассмотреть его. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, низкаго роста; густые, рыжіе волосы, довольно коротко обстриженные на затылкѣ, спускались у него по лбу и оканчивали живые, пронизательные глаза; красныя щеки его висѣли какъ брыль у бульдога, а широкій ротъ, съ двумя рядами длинныхъ, почернѣвшихъ зубовъ, представлялъ что-то такое безобразное и спрашное, что слова, которыя изъ него выходили, должны были поселить отвращеніе или ужасъ. Человѣкъ сей былъ одѣтъ въ широкій камзолъ зеленаго сукна и въ красное исподнее платье, споль узкое, что издали можно было почесъ его ободраннымъ прупомъ изъ какого нибудь анапомического театра.

Видъ этаго спрашнаго лица нисколько не предупреждалъ въ его пользу, а потому, когда незнакомецъ сѣлъ подлѣ графа *Ширлея*, сей послѣдній повторилъ ему вопросъ, за чѣмъ онъ пришелъ въ тюрьму его.

— Развѣ вы не догадываетесь?—возразилъ незнакомецъ, надвывая на голову огромный козій колпакъ, который онъ снялъ было при входѣ, по невольному чувству уваженія.

«Нѣтъ.»

— Ну, такъ я вамъ скажу. Я...—

«Договаривай.»

— Палачъ!—прибавилъ онъ громче, но смягчивъ голосъ.

Грозный звукъ трубы въ день спрашнаго суда произвелъ бы не сильнѣйшее впечатлѣніе на душу *Эдуарда*, чѣмъ это роковое и поржественное слово: холодный потъ выступилъ у него на лбу, волосы спали дыбомъ; какъ бѣшеный вскочилъ онъ съ своего мѣста, чтобы не бытъ такъ близко къ ужасному посѣпителю, но палачъ удержалъ его за руку.

«Оспавъ, оспавъ меня!» вскричалъ графъ, съ презрѣніемъ оппалкивая горячую руку палача... «Развѣ я спалъ уже своею добычею, развѣ наступилъ уже часъ казни?... Если такъ, пойдемъ... Если же нѣтъ, то не мучь меня въ послѣднія минуты жизни, и избавь опъ своего ужаснаго присутствія.»

— Графъ *Ширлей*, — возразилъ палачъ: я слышалъ, что ты не только храбрый солдатъ, но и благоразумный человекъ; неужели передъ концемъ своимъ ты не оправдаешь эпою о себѣ славы? Какъ! ты содрогаешься опъ одного несчастнаго названія палача и мое присутствіе поселяетъ въ тебя ужась... Перестань, кстапи ли такъ ребячиться!... Я солдапъ правосудія, и только; я повинуюсь судьямъ, какъ и ты прежде повиновался графу *Осмонду*, герцогу *Ричмонду* и другимъ. Тебѣ приказывали спрѣлять передъ полкомъ своимъ, и ты спрѣлялъ; мнѣ приказываютъ казнить, и я повинуюсь; суди же, болѣе ли я жестокъ, нежели ты? —

«Нежели ты! нежели ты!» повпорилъ *Эдуардъ* съ яростію и презрѣніемъ.

— Да, нежели ты, — продолжалъ палачъ: ты сердисься за то, что я грубо говорю съ побою. — Вы не правы, графъ; состояніе дворянина, который готовится къ смерти, и палача, который въ добромъ здоровьи, совершенно равно. Неужели вы хопите, чтобы въ эпой пюрэмъ я обходился съ вами съ придворною учтивостію? Пожалуй, я не прочь и опъ эпоаго. Ну, графъ! я пришелъ предложить промѣнъ вашему сіапельспву. —

«Подлецъ! Развѣ насмѣшка такъ же принадлежишь къ числу пвоихъ гнусныхъ орудій, и развѣ *Кромвель*, къ прочимъ жестокостямъ, которыми онъ перзаептъ свои жерпвы, присоединяетъ и ругапельспва палачей своихъ?»

— О, о! какъ вы горячипесь, ваше сіапельспво! Но я вамъ сказалъ уже, и опяпъ повпоряю, что въ опношеніи къ убійспвамъ, которые предписываетъ парламентъ, я человекъ совершенно поспоронній; мое дѣло повиноваться начальникамъ, понимаете ли? непосредственнымъ моимъ начальникамъ. Завпра на разсвѣтъ, я опрублю вамъ голову, по приговору суда; послѣ завпра, опрублю головы *Кромвелю* и *Ферфаксу*, если пошъ же судъ постановитъ такой же приговоръ. Не всѣ палачи ходятъ въ красныхъ кафшанахъ, графъ. —

Палачъ приправилъ эпо замѣчаніе колкимъ смѣхомъ; попомъ, снявъ колшакъ и закинувъ на спорону свои рыжія волосы, продолжалъ:

— Но не въ помъ дѣло. Я пришелъ къ вамъ съ однимъ предложеніемъ, а попому прошу васъ выслушать меня не прерывая и бышь поспуфе на ругапельспва къ человеку, копораго вся вина, въ глазахъ вашихъ, состоиптъ въ помъ, что онъ опсправляетъ необходимую должность. —

«Говори, говори, я буду тебя слушать;» опивчалъ молодой графъ, который, между пѣмъ, спалъ по прежнему хладнокровенъ.

— Тридцать лѣтъ занимаю я въ *Дублинѣ* мѣсто палача; отецъ и дѣдъ мой были палачами; я поже долженъ былъ сдѣлаться палачемъ, и сдѣлался имъ, хопя совсѣмъ не чувспвовалъ себя къ пому способнымъ. — *Петерсонъ*, такъ давно уже говорилъ я самъ себя, ты не созданъ для своего ремесла, пріапелъ; не лучше ли тебѣ взять увольненіе, удалишься на родину, въ *Норпумберландъ*, и живишь тамъ, какъ мирному гражданину... Такъ бывало разсуждалъ я, но между пѣмъ началась междуособная война; эшафопъ почти не выходилъ изъ упопреленія, и я по спарому оспался при эшафопѣ. Наконецъ, графъ, надобно признаться, презрѣніе, которое я давно уже ппалъ къ эпому званію, года съ полшора пому назадъ, преврапилось въ непобѣдимое опспращеніе; да! но что и шого хуже, опспращеніе опъ ремесла моего произвело во мнѣ и опспращеніе опъ жизни. —

Петерсонъ оспановился на минушпу, вынулъ изъ кармана большую золотую шабакерку, понюхалъ шабаку и продолжалъ:

— Да, графъ, жизнь сдѣлалась для меня тяжелымъ бременемъ, и неспи эпо бремя я больше не въ состояніи. Сколько разъ, въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, завидовалъ я учаспи всѣхъ добрыхъ людей, которые прошли черезъ мои руки! Надобно знать, пріапавилъ онъ, указавъ на свои красныя панталоны, что пупъ есптъ кровь знапнѣйшихъ домовъ *Великобританіи*; приложивъ небольшое спараніе, я бы могъ указать вамъ

кровь *Тритфордовъ, Сутгамптоновъ, Линдзевъ*. . . —

«Ради Бога, избавь меня отъ эпихъ ужасныхъ подробностей, прерваль *Эдуардъ*, закрывая глаза руками; приспунимъ къ дѣлу; мнѣ оспаеся жить нѣсколько часовъ . . . вѣчность ожидаетъ меня. . . .»

— Кого она не ожидаетъ! — опивчалъ *Петерсонъ*: но ваша правда, приспунимъ къ дѣлу, потому, что скоро запоютъ пѣснужи, а когда они пропоютъ, тогда нельзя будетъ медлить ни минушы. И такъ, я рѣшился умереть; но хочу, чтобы смерть моя принесла кому нибудь пользу, и эпошь кто нибудь, будете вы, если хопите. —

«Я!! Но отъ чего такое самоопверженіе?»

— Самоопверженіе! Какое пунъ самоопверженіе? я говорю вамъ, что жизнь мнѣ наскучила, и я непременно хочу съ нею распашься; вы же, напропивъ, къ ней привязаны, но должны ея лишиться. Я согласенъ занять ваше мѣсто; пунъ ничего нѣтъ мудренаго. Однакожь, какъ одна услуга спощь другой, то и я пребую отъ васъ обѣщанія, великаго обѣщанія. —

«Говори, какой суммы, какой награды ты желаешь?»

— Ха! ха! ха! суммы, награды! *Дублинскій* палачъ богаче графа *Ширлея*, будьте въ эпошь увѣрены. Но безъ обиняковъ, вопъ чего я хочу отъ васъ, или лучше сказать, что вамъ надобно сдѣлать, для спасенія жизни. Вопервыхъ, вы надѣнете мое плащье, а я надѣну ваше. —

«Какъ!»

— Да; другими словами, вы будете представлять палача, а я графа *Ширлея*; наши роли кончатся въ одно время; и такъ, вамъ не начпо съшовать. Далѣе, вы опведете меня на эшафотъ, опрубите мнѣ голову. . . . Доспанетъ ли васъ на эпо? —

«*Петерсонъ*, не надѣйся. . . .»

— Не надѣяться? Чортъ возьми, графъ, смѣшны вы съ вашими надеждами. Если нянпшя о знатности, или другіе предрасудки заставятъ васъ опвергнушь эпо средство спасенія, то будьте увѣрены, что не всѣ станутъ такъ упрямиться, и я въ три

дни найду преступника, болѣе створчиваго, который охотно согласится перерѣзать мнѣ горло, чтобы сласти собственную жизнь. Вы, надобно сказать правду, пришли мнѣ очень по сердцу; ваше происхождение, вашъ возрастъ, ваше мужество, дарованія, все эпо мнѣ понравилось. —

«Но какал пещь нужда до моего происхождения, до моихъ дарованій?»

— Большал; я не все еще сказалъ вамъ. У меня есть дочь и дочь прекрасная; по несчастной породѣ своей она должна будетъ выдти за мужъ за палача, потому, что не имѣя наследниковъ мужеска пола, я обязанъ избрать себѣ зяпца и преемника между палачами нашего графства. Какое несчастіе было бы для моей прекрасной, чувствительной *Ветти*, если бы ей доспалось продолжитъ поколѣніе, опверженное свѣпскими предрасудками! Но я опдаю вамъ эпошу милую дѣвушку со всѣмъ, что имѣю. Послѣ казни, вы опсправитесь ко мнѣ; я уже предупредилъ объ эпошь дочь мою; имѣніе мое заключается въ вѣрныхъ банковыхъ билетахъ; вы пущитесь на легкомъ суднѣ внизъ по *Лиффею*, а выбравшись въ опкрытое море, направите пунъ во Францію или Испалію. На пвердой землѣ вы опдадите ей свою руку, и въ возмездіе за кровь опца своего, она получитъ отъ васъ пшпунъ графини *Ширлей*. —

Палачъ замолчалъ. *Эдуардъ*, пошупивъ взоры, нѣсколько минушь хранилъ молчаніе; наконецъ, какъ-бы стараясь побѣдитъ различные чувствования, волновавшя его сердце, сказалъ пронупымъ голосомъ: *Петерсонъ*, эпо невозможно.

— Невозможно, графъ? Тѣмъ хуже для васъ; положимъ, что между нами ничего не было говорено. Но подумайте хорошенько о томъ, на что вы рѣшаетесь; чрезъ нѣсколько минушь, поздно уже будетъ желать пропивнаго. Вѣроятно, вы хопите опвергнушья той же участи, какою понесъ бѣдный маркизъ *Монрозъ*. . . . —

«Какъ! маркизъ *Монрозъ*!»

— Былъ повѣшенъ въ *Эдмбургъ* назадъ пому нѣсколько недѣль, и по повелѣнію

Кромвелля, опрубленныя руки и ноги его разосланы въ чепыре главнѣйшіе города королевства. Къ намъ прислана нога благороднаго маркиза; она прибила къ большой пюремной спѣнѣ, и съ эшафота будетъ вамъ видна.—

«О изверги!» вскричалъ графъ. «Возможно ли? Они умерщвили человѣка, котораго составлялъ славу и щастіе Шопландіи. Варвары!...»

— Я не говорилъ вамъ, что его умерщвили, опивчалъ равнодушно *Петерсонъ*; а сказалъ: повѣсили; это большая разница.—

«И такъ, они готовящъ мнѣ участь, подобную участи этого знаменитаго воина! Я почишаю славнымъ умереть за то же дѣло.»

— Да, за то же дѣло, но не пою же смертію; вамъ опрубящъ голову, а это гораздо лучше. Но, молодой человѣкъ, развѣ изъ того, что *Монрозъ* и другіе храбрые люди погибли, слѣдуетъ, что и вамъ должно умереть. Напрошивъ, весьма вѣрояшно, что еслибы знаменитому Шопландцу предложили жизнь и свободу за такую цѣну, за какую предлагають вамъ, то онъ съ радостію бы ихъ принялъ. У *Монроза* вѣрно были родные, мать, сестра. У него были друзья...—

Слова: мать, сестра, опозвались въ сердце молодаго графа. Энтузіазмъ его охладѣлъ, мученическая ревность исчезла; сыновняя нѣжность пробудила въ немъ любовь къ жизни, и объ вмѣстѣ сильно поколебали послѣднее намѣреніе гордости.

«И такъ, *Петерсонъ*?...»

— Тсъ! псъ!...— сказалъ палачъ, къ чему-то прислушиваясь.

Послышалось пѣніе пѣтуха, попомъ спукъ досокъ, котораго, казалось, сбивали молотомъ.

«Что это такое?» спросилъ *Эдуардъ*.

— Ничего: поють пѣтухи и спавящъ вамъ эшафотъ.—

«*Петерсонъ*, вскричалъ молодой графъ, дрожа отъ ужаса, оспашся ли еще время?»

— Еще при минушы,— возразилъ хладнокровно палачъ, смотря на часы свои.

«Но скажи, ты согласенъ и пещерь?»

— Я?— Согласенъ... только не съдай промаха.—

«Постараюсь.»

— Женишься ли ты на моей дочери?—

«Даю тебѣ мое слово.»

— Поклянись мнѣ въ этомъ.—

«Клянусь честію дворянина!»

— Честію благороднаго человѣка! Это будетъ вѣрнѣе.—

«Клянусь честію благороднаго человѣка!»

— Хорошо. Теперь, неужели ты не обнимешь меня, не прижмешь къ груди своей, въ первый и послѣдній разъ опца пой, которую ты скоро назовешь своею женою.—

Эдуардъ съ шрепетомъ обнялъ его и сказалъ: прощаешь ли ты мнѣ смерть свою?

— Такъ какъ ты просилъ бы мнѣ свою... Идушь... Будь смѣлѣе, вооружись силою, и особенно проворствомъ. Топчась послѣ роковаго удара, бѣги въ мой домъ, подлѣ церкви св. *Плакиды*; дочь моя будетъ ждать тебя съ однимъ вѣрнымъ служиведомъ, и послѣдуетъ за тобою, когда ты покажешь ей вопль это кольцо. Въ гавани приготовлено для васъ судно; вы переберетесь прежде на берега Даніи; Богъ да будетъ вашимъ защитникомъ....—

Печальная процессія дѣйствительно приближалась. Двойное превращеніе было кончено. *Петерсонъ*, накрывъ голову чернымъ покрываломъ, шелъ на казнь нвердыми шагами, а *Эдуардъ* слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Но когда они взошли на эшафотъ, слабость его уступила мѣсто смѣлости; крики кровожадной черни, требовавшей головы его, воспламенили въ немъ гнѣвъ, и онъ схватилъ блестящую сѣкпругу. Махнувъ ею нѣсколько разъ, онъ варуть опустилъ её, и потокъ крови брызнулъ на лица изверговъ, жаждущихъ убійства.

Черезъ шесть мѣсяцевъ, послѣ описаннаго нами происшествія, при Копенгагенскомъ дворѣ превозносили пышность графа *Ширлея*, прелести, любезность и ангельскую кротость его супруги. Эта прелестная и добродѣтельная женщина была дочь *Дублинскаго* палача.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОВЫЙ ГОДЪ (*).

(Изъ Адама Мицкевича.)

Скончался спарый годъ; изъ пепла же его,
Какъ Фениксъ радостный, годъ новый воскресаетъ;
Весь міръ привѣтствуетъ надѣжу своего,
И съ новыми его желаньями вспрѣчается:
Чего же мнѣ желать? надѣялся чего?...

Не Радости-ль миновать?... Сихъ молній блескъ
коварный

Довольно мнѣ знакомъ! Разверзнуть небосводъ
И землю озлащать спруею свѣтзорарной —

Туть ждемъ мы къ небесамъ взвивъ радостный
полѣтъ,

И между тѣмъ, еще чертѣе прежней ночи,
Однѣтъ пляжкій мракъ обмануныя очи!...

Бышь можешъ, не Любви-ль?... Знакома и она,
Сія горячка льтъ неопытности пылкой!

Внесешъ въ Плапоновъ рай, чаръ прелести пол-
на —

И шупъ же радостныхъ опять печальной
ссылкой

Онещаслививъ насъ, еполкнувъ съ седьмыхъ
небесъ

На землю хладную, въ спрану недуговъ, слезъ...

Спрадалъ я и мечпой носился я высоко,

О розѣ только всё небесной помышлялъ;
Ужь близокъ былъ я къ ней, хотѣлъ сорвать,
упалъ,

Проснулся, сонъ исчезъ, нѣтъ розы... лишь
глубоко

Оспавила она въ груди шпы свои.....

Нѣтъ, не желаю я ужъ болѣ Любви!

Не Дружбы-ль, можешъ бышь?... О, кто бы сей
богини

Не жаждалъ, изо всѣхъ воображенья чадъ,
Прекраснѣйшей мечпы, кѣпорою въ пуспынѣ
Бесплодной сей живешъ и дышешъ спаръ и
младъ?

О, какъ вы щасливвы, друзья, своею частью!...

Какъ въ пальмѣ, скованной Армиды колдов-
ствомъ,

(*) Польскій поэтъ почерпнулъ мысль изъ сочиненій
Жанъ-полъ-Рихтера. — Р.

Вы не распоржимымъ сопряжены звѣномъ:
Единая душа, подъ чародѣйской власпью,
Всѣ дерево жививъ, хотъ каждый листъ на нёмъ
Особымъ кажется, по виду, сущесвомъ!

Но пусть по древу градъ немилосердно грядешъ,
Иль грозныхъ гусеницъ оно добычей спа-
нелъ —

Какъ вѣвка каждая заспонецъ въ мукахъ злыхъ,
Терзалъ за себя и вмѣстѣ за другихъ!...

И Дружбы-жъ не хочу! — —

Чего же на Годъ новый

Осталось мнѣ желать?... съ спокойною душою
Переселишься въ глушь, пуда, за край земной,
На ложе мирное, подъ тѣсный кровъ дубовый,
Гдѣ-бъ болѣ не выдашь мнѣ солнечныхъ лучей,
Ни смѣху глумнаго, ни горькихъ слѣзъ друзей!

Тамъ, тамъ навѣкъ уснувъ, до преспавленья
свѣта

Желалъ бы грезивъ я въ пріятномъ забытнѣ,
Такъ, какъ прогресилъ я мои младыя лѣта
Въ радушномъ дружесствѣ и искренней любви —
Подальше лишь отъ глазъ завистливаго свѣта!

В. Р.

1 Генв. 1855 года.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не соколъ лепилъ по поднебесью,
Не соколъ ронилъ сизы пѣрушки,
Скачешъ молодець по дороженькѣ,
Горьки слѣзы льѣтъ изъ ясныхъ очей....

Распрощался онъ съ милой родиной,
Со споронущкой понизовою,
Гдѣ печешъ въ красть Волга-матушка.
Распрощался онъ съ красной дѣвицей;

Онъ оставилъ ей на поминъ себя
Дорогой перспень съ цвѣтнымъ яхонтомъ;
На обмѣнъ же взялъ онъ у любушки
Золотѣ кольцо обручальное.

При размѣнѣ онъ приговаривалъ:
«Не забудь меня, моя милушка!
Не забудь меня, задушевный другъ,
Не забудь меня на чужбинущкѣ!
Чаще взглядывай ны на перспень мой;
Чаще спану я цѣловашъ кольцо,

Къ репиву сердцу прижимаючи,
 О пещь, мой другъ, воспоминаючи!
 Коль помыслию я объ иной любви,
 Камень выпадеть вонъ изъ перспеня;
 Если-жь ты съ другимъ подь вьнецъ пойдѣшь,
 Золото кольцо распалется!»

IV. IV.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ лукавъ — и только заглядишь:

То съ *цвѣлю* на вѣкъ проспишь;
 Онъ спашинишь — и слѣды проспыши!
 Рѣка — мой слогъ *второй*,
 Камени гнѣвныя ея водой
 Спихи *Халгстова* окропили,

III.

Въ № 14, комическая шарада значить: *Dé-tresse*.

M O D E S.

Une des plus belles toilettes que nous ayons à citer cette semaine, est celle d'une femme qui assistait à un bal sans danser. C'est une robe de velours *rubis*, à manches courtes et sabots de blonde; la jupe était traversée par une ligne de marabouts, qui se terminait aux deux extrémités par un nœud de ruban en gaze *rubis*. Dans les cheveux était un oiseau de paradis en bijouterie, des magasins de MM. Ouizille et Lemoine, quai Conti. Il est impossible de rien voir de plus noble que cette toilette, parfaitement élégante.

Un des jolis chapeaux que nous ayons vus, vient d'être terminé dans les magasins de madame Lepetit, imité d'un chapeau d'Herbault; il est en velours noir, en forme de capotte. Les deux étoffes qui forment la passe sont séparées par un petit liséré de satin bleu à peine plus saillant qu'un fil. Deux plumes *bleu turquoise* sont placées sur le côté, s'élevant au-dessus de la forme; les rubans, de même que tous les agréments, sont bleu turquoise comme la plume.

Les coiffures sont simples cette année; il faut s'attacher aux bouquets dans les touffes de devant, aux couronnes rondes, et aux bijoux.

Les bouquets sont toujours de rigueur au bal; les éventails chinois indispensables, pour peu qu'une toilette sorte un peu de l'ordinaire.

On a fait un si grand pas vers les idées raisonnables en fait de toilette, qu'il n'est ni ridicule ni même extraordinaire de voir une femme élégante porter, sous des manches de blonde ou de gaze, une petite manche en cachemire Thibet, collant sur son bras.

Pl. No 6. Costumes Parisiens, du 20 Février n. st.

М О Д Ы.

Одинъ изъ красивѣйшихъ нарядовъ, какой мы можемъ описать на этой недѣлѣ, былъ на дамѣ, которая была на балѣ не танцуя. Бархатное платье рубинового цвѣта, съ короткими рукавами и блондовыми манжетами; вдоль юбки положена была гирланда изъ марабу, которая оканчивалась съ обѣихъ сторонъ бантами изъ газовыхъ лентъ рубинового цвѣта. На головѣ райская пшпичка изъ каменьевъ, изъ магазиновъ Г-дъ *Ouizille* и *Lemoine*, на набережной Конши. Ничего нѣтъ благороднѣе сего совершенно щеголеватого наряда.

Одна изъ красивѣйшихъ шляпокъ, какую мы видѣли, окончена въ магазинъ Г-жи Lepetit, на подобіе шляпокъ d'Herbault; она черная бархатная, на манеръ капюша. Верхъ и низъ поля разделены голубой апласной выпушкой едва немного толще нитки. Два пера бирюзового цвѣта, припшпленные съ боку, возвышаются надъ пушью; ленты и всѣ украшенія бирюзового же цвѣта, какъ перья.

Прически проспы нынѣшній годъ; надо придерживаться къ букетамъ въ переднихъ кустикахъ, круглымъ вѣнкамъ и вещамъ.

Букеты непременно должно имѣть на балахъ; опахалы Китайскіе необходимы, если нарядъ немного опличитъ обыкновеннаго.

Мы сдѣлали споль богатый шагъ къ разсудку, относительно къ нарядамъ, чѣмъ нимало не смѣшно, ни даже спранию, видѣть на щеголихѣ, подь блондовыми или газовыми рукавами, небольшіе рукава изъ Тибетскаго Кашемира, въ обтяжку на руки.

Карп. No 6. Съ послѣднею почпою полученные Парижскіе костюмы, опъ 20 Февраля н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Февраля 25 дня 1853 года.

Повѣрьте! — я мушину узнала:

Имъ волю дашь — бѣда! какъ разъ иной супругъ
Замѣшь, чпобъ жена съ нимъ вѣкъ была самдругъ,
А безъ него — чпобъ мухи не видала!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ЖЕНЩИНА МОЖЕТЪ
ГОНЯТЬСЯ ЗА МУЩИНОЮ, КОТОРАГО ОНА
НЕ ТЕРПИТЬ.

— Я эшаго не понимаю, — сказала *Юлія*, наклонившись ко мнѣ черезъ плечо, и прочтя заглавіе моей статьи. — «Мнѣ кажется, это очень понятно;» отвѣчалъ я. — Гоняшься за мущиною, котораго не шерпишь? возразила она. — «Да, гоняшься и гоняшься очень усердно.» — Развѣ только за тѣмъ, чпобъ прибить его? — «Вы забываете *Mlle Julie*, чпю мушины никогда не бывають бишны женщинами.»

Она отвѣсила мнѣ пощечину и сказала: а вы забываете, сударь, чпю женщины никогда не гоняются за мущинами. За кого вы насъ почипаете? —

«Я васъ почипаю за вспльчивую женщину. Развѣ нельзя говорить хладнокровно?» — Я васъ шерпишь не могу. — «Тѣмъ не менѣе вы будете завпра за мною гоняшься.»

Она снова занесла на меня руку. Я оспавилъ пощечину поцѣлуемъ на половинѣ

дорогѣ. *Юлія* не могла удержатъ улыбки. — Послушайте, сказала она съ нѣкоторымъ ужасомъ, неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ извѣстна тайна заспавляшь любить себя? — «Да, она мнѣ извѣстна.» — Но вѣрно вы употребляете для эшаго какое нибудь колдовство? — «Почему же! Развѣ безъ колдовства нельзя любить меня?»

Она покачала головою. — Но не въ помѣ дѣло, прибавила *Юлія*; вы сказали, чпю я буду за вами гоняшься. Такъ попытайтесь же уйши; увидите, чпю я не только не пойду за вами, но даже не подумаю позвать васъ назадъ. —

Это подспрекнуло меня. — «Черезъ часъ, вскричалъ я почти съ сердцемъ, вы будете всюду за мною слѣдовать, не въ соспояннн будете обойшисъ безъ меня, почувствууете ко мнѣ шакую привязанность, какъ будто бы я былъ для васъ дороже всего на свѣшѣ.»

Тутъ я замѣшилъ нѣкоторый спрахъ на лицѣ ея. Но чувство боязни скоро её оспавило, и она спокойно успремидла на меня прекрасные черные глаза свои.

— Хорошо, — сказала она съ пою милою опкровенностію, которая дѣлала её въ глазахъ моихъ еще прелестнѣе, не смотря на равнодушіе ея ко мнѣ: если вы сдѣлаете по, что говорите, не давая мнѣ никакого пищья... — «О! можно ли, чтобъ я спалъ давая вамъ пищье?» — Если вы успѣете заставить меня полюбить васъ, то я больше ничего не пребую. Постарайтесь мнѣ понравиться, я буду очень рада; но если вы хотите, чтобъ я была съ вами опкровенна, то скажу вамъ, что этому не бываешь: я васъ перпѣть не могу. —

Я вышелъ изъ комнаты не сказавъ ни слова. Хлопнувъ изо всей силы дверью, я услышалъ, какъ она говорила: бѣдненькій! Я право въ этомъ не виновата! Пусть заставитъ себя любить, если можетъ! —

Черезъ четверть часа я возвратился. — Боже мой, сказала она, что это вы принесли мнѣ? серги, поясъ, ожерелье и подюжины перспней? — «Точно.» И все спальное! вы съума сошли! Кто-же теперь этакіе носить? — «Вы будете носить ихъ изъ любви ко мнѣ.» — Не хочу. — «Я васъ прошу объ этомъ.» — Право, сударь, я васъ спану еще больше ненавиждѣть. — «Пусть будетъ такъ,» возразилъ я.

Послѣ продолжительныхъ споровъ, поцѣлуевъ опъ меня, пощечинъ опъ неё, упорства съ обѣихъ споронъ, она согласилась. Полуразсерженная, она спянула спанъ свой моимъ поясомъ, надѣла на пальцы всѣ шестъ перспней, и повѣсила въ уши спальные подвѣски. — Это ужасно тяжело, сказала она: и если-бъ я не боялась огорчить васъ, то повыкидала бы все это за окно. — Потомъ, она опворотилась и проворчала сквозъ зубы: какъ онъ несносенъ съ своими подарками! и какой гадкій вкусъ! Ахъ, какъ я его ненавижу! —

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы выйти изъ комнаты, и она подбѣжала ко мнѣ, какъ будто бы сверхъ-естественная сила побуждала её къ тому. — Вы ужъ идете? —

Потомъ она задумалась. — За чѣмъ же мнѣ бѣжать за нимъ; я совсѣмъ не люблю его, и однакожь... —

Я расворилъ дверь и спустилъ на лѣспницу, какъ она бросилась ко мнѣ и схватила меня за полу сюртука.

Я хладнокровно оборотился и сказалъ: «оставьте меня, сударыня.» — Это право невѣроянно, другъ мой, я чувствую, что не могу съ вами распасться. —

«Прощайте на вѣки!» вскричалъ я, и спустился по лѣспницѣ; она сошла за мною.

— Послушай, милый *Адольфъ*, — сказала она, когда мы вышли на улицу: я не знаю, что со мною дѣлается, чувствую, что меня влечетъ къ себѣ что-то, чего я не умю понять... Скажи мнѣ, что это такое?... — «Вѣроянно любовь.» — Легко можетъ быть. —

Мы воротились; она спановилась со мною болѣе и болѣе нѣжною. — Непонятно, твердила она, я люблю это чудовище, и вмѣстѣ съ шѣмъ не могу перпѣть его.

Опъ убѣжденія, что любить меня, она въ самомъ дѣлѣ меньше спала ненавиждѣть меня. Съ прудомъ уговорилъ я её въ доказательство своей ко мнѣ нѣжности не складать спального ея убора. Что до меня касается, то разумѣется я не показавъ ей огромнаго куска магнина, который былъ у меня въ карманѣ.

Пер. *Ил. Г—въ.*

К О Ё - Ч Т О .

Въ Англии считается теперь 21,600 сумасшедшихъ, изъ которыхъ по числу жителей приходится одинъ на тысячу. Если сумасшествіе будетъ распространяться въ такой же соразмѣрности: то черезъ 130 лѣтъ памъ не останетъся ни одного чело-вѣка, который бы пользовался умственными способностями.

Какова нива — таковы родятся на ней и головы. Тощая — производитъ кришиковъ, богатая — геніевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВО КАТИНАТА.

(Повѣсть Евгѣнія Фoa).

I.

Было Воскресенье: молодая поселанка рѣзались и плясали на дворѣ Сентъ-Грасьенскаго замка; вправо возвышалось старинное зданіе съ огромными воропами. Нѣкогда оно служило жилищемъ *Катинату*.

Не стану описывать вамъ замка, который онъ тамъ поспрошь, и который до сихъ поръ еще существуетъ; не упомяну и о новомъ замкѣ, выстроенномъ г. де Люссельмъ, камергеромъ *Наполеона*, а также о превосходномъ его паркѣ; мнѣ болѣе нравились предметы старинные, которые заставляющъ насъ мыслить, и между тѣмъ, какъ спутники мои разбрелись въ разные стороны, я съ чувствомъ оспановилась передъ однимъ старымъ деревомъ, изрубленнымъ какъ солдатъ подъ Австерлицомъ.

Ко мнѣ подошелъ управитель замка.—«Это дерево *Катината*, сударыня;— сказала онъ мнѣ. О! нашъ край—край воспоминаній; долина Монморанси напоминаетъ вамъ своимъ эрмитажемъ о Ж. Ж. Руссо; почти рядомъ съ нею замокъ г-жи *Севинье*; въ одной изъ башенъ этого замка жила герцогиня *ла Вальеръ*, и съ тѣхъ поръ, она сохранилась въ совершенной цѣлости; кромѣ того, можете быть вы припомните, сударыня, что г-жа *Севинье* писала къ маршалу *Катинату*: «приходите ко мнѣ ужина; вы можете пройти черезъ алею вздохомъ.» Если прикажете, я укажу вамъ эту алею, сударыня; она до чрезвычайности темна, узка, длинна и ведетъ прямо въ Энгіентъ.»

—Вязъ эпошъ долженъ быть очень старъ,— сказала я, почти не слушая управителя; ибо дерево сіе возбудило во мнѣ рой историческихъ воспоминаній, неразлучно съ нимъ соединенныхъ.

«Очень старъ, сударыня; старѣе, нежели самый замокъ *Катината*. Онъ равняется древности фамиліи бароновъ *Сентъ-Грасье*

новъ, самый старинный, какую только я знаю. Посмотрите, онъ совершенно пустъ въ срединѣ; кора съ него обвалилась; приужены были замѣнить её жестяными листами. Если-бы объ немъ сполко не заботились, ему никакъ-бы не усноить такъ долго.»

— Подъ тѣнью его *Катинатъ* отправлялъ правосудіе.—

Управитель улыбнулся съ таинственнымъ видомъ.

«Что человекъ отправляетъ правосудіе, это еще ни сколько не удивительно; но что-бы вы сказали, сударыня, узнавъ, что самое это дерево оказало однажды правосудіе, и правосудіе блистательное, ужасное.»

— Какимъ образомъ?—

«Подъ этимъ деревомъ совершилось нѣкогда преступленіе, и подъ этимъ же деревомъ преступникъ былъ за него наказанъ. О! да это прелюбопытная исторія.»

— И она вамъ извѣстна?—

«Конечно, сударыня.»

— Ахъ! такъ расскажите же еѣ мнѣ.—

Я до безумія люблю исторіи объ мерзвцахъ; по важному виду управителя можно было заключить, что рассказъ его будетъ не изъ послѣднихъ въ этомъ родѣ, и попому я съѣла на правѣ, чтобы покойнѣе слушать. Управитель, стоя передо мною, вертѣлъ въ рукахъ свою изношенную шляпу, и заминался, едва не краснѣя отъ вниманія, какое я ему оказывала, сказалъ мнѣ:

«Извините, сударыня, если буду плохо рассказывать; я не умѣю красно говорить, а скажу только то, что знаю и что мнѣ довелось слышать отъ покойницы моей бабушки, которой рассказывала о томъ ея прабабушка, а та слышала отъ другихъ добрыхъ спарушекъ, прежде ея жившихъ на свѣтѣ.»

II.

И такъ я начну.

Прежде всего надобно вамъ сказать, сударыня, что задолго, очень задолго предъ

симъ, здѣсь не было еще ни эпога двора, ни спараго замка г. *Катината*, а все сіе проспранспво было занято обширнымъ лѣсомъ, опъ котораго уцѣлѣло одно только эпо дерево. Немного подалѣе, вправо опсюда, спояла небольшая домовая церковь, изъ которой былъ сходъ въ подземелье, служившее мѣспомъ погребенія графамъ и баронамъ *Сентъ-Грасьеналь*.

Церкви эпой давно уже нѣтъ и слѣдовъ, гробницъ и подземелья также; время одолѣло все, кромѣ шпажныхъ ноженъ послѣдняго барона *Сентъ-Грасьена*; да и ножны эпо почти совершенно испреблены ржавчиною; впрочемъ, если вамъ угодно ихъ видѣть, сударыня, по я могу удовлетворить вашему любопытствву, они у меня; самая же шпага пропала однажды удивительнымъ образомъ... Но объ эпой шпагъ идешь дѣло въ моей исторіи; я буду говорить объ ней въ свое время.

На мѣспѣ новаго замка, выпроеннаго г. де *Люсеемъ*, споялъ другой, крайне вѣпхій; башни его были высоки и прямы, мохъ и плющъ впись по дряхлымъ спѣнамъ его. Судя по мертвой пишиѣ, которая царспвовала во внуспренности его, на подъемныхъ моспахъ, на валу, неоживленномъ присупспвиемъ спражи, на дворѣ, заросшемъ правою, можно было почесъть эполь замокъ необипаемымъ, но въ немъ жила однакоже молодая и прекрасная собою женщина.

Эпо была вдова послѣдняго барона *Сентъ-Грасьена*. Увы!... за два года предъ нѣмъ, мужъ ея былъ убитъ, убитъ подъ эпимъ деревомъ, на томъ самомъ мѣспѣ, гдѣ вы сидите, сударыня.

(Невольное чувспво заспавило меня съ ужасомъ оподвинушься.)

И не смопря на всѣ спаранія, на всѣ возможные розыски, тогда еще не опкрыли его убійцы.

Въ самой высокой изъ башенъ замка была большая комнапа, обипая чернымъ сукномъ. Комнапу эпо освѣщало одно только окно, въ широкомъ углубленіи котораго, какія обыкноенно дѣлались тогда въ окнахъ,

спояло большое гопическое кресло, пильцы для шипья и шабурепъ въ видѣ буквы *x*.

Однажды—эпо происходило кажется 10 Септября 1371 года—двѣ дамы, сидя въ углубленіи окна, занимались работою; послѣдніе лучи заходящаго солища, опражаясь на цвѣпныхъ спеклахъ, озаряли ихъ какимъ-то слабымъ и неяснымъ свѣпкомъ. Одна изъ эпоихъ дамъ, которой черная одежда опшпняла блестящую бѣлизну ея лица и которой русые волосы свѣпнѣли сквозь черный креповой чепчикъ—была баронесса *Сентъ-Грасьень*.

По бѣлой одеждѣ другой—молодой дѣвушки, высокой, спройной, съ черными волосами и глазами того же цвѣпа—легко было узнать въ ней послушницу изъ монастыря св. Бригитты.

(Монастырь эполь давно разрушился, но деревня, при которой онъ былъ построень, цѣла еще; она не далѣе, какъ на чепверть часа ходьбы опсюда.)

Сія молодая дѣвушка, сеспра мужа баронессы, назначена была своимъ родипелемъ къ монашескому соспоянію; уже наспуналъ конецъ ея искуса, и она прибыла провеспи послѣдніе дни его съ своею невѣспкою.

Не переспавая работою, дамы бесѣдовали о разныхъ предмѣпахъ и, между прочимъ, разговоръ весьма еспеспвенно коснулся убипаго барона.

Скоро игла выпала изъ рукъ баронессы, и, при воспоминаніи о мужѣ, слѣзы покапнулись изъ глазъ ея.

Увидѣвъ эпо, молодая послушница опшвила свою работу, и спавъ на колѣни передъ сеспррой своею, нѣжно обняла еѣ и сказала съ глубокимъ чувспвомъ, успремивъ на неѣ свои прекрасные глаза:

«Ты оняшь плачешь, милая *Норвинда!*»
Норвинда оперла слѣзы и взглянула на предспную дѣвушку.

—Боже мой! Боже мой!—сказала она; никогда спвое сходспво съ мужемъ моимъ не поражало меня такъ сильно, какъ сего дня. О! не покидай меня, *Поланда*; я вижу

въ тебѣ образъ моего *Эгинарда*; эпо его глаза, его нѣжный взглядъ, его благородное чело; продолжай говорить со мною; пвой голосъ совершенно подобенъ его голосу, и когда я тебя слушаю, по спановлюсь гораздо покойнѣе. —

«Бѣдный братъ мой!» возразила *Поланда*, и черные глаза ея одушевились гнѣвомъ; «если-бъ можно было по крайней мѣрѣ опкрыть его убійцу, если бы смерть его не оставалась безъ опмщенія!... *Норвинда*, здѣсь, у ногъ пвоихъ клянусь не исполнять послѣдней воли опца моего, не посвящаясь себя совершенно Богу до пѣхъ поръ, пока Богъ не явитъ своего правосудія въ наказаніи эпого злодѣйства.»

Тутъ *Поланда* замѣнила, что лице баронессы покрылось смертною блѣдноспію; она бросилась къ ней на помощь и спаралась оживить еѣ своими ласками, но видя, что *Норвинда* болѣе и болѣе ослабѣваетъ, въ испугъ спала звать своихъ прислужницъ. Когда же ни одна изъ нихъ не явилась на зовъ *Поланды*, по она рѣшилась оставить на минуцу сестру свою, и побѣжала въ ближнюю комнату, чтобы взять скляночку спирта, ею тамъ забытую.

Легкіе шаги молодой дѣвушки смѣнились тяжелою и поспѣшною поспуею. Занавѣсъ, закрывавшій двери комнаты, поднялся, и вошелъ *Ренольдъ*, спаринный служитель дома бароновъ *Сентъ-Грасеньевъ*.

На лицѣ его изображалось сильное безпокойство; онъ сказалъ едва вняпнымъ голосомъ:

«Извините, благородная госпожа, но графъ *д'Ормессанъ*...»

— *Ормессанъ!* — повторила *Норвинда*, и жесткое волненіе смѣнило въ ней тихую горестъ. *Ормессанъ*... Ты опвѣчаешь мнѣ жпзнію, *Ренольдъ*, если онъ войдетъ сюда. —

«Онъ уже здѣсь, баронесса;» произнесъ кто-то мужеспвеннымъ, грубымъ голосомъ.

Норвинда окаменѣла опъ ужаса... Всплѣдъ за *Ренольдомъ* вошелъ рыцаръ высокаго роста, благородной осанки; спальные ланты покрывали его мощную грудь, а подняное

забрало шлема осѣняло суровыя черпы смуглага лица его.

«Поди вонъ,» сказалъ онъ спарому служителю, и *Ренольдъ*, какъ будто побѣжденный силою взора, съ какимъ опдано было эпо приказаніе, въ молчаніи ему повиновался.

«*Норвинда!*» сказалъ тогда рыцаръ, смгчал свой голосъ.

Баронесса между пѣмъ снова ободрилась; она вспала, спанъ ея выпрямился, справедливое негодование одушевило лице ея.

— По какому праву осмѣлились вы придти сюда, графъ; оставьте меня, я вамъ приказываю. —

«Мнѣ нужно говорить съ вами, благородная баронесса.»

— Что можете сказать графъ *д'Ормессанъ* вдовѣ барона *Сентъ-Грасенья*? —

«Онъ пришелъ просить у нея щастія, котораго однажды лишился чрезъ ея непосполнство.»

— Ея непосполнство! —

И большіе голубые глаза баронессы оставились на немъ съ презрѣниемъ.

«Время эпо такъ неопдаленно, баронесса, что оно не могло еще совершенно испребиться изъ вашей памяти. Любовь моя васъ пронула; по крайней мѣрѣ, вы не опвергали услугъ моихъ; вы были въ перѣшимости, но не оказывали мнѣ пренебреженія, когда при дворѣ явился *Эгинардъ Сентъ-Грасень*. Да будетъ вѣчно проклятъ роковой день сей. Онъ успѣлъ вамъ понравиться, и вы опдали ему руку свою, копорой я искалъ такъ долго; опказъ вашъ былъ для меня поспыденъ, онъ покрылъ меня позоромъ, и только кровью можно было омытъ эпопъ позоръ!... *Эгинардъ* заплапиль за свое щастіе жпзнію.»

— Удались, жестокий! ужасъ, который пы мнѣ внушаешь, все увѣряетъ меня, что я вижу предъ собою убійцу моего супруга! —

«Нѣтъ, баронесса, нѣтъ... не моя рука лишила его жпзни... Впрочемъ, прибавилъ онъ въ замѣшательствѣ, къ чему бы послужило мнѣ оправдываться, унижаться?

неблагодарная спала бы наслаждаться моимъ униженіемъ, смѣялась ему; лучше говорить прямо. *Норвинда*, вы свободны, я также; будьте женой моею.»

— Никогда! —

« Я хочу эпаго. »

— Оставьте меня. —

« Я хочу эпаго, говорю я вамъ. »

— Повторяю вамъ, оставьте меня; видъ вашъ для меня мучительнъ. —

« Ахъ, баронесса! за чѣмъ вы такъ худо скрываете ужасъ, который внушаетъ вамъ мое присуствіе; вы въ моей власти, вамъ должно благодарить меня и за то, что я прошу, когда имѣю право приказывать. »

— Приказывать? — повторила съ изумленіемъ *Норвинда*.

« Взгляните, баронесса. »

Онъ указалъ на окно: лѣсъ копій, позлащенныхъ сіяніемъ солнца, окружалъ паркъ Сентъ-Грасьенскій, и между ними гордо развѣвалось знамя графовъ *д'Ормессановъ*. Баронесса съ ужасомъ упала въ кресла и закрыла руками блѣдное лице свое.

Графъ, пользуясь ея опчаяніемъ, продолжалъ съ жаромъ и нѣжностію:

« *Норвинда*, я люблю тебя спраспно, не опвергай меня, согласишься быть моею, носишь мое имя!... Опвѣчай мнѣ, *Норвинда*, прошу тебя... по крайней мѣрѣ взгляни, я говорю съ тобою не такъ какъ повелитель, а какъ любовникъ... Но ненависть ваша, баронесса, должна быть слишкомъ сильна, когда вы не хотите даже опвѣчать мнѣ... Такъ слушайте-жь, если вамъ тяжело говорить со мною, молчите, но повинуйтесь мнѣ: завтра на разсвѣтѣ я призову вашего Капеллана для того, чтобы онъ освятилъ союзъ нашъ; завтра на разсвѣтѣ я поведу васъ къ алтарю, или повлеку шуда силою... Да! волею или неволею, но вы будете моею, *Норвинда!* »

Горкія рыданія были единственнымъ опвѣтомъ несчастной вдовы.

« *Норвинда*, » продолжалъ графъ и хопѣлъ взять руку баронессы.

— Не прикасайся ко мнѣ, убійца *Эгнарда!* — вскричала она въ опчаяніи, я вижу кровь на рукахъ твоихъ. —

Въ бѣшенствѣ графъ схватилъ еѣ въ свои объятія, и въ полголоса прошепталъ ей:

« Не кричи, *Норвинда*; крикъ твой послужитъ поводомъ къ смятенію и смерти твоихъ вассаловъ; не кричи, говорю я тебѣ. »

Злополучная баронесса умолкла; но вдругъ почувствовала, что желѣзные руки, сжимающія спанъ ея, запрепетали, ослабли, и наконецъ совершенно опустились. Она стала свободною.

« Неужели мертвые встаютъ изъ гробовъ своихъ? » сказалъ графъ, съ ужасомъ устремивъ взоры на полурастворенную дверь. Чѣмъ-то большіе, черные глаза гнѣвно смотрѣли опшуда на графа.

Дверь опворилась, и въ комнату вошла *Поланда*.

« Баронесса *Сентъ - Грасьенъ*, » сказала она съ благородною гордостію, опъ чего происходитъ ужасъ, который я вижу въ глазахъ вашихъ? Развѣ оптопъ человекъ оскорбилъ васъ, развѣ онъ забылъ почтеніе, которымъ обязанъ благородной женщинѣ? Не нужно ли наказать дерзкаго? Говорите, сесприца, вассалы ваши гопповы; если ихъ будетъ недоспапочно, женщины ваши присоединятся къ нимъ, и я первая въ числѣ ихъ. »

Графъ ободрился и опвѣчалъ съ насмѣшливою улыбкою:

« Вамъ не нужно призывать ни слугъ, ни вассаловъ вашихъ, прекрасная дѣвица; могу ли я не уступитъ такому мужественному пропивнику? Однакожь, прошу васъ покорно послѣдовать моему совѣту: женщины созданы на то, чтобы повиноваться, а когда онѣ упрямятся, такъ ихъ принуждаютъ къ тому силою; знайте это, смѣлая красавица, и убѣдите въ томъ вашу сесприцу. »

Потомъ, бросивъ нѣжный взглядъ на баронессу и *Поланду*, онъ прибавилъ: « до свиданія, ангель и демонъ! » — и вышелъ изъ комнаты.

«Что это значитъ, — спросила съ пзум-
леніемъ *Поланда*, что опть хочеть сказатъ?»
— Пойдемъ молишься на гробъ моего су-
пруга! — горестно отвѣчала *Норвинда*.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р О З Ы.

Розы есть, — цвѣшутъ зимою, —
Только запаха въ нихъ нѣтъ.

Лиза, Лиза! ты красую
Разцвѣла, какъ пышный цвѣтъ.

Въ комъ совсѣмъ нѣтъ обонянья,
Тѣ никакъ не обращають
Своего на то вниманья,
Есть ли въ розѣ ароматъ.

Но, Лизета! въ комъ шанлся
Пламень чувства, умъ живой, —
Недолго загляднися
На бездушную красой.

Въ здѣшнемъ мѣрѣ что надежно?
Власъ привычки какъ назвать?

Лиза, Лиза! вѣдь возможно
И съ прекрасными звать.

И. Пальминовъ.

ВОЛКЪ И ОВЦА.

(*Басня*) (*).

Попала на Волка Овца:
Опть спада бѣдная опспала.

«Ахъ, какъ умна ты спала!»

Воскликнулъ Волкъ: «но мнѣ давно пора обѣдать;

(*) Это одно изъ послѣднихъ произведеній покойнаго
Александра Ефимовича *Измайлова*, оставившаго по-
слѣ себя въ Русской Словесности долговременную па-
мять многими прекрасными баснями и сказками. По-
мѣщаемая здѣсь басня и нѣсколько другихъ стихо-
твореній, за нѣсколько дней до кончины его присла-
ны имъ были къ Издателью Липерапурной Газеты

Нехудо твоего мясца теперь отвѣдать!

Прошу покорно въ лѣсъ!»

— Иль ты забылъ, что есть Зевесъ,

И что объявленъ всенародно

Льва самаго указъ,

Чтобы Волкамъ не прогавъ больше насъ?

Такъ бапюшкѣ-Царю угодно.

Хвала ему и честь

И здравіе на многи лѣта! —

«Не знаешь, дура, свѣта:

Вѣдь надобно-жъ и намъ что ѣсть,

Медвѣдю, Тигру надо кушать;

Ихъ также должно слушать:

У нихъ богатые столы, большой расходъ.

Велика пужда имъ, что першишь вашъ народъ!

Левъ добръ, проснилъ; опть нихъ не жди прощенья,

Ни даже послѣ обѣденья;

Какъ имъ не сдѣлашь угожденья?

Жди, что спасеть тебя или Левъ, или Зевесъ,

До Льва-то, знаешь ли, далѣко,

До Зевса же высоко.»

Сказалъ и пошацилъ бѣдняжку въ ближній лѣсъ.

Но вдругъ, какъ бы съ небесъ,

Защипникъ къ ней явился:

Не Левъ, и не Зевесъ,

А преогромный Песъ.

Волкъ, хвостъ поджавъ, бѣжать пустился,

Но Песъ его догналъ.

И разорвалъ,

А передъ тѣмъ ему сказалъ:

«То правда, Зевсъ высоко,

А Левъ далѣко,

Но уши и глаза у Льва повсюду есть, —

Есть слуги вѣрные, — хвала имъ, слава, честь!

О всемъ они Льва извѣщаютъ,

Лѣса дремучи очищаютъ

Какъ опть Волковъ-убійць,

Такъ опть наславницъ ихъ Лисиць,

Главнѣйшихъ кровопійць.»

А. Измайловъ.

при письмѣ (опть 7-го Января), которое сей послѣд-
ній сохранилъ навсегда, какъ памятникъ дружбы и
чистосердечнаго довѣрія, конии почпилъ его покой-
ный Поэтъ. — *Прил. Изд. Л. Г.*

L O G O G R I P H E.

Il est constant que les plaisirs, les jeux
 Peuvent, chez moi, détruire ton bien-être,
 On doit rougir même de me connaître,
 Fuis donc, lecteur, mes appas dangereux.
 En me décomposant on trouve en mes six lettres
 Ce que l'on voit toujours au milieu des fenêtres;
 Une ville d'Afrique; un adverbe; un pronom;
 Un souverain; un chant; l'opposé de raison;
 Ce qui n'est ni le pas, ni le galop des bêtes;
 Ce qui met les vaisseaux à l'abri des tempêtes;
 Un ministre fameux, surtout chez les Anglais;
 Ce qu'un avare entasse et ne donne jamais;
 Ce qu'on cuit sur le gril, ou bien ce qu'on accroche,
 Pour le préparer à la broche.

Въ No 15, помѣщенная шарада значить: *Ком-лета*.

M O D E S.

Toilettes de Bal.—Il n'y a pas de mode bien déterminée pour les coiffures de bal; c'est la physionomie de la femme et le goût du coiffeur qui en décident. Nous avons remarqué, au même bal, des coiffures à la grecque à côté de coiffures très-élevées et plus encore des coiffures qui rappellent celles du règne de Louis XV.

Beaucoup de robes de bal nous reportent à ce règne, c'est la même taille très-basse et se terminant en pointe; c'est le même corsage orné de riches blondes; quelquefois même, des blondes forment garniture.

Nous avons remarqué, à un bal paré donné cette semaine, rue de la Chaussée-d'Antin, une fort jolie femme, qui portait une collerette à la *Médicis*, très-élevée, jetée un peu en arrière, et laissant un peu à découvert les épaules; elle avait une coiffure de fantaisie, les cheveux plats et deux nattes mêlées de perles autour de l'oreille; une robe de crêpe oriental cerise, et une *mathilde* en perles blanches. Cette toilette originale, et du reste très-bien portée, a fait sensation, et nous ne serions pas étonnés qu'elle ne trouvât des imitateurs.

Les robes les mieux portées pour toilettes de spectacle ou pour bal, lorsque l'on ne danse pas, sont celles de satin broché à grandes fleurs; nous en avons vu qui rappellent, pour la couleur et le moelleux de l'étoffe, les anciens *lampas*.

— Les mantilles de dentelle noire sont très-en vogue. Il faut distinguer les *mantilles-écharpes*, des mantilles qui entourent les dos du corsage. Ces dernières se font aussi en dentelle noire, mais *véritable dentelle*, dentelle toute semblable à celle qu'on employait, sous Louis XIV, au vieil hôtel de Rambouillet.

M O Д Ы.

Бальные наряды.—Для бальныхъ причесокъ нѣтъ определенной моды; эпо зависить отъ вкуса парикмахера и физиогноміи той особы, которую онъ причесываетъ. Мы замѣтили на одномъ балѣ и Греческія прически и весьма высокія, и еще болѣе напоминающихъ о прическахъ царствованія Лудовика XV-го.

Множество бальныхъ платьевъ переносятъ насъ въ эпо царствованіе: та же длинная шаль, оканчивающаяся мыскомъ; шопъ же лифъ, отдѣланный дорогими блондами; иногда даже отдѣлывающія платье блондами.

Мы замѣтили на одномъ нарядномъ балѣ, бывшемъ на этой недѣлѣ, въ улицѣ *la Chaussée-d'Antin*, одну весьма пригожую даму въ высокомъ борочкѣ à la *Médicis*, опкинутымъ темного назадъ; плеча темного опкрыты; прическа необыкновенная: волосы гладкіе, около ушей косы, перемѣшанныя съ бусами; платье изъ алаго воспочнаго газа, и *матилда* изъ бѣлыхъ бусъ. Эщотъ необыкновенный нарядъ, но впрочемъ весьма приличный, сдѣлалъ впечатлѣніе, и мы не удивимся, если найдутся подражательницы.

Самыя приличные платья для спектакля или бала, кпо це танцуютъ, изъ апласа, зашканнаго большими цвѣтами; мы видѣли такіе апласы, которые, по цвѣту и мягкости матеріи, напомнили о шарпанныхъ.

Маншилы изъ черныхъ кружевовъ въ большомъ употребленіи. Надо отличать маншилы-шарфы, отъ маншилы, пришиваемыхъ къ спинкѣ лифа. Сіи послѣднія дѣлаются черныя кружевныя, *настолиця кружевныя*, почно изъ пакихъ кружевовъ, какъ носили при Лудовикѣ XIV-мъ, въ шарпномъ *hôtel de Rambouillet*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 17.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 1 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Какъ бѣденъ человѣкъ! намъ спраспи горе, мука;
Безъ спраспи жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоень будь, и вѣкъ зѣвай!

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

У С Б.

Какъ ей было любить его? *ей*, рѣзвой, живой, непостоянной, *его*, молчаливаго и даже угрюмаго; *ей*, жаждущей шумныхъ удовольствій, *его*, вѣчно окруженнаго горами книгъ, бумагъ, пепрадей; *ей*, всегда неупомимой въ панцахъ, въ которыхъ она заимѣвала всѣхъ своими прелестями, *его*, застѣнчиваго, неловкаго, никогда неоптваживавшагося пустишься даже въ Польской, это пособіе худыхъ панцоровъ, въ которомъ легко избѣжать грубыхъ ошибокъ, если только умѣешь оплечить правую руку опъ лъвой.

И совсѣмъ эшимъ, онъ до безумія былъ любимъ въ неё, вездѣ её преслѣдовалъ; среди баловъ и пышныхъ собраній, онъ видѣлъ одну только её, занимался одной только ею, скрываясь обыкновенно въ темномъ углу, гдѣ просиживалъ по цѣлымъ часамъ.... и если ему представлялся случай хопя однажды, только однажды, подвинуть ей кре-

сла, поднять плапокъ, перчатку, принять пуспую чашку, или спаканъ—о! это было для него блаженствомъ, неизъяснымъ упоеніемъ!...

Однакоже, она не замѣчала эшаго покорнаго невольника, эшаго робкаго обожателя; казалось, она не обращала никакого вниманія на его нѣжныя услуги, на молчаливую преданность, на любовь скромную, но спраспную... и между тѣмъ, какъ онъ испоцался въ болѣе или менѣе замысловатыхъ хипроспяхъ, чпобы найпти случай сказать ей одно слово, и удостоиться бѣлаго отвѣта ея, жестокая улыбалась какому-то молодому повѣсь, погруженному въ свой галспукъ, перешагнутому, какъ оса, одѣтому по послѣдней модѣ, и въ довершеніе всего, одаренному незначущимъ личикомъ, которому онъ хотѣлъ придать особенную пріятность посредствомъ воинспвеннаго украшения, споль любимаго женщинами, и извѣснаго подъ именемъ *усовъ*.

Однажды, по какому-то чудному перевороту, умъ нещаспаго вздыхателя оп-

крылся для новыхъ понятій; робость его смѣнилась досадою; пылъ благородной рѣшимости оживилъ это сердце, до тѣхъ поръ споль щасливое подъ пляжками цѣпями любви. Онъ почувствовалъ какое-то негодование; онъ поклялся плѣнить въ свою очередь нечувствительную красавицу, которую не могли воспламенить сполько спакановъ мороженаго и лимонада, которые она получила изъ рукъ его. Эта нравственная перемѣна, споль неожиданная и совершенная, произошла отъ причины, по видимому весьма неважной, но которой сильныя дѣйствія произвели на гордую и чувствительную душу нашего героя впечатлѣніе, до того ей неизлѣчимое. Такъ! тѣ роковыя, тѣ оболъщительныя усы, которыхъ пагубную силу сполько разъ случалось замѣчать ему—открыли глазаъ его планъ вѣрнаго, неизбѣжнаго успѣха. И потому, въ одинъ день онъ сказалъ: у меня будутъ усы! они непременно у меня будутъ, и тогда — увидимъ!....

Къ несчастію есть старая пословица, испина которой совершенно неоспорима. Пословица эта гласитъ: «дать слово, не знать сдержанъ его,» и четверть часа, проведенная передъ зеркаломъ, къ сожалѣнію спльшкомъ вѣрнымъ, ясно показала раздраженному любовнику, что пословицы всегда бывающія справедливы. Тогда (какая удивительная сила воли), тогда, не теряя духа, онъ повпорилъ мужественнымъ, рѣшимельнымъ голосомъ:—«нужды нѣтъ; у меня будутъ усы, вочто бы ни спало.» По томъ, на нѣкоторое время, онъ переспалъ являться въ обществѣ. Мѣсяца два, лакеи безъ помѣхи разносили великолѣпные подносы съ спаканами и чашками; они съ изумленіемъ спрашивали другъ друга, куда дѣвался тотъ неупрашиваемый совмѣстникъ ихъ, который прежде ловилъ ихъ на дорогѣ; когда же прекрасной *Евгеніи* случалось уронить свое онахало, или раздушенный плапокъ, то вѣрная рука, ею презрѣнная, не спѣшила возвращать ихъ гордой ихъ обладательницѣ.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ (какое диво!) кавалеръ, щегольски одѣтый, котораго всѣ

пріемы отличаются ловкостію и какою-то благородною увѣренностію, подходитъ къ нашей красавицѣ, поднявъ голову и крупя двумя пальцами маленькіе, черные усики, съ пріятностію ондѣляющіеся отъ лица, которое надежда оживляетъ легкимъ румянцемъ. Это онъ! Можно ли ей не узнать его! Какъ удивительно онъ перемѣнился. Онъ садится подлѣ ней, говоритъ краснорѣчиво, выражаемая съ жаромъ, и скоро при восхитительныхъ звукахъ Мейербеерова вальса, подаетъ ей руку, которую она принимаетъ краснѣя. Смѣло и ловко облетѣвъ залу, онъ возвращается съ своею дамою на прежнее мѣсто, и во все продолженіе бала, не покидаетъ её....

Чрезъ двѣ недѣли, молодая дама, сидя на пышномъ капале, съ удовольствіемъ, коего она не спаралась скрывать, слушала страстные изъясненія молодаго человека, которому ея молчаніе придавало бѣольшую смѣлость. Кто бы узналъ въ нихъ ту надменную красавицу и того заспѣчиваго вздыхателя, которыхъ вѣрное изображеніе начертали мы въ началѣ сего разсказа?.... Убѣжденія обожателя были такъ сильны, такъ краснорѣчивы; дама, казалось, съ спрудомъ удерживалась отъ признанія, о которомъ онъ умолялъ её.... Въ эту минуту, онъ схватываетъ въ восторгѣ полную ручку, покоившуюся на шелковой подушкѣ, и несетъ её къ губамъ своимъ; дама дѣлаетъ движеніе, чтобы воспротивиться семупрѣстному насилію.... и вдругъ, крикъ невыразимый, крикъ ужаса, негодованія, отчаянія, огласилъ спѣны будуара.—Молодой человекъ бросается вонъ изъ комнаты.... Горничная вбѣжала на крикъ госпожи своей, и видитъ её блѣдною, распроенною, чуть дышущею... Несчастная держала въ рукѣ.... черные усики своего обожателя.

Съ Франц. *Ип. Г—въ.*

К О Ё - Ч Т О .

СИМВОЛЪ МУДРОСТИ.

Почему сова принята символомъ мудрости?

По разнымъ отношеніямъ, смотря по свойству лицъ, принимающихъ названіе мудрецовъ.

Во первыхъ: потому, что она видитъ почю, когда другіе ничего не видятъ, кромъ грезъ и призраковъ воображенія.—Въ этомъ отношеніи немногіе имѣли бы право помѣстивъ её въ своемъ гербъ.

Во вторыхъ: видя всякую щель, всякую ямку въ темномъ погребѣ, сова ничего не видитъ на блѣдомъ свѣтѣ.—Такъ иныя, читая во мракѣ отдаленной древности, не знаютъ, что дѣлается около ихъ и въ ихъ время.

Въ третьихъ: по важности физиогноміи.—Что можетъ быть причинъ для педантовъ?

Въ четвертыхъ: по печальному голосу, пугающему малыхъ ребятъ и суевѣровъ. Въ этомъ случаѣ, она подобна людямъ, которые хорошее находятъ только въ томъ, что уже прошло, въ будущемъ предвидятъ одно худое, а въ настоящемъ безпрестанно ворчатъ и ропщутъ.

Въ пятыхъ: потому, что ея глаза ночью свѣтятся, какъ огненные.—И педанты изумляютъ невѣждъ блескомъ высокопарныхъ выраженій.

Б Ы Л Ь

Есть старинный анекдотъ, что одного слугу спросили: порядочно ли ведетъ себя его баринъ?—*«Очень порядочно, отвѣчалъ онъ, каждый день въ положенный часъ пьянъ напивается.»*—

Недавно былъ разговоръ объ одномъ чловкѣ, который въ этомъ смыслѣ ведетъ себя примѣрно. Нѣкто сказалъ, что этаго чловка однажды видѣлъ, однако непьянаго.—*«Стало быть, вы не его видѣли!»* отвѣчали ему.

Восклицанія не доказательства, насмѣшки не силлогизмы, болтовство не краснорѣчіе.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВО КАТИНАТА.

(*Окончаніе.*)

III.

Извивистая лѣстница вела изъ мрачной, готической церкви въ обширное подземелье, озаренное пусклымъ свѣтомъ желѣзной лампы. Посрединѣ сего подземелья возвышалась гробница, на которой стояла статуя, изображавшая Эгинарда *Сентъ - Грасьена*. Полное баронское вооруженіе, покрывавшее сію статую, будучи во многихъ мѣстахъ изрублено и заляпано кровію, свидѣльствовало тѣмъ о усиліяхъ, которые носившій его употребилъ къ своей защитѣ, и о множествѣ ранъ, нанесенныхъ ему прежде, нежели онъ получилъ смертельный ударъ.

Сверхъ того, бросивъ внимательный взглядъ на сіе вооруженіе, всякой могъ замѣтить, что шпага до половины была вынута изъ ноженъ. Какъ будто владѣлецъ ея, подвергшись нечаянному нападенію, успѣлъ только схватить её, но смертельно пораженный, не имѣлъ уже довольно силъ для того, чтобы совершенно её выпачить.

У подножія статуи молилась на коленяхъ женщина въ черномъ платьѣ; крупныя слѣзы капилась по щекамъ ея, блѣднымъ отъ горести.

Недалеко отъ неё стояла прекрасная, какъ ангелъ невинности, дѣвушка, которая съ чувствомъ и нѣкоторымъ изумленіемъ, въ молчаніи разсматривала сей печальный приютъ, куда случай въ первый разъ еще привелъ её.

— Поди ко мнѣ, милая сестра моя,—сказала наконецъ баронесса *Поланде*; соединимъ голоса наши и помолимся вмѣстѣ за моего супруга. Сестра моего Эгинарда, котораго я не перестану обожать до послѣдней минуты моей жизни, *Поланда!* я смотрю на тебя съ наслажденіемъ; ты такъ на негоходишь, что когда начинаешь говорить, всё прочія чувства умолкаютъ во мнѣ, и я съ пренебреженіемъ тебя внимаю; даже взглядъ твой упиваетъ меня сладост-

ною мечпою. Боже мой! сходство пвое съ нимъ вмѣстѣ и восхищаетъ и мучитъ меня.

— Здѣсь,— продолжала бѣдная вдова, бросая на окружающіе ея предметы взоры, полные слезъ и выразившіе неизъяснимую горестъ: здѣсь вся моя жизнь, все мое счастье; здѣсь мой *Эгинардъ*, прежде столь пылкій, исполненный жизни, а теперь бездушный, какъ эти могильные камни; онъ, прежде столь прекрасный, теперь—о ужасъ! умерщвленный... изувѣченный... обезображенный...—

Взоры несчастной *Норвинды* спановились опчаянными.

— Выслушай меня, *Поланда*, я расскажу тебѣ о моемъ несчастіи. Въ одинъ вечеръ, мужъ мой былъ въ опсупсвѣи; въ ожиданіи его я занималась работою и мечтала о щасливой минутѣ нашего свиданія. Я не видала его съ самаго упра; на дворѣ была темная ночь, а мужъ мой еще не возвращался; но это меня не беспокоило... Наконецъ, на башнѣ замка пробило десять часовъ; я не думала, чпобъ было уже такъ поздно, и не знаю опъ чего, это возбудило во мнѣ какое-то ужасное предчувствіе; сердце мое спѣснилось, и мнѣ спало спрашно въ моемъ одиночествѣ... Я призвала своихъ женщинъ, и знала, чпо мужъ мой еще не возвращался, спросила ихъ однакоже объ этомъ; опвѣпъ ихъ удивилъ меня, какъ будто бы я не могла ожидать его.—Пойдемте къ нему на встрѣчу, сказала я; женщины мои съ изумленіемъ на меня взглянули: погода была ужасная, на дворѣ ревѣла буря, но я не замѣчала этого. Я вышла, и люди мои были принуждены за мною слѣдовать; зажгли факелы, и не смотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, мы опправились... Ужасная ночь!... Я шла сама не зная куда; на каждомъ шагу оспанавливали меня куспарники; вѣпви деревъ, обломанныя вѣпромъ; я звала *Эгинарда*, но голосъ мой заглушали удары грома; плащъ мой смокло опъ дождя, я дрожала опъ холода, но, не смотря ни на что, бѣжала впередъ, кричала, плакала, падала, вставала снова. Боже мой! Какія спрданія я вытерпѣла!... Но это было еще не все; выслушай до конца.

— Долго бродила я по лѣсу безъ всякой цѣли и успѣха въ моихъ поискахъ. Наконецъ, молніею освѣпило любимый вязъ моего мужа, вязъ, которыи такъ часпо былъ свидѣтелемъ взаимныхъ кляпвъ нашихъ въ вѣчной любви; какал-то бѣглая мысль шепнула мнѣ, чпо можетъ быть *Эгинардъ* укрылся тамъ опъ бури, и безъ дальнихъ размышленій, слѣдуя единспвенно внушенію памяти, ибо факелы, которые были съ нами, давно уже погасли, я очутилась подъ деревомъ.— *Эгинардъ* слышитъ меня, вскричала я, проспирая руки, чпобы найти его; но вдругъ подъ ноги мнѣ попало чпо-то твердое, я спопкнулась и упала. *Эгинардъ*, вскричала я овяпъ, но въ это минушю грянулъ громъ, и блеснувшая молнія освѣпила у ногъ моихъ *Эгинарда*, блѣднаго, невнимающаго моему голосу, моимъ спенаніямъ; я сжала его въ моихъ объятіяхъ!... онъ весь былъ облитъ кровью, на лицѣ его, на рукахъ, на всемъ пѣлѣ, на моемъ плащѣ была кровь... Больше я ничего не помню.—

Потомъ, забывъ и о присупсвѣи *Поланды* и о помъ, чпо жалобы ея не могли быть услышаны ея супругомъ, *Норвинда* воскликнула:

— Вспанъ, *Эгинардъ*! приди ко мнѣ на помощь; другой хочетъ овладѣть мною, хочетъ овладѣть женою пвоею, и кто же? Праведное Небо!—Можетъ быть пвой убійца!—Нѣжный другъ мой, приди взять меня съ собою въ хладное жилище свое; я хочу быть съ тобою неразлучно; мой владыка, мой единспвенный властитель, услышь мои моленія; изъ соспрданія не потерпи, чпобы другой могъ жать пу руку, которая принадлежитъ одному тебѣ; не потерпи, чпобы другой оцупилъ бѣніе посвященнаго тебѣ сердца, чпобы онъ прикоснулся къ успамъ моимъ, которыя горятъ вѣчною любовію къ одному тебѣ, *Эгинардъ*. Я принадлежу тебѣ, я соспавляю пвою собственность, защипи меня, вспанъ изъ своего гроба, опмспи за себя и за жену пвою...—

Вдругъ баронесса оспановилась; кровь оледенѣла въ ея жилахъ.

Вооруженіе спатуи, какъ бы движимое какою-то невидимою силою, издало жалоб-

ный, пронзительный звонъ; потомъ голосъ, который былъ ей такъ извѣстенъ, произнесъ изъ глубины гробницы:

«Ты не останешься безъ опмщенія, *Норвинда!*» — *Норвинда* упала въ обморокъ.

IV.

Ормессанъ безъ пруда овладѣлъ замкомъ, который никѣмъ не былъ защищаемъ. Оставивъ баронессу, онъ призвалъ капеллана и приказалъ ему приготовить все для совершенія на разсвѣтъ брака его съ *Норвиндою*; потомъ, разспавилъ на пустомъ валу часовыхъ; когда же наступила ночь, старый *Ренольдъ* опивель его въ назначенную комнату для успокоенія, и оставилъ памть одного.

Долго лежалъ *Ормессанъ* не смыкая глазъ; грозная мысль пняготила умъ и сердце его. Напрасно хопѣлъ онъ удалить отъ воображенія безпреспанно предспавлявшійся ему призракъ; чѣмъ болѣе спарался онъ о немъ не думая, тѣмъ живѣе видѣлъ его передъ собою.

Упомясь, онъ спалъ разспавривая свою комнату.

Это былъ обширный, мрачный покой, освѣщенный одною лампадою. На стѣнахъ его изображены были во весь ростъ вооруженные рыцари, которыми мерцающій свѣтъ лампы придавалъ какой-то фантаспическій видъ; одинъ изъ нихъ особенно, очень походилъ на барона; та же благородная пріянная осанка, тотъ же стройный станъ, та же одежда; словомъ, сходство это было такъ различельно, что графу, котораго перзали угрызения совѣспи, показалось однажды, что изображение рыцаря одушевилось жизнью, выпуило со стѣны и приблизилось къ его постели.

Онъ закрылъ глаза, снова ошкрылъ ихъ; все было тихо, спокойно.

Въ эту минузу пробило на башнѣ часъ упра, и *Ормессанъ*, взоры котораго прѣспивъ воли были успремлены на рыцаря, поражавшаго сходствомъ съ барономъ *Сентъ-Грасьеномъ*, теперь видѣлъ дѣйспивельно, какъ заколебалось бѣлое перо на его шлемѣ, и какъ потомъ рыцарь въ самомъ дѣлѣ вы-

спушилъ со стѣны и вышелъ на средину комнаты.

Напрасно *Ормессанъ* хопѣлъ кричать и звать людей: языкъ прильнулъ у него къ горпани и онъ былъ не въ силахъ произнести ни одного слова. Закрывъ глаза, онъ пвердо рѣшилъ болѣе не ошкрывать ихъ.

Но голосъ, голосъ коротко ему знакомый, ибо онъ слыхалъ его каждую ночь во снѣ своемъ, пряды назвалъ его по имени:

— *Ормессанъ! Ормессанъ! Ормессанъ!* —

«Кто зовепъ меня?» спросилъ *Ормессанъ*, спараясь показать притворную бодроспъ; но ошкрывъ глаза, онъ увидѣлъ предъ собою грозное привидѣние. Это былъ *Эгинардъ*; его ростъ, его осанка, его бѣлое перо, но особливо взглядъ его, тотъ презрительный взглядъ, который онъ бросилъ на *Ормессана* въ послѣднюю минузу жизни, и который съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ графа, какъ духъ мспипель.

«Пощади! пощади!» вскричалъ графъ.

Но привидѣние пропнянуло руку и подало ему знакъ вспасть съ постели.

Побуждаемый какъ бы сверхъ-естеспвенною силою, чувствомъ, которому онъ не въ состояннн былъ пропивиться, *д'Ормессанъ* вспасть, и по новому знаку привидѣннн началъ одѣваться. Но дрожащія руки ошказывались служить ему; шлага сдѣлалась для него слишкомъ пняжелою, щипъ выпадалъ у него изъ рукъ; чрезвычайныхъ усилий спойло ему надѣтъ шшакъ и заспегнуть кольчугу. Наконецъ, привидѣние приблизилось къ пошпенной двери, ошворило еѣ и сдѣлало ему знакъ за собою слѣдовать.

Чувспва графа были въ какомъ-то оцѣпенѣннн: онъ безмолвно повиновался.

V.

Уже свѣпало, а *Норвинда*, проведенная цѣлую ночь безъ сна, продолжала еще молипсь въ своемъ перемѣ. Окружавшнн еѣ прнслужннцы не оспѣливались прервать молчннн, когда вошелъ молодой пажъ.

Баронесса думал, что онъ прнсланъ за нею отъ графа *д'Ормессана*, ошраплась къ нему, и даже не спросивъ его о прнчннѣ

прихода, съ твердою рѣшимостію объявила, что легче будетъ лишиться еѣ жизни, нежели заспавить имѣни въ церковь.

Пажъ съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ графа *д'Ормессана*, а присланъ изъ монастыря св. Бригитты извѣспить баронессу, что сестра ея, *Поланда*, благополучно прибыла въ монастырь, и что завтра будетъ совершенно ея посприженіе.

— И такъ, всѣ оставляютъ меня, — сказала въ горести несчастная *Норвинда*.

Скоро между людьми графа *д'Ормессана* поднялся глухой шопотъ; наканунѣ вечеромъ они были свидѣтелями, какъ графъ удался въ назначенную ему комнату, у дверей которой они бодрсповали цѣлую ночь, и изъ которой онъ не выходилъ; когда же, по приказанію его, они вошли въ неѣ на разсвѣтъ, графа уже тамъ не было.

«Пойдемъ искать его подъ вязомъ,» сказала старый *Ренольдъ*. Служители графа шуда бросились, и еще издали увидѣли лежащаго подъ деревомъ чловѣка; подошли ближе—это былъ *д'Ормессанъ*; лице его судорожно сжалось, глаза выкапились, какъ будто смотря на что-то ужасное, въ шѣло его была вопкнута шнага.

Его подняли, но въ немъ уже не было никакого признака жизни; хотѣли вырвать изъ шѣла шпагу, но всѣ усилія остались напрасными; созвали лекарей; изъ окрестностей собрались самые сильные и самые искусные люди, но ни одинъ изъ нихъ не могъ успѣть въ томъ; принуждены были похоронить графа вмѣстѣ съ нею.

Хотѣли по крайней мѣрѣ найти убійцу; длинный, кровавый слѣдъ указывалъ шупъ его; съ любопытствомъ бросидсь всѣ по направенію онаго; слѣдъ сей велъ къ дверямъ домовоѣ церкви и продолжался во внутренности ея, оканчивался въ подземельѣ, у гробницы барона *Сентъ-Грасена*, предъ самою его спатуею.

Тутъ служители графа остановились съ священнымъ ужасомъ, не сомнѣваясь въ Божескомъ мщеліи.

Вооруженіе барона, покрывавшее спатую, сдѣлалось по прежнему блестящимъ; за-

спывшая кровь, которая еще вчера покрывала его, во многихъ мѣспакъ, большими пятнами, шеперь шекла свободно, какъ будто бы сей часъ пролиная; но къ довершенію общаго удивленія, въ ножнахъ не было шпаги...

— Не угодно ли взглянуть на эти ножны, сударыня? —

Пер. *Иль. Глбовъ*.

О Т З Ы В Ъ.

Утро.

А. Знаешь ли ты *Н. Н.*

С. Да! я спалкиваюсь иногда съ какимъ-то *Н. Н.* Онъ прыгаетъ мазурку, бречитъ на фортепiano, лепечетъ по Французски, нацѣваетъ Россиніевы арии.

А. Онъ получилъ нынче неожиданное наследство послѣ дальнихъ родспвенниковъ, которые въ пользу его умерли оцѣ холеры, 40 т. годоваго дохода.

Вечеръ.

В. Знаешь ли ты *Н. Н.*

С. О, какъ же! Онлично танцуетъ, врпуюетъ, прекрасно воспитанъ. Премилой молодой чловѣкъ!

П Я Т Н О.

На черной доскѣ поскоблили немного шупымъ ножомъ: шупъ будетъ свѣсплое пятно. Выспрогайли доску, не прогая шолько того мѣста, гдѣ было скоблено: это будетъ шемдое пятно.— Случается между людьми, что за одинакій поспунокъ иной выайнѣ себя упрекаетъ, почему не сдѣлалъ еще лучше; другой хвалится имъ, какъ подвигомъ добродѣтели, соображая, что могъ бы сдѣлать гораздо хуже.

Совсѣмъ иное въ липературѣ: въ швореніяхъ, писателей извѣспныхъ, публика не замѣчаетъ мѣспъ слабыхъ и недоспакковъ; ей кажется все одного цѣпта. Есть напрошивъ чипатели, которые и тамъ находятъ красоты, гдѣ нѣтъ смысла. Но у сочинителей, прошивъ коихъ они предубѣждены, не хоплятъ называть прекрасными даже шѣхъ выражений и мыслей, копорыя шаспливо украдены изъ швореній хорошихъ, но забытыхъ.

ПРИЧИНА ЗАМЕДЛЕНИЯ.

Одинъ человекъ пришелъ домой въ восемь часовъ по полудни, не ѣвши за большими хлопотами цѣлый день. Но ему не подавали обѣда еще часъ; почему? Не могли найти долго скаперши.

О приличіе! О всеильное обыкновеніе!—

И. Пальминъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

У Н Ы Н І Е.

Любовь къ поэзіи! мгновенный Феба даръ!

Гдѣ пѣсни юнаго поэта?

Мечты безвѣснаго Апмеса,

Очаровательный воспорговъ тайныхъ жаръ,

Надежды райскія, прельщенье, жажда славы:

Прошли — какъ вешній цвѣтъ —

Въ заботахъ зрѣлыхъ лѣтъ

Невинныхъ лѣтъ забавы!...

*

Тогда: душа—вулканъ! все—движется, все мямлеть,

Тревожитъ скрытый пламень!...

Днесъ: хладъ въ груди! днесъ: сердце—камень!

Ничто безчувственностъ опъ сна не воззоветъ!...

Ушихли сильные кипѣвшихъ чувствъ порывы!

Огонь Камея погасъ!

Умолкъ воспорговъ гласъ

И лиры звонъ щасливый!...

*

Таврида пышная, природы щедрой лиры:

Плодовъ душистыхъ вершины,

Роскошны сладкихъ лозъ долины,

Прохлада южныхъ горъ, ихъ рѣзвый сынъ—Сальгиръ,

И моря свѣтлый ликъ, и шумныхъ волъ сверканье,

И ясный неба видъ —...

Ничто не воскреситъ

Души очарованья!...

*

Иль, мрачный сынъ снѣговъ, въ обителѣ весны

Напрасно жду я вдохновенья?...

Мнѣ милы сѣвера явленья:

Снѣдой при мразахъ боръ, шуманный свѣтъ луны,

На холмахъ и поляхъ слѣды ягелей мшистыхъ,

Пещеръ кристалльный сводъ,

Громады сжанныхъ водъ

И прескъ оплотовъ льдистыхъ.

*

Съ денницей пламенной пылаешь скапъ небесъ:

Блестяшь, бѣлясь грады, селы

И водопадъ оцѣпелый!

Какъ радуги, въ цвѣтахъ горитъ и долъ и лѣсъ!...

Но... мчился въспрь—исчезъ, при выюгахъ, блескъ лазурный,

Исчезъ зари обманъ!

Все—иней, все—шумапъ

Въ грозѣ невзгоды бурной.

*

Иль, сынъ снѣговъ, мнѣ чуждъ Тавриды мирной видъ?

И сердцемъ дикъ—въ спранѣ восточной

Крушусь о роднѣ полночной!...

Иль съ другомъ юности мой даръ въ могилѣ скрытъ!...

Иль сердце новья предчувствуетъ упрямъ?...

Нѣтъ жизни во спрунахъ:

Въ поминельныхъ мечтахъ

Лепяпъ часы крылапы.

*

Мальвина! новый другъ! подаешь новихъ благъ!

Прости, что лиры я не спрою;

Живя межъ небомъ и землею:

Съ пободою—на землѣ, съ Эльвиной—въ небесахъ:

Тѣшился грудь моя различныхъ чувствъ волненьемъ!

Не весель пѣсень звукъ!

Почто-жъ, невинный другъ,

Тебя печалишь пѣньемъ?

*

Одна лишь пѣснь къ Творцу: «Прекрасная душой

«Да въ радости цвѣлешь безпечной!

«Да—пѣкогда—въ поскѣ сердечной

«Последній приметъ вздохъ и взоръ погасшій мой!...»

Опъ Музъ безмернѣя не жду въ улыбкѣ лесной!

Мнѣ-ль лавръ сплещать въ вѣнокъ?

Но Фебъ! одинъ листокъ

Срони на гробъ безвѣстной.

Н. Сумцовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ КЪ МОТЫЛЬКУ.

Пусть милость въпрепой богини (*)
 На долгій вѣкъ къ вамъ сманишь рокъ,
 Какъ *сманенъ* рѣзвый гость должны
 На эпомъ памятный листокъ.

В. Камомерскій.

9 Ноября 1851.

Ш А Р А Д А.

Я женщина—и пакъ, не осуди,
 Чшо для мужчинъ головоломна:
 Мой *первый* слогъ не ходишь впереди,
 Но на записки спашь ему весьма удобно;
 За барыней иппи находишь онъ предлогъ.
 Тварь земноводная — мой *средний* слогъ.
Последній рыскаешь въ карепъ,
 Въ кашпанъ, въ карпузъ, а полько не въ жилетъ.

III.

Въ No 16, помѣщенный логогрифъ значить: *Tripot*; изъ него можно сложить слова: *toi, Tir, tôt, toi, Roi, trio, tort, trot, port, Pitt, or* и *rôt*.

M O D E S.

Chapeaux.—Les chapeaux à la mode, en satin, reps ou velours, sont ornés, au sommet de la forme, par devant, d'un bouquet de cinq jacinthes simplés, roses et blanches et à longues tiges vacillantes.

Sur d'autres chapeaux en velours plain, vert, ou en satin à larges raies jaune orange ou citron, on place sur le devant, au haut de la forme, un buisson de roses; c'est un gros bouquet composé de vingt ou trente petits boutons.

Les chapeaux élégans et de bon ton, en satin ou en moire blanche, ont la passe demi-longue et large, et un peu évasée autour du visage; la forme basse et plate en dessus a pour seule garniture une belle plume blanche; ou bien une longue plume large et à brins renouvelés.

Robes.—A la promenade, les robes de velours garnies de fourrure, ainsi que celles en cachemire, en satin, en chaly, sont recouvertes par l'immense

(*) Форшунки.

manteau de cachemire imprimé ou brodé, qui laisse à peine entrevoir l'étoffe de la robe. Aux concerts et soirées, on porte des robes de soie garnies en velours; la jupe est en satin, reps, ou gros des Indes jusqu'aux genoux; le reste est en velours; le corsage en étoffe est également à demi recouvert par un large collet rond qui en fait tout le tour, et qui, beaucoup plus long sur les épaules, forme les mancherons, est arrondi ou découpé en pointes, et recouvre la moitié de la manche. La ceinture est aussi en velours.

Pl. No 7. Travestissemens costumes du XV et XVI siècles.

М О Д Ы.

Шляпки.—Шляпки въ употребленіи апласныя, репсовыя или бархатныя, отдѣлывающіяся, спереди на верху шуды, букетомъ изъ пяти проспыхъ гяциншовъ, розовыхъ и бѣлыхъ, на длинныхъ гибкихъ стебелькахъ.

На другихъ шляпкахъ изъ неразрѣзнаго бархата или апласа зелѣнаго, съ широкими полосами желтыми, оранжевыми или лимоннаго цвѣта, прикльвающъ спереди, на верху шуды, кусъ розановъ; это большой букетъ, составленный изъ двадцати или тридцати маленькихъ распуколокъ.

Щеголеватыя шляпки и въ хорошемъ вкусъ, изъ апласа или бѣлой обьяри; подя коромкѣ и широкѣ, и немного открыты около лица; шудя низкая и плоская сверху, отдѣлана однимъ полько прекраснымъ бѣлымъ перомъ или широкимъ перомъ съ подвижными волокнами.

Платья.—На прогулкахъ, бархатныя платья, обшитыя мѣхомъ, также кашемировыя, апласныя, иди изъ шали, прикрывающъ огромнымъ плащемъ изъ кашемира печатнаго или вышитаго, подя которымъ матерія платья едва примѣтна. Въ концершы и на вечера надѣвають платья шелковыя, отдѣланныя бархатомъ; юбка изъ апласа, репса или *gros des Indes*, до колѣнъ; остальное же бархатъ; лифъ изъ матеріи, также въ половицу прикрывъ широкимъ круглымъ воротникомъ, на плечахъ длиннѣе, что составляетъ эполены, округленные иди вырѣзанные мысками, прикрывающіе половицу рукава. Поясъ также бархатный.

Карш. No 7. Маскерадныя платья: одежда XV-го и XVI-го вѣковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, МАРТА 4 ДНЯ 1853 ГОДА.

Ревнивый мужъ — не владъ! я этого не скрою;
А каково-то жить съ ревнивою женою?

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЕЧЕРЪ ЖЕНИХА.

Jean s'en alla, comme il était venu.

Lafontaine.

Въ самомъ дѣлѣ, моя невѣста довольно мила; къ тому же она молода, богата.... правда, что немного застенчива и слишкомъ скромна, но это служитъ только доказательствомъ строгаго воспитанія, и такая скромность, особливо при первомъ свиданіи, мнѣ даже понравилась. Теперь я вижу, что бапюшка поступилъ очень благоразумно, приславъ меня сюда искать жены, и я начинаю привыкать къ этому предложенію, которое сначала было мнѣ совсѣмъ не по сердцу.

Это былъ небольшой монологъ былъ слѣдствіемъ впечатлѣній, какія произвело на меня посѣщеніе, сдѣланное мною будущему моему шестю, богатому негоціанту одного изъ первыхъ городовъ Германіи. Соединенный съ моимъ семействомъ старинными дружескими и торговыми отношеніями, спарикъ N* всегда изъявлялъ желаніе видѣть еще тѣснѣйшую связь между нашими домами, и вопль *un beau matin*, какъ говорятъ

Французы, родительское предложеніе, весьма похожее на приказаніе, ошпоргло меня отъ сладостной жизни, какую я велъ въ Парижѣ, среди самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и безжалостно переселило меня за сто миль отъ псапра моихъ подвиговъ, не смотря на всѣ возраженія, какія бы я могъ противъ этого сдѣлать. — «Черезъ мѣсяць, или черезъ полтора, ты долженъ предсавить мнѣ жену свою.» Таковы были послѣднія слова, которыя сказалъ отецъ мой, отдавая мнѣ пакетъ съ депешами къ своему другу и корреспонденту. — Что мнѣ оставалось дѣлать? Мнѣ коропко былъ извѣстенъ крупный нравъ моего бапюшки, а потому я призналъ за благо не противорѣчить ему, собрать свои пожитки и отпра- вился.

Это было весною. Скорость ѣзды, различіе предметовъ, представлявшихся глазамъ моимъ, однимъ словомъ: новость, мало по малу разсѣяли мои мрачныя мысли, и по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, я спалъ по прежнему спокоенъ и веселъ.

Я сдѣлалъ первый визитъ и вручилъ письма, назначенныя для удословренія въ томъ, что я дѣйствительно представляю своею

особою суженаго. Нареченный песнь мой принял меня съ распроспертыми объятіями, и какъ водился, предспавилъ певѣспѣ. Хотя я и не совсѣмъ люблю блондинокъ, но на эпошъ разъ принужденъ былъ признапьяся, что *Амалия* стоиптъ того, чтобы сдѣлать исключеніе изъ правила въ ея пользу. Помомъ, позвали меня къ роскошному обѣду, на который собралось избранное и веселое общество. Я сидѣлъ подлѣ прекрасной *Амалии*; отецъ ея ободрлялъ меня взорами и движеніями, и я, чтобы не поспыдиптъ доброй славы о Французской любезности, испощался въ оспрошахъ, каламбурахъ, замысловапыхъ анекдотахъ, и не щадилъ ничего, чтобы всѣхъ расположить чѣвъ свою пользу. Наконецъ вспали изъ за спола; напившись кофе, я потчасъ ушелъ, подлѣ предлогомъ усалоспиптъ опгъ далекаго пуши, но въ самомъ дѣлѣ, чтобы подышать и подумать на свободѣ.

Такимъ образомъ очутился я въ алейхъ великолѣпнаго гулянья, куда весь городъ собрался какъ будто-бы на условенное свиданіе. Прелестныя женщины, щегольски одѣтые муцины проходили мимо меня полпами, въ боковыхъ алейхъ галопировали ловкіе всадники... Болѣе получаса сидѣлъ я на скамейкѣ; взоры мои блуждали кругомъ, не останавливаясь ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ; какал-то нѣга господспвовала въ моихъ мысляхъ... Все мнѣ улыбалось, все мнѣ нравилось, и самые пріятные образы рисовались въ моемъ воображеніи. Скамья, на которой я сидѣлъ, прислонена была къ кусту акаціи, опдѣлившему еѣ отъ другой алей, гдѣ было весьма немного гуляющихъ. За нѣсколько минутъ предлѣпьемъ завязался разговоръ между двумя неизвѣспными лицами, сидѣвшими съ другой стороны кустарника. Сначала я не обращалъ на эпо никакого вниманія, но нѣсколько громче выговоренныхъ словъ достигли моего слуха; разговоръ шелъ на Французскомъ языкѣ, и по выговору я потчасъ узналъ, что языкомъ эпоимъ говорятъ Нѣмцы. Эпо показалось мнѣ довольно странно, и я подумалъ: почему бы не говорить на родномъ языкѣ своемъ? Ко всему эпому присединилъ

лось и любопытство, побудившее меня подслушать одипокпхъ собесѣдниковъ.

— Ты говоришь, что въ такую пору шкпо не заходитъ въ пу улицу?—

«Да, эпо опдаленная часть города, и я тебѣ ручаюсь, что насъ никто не увидиптъ.»

— Но балконъ довольно высокъ... какимъ же образомъ на него взобраться?—

«Не безпокойся, я приготворю все нужное. Двадцать футовъ—не слишкомъ большал выспна, припемъ же...» (шуптъ заговорили такъ шихо, что я ничего не могъ разобранъ.)

— Но если услышатъ со двора?—

«Въ десяпъ часовъ всѣ улягупся спать, ты взойдешъ одиптъ, а я, для большей безопасности, буду спояптъ на караулъ внзу... (новое перешепываніе). Въ копоромъ же часу мнѣ ждашь тебѣ?»

— Въ одипнадцатъ часовъ я буду у тебѣ; мнѣ нужно еще сдѣлать нѣкопоря приготвления, но къ полночи все будетъ кончено.—

«Такъ я жду тебѣ ровно въ одипнадцатъ часовъ; не забудь...» (панспвенный шопотъ.)

— Само собою разумѣется. Теперь разстанемся.—

«Будь смѣлѣе, все пойдетъ хорошо; а вбравшись за границу, намъ совершенно нечего будетъ опасаться.»

Незнакомые люди вспаютъ; я бросаюсь въ алей, въ копорой они находипся; но прежде, нежели успѣваю дойти шуда, меня окружаютъ полны гуляющихъ, и во множествѣ народа я никакъ не въ состояпши узнать пѣхъ, которые невольню сдѣлали меня повѣренпымъ своей шайны. Эпо воры! разсуждаю я самъ съ собою; какимъ же образомъ разспроить планъ ихъ? Я шострапецъ, не знаю шуземнаго языка, не знаю даже, къ кому обратиться. Да и припомъ, что я могу сказать? Я не въ состояпши описать примѣптъ эпоихъ злонамѣренпхъ людей... Съ другой стороны, когда случай открылъ мнѣ ихъ гнусное намѣреніе, шо

мнѣ крайне хотѣлось бы эпимъ воспользо-
ваться, чтобы спасти добрыхъ людей, ко-
торыхъ собираюшся ограбить эпи мошен-
ники. Волнуемый сими мыслями, я шелъ по
дорогѣ къ своей гостиницѣ. Названіе ули-
цы, упомянутое ими въ разговорѣ, сильно
поразило меня: это была та самая, въ ко-
торой находился домъ моего нареченнаго
тесля. Но улица велика, въ ней много до-
мовъ съ балконами; какъ же узнать, о ко-
торомъ изъ нихъ идетъ дѣло? Пришедши
на кварширу, я углубился въ размышленія
объ эпимъ спраннымъ приключеніи. Между
тѣмъ, какъ я колебался въ нерѣшимости,
вошелъ слуга и обратился ко мнѣ съ во-
просомъ, изъ котораго я съ прудомъ могъ
понять, что онъ толкуеть объ ужинѣ.—
Пойду, подумалъ я, можетъ быть шамъ и
найдеши кто нибудь, съ кѣмъ мнѣ удастся
объяснишся.— Хозяинъ и служители го-
спиницы, пропивъ обыкновенія, говорили
только по Нѣмецки.

Вхожу въ споловую и вижу шамъ двухъ
запоздалыхъ поспшителей, которые гово-
рятъ тоже по Нѣмецки; но мнѣ бы не по-
го хотѣлось.—«Пожалуйте мнѣ графинъ съ
водою, который споншъ подлѣ васъ,» гово-
рю я своему сосѣду; но не смотря на ис-
толковательное движеніе мое, онъ не пони-
маетъ меня, и чтобы получить желаемое,
я принужденъ пропянуть къ нему руку
съ спаканомъ. Черезъ нѣсколько минушъ об-
рацаюсь къ другому.—«Выговорите по Фран-
цузски?...» А онъ, вмѣсто отвѣта, съ ласко-
вою улыбкою подаетъ мнѣ реэспръ винамъ,
который держалъ въ рукѣ. Чшо дѣлать!
нѣтъ никакого средсва вспунищъ въ раз-
говоръ съ эпими людьми, и какъ будто на-
рочно, никто нейдетъ въ гостиницу, гдѣ
въ то же утро я видѣлъ болѣе пятидесяти
путешественниковъ и городскихъ жителей.
Ужинъ кончился довольно скучно; выпивъ
спаканъ рейнвейна, я возвратился въ свою
комнату и съ полчаса ходилъ шамъ, въ раз-
думьи, взадъ и впередъ. Вдругъ вышмаю ча-
сы — половина двѣнадцатаго! — схватываю
шляпу, накидываю на плечи плащъ, и че-
резъ минушту брожу по улицамъ незнако-
маго мнѣ города; спараясь опыскашь доро-

гу, по которой я шелъ днемъ съ проводни-
комъ, по которой не могу болѣе узнать
при тускломъ свѣтѣ фонарей. Къ доверше-
нію препяпствій въ продолженіе вечера не-
бо покрывалось тучами; на немъ не свер-
каетъ ни одной звѣздочки, и между тѣмъ,
какъ я шщетно стараюсь выбрашся изъ
лабиринта, въ который зашелъ, на башнѣ
бѣетъ при четверти двѣнадцатаго; потомъ,
по прежнему настаеть мѣртвая тишина—
и только одни шаги мои раздаюшся на мо-
стовой. Мнѣ осталась одна четверть часа!
Могу ли я надѣяться поспѣть во время; да
и чшо же я сдѣлаю? не лучше ли возвра-
титесь на кварширу, чѣмъ въ такую поз-
дную пору таскаться по улицамъ, съ опа-
сностию встрѣтитъ какую нибудь непріят-
ности, и, можетъ быть, даже попасеться въ
руки тѣхъ самыхъ бездѣльниковъ, которыхъ
я собирался ловить. Но ворочаться назадъ
мнѣ теперь еще пруднѣе, чѣмъ ишши да-
лѣе, и если-бъ только я могъ опыскашь эту
улицу, то, можетъ шамъся, представился
бы какой нибудь неожиданный способъ...
Я помню, что упромъ замѣтилъ я въ эпимъ
сторонѣ колокольню.— Ахъ! когда бы мнѣ
еѣ увидѣшь... поднимаю глаза... колоколь-
ня передо мною, я очень хорошо узнаю еѣ.
Въ эпимъ минушту бѣетъ двѣнадцать часовъ,
и я не безъ сердечнаго препета прокрады-
ваюсь около домовъ. Въ улицѣ господствуетъ
совершенная темнота; большая часипъ фо-
нарей погасла, какъ будто бы они тоже
были въ заговорѣ съ ворами.— А! за угломъ
спѣны скрывается до половины коляска...
Зайдемъ напрошивъ сосѣдняго дома, гдѣ вид-
нѣтся черная масса балкона—если не оши-
баюсь, такъ это должно быть здѣсь. Человѣкъ,
закутанный въ плащъ, прохаживаетъ
подъ балкономъ—вѣрно они уже пришли.
У балкона развѣвается чшо-то такое, че-
го я не могу хорошо различить въ пошъ-
махъ.—Еще нѣсколько шаговъ; но я зашелъ
уже слишкомъ далеко.— Ба! не во снѣ ли
мнѣ это грезится? домъ моего тесля!...
Такъ! точно это онъ. Боже мой! Чшо мнѣ
дѣлать? но во чшобы ни спало, надобно под-
нять тревогу—однакожь, я одинъ, безъ вся-
кихъ средсвъ къ оборонѣ; злодѣи могутъ

принесли меня на жертву своей безопасности... Чтобы нибыло, я не могу оспаваться свидѣтелемъ ихъ преспуления, и уже открываю ротъ, чтобы кричать: разбой, но въ это время показались на балконѣ двое людей. По знаку, ими поданному, человекъ, споявшій внизу, хватается за полтъ развѣвающійся предметъ, который я недавно замѣпилъ, и въ копоромъ я узнаю веревочную лѣспницу; шупъ одинъ изъ двухъ голосовъ, слышанныхъ мною на гуляньѣ, ясно произноситъ слова: «сходите по оспорожнѣ; берегитесь, чтобы не упастъ!» Я осполбенѣлъ, и успремилъ неподвижные взоры на двѣ пѣни, бережно спускавшихся по лѣспницѣ. Наконецъ они сходятъ на землю, оспавляютъ лѣспницу и всѣ прое бросающъ въ мою спорону. Я прячусь въ темный уголь; они съ чрезвычайною поспѣшностію проходятъ мимо меня, и въ эшу минушу вѣжнй женскій голосокъ, котораго звуки пакъ живы въ моей памяти, что мнѣ нельзя не узнать его, произноситъ слѣдующія слова: «милый *Алфредъ!* о, для чего мы не за тысячу миль оспюда!» Попомъ, они исчезаютъ въ темнотѣ, и чрезъ нѣсколько секундъ раздается спукъ экицажа, скоро совершенно перяющійся вдали. Все это сдѣлалось скорѣе, нежели продолжается мой рассказъ. Изумленіе какъ бы лишило меня всѣхъ способностей, и долго попомъ я не въ состояніи былъ пронуться съ мѣсна. Тревожимый мыслями, которыя легко себѣ представилъ, наконецъ я осправился, и на концѣ улицы, почти невольнo, оборотился къ дому, въ копоромъ произошла такая необыкновенная сцена; шупъ внезапный блескъ поразилъ мои взоры... во внушренности дома замелькали огни; видно было, какъ люди бѣгали по комнатамъ... Я вздрогнулъ и поспѣшно удалился... Пробродивъ по улицамъ до самаго утра, я оспыскалъ наконецъ свою квартиру, и вошедъ въ комнату, шопчасъ написалъ нѣсколько спрокъ къ г. N*... Чрезъ полчаса, четверня добрыхъ лошадей мчала меня обратнo по большой дорогѣ къ Парижу.

Пер. *Ип. Г—въ.*

К О Ё - Ч Т О .

Наполеонъ сказалъ однажды г-жѣ *Кампанъ*: «спрежнія системы воспитанія никуда негодятся; чего недоспаепъ хорошо воспитаннымъ молодымъ людямъ во Франціи?»—*Маперей*,—отвѣчала г-жа *Кампанъ*. «Это правда, возразилъ *Наполеонъ*. Такъ пусть же, сударыня, будетъ принадлежать вамъ слава воспитанія маперей для дѣпей Французовъ.» Въ оспвѣтѣ г-жи *Кампанъ* заключается осповная идея ея системы воспитанія.

Маршалъ Сульть получилъ 71,000 визитныхъ билетовъ. *Виллель*, будучи на высшей степени своего благоденствія, никогда не получалъ больше 55,000.

Чепыреста вдовъ и дѣвицъ въ Англии сдѣли недавно на суда, чтобы не допустить до упадка Сиднейское народонаселеніе. Условный крикъ сбора сихъ женщинъ, при оспвѣздѣ въ Австралію, былъ: «Народонаселеніе Сиднея не погибнетъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ.

Шумить!... большой пы видишь свѣтъ!
 Вотъ шупъ ужъ и добро и худо:
 И блескъ и пуспяки и чудо!
 И что въ немъ еспъ!... чего въ немъ нѣтъ?...
 Балы, визиты и жарепы,
 Лакеи въ золото одѣпы
 И позолоченный обманъ!
 Для жизни ищутъ всѣ свободы,
 А бьютъ челомъ шорговкамъ моды!
 Вездѣ приличья кандалы
 Везутъ какъ куколь на балы:
 На выставку и для парада...
 И рада дѣвушка, не рада,
 А ужъ кружится до зарн,
 Со всѣми сладко говори
 И смѣйся заказной улыбкой;—

И шапой палією гибкой
И ножкой маленькой блесни...
И хопь ни часу не сосни,
А завпра надобенъ десениъ:
Изъ магазина въ магазинъ
Капай жену, иль дочь свою!
Пусь лошади, ижучась, пали;
Твои шансы обнищали:
Ты покупай изъ шали—шали,
И дымку—дымъ и кисею...
Но въ свѣтѣ есць для насъ и радость,
И пошь, кто свѣтъ въ ничто... не правъ:
Круглѣй въ немъ закруглился младосць,
И мягче спанеть грубѣй нравъ...
Ахъ! сладко чувствомъ подѣлишься
Съ живымъ, разумнымъ сущесвомъ,
И, понаскуча мотовствомъ,
Оспененишься... и женишься —
И живишь съ людьми, и для людей...
Женишься?... да! слуга покорной!
Ну, что ужъ эпаго спарѣй? —
Живешь одинъ—вездѣ проспорно!...
Ахъ, нѣтъ! не худо и двоимъ
Дѣлишься жребіемъ однимъ:
И сладко, съ милою женою
Вшроемъ съ семейной пишиною,
И въ мѣръ мирно жизнь веспи...
Она — виле свое плеспи,
А пы, при ней, займешья книгой:
Тамъ госпи... чай... и время мигомъ!...
Повѣрь, забавной мой чудакъ!
Что размѣря шакъ и шакъ,
Найдешь, что жизнь съ подѣломъ слаще —
И если есць съ кѣмъ дома бышь,
То вѣрно дома будешь чаще
И рѣже въ госпи выходишь. —
На свѣтъ все чепой и кругомъ,
Не созданъ человекъ одинъ:
Милѣе живишь съ сердечнымъ другомъ...
И пошь полнѣе гражданинъ,
Кто спалъ опцемъ и былъ супругомъ...
Калейдоскопъ — нашъ добрый свѣтъ!
Вернулъ — и новыя узоры!
Вдали онъ часто кажетъ горы,
А подойдешь — пылинки нѣтъ!!! —

И вопъ какъ я сужу о свѣтъ!
Онъ весь — большая куперьма:
Въ немъ живишь съ умомъ! и опытъ будь въ предметъ!
Но опъ него — не будь пы безъ ума! —
О. Глинка.

И Д И Л Л И Я.

(Подражаніе *Моску*).

Когда по зеркальной водѣ
Слегка скользишь зефиръ игривый,
Люблю я море, — скучны мнѣ
Лѣса и золотыя нивы.
Когда-жь ревѣшь съдой борей
И волны, спрашно съ бурей споря,
Сшибаясь мчались въ хлябъ морей —
Бѣгу я бѣшеного моря...
Милѣй тогда пѣнисмый лѣсъ,
Прелестны золотыя нивы:
Тамъ рѣже пишился сводъ небесъ,
Тамъ рѣже свищеть вѣпръ бурливый,
И пише пѣнился рѣка...
Жалка мнѣ доля рыбака!
Его жилище — ушлый чолъ,
Его богатство — въ безднѣ волнъ.
Щаспливѣй мы... въ пѣни деревъ
Мы можемъ въ полдень отдыханъ
И говору ручья внимапъ:
Онъ не спрашишь, какъ моря ревъ. —
В. Калонерскій.

20 Августа 1832.

C H A R A D E.

Mon premier, attribut d'une divinité,
Pare souvent au bal le front de la beauté.
Plus d'un livre en naissant recueillit les suffrages,
Dont bientôt l'on put voir les pages,
Cornets ou sacs, chez l'épicier,
Se vendre au poids de mon dernier.
Par une bizarre manie,
Tel homme assez souvent manie,
Mais pardonne peu mon entier.

Въ № 17, комъщенная шарада значить: *Загадка*.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА ЗА 1852
ГОДЪ.

(Продолженіе.)

17) Одинъ проспакъ, по имени *Долиникъ*, воображаетъ, что онъ продалъ, нечаянно, свою душу чѣрту. Чѣртъ эпошъ, молодой человекъ, пробиравшійся ночью опъ женщины, съ копорою онъ тайно обвинчанъ и встрѣпившійся съ *Долиникомъ*, у котораго за кошелѣкъ взялъ плащъ, чпобъ безопаснѣ добраться домой. Игра г. *Брянскаго* (*Долиникъ*) и нѣсколько комориспическихъ сценъ соспавляютъ достоинство комедіи: *Долиникъ*, или бѣснующійся.

18) Повѣсть *Цшошке*: Ночь на новый годъ, напечатана была въ Русскомъ переводѣ, лѣтъ десять тому назадъ, въ одномъ изъ *Петербургскихъ* журналовъ (въ копоромъ же именно, не вспомнимъ). Эту повѣсть г. *Мещериновъ* перенѣсъ цѣликомъ на сцену. Не имѣя драматическаго достоинства, пьеса упала, или вѣрнѣ выразишься, пала. Талантъ г-жи *Зубовой*, игравшей *Розу*, продолжилъ существованія эпои комедіи до впоораго ея представленія.

19) *Пикарь*, извѣстный во Франціи, съ начала нынѣшняго сполѣтія, комикъ, произведенія свои основывалъ на чертахъ изъ жизни средняго и низкаго класса людей. Вдругъ пришла ему мысль испытать свой талантъ въ изображеніи характера высшаго сословія. Вздумалъ и сдѣлалъ: написалъ комедійку: Упро *Генриха IV*. *Пикарь* вывелъ въ ней сего мудраго Государя какимъ-то охотникомъ примиряющъ любовныя ссоры своихъ офицеровъ. Вѣчный образецъ миниспровъ Европейскихъ, *Сюлли*, изображенъ здѣсь низкопоклонникомъ. А посему и прочая уразумѣвай! Русскій переводъ эпои комедіи весьма хорошъ; разыграна же она весьма дурно.

20) *Детушъ*, живя въ Англіи, влюбился павъ въ одну дѣвушку и тайно съ нею обвинчался. Сей случай подаль ему мысль написать комедію: Женатый философъ. Въ сей пьесѣ *Детушъ* опъ души забавляется

надъ женишьбою, желая, вѣрояпно, опмспить пѣмъ обществу за свой бракъ. Пьеса сія переведена была акперомъ г. *Каратыгиньмъ* сп. виолнѣ, п. е. въ пяти акпахъ, попомъ вздумалось ему сокрапить еѣ въ одинъ актъ. Эпо сокращеніе хотя и прибавило достоинства Русскому переводу, однакожь, убавя претію долгу плохихъ спиховъ, напоминало намъ эпиграмму Кн. *Вяземскаго*:

Критонъ, услужливый въ душѣ,
Въ комедіи своей изъ шрехъ два акта сбавилъ:
Конечно, онъ и зритель въ барышѣ,
Но какъ-то всё онъ лишній актъ оставилъ.

21) Семейство *Рикбургъ*. Эпа комедія передѣлана изъ Французскаго водевила: *La famille de Riquébourg*, имѣвшаго большой успѣхъ въ Парижѣ. Содержаніе эпои пьесы прекрасно-нравственное, чпо нынѣ, замѣпимъ мимоходомъ, большая рѣдкость во Франціи. Вопъ оно: молодой человекъ влюбленъ спраспно въ жену своего благодѣтеля, которая къ нему равнодушна. Чувство благодарности и чувство высокой нравственности, заспавляютъ его, въ опдаленіи опъ предмета своей любви, попушить пламенную спраспъ. Комедія сія переведена на Русскій языкъ и разыгрывается на Русской сценѣ прекрасно. Г. *Брянскій* (*Рикбургъ*) и г-жа *Каратыгина* сп. (жена его) неподражаемы. Не думаемъ, чпобъ было возможно совершеннѣ ихъ выполнить сіи роли.

22) Если чпо можетъ бытъ ничпожнѣ и безсвязнѣ комедіи: Двѣ тайны, пакъ эпои Русскій переводъ оной!

23) Адвокатъ хлопочетъ развести молодыхъ супруговъ и едва самъ не линается жены, которая чувспвуетъ привязанность къ молодому человеку, о разводѣ котораго онъ спарается.

Вопъ основа комедіи *Разводъ*, весьма удачно переведенной В. М. *Бакуиньмъ* съ Французской комедіи.

24) *Моцартъ* и *Сальери*, драматическія сцены, и

25) *Цыганы*, поэма.

Сія два геніальныя произведенія А. С. Пушкина, извѣстные всей образованной Публикѣ, мелкнули на сценѣ и скрылись съ нею. Причинъ этому нѣсколько: первая, что помилушья сочиненія созданы не для театра, вторая, что но кажется, доспапочно и одной первой причины.

26) *Преступная дочь* передѣлана весьма дурно съ плохой Италіанской оперы Adeline. Все достоинство этой пьесы, какъ и большей части Италіанскихъ оперъ, въ музыкѣ. Музыка Adeline сочинена г. Женерали, другомъ Россини, скончавшемся въ концѣ прошлаго года. На нашей сценѣ сія музыка погибла невозвратно. Опера; Преступная дочь, едва выдержала двѣ репрезентаціи.

27) Elisa e Claudio занимала не послѣднее мѣсто между оперъ, удачно выполненныхъ здѣсь бывшею Италіанскою труппою. Недостатокъ равносильныхъ ей паланповъ Русской оперы былъ причиною, что Элиза и Клавдіо не имѣли успѣха на Русской сценѣ. Г-жа Каратыгина м. (по опцѣ Биркина), игравшая главную родю въ этой пьесѣ, довершила ея паденіе.

28) Одинъ Полковникъ, — легкомысліе котораго запяпнало въ общемъ мнѣніи честь бѣдной дѣвушкѣ — швен, чпобъ загладиць свой поступокъ, женился на ней. На семъ основана прѣкрасная опера: *Невѣста*. Музыка ея, произведеніе Обера, восхищаетъ и Францію и Германію.

На Русской сценѣ сія опера украшается паланпомъ г-жи Шелеховой сп. (швея Генріета).

29) Прекрасный водевиль: *Les mémoires d'un colonel des husards*, явился сценическимъ осповомъ въ Русскомъ переводѣ: *Маль да удалъ*. Въ немъ не мелькнуло ни одной оспропы, которыми пренсполненъ его подлинникъ.

30) Молодой шалунъ *Баронъ фонъ-Тренъ*, сдѣлавшійся въ послѣдствіи времени испорченнымъ лицомъ, неоднократно сиживалъ въ крѣпости за свои проказы. Чпобъ прѣкратиць ихъ, *Фридрихъ великій* вздумалъ жениць Барона на дочери Магдебургскаго Губернатора.

Водевиль сей, являсь два—три раза на Пепербургской сценѣ, скрылся навсегда въ Театральномъ архивѣ.

31) Бѣдная крестьяночка лишилась было своего жениха за то, что она ночью въ припадкѣ лунализма зашла въ комнату молодаго офицера. Къ щастью, женихъ увѣрился въ ея вѣрности и женился на ней.

Успѣхъ водевиля *Крестьянка-лунатикъ* не столько зависѣлъ отъ собственнаго его достоинства, сколько отъ игры г-жи Шелеховой сп. (крестьянка).

32) Милая, хопя небольшая пьеса: *Женить-мертвецъ*, играется часто и всегда приноситъ удовольствіе Публикѣ. И симъ чистымъ удовольствіемъ обязана она паланпу г. Дюра.

33) *Филиппъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Филиппъ, въ бытность свою солдатомъ, спасъ жизнь благородной дѣвицы. Дѣвица сія, получивъ послѣ родителей богатое наследство, взяла *Филиппа* изъ признательности въ управители и изъ признательности же (чпобъ не сказать изъ любви) пайно съ нимъ обвинчалась. *Филиппъ*, изъ уваженія къ знаменному происхожденію своей жены, не переставалъ быть только ея управителемъ. Необходимость спасти честь сына ихъ заставила его объявить себя мужемъ своей госпожи.

Въ этомъ водевилѣ превосходить былъ Московскій гость г. Щенкинъ. Онъ игралъ *Филиппа*.

34) *Цирюльникъ и парикмахеръ*. Этотъ полуграмотный переводъ прошлаго Французскаго фарса упалъ бы съ перваго раза на Пепербургскомъ театрѣ, если бы не было принято у насъ правиломъ повторять каждый бенефисъ, изъ какихъ бы пьесъ онъ ни былъ составленъ.

35) Одинъ повѣса въ наклеенныхъ усахъ, желая подшунить надъ близорукостью Полковника-рубаки, заставляеть его, хипростью, снять очки. Хипрость сія оспкрывается, и Полковникъ заставляеть повѣсу снять въ свою очередь усы.

Нѣсколько забавныхъ сценъ и два—приоспрые куплета составляютъ достоинство водевиля: *Усы.*

Г. Дюръ опчечисно играешъ въ эпомъ водевилѣ нахальнаго повѣсу. Его дикція, его размахистые приѣмы, все соопвѣпспвуешъ роль имъ занимаемой.

(Окончаніе будетъ.)

М О Д Е С.

Ce n'était pas assez d'avoir repris les corsages en pointes à la châtelaine; les manches à sabots de nos trisaieules; d'avoir, à l'aide des gros plis sur les manches, parodié les paniers de nos mères; on veut essayer de rappeler la poudre. Aux derniers *grands bals*, plusieurs femmes avaient cherché à produire cette illusion d'antiquités.

Franchement, faisons justice de la poudre. Laissons-la aux cheveux vieillissans qu'elle doit cacher, mais nous, femmes, nous dont la parure de jeunesse est une chevelure soyeuse et brillante, ne devançons pas le temps qui ne vient que trop vite. Attendons les rides, pour cacher les cheveux blancs.

Et puis la poudre était supportable quand on dansait le menuet; quand une femme enchâssée dans ses paniers, élevée sur des talons rouges ne pouvait que glisser ses pieds terre à terre, et plier bien bas en se relevant avec gravité; mais aujourd'hui, où la toilette est libre et facile, où la seule grâce de la danse est une moëlleuse légèreté, que deviendrait la poudre? Figurez-vous une tête poudrée dansant la galoppe!

Sans doute l'essai ne sera pas heureux; attendons pour décider.

Les petits chapeaux de velours, élevés d'un côté, sont une des coiffures de demi-toilette en prédilection; ils vont à presque tous les visages, et conviennent à une femme de vingt ans aussi bien qu'à une femme de quarante-cinq. On les orne de plumes, et toujours de plumes de couleurs. Sur le noir, le bleu, mais ou pistache, sont charmans. En velours de couleur, les plumes sont généralement pareilles; cependant sur un velours pensée, les plumes roses se mettent et font très-bon effet.

Les turbans de formes simples sont ceux de meilleur goût, très-souvent ils sont faits de deux pièces de cachemire différent.

М О Д Ы.

Не удовольствовались шѣмъ, что ввели опять въ употребленіе лифы съ мысками *à la châtelaine*; рукава *à sabots* нашихъ прабабушекъ, съ помощію большихъ складокъ на бокахъ, передражнили фижмы прошедшаго поколѣнія; шеперь пробують ввести въ употребленіе пудру. На послѣднихъ большихъ балахъ многія дамы спарались вывести на свѣтъ сей призракъ спарины.

Говоря опкровенно, опдадимъ пудрѣ должную справедливость. Опоставимъ еѣ для соспарѣвшихъ волосъ, которые она должна прикрывать, но мы, дамы, для которыхъ въ молодости шелковистые и блестящіе волосы есть украшеніе, не будемъ предупреждать время, которое и такъ слишкомъ скоро приходитъ. Дождемся морщинъ, чтобы прикрывать сѣдые волосы.

Еще пудра была сносна, когда панцовали менуэпъ; когда дама въ большихъ фижмахъ, въ башмакахъ на красныхъ каблукахъ, могла только передвигать ноги, не опдѣляя ихъ опъ земли и присѣдая весьма низко, приподнимаясь съ важностию; нынѣ же, когда одежда свободна, гдѣ вся прелестъ панцовъ состоитъ въ нѣжной легкости, что сдѣлается съ пудрою? Представьте себѣ напудренную голову, панцующую галопъ.

Конечно проба будетъ неудачна; дождемся еѣ, чтобы рѣшить.

Небольшія бархатныя шляпки, приподнятыя съ одной стороны, весьма въ большемъ употребленіи въ полу-нарядѣ; онѣ идутъ почти ко всемъ лицамъ, и равно приличны дамѣ въ двадцать пять лѣтъ, какъ и въ сорокъ пять. Ихъ опдѣляютъ перьями, и все цвѣпными. Черныя шляпки прелестны съ голубыми, цвѣпна маисъ или фиспашковыми. Изъ цвѣпнаго бархата, перья всегда подъ цвѣпъ; однако на бархатѣ, фиолетоваго цвѣпна, прикалываютъ розовыя перья, что дѣлаетъ хорошій видъ.

Турбаны простыхъ фасоновъ счищаются въ лучшемъ вкусѣ; ихъ дѣлають весьма часто изъ двухъ разныхъ кашемировъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 8 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Крезъ богатѣешь каждый годъ,
И скупость каждый годъ его сильнѣе мучишь;
Бѣда! какъ новое наследство Крезъ получишь:
Онъ съ голоду помрѣшь!

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КТО-БЫ МОГЪ ПОДУМАТЬ!

Молодой, прекрасной и богатой *Наденькѣ* исполнилось уже двадцать лѣтъ, а пріятности брака не имѣли еще въ глазахъ ея ни малѣйшей цѣны.

«Женщины, говорила она, не должны покоряться этому властолюбивому полу, копорый сегодня вздыхаетъ у ногъ нашихъ, «жела вынудить наше признаніе, а завтра «спановится нашимъ пираномъ, если не-«вольный вздохъ, улыбка, или слеза, выска-«зали ему эпо признаіе. И за чѣмъ нала-«гаешь на себя оковы, копорыхъ послѣ уже «разорвать невозможно?»

И *Наденька* смѣялась, даже зѣвала, при одной мысли о замужствѣ.

Равнодушіе молодой и пригоженькой дѣвочки вопіетъ о мщеніи. Мстителю не замедлили явиться: нѣжныя изъясненія, спрашныя записочки, почтительная услужливость влюбленныхъ, жеманство оскорбленнаго пщеславія, словомъ—все было приведе-

но въ дѣйствіе, чптобы воспоржествовать надъ суровостью *Наденьки*. Сптаранія, сполько же безуспѣшныя, сколько неискусныя! они лишь увеличили ея предубѣжденія, и еще болѣе возстановили еѣ, особливо пропивъ любезности; самый привлекательный изъ обожателей спановился для неѣ вмѣстѣ и самымъ подозрительнымъ. Его немедленно исключали изъ длиннаго списка ея поклонниковъ.

Одна только женщина, скажутъ мнѣ, можетъ представлять собою примѣръ подобной спраннысти ума или сердца. — Погодите, любезный чипапель!

Случай свелъ нашу равнодушную красавицу съ молодымъ, споль же непримиримымъ врагомъ брака и чиспыхъ его наслажденій.

Любопытно было слушать разговоры *Наденьки* съ полковникомъ *Любославскимъ* о супружескихъ чувствованіяхъ.

— Мужу любить жену, это свойственно сполько людямъ дурнаго пона. — Женѣ любить мужа, это такое пошлое обыкновеніе.—

Соединить вмѣстѣ два богатства, дѣло другое. — Выпши за человека съ извѣстнымъ именемъ, еще просишельно.

По крайней мѣрѣ соглашались они въ томъ, что такова должна быть брачная чета хорошаго тона. Между тѣмъ, какъ они и не подозрѣвали того, бракъ мало по малу спановился для нихъ менѣе спрашенъ. Короче, такая симпатія антипатіи скоро рѣшила судьбу *Наденьки* и полковника. . . . *Наденька* сдѣлалась полковницею *Любославского*.

И какое согласіе воцарилось тогда между правилами и поступками нашихъ молодыхъ супруговъ. Первые мѣсяцы брака пролетѣли непримѣтно для обоихъ. . . . Они поселились въ огромномъ, великолѣпномъ домѣ; каждый изъ нихъ занималъ особую половину, совершенно отдѣльную. . . . Мужъ проводилъ время и принималъ гостей у себя; жена у себя; встрѣчаясь, они кланялись; даже почтительно спрашивали другъ друга о здоровьѣ — какое рѣдкое вниманіе! Мужъ допускаемъ былъ изрѣдка въ общество жены. . . . Въ довершеніе всего, они твердо сохраняли принятое ими намѣреніе: никогда не выдаваться безъ свидѣтелей.

За то, какое примѣрное супружество! Цѣлый годъ безъ всякихъ непріятностей, безъ ссоръ, безъ объясненій! Цѣлый годъ безъ малѣйшаго неудовольствія! . . .

— И пакъ! — говорила гордая *Наденька Людмила*, своей корошкой пріятельницѣ; не должно ли назвать меня и моего мужа супругами самыми щасливыми, самыми благоразумными, словомъ, супругами но превосходству?

Людмила, вмѣсто отвѣта, цѣловала своего первенца.

Но для *Наденьки* это было непонятно. Скоро послѣ того, однакожь, она спала скучна, задумчива; полковникъ сдѣлался мраченъ и печаленъ. Пронесся слухъ о скорой войнѣ. Полковникъ получилъ повелѣніе явиться къ своему полку.

«Перемѣны, которыя все замѣчаютъ въ склонностяхъ *Наденьки*, думаетъ *Людмила*, конечно не опъздъ ея мужа причиною. . . .

Полковникъ ѣдетъ искашь славы, а жена его не пребуептъ ли опъ замужства только извѣснаго имени? . . . »

Безпокойная нѣжность ея скоро привела её въ домъ полковницы *Любославской*.

Вообразите же удивленіе *Людмилы*, когда она не заспаетъ *Наденьки*, и узнаептъ, что она. . . . у полковника.

Людмила собирается съ мыслями, и слѣдуя внушеніямъ своей памяти, хочетъ по крайней мѣрѣ оказать услугу своей пріятельницѣ и прерваптъ ихъ tête-à-tête. Она приказываетъ доложитъ о себѣ, её проситъ войти, но шумъ-то уже она вовсе поперялась опъ изумленія!

Взоры полковника выражаютъ его щасіе: *Наденька* заливаептъ слезами. — «*Людмила!* вскрикиваетъ она, бросаясь въ объятія своей подруги, пожалѣй обо мнѣ! я нещаслива! Мы сей часъ только это узнали; онъ насколько не сомнѣвается въ этомъ! . . . Вообрази: мы любимъ другъ друга! . . . »

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАШНЯ СУЛТАНОВОЙ ДЩЕРИ.

(*Турецкое преданіе*).

Среди пролива, отдѣляющаго столицу Султановъ, Стамбуль опъ Скупари, Европу опъ Азію, одна высокая башня нѣсколько вѣковъ уже пропывоборспвуетъ лрости волнѣ. — Пспроенная на пустынной скалѣ, возвышающейсѣ надъ поверхностью моря, она съ своими освѣщенными верхами служитъ псперь маякомъ корабельщикамъ, которые ночью плывутъ по проливу. — Съ этой башни изумленный путешественникъ обозрѣваетъ Мраморное море съ его островами, великолѣпный градъ Султановъ съ его мечешями и дворцами, свѣтлую водную дорогу, ведущую въ Черное море, и живописные загородные дома обширнаго сада Скупарскаго у подошвы Азійскихъ горъ, кипарисомъ увѣчанныхъ. — Безмолвно и важно

споишь среди пучины башня Сулпановой дщери, какъ пышущелъпняя созерцательница сихъ Эдемскихъ красотъ, какъ очевидца споль многихъ радоспныхъ и спрашныхъ событій на рубежъ двухъ часпей свѣта. Въ высокихъ стѣнахъ ея, для входа дневнаго свѣта, въ прошедшемъ спольтїи пробито пѣсколько отверстїей по угламъ; но по всему видно, что сіе угрюмое зданіе построено для сохраненія какой нибудь важной пайны. Вѣрнѣ всякаго, кто въ наши времена слышетъ другомъ, оно исполнило свою обязанность. Выпописатели различно рассказываютъ о построенїи сей башни. Иные почитаютъ её за одну изъ двухъ башенъ, построенныхъ Мануиломъ *Палеологомъ* въ проливъ, чпобы запереть его цѣпью; Франки же называютъ её башнею Леандровою. Сказаніе народное, сія испина пайная, предапельская, объясняетъ пришельцу испорію башни Сулпановой дщери удовольворительнѣе, нежели тѣмныя, зачупанные рассказы древнихъ лѣтописцевъ. И мы на сей разъ послѣдуемъ сказанію, отъ котораго не останемся въ убыткѣ; ибо вмѣсто грозной желѣзной цѣпи *Палеолога*, оно заставляеть любовь связать двѣ части Свѣта цѣпью изъ розъ, для сладоспнаго, хопя и кратковременнаго соединенія двухъ спрашныхъ любовниковъ.

Много лѣтъ тому назадъ и долго ли спустя послѣ бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину, неизвѣстно, сидѣлъ на престолѣ *Османа Сулпанъ*, который почиталъ бы себя щаспливѣйшимъ смерпнымъ на землѣ, еслбъ его не мучила мысль, чпо не оставяеть по себѣ наслѣдника своего щаспїя.— Сулпанъ *Махмудъ* былъ бездѣпенъ. Его предполагаемый преемникъ, *Амуратъ*, дальняя опраслъ его фамиліи, сдѣлавъ однажды покушеніе на его жизнь, желая насладиться правомъ наслѣдства ранѣе, нежели ему суждено было судьбою. Но гнусный планъ былъ опкрытъ; *Махмудъ* пощадилъ жизнь преспунаго родспвенника, но опправиль его въ започеніе, исключивъ весь родъ его отъ всякаго прїпязанія на престолѣ.

Чѣмъ старѣе становился Сулпанъ, тѣмъ болѣе его превожила мысль, чпо не имѣеть

наслѣдника. Въ гаремѣ его увдали прелеспнѣйшіе цвѣты востока и запада, не принося ему плода. Могущественный повелитель, который каждый день, безъ опчета, могъ приносить въ жертву своему самовластїю дважды семь головъ, чувспивалъ себя нещаспнымъ: ибо до сихъ поръ не въ соспоянїи былъ дать жизнь ни одному челоуѣку.

Махмудъ ежедневно возсылалъ теплыя молитвы къ пророку, украшалъ Меккскую мечеть богатѣйшими дарами, но пророкъ, казалось, не внималъ его моленїямъ.—Тщепно совѣщался онъ съ мудрѣйшими дервишами; щепно строилъ больницы и мечепи; щепно пилалъ жалосп даже къ голоднымъ псамъ сполїцы, которыхъ велѣлъ кормить у врагъ своего дворца; онъ, казалось, осужденъ былъ судьбою, быть послѣднимъ своего рода.

Въ одну ночь, долго посповавъ о гореспной своей учаспи, *Махмудъ* въ просонкахъ увидѣлъ предъ собою преспарѣлаго, почпеннаго дервиша. Зелѣная чалма на головѣ дервиша свидѣтельствовала о его высокомъ происхожденїи; боговдохновенный, доброжелательный черпы лица показывали, чпо онъ посланникъ пророка. *Махмуду* лвспвенно послышалась слѣдующая рѣчь изъ успѣ видѣнїя:

«Повелитель правовѣрныхъ! Сѣмя благопворительности, побою посѣянное, принесло благословенные плоды; пророкъ вялъ твоимъ мольбамъ: исполненїемъ твоего пламеннѣйшаго желанія онъ намѣренъ ознаменовать твое непоколебимое упованіе. Та изъ женъ твоихъ, которую болѣе всѣхъ любишь, вскорѣ сдѣлаеться матерью!— *Махмудъ!* вскорѣ ты будешь опцемъ; но внимай совѣту, который даетъ тебѣ пророкъ чрезъ меня: желаніе твое исполнится, но пророкъ предвидитъ, чпо судьба всемогущая готовитъ тебѣ бѣдспїя отъ исполненія твоихъ желанїй; посему милосердіе его съ исполненїемъ твоей просьбы сопрягаеть два увѣщанія. Если у тебя родится дочь, то пророкъ намѣренъ украсить её всѣми женскими прелеспями. Но не ласкайся надеждою, чпо въ жизненномъ твоёмъ

саду расцвѣтеть роза безъ шиповъ:— доче-
ри пвоей будетъ угрожать опасность ли-
шитья жизни отъ укушенія змѣи.— Если
же родится сынъ, то ты погибъ; судьба
предопредѣлила, чтобы онъ былъ пвоимъ
убійцею, если его не предупредишь.»

При сихъ словахъ видѣніе почти исчезло
было въ пемногѣ ночи, но слабѣющія чер-
ты дервиша, сливаясь, вскорѣ приняли опять
образъ свѣтлаго лица съ выраженіемъ со-
спраданія, и *Махмудъ* услышалъ изъ устъ
дервиша слѣдующее:

«Если для младенца, имѣющаго родиться,
можешь построишь дворець въ такомъ мѣ-
стѣ, на которое никогда еще не спустила
нога смертнаго, на которомъ еще не про-
зибало ни одно распеніе, то отвези его шу-
да: тамъ спасешь сына отъ кинжала и ме-
ча, дочь отъ чудовищъ и мушницъ, кото-
рые могутъ сдѣлаться для неѣ опаснѣе,
нежели самые василиски; тамъ только жизнь
ея будетъ протекать, подобно свѣтлому,
луговому источнику въ пустынѣ, спруями
котораго ни одинъ человекъ еще не упо-
лялъ своей жажды.»

Видѣніе исчезло, и *Махмудъ* проснулся.

Сулпанъ, на крылахъ надежды, немедлен-
но поспѣшилъ въ свой гаремъ, у воротъ
когого онъ, къ невыразимой своей радости,
услышалъ изъ устъ одной невольницы прі-
ятную вѣсть, что дервишъ говорилъ правду,
что любимая Сулпанша его чувствуетъ
себя беременною. Теперь *Махмудъ* удо-
стоверился въ истинѣ всего, что въ прошлую
ночь предвѣщало ему видѣніе. Между тѣмъ,
какъ жипели сподлицы предавались увесе-
ліямъ, успроеннымъ *Махмудомъ* для празд-
нованія споль же щасливаго, какъ и пре-
возжнаго событія, Сулпанъ созвалъ къ себѣ
визиря, муфтія и умнѣйшихъ изъ своихъ
служителей, дабы съ ними посовѣтоваться,
какъ по опредѣленію ночнаго оракула ис-
полнить условіе, необходимое для обезпече-
нія будущаго щастія и для сохраненія жи-
зни царственнаго младенца. Обстоятель-
ство сіе было слишкомъ ново, даже для са-
мыхъ старыхъ и опытныхъ служителей
Сулпана, чтобы дать какой нибудь совѣтъ.

Начальникъ флота почиталъ за нужное
содержать Сулпаново дитя всю жизнь въ
плѣну на корабль; но онъ забылъ про бу-
ри и морскія чудовища. Муфтіи совѣпо-
валъ посадить младенца въ золотую кѣш-
ку, и повѣсивъ въ мечети, предоставивъ
его зашитъ пророка. Глубокомысленное че-
ло визиря, казалось, хотя и обѣщало му-
рый совѣтъ, но когда онъ присовѣтовалъ
отправить надежныхъ людей во всѣ спра-
ны свѣта, для опысканія мѣста, на кото-
рое ни одинъ человекъ еще не спунилъ,
то Сулпанъ, досаду на пуспословіе своихъ
совѣтниковъ, оспавилъ Диванъ, и отправи-
лся въ гаремъ, дабы въ объяпняхъ супруги,
кото́рой онъ обязанъ будетъ радостями
родительскими, самому придумать средство
къ спасенію давножеланнаго дитяти.— Лю-
бимецъ пророка и на сей разъ освобожденъ
былъ отъ пляжка гнѣта размышленія: изо-
брѣпательность его супруги, воспламенен-
ная маперинскою заботливостью, превзо-
шла умъ верховнаго визиря, муфтія и на-
чальника флота.— Фаворитка совѣтовала
посреди пролива построишь для дитяти за-
мокъ на утесѣ, который показывается изъ
волкъ только во время отлива. *Махмудъ*
былъ въ восхищеніи отъ сего плана, кото-
рый онъ внѣ гарема выдалъ за свой соб-
спвенный, и немедленно велѣлъ привести
въ исполненіе. Совѣтники Сулпана со спы-
домъ изумились изобрѣпательному уму ихъ
повелителя, а муфтіи былъ пвердо увѣ-
ренъ, что самъ пророкъ внушилъ ему эту
благодатную мысль, дабы онъ могъ испол-
нить велѣніе оракула.—Вскорѣ, не взирая на
всѣ затрудненія въ постройкѣ, вознесся на
утесѣ въ проливъ, насупропивъ Скупари,
великолѣпный мраморный дворець, имѣющій
спаружи видъ чепверугольной башни. Свѣтъ
проникалъ сверху чрезъ огромный куполь
въ дивное зданіе, у котораго на море не
было оконъ. Всѣ богатства, всю роскошь
Азіи, *Махмудъ* употребилъ на внутреннее
украшеніе сего замка. Сулпанъ обрадованъ
былъ рожденіемъ дочери.— Когда родилась
давножеланная, названная *Мизирь-Шигиль*,
что значить солнце красоты, то позоло-
ченная ладья, въ которой прелестнѣйшія

Черкашени управляли веслами, повезла новорожденную въ ея пансионное жилище на скаль, со всѣхъ сторонъ омываемой проливомъ. Великолѣпные, золотомъ и драгоценными камнями сверкающіе перемѣ, принесли Султанову дочь. Прекраснѣйшимъ невольницамъ ввѣрено было воспитаніе принцессы, которая выросла въ глубочайшемъ уединеніи, не видя другаго мужчины, кромѣ попечительнаго родителя.

Принцесса, по справедливости, заслуживала имя солнца красоты: ибо въ самомъ нѣжномъ возрастѣ прелестное лице ея уже замѣвало все ея окружающее великолѣпіе. Розы, въ сравненіи съ ея ланитами, были безцвѣтны, а драгоценные камни сверкали только въ свѣтѣ, заимствованномъ опъ ея очей. *Махмудъ* предупреждалъ малѣйшія желанія своей дочери; въ алебасровыхъ сосудахъ цвѣли вокругъ неѣ самыя рѣдкіе цвѣты Азіи; въ золотыхъ кѣпкахъ пѣли прекраснѣйшія пшочки, въ кристалльныхъ вазахъ забавляли ея самыя крошечныя золотыя рыбки; своды дворца оглашались мелодическими аккордами всѣхъ инструментовъ и пѣснями прелестныхъ невольницъ. Когда принцесса достигла четырнадцатой весны, то она мало по малу стала охлаждать къ младенческимъ увеселеніямъ. Невольные вздохи волновали перси Султановой дочери, и ею овладало какое-то неясное желаніе увидѣть свѣтъ внѣ ея пемницы. *Махмудъ*, замѣтивъ задумчивость дочери, угадалъ истинную причину оной.—Слѣзы ея уподоблялись росѣ на весеннихъ ночкахъ, и подобно симъ послѣднимъ, были предвѣстницами поры цвѣтня; но *Махмудъ* твердо помнилъ совѣтъ дровища: скрывать свою дочь опъ взоровъ мужчинъ. Если справедливо, что почка женственности можетъ расцвѣсти только въ свѣтѣ мужскаго ока, то *Махмудъ* нашелся принужденнымъ лишить дочь сего цвѣта; ибо онъ почиталъ за священную обязанность сохранить ея жизнь, хотя бы и на счетъ ея щастія.—Султанъ самъ содѣйствовалъ распространенію слуха о красотѣ принцессы, а его запрещеніе, въ силу коего ни одинъ мужчина, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣлъ приближиться къ баш-

нѣ, способствовало къ преувеличенію сего слуха.—Иноземные царевичи пріѣзжали въ Стамбуль, чтобы по крайней мѣрѣ съ берега посмотрѣть на завистливую башню, скрывавшую столь удивительный, но запрещенный плодъ; иные даже отваживались просить руки принцессы, но *Махмудъ*, подъ предлогомъ запрещенія пророка, рѣшительно отказывалъ всѣмъ женихамъ.

Италіанскій рыцарь, отважный прошець, рѣшился на дерзкое предпріятіе, вооруженною силою похитить красавицу-принцессу изъ ея пемницы; по плану его былъ открытъ Султану. Онъ приказалъ ночью напасть на вооруженную лхпу Италіанца, когда она пристанетъ къ башнѣ. Зачинщикъ заговора и его клеветы, послѣ опчаяннаго сопротивленія, взяты въ плѣнъ. Сіе происшествіе еще болѣе удостовѣрило *Махмуда* въ истинѣ оракула, который объявилъ мужчинъ опаснѣйшими врагами его дочери. Другой, можетъ спаться, увидѣлъ бы въ мушкетерахъ слишкомъ преданныхъ друзей принцессы, а въ отважномъ покушеніи Италіанца слѣдствіе излишней предосторожности; но *Махмудъ* вѣрилъ снамъ, и потому Италіанецъ долженъ былъ погибнуть. *Махмудъ* велѣлъ казнить смѣльчака, и выставивъ на копѣ его голову предъ врагами башни, въ угрозу всѣмъ, которые вздумали бы отважиться на подобное предпріятіе. На копѣ развѣвался алый флагъ съ черными словами: «смерть злодѣямъ, которые приближаются къ сей башнѣ!»—

На ланитахъ головы, выставленной подъ врагамъ башни, еще не успѣлъ погаснуть весь багрянецъ жизни, когда Персидскій принцъ *Мергубъ*, въ сопровожденіи своего наставника и друга *Рамналя*, прибылъ въ Скутари, куда привлекли его слухъ о дивной красотѣ Султановой дочери и желаніе овладѣть ею, во что бы то ни стало.

Грозный штандартъ, выставленный на пемницѣ прелестной *Мигирь-Шигиль*, не обещалъ принцу успѣха въ покушеніи его на сердце и гордость ея родителя. *Мергубъ*, изгнѣнная опрасть роскошнаго двора Испаганскаго, малѣйшія желанія коего доселѣ

рабски предупреждались, соединялъ съ будущею блестящею участью всѣхъ достоинствъ красоты душевной и тѣлесной. Молва о рѣдкой красотѣ принцессы наполнила его юное сердце какимъ-то неяснымъ желаніемъ и тѣмъ безпокойствомъ, которое въ жизни обыкновенно бываетъ спутникомъ стремленія къ извѣстнымъ только благамъ; но *Мергубъ* спраспно влюбился въ образъ прелестной принцессы, который онъ самъ себя создалъ; онъ жаждалъ ея, какъ мечтательные правовѣрные, съ презрѣніемъ даже щастливѣйшаго земнаго существованія, жаждутъ рая, не взирая на то, что невѣдомаго *тамъ* они не могутъ представить себя иначе, какъ мозаическою картинною, составленною изъ земныхъ, чистѣйшихъ радостей. *Мергубъ* впалъ въ цѣпленъщее уныніе съ той минутой, какъ увидѣлъ грозную башню, которая у жителей столицы называлась недоступною, и непроницаемымъ мракомъ покрывала драгоценнѣйшую жемчужину изъ восточныхъ дѣвъ, подобно какъ дикій утесъ въ пустынномъ ущельѣ скрываетъ рѣдкій цвѣтъ опъ въора странника. *Мергубъ* душевно скорбѣлъ объ участи прекрасной *Мигирь - Шигиль*; онъ ненавидѣлъ упрямаго отца, ибо не зналъ причины ея заключенія.—Сонъ оспался тайною для народа; слѣдственно не мудрено, что о Султанѣ и дочери его мало по малу распространились самые нелѣпые слухи. Иные рассказывали, что будто онъ скрываетъ въ башнѣ наследника престола, дабы сберечь его опъ искушеній развращеннаго міра; другіе же утверждали, что у него родилась спрашно уродливая дочь, самаго злобнаго нрава, и что по сей причинѣ скрываютъ ея въ оной башнѣ.

Сія послѣдняя молва достигла и до ушей *Рамналя*, который сею вѣстью весьма непріятнымъ образомъ поразилъ своего питомца и царственнаго друга. Принцъ пребывалъ достовѣрныхъ извѣстій, пребывалъ ихъ насстойчиво опъ своего меншора.—«Какъ,» говорилъ онъ: «неужьто я изъ опечества пріѣхалъ сюда для того только, чтобы меня снѣдала спрасть къ невиданному нѣкъ чудовищу! *Рамналь!* вывѣдай

что нибудь достовѣрное о красотѣ принцессы, и помоги мнѣ освободить ея изъ темницы!»—Изобрѣтательному уму *Рамналеву* не прудно было узнать истину, споль желаемую принцемъ и споль нужную для возвращенія ему разсудка; ибо *Рамналь* почипалъ его безумнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ влюбился въ принцессу-невидимку, которая со дня рожденія жила въ башнѣ безъ оконъ. Сей хитрый наставникъ, при помощи принцевыхъ служителей и подкупленныхъ наемниковъ, умѣлъ обратиться глухую, досель немногимъ извѣстную молву о чудовищной наружности принцессы въ громогласную народную сказку, которой онъ придалъ видъ правдоподобія посредствомъ вымышленныхъ подробностей въ описаніи уродливости и злости заключенной принцессы.—Черезъ другихъ людей онъ распространилъ въ народѣ слухъ, что будто Султанъ содержитъ въ башнѣ безумнаго, кровожаднаго сына, который нѣкогда вѣроятно будетъ косить головы правовѣрныхъ по тысячамъ. Гордость и родительская любовь Султана, равно какъ и самолюбіе его фаворитки, матери принцессы, сильно огорчили сею нелѣпою, обидною молвою; почему Султанъ, по неотспутнымъ просьбамъ супруги, рѣшился на такое дѣло, которое должно было уничтожить оба слуха, и доказать свѣту, что повелитель востока, по дивному велѣнію пророка, скрываетъ въ башнѣ опъ внѣшнихъ непріязненныхъ покушеній не чудовище, а прелестнѣйшую въ свѣтѣ дѣву. Вопреки обычаю своего народа, *Михмудъ*, по совѣту фаворитки, рѣшился удостовѣрить истинно-обманутый народъ, и позволилъ ему взглянуть на солнце красоты.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р О Н Д О.

Въ блистаньи полной красоты,
Съ улыбкой милой, неземною,
Какъ гость небесъ передо мною,
Мой нѣжный другъ, предспала ты!

И сладкія любви мечпы,
Уже меня не оставляли,
И всюду образъ швой являли,
Въ блистаньи полной красоты.
Я зрѣлъ его передъ собою
Вездѣ; онъ слѣдовалъ со мной,
Какъ духъ - хранитель вѣрный мой,
Съ улыбкой милой, не земною.

Надеждой сладостной, святою,
Пролей мнѣ каплю счастья въ грудь,
И жизни спущницею будь,
Какъ гость небесъ передо мною!

Мнѣ шепчуть сердце и мечпы,
Что вижу даръ въ тебѣ небесной,
Что мнѣ подругою прелестной,
Мой шажный другъ, предстала ты!

С. Степановъ.

12 Января 1833 года.
Сердобскій уездъ.

МОЯ ПѢСНЯ.

Пока душа еще хранишь
Опъ опыша разсудокъ здравой—
Меня любовь не заманишь
Своей улыбкою лукавой!
Красавицъ я люблю путаешь
Челомъ угрюмымъ, взоромъ дикимъ;
Я не привыкъ ихъ гнѣвъ счищать
Себѣ нещасіемъ великимъ.
Пускай онъ между собой
Даюшь смѣшныя мнѣ названья,
И съ хипрымъ видомъ соспраданья
Коварно шушяпъ надо мной;
Мнѣ не обидны ихъ укеры:
Равно безсильны для меня
И взоры, полные огня,
И колкіе насмѣшекъ взоры! —
Нѣтъ, нѣтъ! пока душа хранишь
Разсудокъ опышней и здравой,
Меня любовь не заманишь
Своей улыбкою лукавой!

В. III—скій.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ азбукѣ лишь Русской вы найдете;
Вторымъ по древнему рѣку вы назовете,
Которая межъ рѣкъ Россійскихъ—исполнитъ:
Близъ береговъ ея родился Карамзинъ.
Последній слогъ—согласья изъявленіе;
А *цѣлое*, безъ всякаго сомнѣнья,
Вамъ много разъ случалось разгадать.
Теперь позвольте мнѣ иначе рассказать:
Нерѣдко *первый* слогъ по воздуху лешаетъ,
Бышь можете, видѣли и вы когда шбудъ,
И всякій разъ, его воздушный гунъ
Людей спрашивъ, хотя и забавляетъ;
Но ежели мы въ немъ опыщемъ смыслъ иной
И назовемъ его, земной,
То, какъ Коперникъ утверждаетъ,
Опъ даже солнце обшекаетъ;
Второе злобному въ шой жизни угрожаетъ;
А въшренникъ и ропозей,
Но чаще всѣхъ глухой, недослыхавъ рѣчей,
Мое *последнее* вамъ дѣлаюпъ опвѣщомъ;
А *цѣлое*... Но дѣло не объ этомъ...
Еще иначе вамъ я рассчитаю хочу:
Два слога *первыя* начало заключаешъ,
Оно рѣка—въ Россіи протекаетъ,
И я о помъ не умолчу,
Что въ водномъ она извѣстна сообщенн
Межъ двухъ морей;
Последній слогъ въ уношребленн
Для подшверженія рѣчей;
Но *цѣлое*—вы согласитесь сами,
У васъ давно передъ глазами.

С. Степановъ.

12 Января 1833 года.
Сердобскій уездъ.

Въ № 18, помѣщенная шарада значитъ: *Epi-gramme*.

М O D E S.

On place des fleurs sur les bonnets, comme on place des rubans; contre la blonde, près des cheveux se trouve une guirlande de petites fleurs, qui se termine de chaque côté en s'étendant un peu, en une

ou trois branches. Les roses muscades d'un blanc jaunâtre, ou les roses noisettes d'une teinte pâle si douce sont charmantes et légères. Un délicieux petit bonnet à larges barbes de blonde arrondies, porté par une jeune femme extrêmement blonde, avait pour ornemens, avec des rubans blancs, une de ces guirlandes très-délicates en lilas de Perse. Il sort des magasins de Madame Lepetit, et les fleurs des magasins de Mlle Cazaubon.—La toilette entière mérite d'être citée; s'étais une robe de satin broché lilas, dont le corsage était caché par un mantelet de blonde noire attaché par un nœud de gaze lilas; les manches de blonde à bouffans nouaient par des nœuds de même couleur.

Au lieu de rejeter les chaînes en arrière comme on le faisait il y a quelque temps; on les fixe à l'épingle de la cravatte; alors elles retombent droites pour s'arrêter à la ceinture, où elles conduisent une cassolette ou des besicles.

Les boas avaient chassé les palatines plates; voici que les palatines ont de nouveau repris leur place. Il n'est plus permis de porter un boa le soir dans un salon; on voit beaucoup de fourures à longs pans doublées de soie de couleur éclatante.

Une jolie redingotte de demi toilette est en velours épinglé ou satin des Indes, garnie devant depuis le haut du corsage jusqu'au bas de la jupe, d'une rangée de nœuds composés de bouts sans coques, en ruban de gaze, diminuant graduellement du premier au dernier.

Nous avons omis à propos des corbeilles et des trousseaux; de parler d'une merveilleuse innovation due à l'active intelligence de M. Gagelin; qui n'oublie rien de ce qui peut être *comfortable*. Il fait ajouter au service de table, des dessus de nappe destinés à entourer les surtouts placés au milieu du service. Ordinairement on emploie des napperons carrés qui ne couvrent qu'une partie. Ceux-ci sont de longues bandes qui se placent sous les plats, et que l'on enlève en même temps que les plats, de sorte qu'au moment du dessert la table se trouve parfaitement propre, sans aucun dérangement.

М О Д Ы.

На чепчики накалываютъ цвѣтны, какъ накалывали ленты; подъ блонду, къ волосамъ, кла-

дутъ гирлянду изъ мелкихъ цвѣтновъ, которая оканчивается продолжаясь немного одной или тремя выпками. Мушкетерскія розы желтовато-бѣлаго цвѣта, или ореховыя розы споль блѣдно-нѣжнаго цвѣта, легки и прелестны. Прекрасный маленькій чепчикъ, съ округленными широкими блондовыми лопослями, былъ, на весьма бѣлокурой молодой дамѣ, отдѣланъ бѣлыми лентами и одною изъ сихъ легкихъ гирляндъ изъ Персидской сирени. Чепчикъ изъ магазина Г-жи Lepetit, а цвѣтны изъ магазина дѣвицы Cazaubon.—Достоинно описать весь нарядъ: платье изъ запканнаго лилового апласа, лифъ прикрытъ черной блондовой маншилей, прихваченный газовымъ лиловымъ бантомъ; блондовые рукава съ буфами перевязаны бантами шакого-же цвѣта.

Вмѣсто того, чѣмъ откидывають цѣпи назадъ, какъ то дѣлали, ихъ прикалываютъ булавкою къ галстуку; онѣ висятъ прямо до пояса, гдѣ прихвываютъ корбочки или очки.

Хвосты изгнали было совсѣмъ палатины; но вѣтъ палатины опять заспунили мѣсто хвостовъ. Вечеромъ въ собраніи уже не позволено быть въ хвостахъ; очень много видно палатиновъ съ длинными лопослями, подложенныхъ плащюю яркихъ цвѣтновъ.

Красивый рединготъ для полу-наряда, изъ булавчатаго бархата или Индѣйскаго апласа, отдѣланный спереди, отъ верха лифа до низу юбки, рядомъ бантовъ, сославленныхъ изъ концевъ безъ пепель, изъ газовыхъ лентъ, уменьшалась поспешно отъ перваго до послѣдняго.

Говоря о карзинкахъ и о приданыхъ, мы не сказали ни слова о чудесномъ нововведеніи, за которое мы обязаны дѣлательному соображенію Г-на Gagelin, не забывающему ничего, что можетъ быть удобно (*comfortable*). Онъ прибавляетъ къ споловому прибору шпуки, наспилаемыя сверхъ скаперши, которыя должны окружать судки, спольцѣ въ срединѣ спюла. Обыкновенно употребляютъ для сего скаперши, которыя покрываютъ одну только часть. Эти же длинныя полосу, которыя подкладываютъ подъ блуды, и снимають вмѣстѣ съ ними, пакъ, что къ десерту споль оснается совершенно чистъ, безъ всякаго распройства.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 20.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 11 ДНЯ 1833 ГОДА.

Вамъ надо ладить такъ съ мужчиной,
Чтобъ онъ вѣкъ не былъ виноватымъ.
У дѣвушки на все есть средство:
И кспати подойти, и вовремя взглянуть,
И ласково промолвить что нибудь;
Любезной надо быть! Любезность не кокетство:
Все знаютъ это съ давнихъ поръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОКРАШЕННЫЙ ВОЛОКИТА.

Вамъ угодно сочинить комическую оперу, весѣлый водѣвиль? Вы пребудете на это моего совѣта? Готовъ служить вамъ. Вотъ, какъ это блюдо спрягается въ Парижъ!

Ревнивый мужъ, молодая, хорошенькая и въпреная жена, волокита офицеръ—и водѣвиль готовъ. Мужъ подозрѣваетъ, что жена не совсѣмъ равнодушна къ нѣжностямъ поручика: военные издавна пользуются преимуществомъ бѣснн ревнивыхъ мужей. Но это мужъ употребилъ классическое средство для того, чтобы открыть истину и узнать повѣрнѣе, какого рода отношенія существуютъ между поручикомъ и его виновною половиною. Онъ выбираетъ для этого небольшую припворную повѣзку. Вы найдете сію пружину заржавѣлою, сіе средство пошлымъ, незамысловатымъ и, споль же старымъ, какъ женихъба. Я опчаснн съ вами согласенъ; но подобно спарому ви-

ну и спарому другу, сія завязка вѣрна и влечетъ за собою неизбѣжныя слѣдствія. Разумѣется, что брюзга-ревнивецъ заранѣе предупредилъ своихъ работниковъ, собрался и отправился въ дорогу. Часа черезъ полтора, онъ возвратился домой и спрягался въ своей рабочей.

Вы опять возстанете противъ старины? Что же мнѣ дѣлать? свѣтъ спойтъ 7,000 лѣтъ, спраснн человѣческія не измѣнились, ихъ не прибыло и не убыло; онѣ все однѣ и пѣ же. У Грековъ, у Римлянъ, у Мидянъ, у Турокъ водилось, что въ отсутствіе ревнивыхъ мужей молодая жена охотно принимала любовниковъ; свиданіе наединѣ гораздо сладостнѣе. Воспользоваться минутою свободы такъ пріятно! Разумѣется, что поручикъ не упустилъ этого случая, и молодая жена не заставила долго просить себя объ особенной аудіенціи, или *conversation criminelle*, какъ говорятъ Англичане.

Для нашихъ любовниковъ все было—во-
сторгъ и удовольствіе; все предспавлялось

пмъ въ какомъ-то радужномъ цвѣтѣ, какъ вдругъ нагрнулся мужъ. Къ довершенію нападши, эптопъ мужъ былъ сипщовой фабриканти. Безполезно было бы сопропвивляться; шпага поручика почно также, какъ и прослая деревянная палка, не успояла бы проптивъ двадцати дубинъ дюжихъ работниковъ, которые жарко вспунились за честь своего хозяина. Поручика схватили и вынащили изъ комнаты. Жена съ ошчаянія плакала, рвала на себѣ волосы, и словомъ, дѣлала все, что дѣлаютъ женщины въ подобныъ случаяхъ.

Оспавалось наказанъ волокшпу. Огромный чанъ съ голубою краскою, не слишкомъ горячею и не очень холодною, былъ какъ будто нарочно для него пригопвленъ. Работники не спали долго думанъ и окунули его пуда съ ногами и съ головою. Попомя, желал, чнобы краска имѣла хорошій видъ, была прочна и не могла скоро полинпшь, или смыпшься, они пославили чувспвшельнаго поручика передъ огнемъ, и начали сушпшь его, какъ окрашенную шпуку суйна. Наконецъ, когда онъ пообсохъ и порядочно нанпшался краскою, и когда краска покрылась превосходнымъ лоскомъ, ему опворили двери, и голубопѣрая шпанка вылетѣла на свободу.

Къ нещаспю, на другой день назначень былъ парадъ, и лазоревый волокшпа непременно былъ обязанъ памъ присутспвованъ. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Конечно, бываютъ люди красные, черные, желтые, бронзоваго и оливковаго цвѣта, но голубыхъ людей не сыщешь во всей поднебесной; ни подъ какимъ земнымъ поясомъ природа не одарила человѣка лазорвою кожею; надобно быть красильщикомъ, а сверхъ того, ревнивнымъ и обманушимъ мужемъ, чнобы присовокуппшь эптопъ цвѣтъ къ тѣмъ, которыми оплпчаются племена мѣрскіе опъ одного полюса до другаго. Много было хлопотъ бѣдному офицеру; онъ не пощадил ни щолоку, ни мыла, ни одеколона, чнобъ испребить съ лица своего цвѣтъ индиго, и наконецъ, чрезвычайными усилиями добился до того, чно успѣлъ придашь ему превосходный небесный цвѣтъ, немного посвѣт-

лѣе васильковаго, почши такой, какъ цвѣтъ Берлинской лазори, *lapis lazuri*, или яркій бирюзовый. Весь полкъ согласился въ помя, что краска ревнивца превосходна, и офицеры, напуганные симъ примѣромъ, твердо рѣшились сохранять спрояйшую оспорожность въ обращеніи съ хорошенькими женами ревнивыхъ красильщиковъ. Признапшь надобно, чно не совсѣмъ прпятно войпши къ своей любезной бѣлому какъ снѣгъ, а выппши опъ неѣ раскрашенному, какъ *шучка съ голубыми пероми*.

Съ Франц. пер. *Ил. Г—въ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАШНЯ СУЛТАНОВОЙ ДЩЕРИ.

(Продолженіе.)

Подъ предлогомъ, будто принцесса жаелаетъ видѣть бѣгъ лодочниковъ въ проливѣ, равно какъ и народъ Констаншпнопольскій и государспвенныхъ вельможъ въ ихъ торжеспвенныхъ нарядахъ, Султанъ успропль таковой праздникъ со всевозможнымъ великолѣпемъ. Въ одинъ прекрасный лѣпній вечеръ проливъ вокругъ башни покрылся тысячами богато-украшенныхъ шлюбокъ, которыми Султанскими спорожевыми кораблями были держимы въ приличномъ опдаленіи, однакожъ въ такомъ разспошнп, чно плавающіе по морю могли все видѣть, чно происходило у башни. Тамъ-то, подъ сѣнью бархатнаго намента, возвышался изъ моря позолоченный балконъ, съ котораго дщерь Султана, сіе ослѣпительное солнце красопы, должна была впервые взглянуть на свѣтъ, ей досель совершенно чуждый. Само собою разумѣется, чно *Мергубъ* и его другъ *Ралналь* также находились въ числѣ любопытнеспвующихъ, коими кипѣла вся поверхность пролива. Принцъ былъ внѣ себя опъ радости, видя, чно хпспроспши его наспавника увѣнчались полнымъ успѣхомъ. На переднемъ декѣ великолѣпной яхты, на которой развѣвались вымпелы и флаги его опчестства, сподлъ принцъ въ богатой, драгоценными камнями и жемчугомъ оспанной

одеждѣ, подлѣ самаго балкона. *Мигурь-Шигиль* явилась въ сопровожденіи родителя; тонкое, прозрачное покрывало, только издали замѣтное, а вблизи сплюснми едва видимое, облекало ея лице, которое даже сквозь сію ткань заимло собою сіяніе вечерняго солнца.—Гребцы, при видѣ ея, опустили весла, и ладьи ихъ, какъ-бы очарованныя башнею, не могли пронуться съ мѣста.—Мертвая пишина воцарилась на тихой поверхности воды; все казалось безжизненнымъ въ созерцаніи дивно-прекрасной царевны, которая, будучи пріятнѣйшимъ образомъ поражена зрѣлищемъ великолѣннаго народнаго празднества, въ живѣйшемъ изумленіи, казалось, одна только обнаруживала признаки жизни. Теперь — по *Мергубъ* ночель за нужное, обративъ на себя вниманіе принцессы. Онъ взялъ изъ рукъ невольника великолѣпную кристальную вазу, полную драгоцѣннѣйшаго масла Шпраскихъ розъ; вынулъ оное въ море по направленію текущихъ къ башнѣ волнъ, и посредствомъ шелковыхъ флаговъ приказалъ распространить по струямъ пролива. Очаровательное благоуханіе разлилось вокругъ башни; принцесса взглянула на кристальный сосудъ, сверкавшій какъ алмазь, въ сіяніи вечерняго солнца, и шепнула нѣсколько словъ олицу своему, который, подозвавъ къ себѣ служителя, далъ ему порученіе, очевидно до *Мергуба* касавшееся. Въ ту самую минуту, какъ посланный уже привалилъ къ Персидской яхтѣ, *Мергубъ* разбилъ драгоцѣнный сосудъ съ такою силою объ голову дракона, украшавшаго носъ его корабля, что сверкающіе дребезги алмазнымъ дождемъ разлетѣлись по тихому вечернему воздуху, и когда посланный подошелъ къ принцу, съ просьбою, чтобы онъ уступилъ принцессѣ прекрасный кристальный сосудъ, по *Мергубъ*, успремивъ зорь на красавицу, воскликнулъ: «сосудъ, изъ котораго изливалось благоуханіе для солнца красоты, не могъ быть посвященъ другому употребленію,—и потому я его разбилъ; ибо вовсе не ожидалъ счастья, что мнѣ дозволено будетъ повергнуть къ ея стопамъ сей недостойный сосудъ!»

Солнце попонуло въ Черное море, а солнце красоты удалилось во внутренніе покои башни. Празднество кончилось; еще нѣскольکو времени народъ Султанской столицы громкими восклицаніями изъявлялъ свою радость, что башня не заключаетъ въ себѣ ни кровожаднаго паслѣдника, ни женскаго чудовища; потомъ все умолкло въ проливѣ, и прежняя безмолвная таинственность покрывала башню и дробящіяся вокругъ нея волны.— Грозные спорожевые корабли заступили мѣсто живописныхъ гоцдолъ, и расположились, какъ прежде, вокругъ башни. Между тѣмъ, какъ *Мергубъ*, восхищенный красотою принцессы, на возвратномъ пути въ Скупари замышлялъ средства, какъ-бы освободить еѣ изъ темницы, она на мягкихъ, благоуханныхъ пуховикахъ была преевозима смутными грезами. Мужественно-прекрасныя черты незнакомца, разбишаго для неѣ драгоцѣнный, алмазами украшенный сосудъ съ благоуханіями, безпрестанно носились предъ ея очами, и въ этотъ вечеръ душа ея впервые занята была мыслію, почему ей непременно должно жить въ разлукѣ съ міромъ, сокровищницею столь многихъ удовольствій и радостей.

Махмудъ вскорѣ имѣлъ причину горько раскаяться въ томъ, что показалъ свѣту сокровище, которое онъ долженъ былъ опъ него скрывать по велѣнію пророка. Очаровательная красота принцессы, которая казалась еще плѣнительнѣе за таинственною завѣсою ея участи, какъ волшебство, подѣйствовала на пылкія сердца молодыхъ Оптоманскихъ вельможъ; подобно безумнымъ, многіе изъ нихъ цѣною жизни домогались воображаемаго блаженства. Многочисленныя нападенія на башню предпринимаемы были вооруженною рукою, но всегда были отражаемы войнами Султана.— Дружина благороднѣйшихъ юношей предприняла общій приступъ къ башнѣ, чтобы освободить принцессу, которая, въ слѣдствіе условія, должна была выбрать себѣ супруга изъ освободителей; при чемъ каждый изъ смѣльчаковъ надѣялся, что сей выборъ будетъ наградою его любви и мужества. Настоящая морская война возгорѣлась въ проливѣ, и тысячи падали

жертвами своего безумнаго спремленія. Султанъ, котораго сіи плачевныя событія еще болѣе утвърдили во мнѣніи, что мушны самыя опасныя враги его дочери, принималъ всевозможныя оборонительныя мѣры, и морскія и сухопутныя силы его мало по малу испребили всѣ полчища опважныхъ мяшежниковъ.— *Махмудъ* приказалъ выспаивать на башнѣ головы побѣжденныхъ, и жилище юной, цвѣтущей принцессы, снаружи усыянное человѣческими коспиями, походило на мерпвый черепъ, въ углубленіи коего распускается ароматный весенній цвѣпокъ.

Во время сей достопамятной, междоусобной войны, которая кончилась поражениемъ мяшежниковъ, *Мергубъ* съ большаго успѣхомъ направлялъ свою атаку не противъ башенныхъ стѣнъ, а противъ ихъ прелестной обитательницы. Грекъ, отправляясь на войну, такъ рассказываетъ лѣтописи искусства, прощался съ своею возлюбленною, дочерью горшечника;—стѣни разлучающихся пали на стѣну; рыдающая невѣста покрыла стѣну глиною, шупъ случившеюся, и получила оппечалокъ милаго ей образа: любовь сдѣлалась изобрѣтательницею пласпики. Столь же изобрѣтательною оказалась и теперь любовь, чтобы доставить принцессѣ изображение *Мергуба*, не въ знакъ памяти при прощаніи, но какъ залогъ его пламеннаго усердія къ красавицѣ.— Принцъ замѣнилъ, что сизый голубокъ весьма часпо прилепалъ изъ башни на противоположный берегъ—грѣясь на солнцѣ. *Мергубъ* наполнилъ ручными голубками красивую, снабженную западнею клѣтку, и поставилъ еѣ близъ дома своего на берегу пролива.—Одинокій въ башнѣ голубокъ вскорѣ попалъ въ западню;—онъ поигралъ съ спраспными голубками, былъ сыпо накормленъ и опять выпущенъ, послѣ чего онъ возвратился въ башню къ своей повелительницѣ. Посѣщенія голубка въ Скупари возобновлялись каждый день, и *Мергубъ* находилъ въ немъ самага надежнаго посланника любви. Въ одинъ вечеръ онъ надѣлъ на шею голубка свой портретъ и записочку, содержащую въ себѣ слѣдующія слова на Турецкомъ

языкѣ: *Мергубъ*, принцъ Персидскій, подносившій солнцу красопы сосудъ съ Ширасскимъ розовымъ масломъ, намѣренъ самъ себя посвятить прелестной дочери Султана!

Принцесса, волнуемая сладоспными грезами, на ту самую пору покоилась на золотомъ диванѣ во внупреннемъ дворѣ своей темницы, когда воркующій посланникъ любви влѣпѣлъ сквозь открытый сводъ башни, и спустился на ея изголовье. Взоръ проснувшейся принцессы палъ на спрпанное ожерелье ея любимца, и она опѣпенѣла, увидѣвъ изображение принца.—Невыразимое, изъ спраха и радоспной надежды слянное чувство объяло еѣ при видѣ перваго порпрепа, который представился ея изумленнымъ очамъ. Она сей часъ узнала черты того, который сдѣлалъ такое глубокое впечатлѣніе на ея юное, для любви проснувшееся сердце, и когда прочитала записку, сопровождавшую милый подарокъ, то все ей объяснилось. Инстинктъ и спрахъ посовѣтовали ей рачительно скрыть драгоценныя подарки, дабы ихъ не увидѣлъ опець, который всегда описывалъ ей мушнѣ, какъ хипрыхъ губипелей, и върояпно наказалъ бы позорною смертью опважное предпріятіе принца. Посему она полько въ опспуспивіи невольницъ наслаждалась созерцаніемъ драгоценныхъ чертъ того чловѣка, въ которомъ видѣла своего избавителя, и потомъ спала помышляя о средспвахъ, какъ-бы передать возлюбленному свои чувспвованія.

Принцесса питала спраспную любовь къ рѣдкимъ цвѣтамъ. Посвящая симъ невиннымъ чадамъ природы, самое заботливое попеченіе, она сокращала уединенныя часы свои одинокой, заповорнической жизни. Ей знакомъ былъ языкъ цвѣтовъ, переселенный и въ башню ея служительницами, пипомичами серала. Она воспользовалась сими познаніями, чтобы съ помощію ручнаго голубя опвѣчать принцу. Вскорѣ *Мергубъ* получилъ чрезъ посланника своей любви букетъ, составленный изъ амаранша, цвѣтущей земляники, ландыша и аколіи.— Съ помощію мудраго *Ралиалля*, *Мергубъ* пе-

ревель значеніе помянутыхъ цвѣтовъ съ селамъ серальскаго въ слѣдующія предложенія: «Почти ты разрушила спокойствіе души моей!—Оспанься мнѣ вѣрнымъ!—Сблизься со мною, и ты меня лучше узнаешь!—Будь смѣлѣе: для малодушныхъ не цвѣтутъ розы любви!»— *Мергубъ* былъ въ восторгѣ отъ посланія, которое одна только любовь могла внушить принцессѣ. Онъ рѣшился отважиться на все, чтобы сдѣлаться достойнымъ любви принцессы. Онъ спалъ замышлявъ новую хитрость, какъ-бы увидѣвъ лице принцессы, а до исполненія сего плана, бесѣдовалъ съ нею самыми спрашными выраженіями, посылая ей каждый день любовныя цвѣты, и воспламеняя любовь ея къ себѣ до такой же степени, до какой возгорѣлась его любовь къ прелестной узницѣ.

Неперыніе, съ каковымъ принцесса ожидала отъ *Мергуба* вѣсти, передаваемой ей пернатимъ посланникомъ, заспавило ея изобрѣсти часы цвѣтовъ несравненно ранѣе знаменитаго Упсальскаго ботаника. По вскрытію и закрытію цвѣтовъ въ своей пещицѣ она научилась довольно точно опредѣлять время, когда возвратится голубокъ изъ своего воздушнаго путешествія въ гаремъ, успроенный ему *Мергубомъ* на берегу Скупарскомъ. Вскорѣ она симъ путемъ получила отъ *Мергуба* нѣсколько спрокъ, которыми увѣдомили ея, что онъ, не взирая ни на какія опасности, непремѣнно вкрадется въ башню и увезетъ ея, что для эпаго ей спойтъ только наспойчиво пребывать отъ Султана, для ея комнашнаго цвѣтника, черныхъ Персидскихъ розъ, которыхъ нѣтъ во всемъ его государствѣ. — Принцесса вздрогнула при словѣ опасность, а мысль, что принцъ намѣренъ вкраспья въ ея дѣвственнаго уединеніе, наполнила ея неизвѣстнымъ досель препенетомъ; но взглянувъ на изображеніе прекраснаго, отважнаго юноши, который изъ любви къ ней подвергаетъ свою жизнь очевидной опасности, она побѣдила свою робость, и на зеленой шелковинкѣ привязала къ шеѣ голубка алыи розовый листочекъ, что на языкѣ цвѣтовъ выражаетъ да.—

Принцесса едва успѣла вѣрнуть свое согласіе воздушнымъ проспранспвамъ, и въ нѣмомъ восторгѣ еще сидѣла предъ изображеніемъ возлюбленнаго, какъ отецъ непримѣпно вошелъ къ ней въ комнату, и съ удивленіемъ посмопрѣлъ на дочь, которая казалась испугленною, какъ будто напилась опиума.—Когда онъ подошелъ къ ней довольно близко, то прелестная мечпательница взглянула, и увидѣвъ отца, врага и испребителя мушннъ,—уронила изъ рукъ изображеніе принца.—Султанъ, поднявъ порптретъ, пришелъ въ жесточайшую ярость.—«Какъ!» вскричалъ онъ: «змѣя, отъ которой предосперегаль меня пророкъ, все таки вползла въ рай моей жизни, въ дѣвственное святилище моей дочери!—О! я знаю тебя, принцъ Персидскій, *Мергубъ!* Не даромъ ты разбилъ кристальный сосудъ, чтобы дать себя замѣнить!—Теперь моя очередь разбивать! Войну объявлю пвоему опечеспву, и вмѣстѣ съ пѣмъ мечемъ, который опдѣлилъ пвою голову отъ шуловица, мечи всего моего воинства успремятся пропивъ Персію.—Смерть Персіанамъ!—Знай!» продолжалъ Султанъ, обрапясь къ дочери: «отъ тебя пророкъ попребуетъ душу сего образа, когда не спанетъ принца; не вопще воспрещены намъ обманчивыя изображенія челоѡковъ, ибо они имѣютъ только одну душу!»

—Жестокосердый родитель!—воскликнула дочь съ выраженіемъ глубочайшей горести: дай мнѣ душу сего изображенія; соедини меня съ принцемъ, вмѣсто того, чтобы умертвить его и меня; ибо знай, что его погибель будетъ моею погибелью!—Рыдая, принцесса скрыла лице свое въ подушки дивана.—Смущенный Султанъ смопрѣлъ на неѣ съ безмолвнымъ изумленіемъ: онъ не могъ объяснить себѣ, какъ сіе несчастное изображеніе подало въ башню, и что привело его дочь, сію кропкую покровительницу цвѣтовъ, въ такое бурное, душевное волненіе.—Съ твердымъ намѣреніемъ, немедленно грянувъ меспью на щаспливаго Персидскаго прищельца, *Махмудъ* оставилъ черпоги принцесспны и башню, справедливо предчувствуя, что спраданія его единственнаго

возлюбленнаго дилляши смягчатъ его ожесточеніе, если и не ко всѣмъ мущинамъ, по крайней мѣрѣ къ одному изъ нихъ и самому опаснѣйшему.

Въ сопровожденіи переодѣтыхъ служилей, и самъ переодѣвшись проспымъ воиномъ, Султанъ *Махмудъ* отправился къ Скупари, въ жилище принца *Мереуба*. Онъ рѣшился заключить его въ оковы и объявить Персіи войну. Задержаніе принца почель онъ нужнымъ поному, чпобы въ случаѣ неудачи имѣть у себя аманомъ наслѣдника престола. — Пылая мщеніемъ, Султанъ вошелъ въ домъ, гдѣ надѣялся найти принца; но сколь велико было его изумленіе, когда на мѣсто принца заспалъ шупъ престарѣлаго Персидскаго торговца плодовъ и цвѣтовъ, который, при помощи молодой, въ покрывало окупанной дочери, въ это самое время успроивался въ домъ, поспѣшно оставленномъ принцемъ, и собирався торговать рѣдкими цвѣтами. — Султанъ, вмѣстѣ и обрадованный бѣгствомъ принца, и ожесточенный шѣмъ, что разрушенъ его планъ мщенія, объявилъ престарѣлому Персіанину, чпобы онъ поскорѣе выѣхалъ изъ Турціи, и возвратился бы въ свое опечесиво, которому Султанъ въ скоромъ времени объявитъ войну. Старикъ, улыбаясь, возразилъ: «съ Персидскими цвѣтами вы, почпенные Турки, вѣрно не спанете воевать; — когда вы возвратитесь съ прелестными Персіанками, тогда вамъ нужны будутъ и Персидскіе цвѣты для вашихъ гаремовъ, тогда вы скажете спасибо старику, который будетъ въ состояніи снабжать васъ самыми рѣдкими цвѣтами.» — Султанъ пошелъ, и отправилъ гонцевъ по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Персію, съ приказаніемъ задержать принца, гдѣ бы-то нибыло. Въ то же время онъ велѣлъ своему воинству выступить въ походъ противъ Персовъ.

Первыя сраженія Оппомановъ пропивъ Персіанъ кончились въ пользу послѣднихъ. Одинъ гонецъ за другимъ являлся къ врагамъ серальскимъ съ вѣстью о новомъ пораженіи. *Махмудъ*, чувствуя себя слшшкомъ дряхлымъ, чпобы самому принять началь-

ство надъ воинствомъ, и повести его по сръшеніе побѣды, съ сокрушеннымъ сердцемъ помышлялъ о будущемъ, и теперь-то спалъ раскаяваясь въ томъ, что прослъ пророка о брачномъ плодѣ, который не можетъ наслѣдовать государство, и ради котораго онъ теперь находится въ опасности лишиться престола. Башня въ проливѣ, будучи оглашаема жалобами прелестной принцессы, не служила уже болѣе утѣшеніемъ Султану въ его шѣсныхъ обстоятельствахъ; увиданіе дочери въ цвѣтѣ лѣтъ, отсутствіе наслѣдника престола, и опасность, угрожающая государству и внушри и извнѣ, вырывали изъ груди его громгласный ропотъ на пророка, виновника всѣхъ его бѣдспвій. — Въ одинъ вечеръ *Махмудъ*, объяпный безпокойною дремотою, угрюмо сидѣлъ на роскошномъ диванѣ, какъ вдругъ входящій къ нему человѣческій образъ съ содроганіемъ напомнилъ ему о дервишѣ, являвшемся ему во снѣ. — Онъ вскочилъ, ужаснувшись; но вскорѣ узналъ въ вошедшемъ своего престарѣлаго двоюроднаго брата *Амурата*, который нѣкогда домогался престола, и поному все сіе время жилъ въ Малой Азии въ заточеніи.

«*Махмудъ!*» сказалъ *Амуратъ*, упавъ ницъ предъ нимъ: «проси меня, чпю я дерзнулъ припли къ тебѣ вопреки приказанію жить въ заточеніи; швое бѣдспвенное положеніе меня сокрушаетъ. Желая доказать тебѣ, чпю я уже не питаю къ тебѣ ни малѣйшей злобы, предлагаю тебѣ единшпенное средство къ спасенію. — Мой сынъ *Семилъ*, служивъ долгое время въ иноземныхъ воинствахъ, сдѣлался славнымъ военачальникомъ: вѣрѣ ему власпъ верховнаго визиря, и разбитые Персіане не будутъ долѣе угрожать швоему престолу.»

Махмудъ, пораженный симъ неожиданнымъ предложеніемъ, долго безмолвствовалъ. Хотя онъ въ сердцѣ своемъ еще не былъ увѣренъ въ искренности своего племянника, но ясно видѣлъ, какимъ опасностямъ подвергнется его государство, если въ скорѣйшемъ времени не дастъ своимъ воинамъ опытнаго предводителя. Посему, принявъ

совѣпъ *Амурата*, онъ приказалъ провозгла-
 сить сына его *Селима* главнымъ начальни-
 комъ войска, проспиль преспарълаго *Аму-
 рата*, опвелъ ему великолѣпныя комнаты въ
 своемъ дворцѣ, и въ рѣчахъ своихъ перѣдо
 намѣкалъ о помѣ, что онъ можетъ быть
 иѣкогда назначить *Селима* своимъ наслед-
 никомъ.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Не сниму я кольца,
 Прежде смерти моей;
 А умру, съ мершвеца—
 Вы снимите скорѣй!

*

Вы примите его,
 Какъ могилы завѣщъ,
 Какъ изъ міра сего:
 Мой послѣдній привѣщъ.

*

Въ немъ не чары слыны,
 Онъ не даръ колдуна,
 Не залогъ красоты:
 Въ немъ живетъ шарина!

*

Его праѣдъ мой слылъ,
 Современникъ Пелпра;
 Послѣ дѣдъ мой носилъ,
 Послѣ дѣда—сестра.

*

Съ руки въ руку бѣжа,
 Какъ священный символъ;
 На концѣ рубежа,
 Я его ужъ обрѣлъ.

*

Я ихъ всѣхъ пережилъ;
 Хошь не зналъ ихъ въ лицо,
 Но любя ихъ, любилъ—
 Родовое кольцо.

Петръ Никифоровъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ, знаю я, красавица,
 И какъ того не знать?
 Чпо другъ пвоей души клялся
 Тебя не забывашъ.

*

Желаешь ли красавица,
 О другъ вѣсть узнать?
 Онъ сморится въ кольцо пвое
 И мыслишь его слышь.

*

Желаешь ли красавица,
 Чпо-бъ правду я сказалъ?
 Кольцо пвое, души залогъ,
 Другой онъ обѣщаль!

*

Все выскажу, красавица,
 Чпо было съ молодцомъ:
 Давнымъ давно съ пною онъ
 Былъ подъ злыми вѣнцомъ.

N. N.

LOGOGRIPHE.

Froid ordinairement
 Avec mon ventre,
 Je suis passé tout récemment,
 Si l'on ôte mon ventre.

Въ No 19, помѣщенная шарада значить: *Ша-ра-да*,
шар-ад-а и *шара-да*.

MODES.

Le carnaval est déjà terminé, mais comme a Paris
 le terme des bals n'a pas d'époque, nous pouvons tou-
 jours parler des toilettes de danse.

On fait avec un grand succès des robes de crêpe
 dont la jupe est traversée par une guirlande de fleurs;
 avec cela, il est fort bien de se coiffer avec une cou-
 ronne de mêmes fleurs. Généralement, on ne met pas

une couleur avec une autre; la mieux est rose sur rose, bleu sur bleu, etc., etc. Sur du blanc seulement, on met tout espèce de nuance.

Les traverses de marabouts sont très-élégantes; quelques couturières placent de courtes têtes de marabouts dans le bouffant de la manche.

Les marabouts de couleur mêlés à des bijoux, coiffent à merveille. On fait de jolies petites guirlandes, très-légères, ayant des touffes des deux côtés, et se mêlant aux papillottes.

Les mantilles de blonde entourant dans son entier un corsage, sont anciennes et rejetées. Devant, les draperies sont de rigueur.

Un joli ensemble de toilette remarqué dans un grand bal à une jeune femme brune; était une robe de gaze sylphide-maïs; la jupe était traversée par des nœuds en ruban de gaze de même couleur, et au haut de la traverse, se trouvait un seul bouquet de marabouts maïs, dont les pieds étaient noués par un nœud à bouts flottans. Dans ses cheveux, deux touffes de marabouts maïs, placées contre les tirebouchons qui tombaient près de l'oreille; l'une de ces touffes revenait en avant; l'autre se rejetait en arrière, dans la direction de la coiffure, qui était ramassée. Sur le front passait un petit bandeau en plaques d'or, au milieu desquelles était un nicolo gravé. Le collier et les boucles d'oreilles en mêmes pierres; une écharpe de gaze Dona-Maria blanche.

Une autre toilette plus brillante, était en velours épinglé vert pâle; un bouquet de pavots variés était attaché sur l'ourlet, tenant à une suite de gros boutons à demi-ouverts, qui allaient rejoindre la ceinture. Le corsage fait en pointes, était terminé par une agrafe de rubis en poires; la parure de mêmes pierres. Dans les cheveux un bouquet de pavots; une écharpe de tulle illusion.

Pl. No 8. Costumes de Paris du 6 Mars n. s.

М О Д Ы.

Карнаваль уже кончился; но какъ въ Парижѣ на балы нѣтъ опредѣленнаго времени, то мы всегда можемъ говорить о панцовальныхъ карядахъ.

Носящъ съ большимъ успѣхомъ креповья плащя съ поперечною гирляндою изъ цвѣшовъ; при семъ, весьма прилично убирашъ голову вѣнкомъ изъ такихъ же цвѣшовъ. Вообще не мѣшаютъ одинъ цвѣтъ съ другимъ; всего лучше розовое на розовомъ, голубое на голубомъ, и проч. и проч.; только на бѣломъ надѣваютъ всякіе цвѣща.

Гирлянды изъ марабу весьма щеголеваты; нѣкоторые швеи прикалываютъ коронки головки марабу въ буфу рукава.

Цвѣшныя марабу, перемѣшанныя съ вещами, весьма украшаютъ прическу. Дѣлаются красивыя, весьма легкія небольшія гирляндочки, съ кушпиками съ обѣихъ сторонъ, примѣшанныхъ къ локонямъ.

Блондовыя маншилы вокругъ лифа вышли изъ моды и совсѣмъ брошены. Спереди, драпри необходимы.

Красивый полный нарядъ, замѣченный на одномъ балѣ на молодой черноволосой дамѣ, состоялъ изъ плащя изъ газа sylphide-maïs; вдоль юбки были банпы изъ газовыхъ лентъ такого же цвѣща; сверху одинъ букетъ марабу цвѣща маисъ, у котораго корешки связаны банпомъ съ длинными концами; въ волосахъ два кушпика изъ марабу цвѣща маисъ, пришипленныхъ у локоновъ, которые висѣли у самаго уха; одинъ изъ сихъ кушпиковъ наклоненъ былъ напередъ, а другой опкинулъ назадъ, въ направленіи причѣски, которая была подобрана. По лбу положена была узенькая повязка изъ золотыхъ бляхъ, въ серединѣ которыхъ рѣзные nicolos. Ожерелье и серги изъ такихъ же каменьевъ; бѣлый шарфъ изъ газа Донна-Марія.

Другой нарядъ еще блистательнѣе: плащъ изъ булаващаго бархата блѣдно-зелѣнаго цвѣща; букетъ изъ разноцвѣтнаго мака пришипленъ былъ надъ рубцемъ, и прихватывалъ длинный рядъ полуоткрытыхъ распуколекъ, который продолжался до пояса; лифъ съ мыскомъ окачивался заспешкою изъ рубиновъ, сдѣланныхъ грушами; приборъ изъ такихъ же каменьевъ; въ волосахъ букетъ мака; шарфъ изъ шюля illusion.

Карп. No 8. Модныя плащя, какія видѣли въ Парижѣ 6 Марта н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Марта 15 дня, 1855 года.

О пчелка! межъ цвѣтвъ, прекраснѣйшихъ для взора,
Есть ядовитые: оправаятъ жизнь пивою;
Смотри же, не садись на каждый безъ разбора! —
Не бойся: ядь при никъ; я только нехпарь пью.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КОЛПАКЪ.

Я не изъ тѣхъ людей, которые пренебрегаютъ спариною и не нахожу очень естественнымъ гордиться славою своихъ предковъ. Вотъ почему мнѣ хочется объявить во всеобщее свѣдѣніе, что между моими предками былъ великій человекъ.

Впрочемъ, это было очень давно, и съ тѣхъ поръ, я уже не смѣю похвалиться знаменитыми предками. Однакожь, не смотря на давность, я все горжусь этимъ: ибо отсюда слѣдуетъ, что я спариной фамилии.

Я сказалъ вамъ, что предокъ мой былъ великій человекъ, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ обязанъ ему великимъ и прекраснымъ изобрѣшеніемъ.

Изобрѣшеніемъ его были не паровыя машины.

Не дифференціальное и интегральное исчисленіе.

Не омнибусы.

Не фашоны.

Не полипическая экономія.

И даже не порохъ, который надѣлалъ столько шума и суматохи.

Слушайте! слушайте! Мой блистательный прапращуръ, которому не суждено было выдумать пороха, выдумалъ колпакъ, — а это, если не важнѣе: то конечно полезнѣе.

Не скажу вамъ, въ которомъ вѣкѣ нашей эры именно совершено имъ сіе изобрѣшеніе, поелику время распрепало наши фамильныя бумаги; но путь дѣло не во времени.

Если есть изобрѣшеніе, которое имѣло вліяніе на судьбу міра, то это изобрѣшеніе колпака.

Когда вы называете когонибудь умною головою: то думаете, что этимъ уже все сказали. Умная голова... Конечно и это не бездѣлица! Но голова безъ колпака есть вещь несовершенная, недосозданная. Повѣрьте мнѣ въ этомъ на честное слово.

Взгляните на автора, который сидит за письменным столом, облокотясь головою на руку, и перебирая пальцами волосы. Голова у него оледенела, мозг оцпенелъ опъ холоднаго ночнаго воздуха.

Жалко сморщивъ, какъ онъ мучился, загибаетъ уголки бумаги, грызетъ перо и ногти, и пощупываетъ глаза въ землю. Щасливъ будетъ бѣднякъ, если голова его разрышился опъ бремени каламбуромъ, шарадою, или логогрифомъ. Погодите: онъ надѣлъ колпакъ; голова его начинаетъ согреваться пиппическимъ жаромъ; улетавшее вдохновеніе снова къ нему возвращается, и, погодите еще немного, онъ вѣрно смастеритъ намъ оду, оду поржественнѣйшую изъ поржественныхъ.

Если-бъ онъ напялил на голову два колпака, то поставилъ бы себя въ состояніе написать неисповую драму, при представленіи которой всѣ дамы попадали бы въ обморокъ, и всѣхъ дѣвицъ исперзала исперика. Нынче это единственнѣйшій путь къ славы и богатству.

Нѣкоторые злодѣи рода человѣческаго покушались унижить колпакъ, посадивъ его въ одну категорію съ парикомъ.

Они представляли его исключительною принадлежностью классиковъ. Какая грубая ошибка, какая злоба!

Колпакъ выше всѣхъ суешныхъ раздѣлений на парши. Онъ покрывалъ лысую голову *Вольтера*, точно также, какъ нынѣ покрываетъ онъ голову *Поль-де-Кока* и *Виктора Гюго*!

Правда, романникъ чаще является въ Греческой красной суконной сучѣ, съ желтою шелковою кисточкою, но это полько для дублики. Ускользя же опъ взоровъ публики, онъ прощается съ свѣтскимъ эпикетомъ и жеманствомъ, и запирается въ своей камнати, и будь онъ хоть самъ *Евгеній Сю*—также надѣваетъ колпакъ, какъ простые смертные.

Когда *Дидеротъ*, сей романникъ XVIII столѣтія, разсуждалъ о какомъ нибудь важ-

номъ нравственномъ вопросѣ, съ свойственнымъ ему жаромъ декламаціи: то, при концѣ, имѣлъ обыкновеніе схватывать колпакъ свой и бросать его на другую сторону камнати; такъ рассказываетъ объ немъ *Лагарпъ*. Это всегда бывало послѣднимъ его движеніемъ, окончательною фигурою, послѣ которой слушатели, пронувше до слезъ, расходились въ полномъ убѣжденіи.

Теперь прошу сообразить всѣ добродѣтели и все могущество колпака, и признаться по совѣсти, не правда-ли, что мой прапращуръ былъ великій человекъ?

Наконецъ, если разсмапривать колпакъ въ нравственномъ отношеніи, — онъ оцщаетъ понятія, спосѣшествуетъ здравоспи сужденій, придаетъ силы воображенію.

Если въ читаемой вами спати недостаетъ здраваго смысла, то единственно опъ того, что я забылъ надѣть колпакъ.

Касательно же вліянія его на судьбу государствъ, съ этимъ всего скорѣе должно согласиться.

Свѣтъ нѣсколько разъ опрокидывался вверхъ дномъ именно потому, что такой-то падалъ колпакъ задомъ напередъ!

Въ иномъ колпакѣ заключается цѣлая революція и конпръ-революція, подробнѣйшій планъ цѣлаго похода, полная система управленія.

Сколько высокихъ идей, обширныхъ замысловъ созрѣло въ пиши кабинета, подъ сѣнію колпака!

Всѣ великія политическія и литературныя событія, всѣ успѣхи образованности и промышленности, всѣ идеи, управляющія вселенною и волнующія оную, вылезли изъ колпака почъ въ почъ, какъ *Минерва* изъ головы *Юпитера*.

Ей Богу, мой прапращуръ былъ великій человекъ.

К О Ё - Ч Т О.

Нѣтъ такого совершеннаго сочиненія, которое бы не расплодилось на огнѣ крипички, если только авторъ захочетъ вѣрять всѣмъ пересудамъ и злоязычнымъ людямъ, изъ коихъ каждый будетъ чернить то, что ему не по сердцу.

Невѣжество и высокомеріе алчныхъ корысти писателей презираетъ смиренное достоинство и талантъ застычивый: не удивляюсь. То единственно удивляетъ меня, что большее число людей и самые разумные называютъ славными писателями тѣхъ, которыхъ должно назвать позоромъ словесности.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАШНЯ СУЛТАНОВОЙ ДЩЕРИ.

(Окончаніе.)

Многія недѣли уже горящая *Мигирь-Шигирь* проплакала въ своей золотой клѣткѣ: ибо послѣднія происшествія, столь тяжко её поразившія, все еще оставались для неё тайною. Но самая непонятная изъ всѣхъ загадокъ было бѣдство *Мергуба*, котораго она никакъ не могла себѣ объяснить. Она не постигала, какимъ образомъ поэтъ человекъ, который изъ любви къ ней неоднократно подвергалъ свою жизнь очевидной опасности, въ самую рѣшительную минуту могъ бѣжать и опоздаться такъ малодушно опять своихъ плановъ.—Къ горестному чувствованію неудовлетвореннаго желанія въ сердцѣ принцессы еще присоединилась мучительная мысль, что она должна отказать въ уваженіи человекѣ, столь неописанно ею любимому, а это для сердца любящаго неоспоримо есть самое тяжкое перзаніе. Она все еще надѣялась въ своемъ уединеніи, что Персіане наконецъ одержатъ рѣшительную побѣду, что *Мергубъ* тогда освободитъ её вооруженною рукою, но ве-

ликодушно возвратитъ отцу державу и скипетръ, если онъ согласится на ихъ бракосочетаніе.— Увы! и сія надежда исчезла, ибо вскорѣ минареты Стамбула освѣтились разноцвѣтными огнями въ знакъ торжества блистательной побѣды, одержанной *Селимолу* надъ Персіанами. Тутъ принцесса впадала въ мрачную задумчивость, которая еще болѣе усилилась отъ воспомята отца, при полученіи радостной вѣсти объ одержанной его войсками блистательной побѣдѣ, лишившей её послѣдней надежды на соединеніе съ возлюбленнымъ. *Махмудъ* тщетно старался развеселить свою дочь: мысль, что родной отецъ изъ суевѣрія въ обманчивыя грезы сдѣлался виновникомъ ея бѣдствій, угрожала преисполнить мѣру ея горестей.

Принцесса, подъ гнетомъ несчастной любви, лишилась даже способности здраво рассуждать: ясная досель душа ея сдѣлалась мрачнымъ хаосомъ мыслей и желаній, и подобно, какъ при закатѣ солнца пурпуровыя облака на вечернемъ небѣ исчезаютъ отъ дыханія сѣверной бури, такъ душа ея опустѣла при разрушеніи послѣдней ея надежды. Къ счастью, въ этой самой безупречности душа ея освѣтила молніею мысль, которая вскорѣ воспламенила все ея бытіе. Она вспомнила о данномъ принцу обѣщаніи настоятельно просить отца о куствѣ черныхъ розъ, ибо отъ исполненія сей просьбы, какъ писалъ ей принцъ, зависитъ исполненіе всѣхъ его желаній. Подобно какъ чувствительные люди свято исполняютъ желанія сердцу милыхъ, разлученныхъ съ ними смертию, хотя чрезъ то и не обрѣтаютъ другой выгоды, кромѣ упреждающей увѣренности, что не успушили смерти права располагать послѣдними надеждами возлюбленныхъ, такъ и принцесса теперь желала успокоить свою совѣсть починнымъ исполненіемъ обѣщанія, даннаго ей *Мергубу*, котораго она почитала для себя погибшимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ легкимъ сновидѣніемъ исчезъ изъ картины ея жизни.

Въ одно утро *Махмудъ* изумленъ былъ спокойствіемъ дочери. Занятая по прежнему своими любимыми цвѣтами, она прога-

пельнымъ, умилительнымъ голосомъ попросила отца, чтобы онъ украсилъ цвѣтникомъ ея кустомъ черныхъ розъ. *Махмудъ*, опасаясь возвращенія прежнихъ припадковъ безупѣшности, рѣшился немедленно исполнить невинное желаніе возлюбленной дочери. Но щепетны были всѣ старанія отыскать въ столицѣ черную розу, и прелестные глаза принцессы уже омрачились слезами горести объ исчезаніи ея послѣдней надежды, какъ вдругъ Султанъ вспомнилъ о Персидскомъ торговцѣ цвѣтами, который вѣроятно въ состояніи былъ снабдить его симъ рѣдкимъ кустомъ.—Онъ самъ, переодѣтый, отправился къ садовнику, и кто изобразилъ его радостное изумленіе, когда уже на дворѣ, между многими рѣдкими расценками, увидѣлъ онъ богатый кустъ съ черными розами.—Купивъ немедленно сей кустъ за большую сумму, онъ приказалъ своимъ служителямъ отнести его во дворецъ; но преспавшій Персидецъ, которому онъ открылся въ изъяніи благодарности, и предоставилъ выборъ милости, кинулся ему въ ноги, говоря: «Государь! единственная милость, о которой дерзаю просить тебя чужеземный старецъ, состоитъ въ томъ, чтобы ты позволилъ моей дочери лично повергнуть сей рѣдкій кустъ къ стопамъ солида красоты, дабы дать ей наставленіе, какъ должно обходиться съ этимъ розовымъ кустомъ, безъ чего сей фениксъ цвѣтеть вскорѣ поблекнетъ, и радость принцессы не будетъ продолжительна.» — Султанъ охотно согласился, и дочь садовника, въ сопровожденіи многочисленныхъ служителей, отправилась въ башню Султановой дочери, чтобы доставить туда розовый кустъ, который скрывалъ свои корни въ богатой вазѣ изъ Китайскаго фарфора.

Вечеру, къ неописанной радости принцессы, вошла въ ярко освѣщенную приемную Персидская садовница, держа подъ мышкою желанный кустъ. Прелестная узница не вѣрила глазамъ своимъ, и не могла любоваться удивительными розами, сладостнымъ благоуханіемъ коихъ наполнилась вся башня. Принцесса приказала всѣмъ невольницамъ удалиться, желая поговорить на-

единъ съ молодою Персидскою, на лицѣ коей наброшено было покрывало, и которому она, какъ соотечественницу ея возлюбленного, душевно полюбила. Припомъ же ей нужно было получить отъ неѣ наставленіе, какъ должно обходиться съ черными розами.—Когда принцесса увидѣла предъ собою на мраморномъ столѣ прелестныя цвѣты, при видѣ коихъ въ душѣ ея ожила почти погибшая надежда: то она, не взирая на присутствіе незнакомки, воскликнула съ живѣйшимъ восторгомъ: «о вы, розы изъ Эдема! удостоверьте меня, что моя участь отъ васъ зависитъ,—исполните предвѣщаніе орacula!» — Царевна! твои надежды исполнятся, — возразила Персидка: позволь мнѣ спать тебѣ пѣсною, изъ которой узнаешь, что и Персидецъ вѣрится въ предопредѣленіе.—Незнакомка схватила гитару, лежавшую на диванѣ, и запѣла слѣдующее:

«Туча щепетно спремится къ звѣздамъ, вода щепетно возносится къ небу; рѣка всплывъ уноситъ еѣ въ родимое море, ибо она создана для долины земли.—Изъ сраднаго ила водяныя линіи возносятся главы свои въ розовое сіяніе дня: ибо цвѣтъ ихъ жаждетъ солнечныхъ лучей.—Сила нерѣдко алчетъ разлуки двухъ любящихъ сердецъ; но смертный не разорветъ узъ, соединяющихъ двухъ вѣрныхъ любовниковъ.»

Принцесса цѣпенѣла отъ ужаса, ибо голосъ мужчины пѣлъ сію прогательную пѣсню. Вслѣдъ за тѣмъ покрывало исчезло съ головы садовницы, — смуглое мужское лице открылось предъ солнцемъ красоты.—*Мергубъ*, въ женской одеждѣ, лежалъ у ногъ изумленной принцессы.—«Моя надежда исполнилась,» — сказалъ *Мергубъ*: «то, что цвѣты обѣщали тебѣ отъ моего имени, я сдержалъ; ты преобладала черныхъ розъ, и съ помощію цвѣта любви удалось любовнику вкраспѣсь въ пвое дѣвственнее уединеніе!»—

—Ты сдержалъ свое слово, — возразила принцесса: и я сдержу свое; ни родителю мой, ни всемогуществу его не разлучатъ меня съ тобою!—

Любовники обнялись, и спѣны мрачной башни были свидѣтели райскихъ востор-

говъ, для описанія коихъ повѣсповоатель чувспвуешъ себя слишкомъ слабымъ.

Между тѣмъ какъ судьба принцессы столь дивно исполнилась, привезены во дворецъ Султана самыя непріятныя вѣспи съ теапра войны.—Послѣдній гонецъ привезъ роковую вѣспь, что верховный визирь *Селимъ* убитъ въ сраженіи, и что Оппоманское воинство, разбиное, разсѣянное побѣдоносными Персіанами, бѣжипъ къ столицѣ.—Султанъ проклиналъ судьбу свою и сонъ, изъ котораго происпекали всѣ его бѣдспвія; онъ проклиналъ мольбы свои о дарованіи ему дщипци; ропсалъ на пророка за пагубное исполненіе его единспвенной молитвы. Не находя выхода изъ лабиринта опасностей, со всѣхъ споронъ угрожавшихъ ему и его державѣ, онъ почти готовъ былъ предложить руку своей дочери принцу *Мергубу*, чтобы только обрѣсти миръ съ Персіанами. Свое лучшее сокровище, единспвенную дочь и вѣру въ пророческій сонъ, *Махмудъ* уже хотѣлъ принести въ жертву для сохранения своей державы; но вѣра сія слишкомъ глубоко вкоренилась въ груди его, слишкомъ оправдалась послѣдними происпспвіями: онъ не могъ предпринять ничего рѣшиптельнаго. Тревожимый мрачными думами, спдѣлъ онъ въ одно утро на диванѣ, какъ вдругъ вошелъ къ нему *Амуратъ*, его двоюродный братъ.—При видѣ нещаспнаго родспвенника, который ради него недавно лишился своего единспвеннаго, возлюбленнаго сына, Султаномъ овладело тихое умилеііе; но сіе умилеііе скорѣ успупило мѣспо какому-то спраху, когда роспъ ивообще вся наружноспъ вошедшаго оипъсп напомнили ему о появленіи дервища, предвѣщавшаго ему рождение дочери.—*Амуратъ*, согбенный и какъ-бы подавленный гореспью, медленно подошелъ къ Султану, кинулся ему въ ноги и сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Великій повелитель правовѣрныхъ!—древо, коего корни подрыпы высшею силою, падетъ предъ спвоими очами, и ни одна изъ его засохшихъ вѣспвей не оживетъ, ни одѣнется въ зелень.—Внемли, *Махмудъ*, послѣднимъ словамъ распевающагося и обреченнаго смерпи.—Я, для достиженія престо-

ла, нѣкогда домогался спвоей погпбели; ты проспиль меня, но я во зло употребилъ сію милоспъ; замыслы мои рушились, но я все еще пипалъ преспупную надежду, что успѣю хипроспью завладѣть пресполомъ для моего единспвеннаго сына. У тебя не было наслѣдника. Золотой ключъ открьлъ мнѣ всѣ тайны спвоего гарема и беременноспъ спвоей любимицы прежде, нежели ты самъ о томъ извѣспился. Въ одну роковую ночь я велѣлъ подмѣшати опіума въ спвою чашу, и когда насильспвенный сонъ опупалъ спвои чувспва, я предсталъ предъ тобою въ одеждѣ дервища; я былъ виновникомъ сна въ опую ночь; изъ моихъ успѣ.....» Тутъ Султанъ яростно вскочылъ;—разочарованіе священнѣйшей вѣры его жизни, дерзкій обманъ пощажennaго имъ врага, оскорбленіе, нанесенное родипельскому сердцу и священной особѣ Монарха, лишили его почти разсудка. Къ карающему могуществу повелителя присоединилась яроспъ обиженнаго опца; однимъ ударомъ кинжала поразилъ онъ колѣнопреклоненнаго. *Амуратъ* хотѣлъ еще что-то сказать, но могъ произнести только слова: «спѣши къ спвоей дочери»—и скопчался. *Махмудъ* отправилъ къ верховному вождю Персидскаго войска посольство съ предложеніемъ мира, отправилъ гонцевъ во всѣ спороны, дабы они опыскали принца *Мергуба* и предложили ему пменемъ Султана руку *солнца красоты*; потомъ поспѣшилъ онъ въ башню, чтобы объявить своей дочери свободу.

Кто опишетъ помлеііе спраха, съ которыми *Махмудъ* приближался къ башнѣ, узнавъ уже дорогою изъ неспвоыхъ воплей взволнованнаго народа, что спвятилище Султановой дщери осквернено впорженіемъ чужихъ муцинъ въ башню пролива. Дрожащею сппокою вошелъ онъ въ комнату принцессы;—но радоспная вѣспь, которую онъ хотѣлъ ей сообщипъ, замерла на устахъ его, при спрашномъ зрѣлищѣ, ему предспавившемся. На диванѣ Султановой дщери лежалъ Персидскій принцъ *Мергубъ* въ женскомъ одѣяніи, блѣдный, бездыханный; у ногъ его, подобно мраморному испукану, колѣнопреклоняла преспстпалъ принцесса,

прижавъ къ устамъ своимъ руку распроспертаго, и одна только кровь, которая лилась изъ лѣвой руки ея, показывала, что она еще жива. — Персидскій садовникъ, въ которомъ чинапелли вѣроятно давно уже узнали принцова наставника, *Раиналя*, перевязавъ принцессѣ рану, разсказалъ Султану происшествіе, оцъ котораго кровь его оледенѣла, ибо онъ дѣйствительно увидѣлъ на полу комнаты распроспертую черную змѣю, явное доказательство, что обманчивый сонъ его угрожаетъ исполниться.

Съ возрастающимъ удивленіемъ *Махмудъ* внималъ теперь изъ устъ мудраго *Раиналя* всемъ ухищреніямъ, посредствомъ коихъ наконецъ удалось принцу, въ одеждѣ садовницы, проникнуть въ золотую темницу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы увезти еѣ оплуда, ибо въ проливѣ сплало нѣсколько кораблей его, грозно вооруженныхъ и готовыхъ сняться съ якоря. — «Я вошелъ въ башню въ то самое время, разсказывалъ *Раиналь*, и когда многіе голоса вопили о помощи, потому что ядовитая змѣя уязвила руку принцессы, изъ вазы, вмѣщающей въ себя кустъ съ черными розами, внезапно выползла эта змѣя, которую тупъ видишь мертвою на полу. Чудовище устремилось на лилейныя руки пвоей дочери, крѣпко обнявшія возлюбленнаго. Принцъ, благоговѣя предъ его высокою любовью, — немедленно рѣшился податъ пвоей дочери лечебную помощь. Онъ высосалъ ядъ изъ раны укушенной; — онъ возвратилъ ей жизнь, но смерть чрезъ спасительныя уста принца проникла въ его сердце; жизнь пвоей дочери искупилъ онъ своею собственною; все мое искусство тупъ безсилно, ибо смертоносный ядъ уже разлился по всемъ жиламъ.»

Тупъ принцъ, собравъ послѣднія силы, нѣсколько приподнялся, и сказалъ слабымъ голосомъ: «не облакайся въ дождевыя тучи слезъ, о солнце красоны! Увидѣвъ тебя впервые, я принесъ тебѣ въ жертву благоухающее масло, и разбилъ кристалльный сосудъ, служившій при семъ жертвоприношеніи, — теперь смерть меня разрушаетъ,

какъ скудель, которая приняла пвоюю кровь, — къ чему мнѣ жизнь, когда я спасъ тебѣ? — Мое назначеніе исполнилось!» — При сихъ словахъ ангелъ смерти на вѣки сомкнулъ тупу успа и очи. — Принцесса, бросясь на трупъ возлюбленнаго, въ отчаяніи своемъ умолила пророка, чтобы онъ для прекращенія ея спраданій оживилъ змѣю и наполнилъ бы паспъ ея новымъ ядомъ; но пророкъ былъ неумолимъ; ни змѣи, ни принца не пробудилъ онъ оцъ смертнаго сна.

Безупѣшную принцессу могли только слого оторвать оцъ тупа возлюбленнаго, лицомъ обращеннаго къ священной Каабѣ; его схоронили подъ мраморнымъ поломъ той же самой комнаты, въ которой онъ принесъ свою жизнь въ жертву возлюбленной.

Плита порфирная съ золотою надгробною надписью закрыла могилу *Мергуба*. Принцесса вымолила у несчастнаго родственеля позволеніе кончить въ цвѣтѣ лѣтъ погубленную жизнь въ колыбели ея дѣпства, видѣвшей какъ рожденіе, такъ и смерть ея лучшихъ надеждъ.

Султанъ велѣлъ выставить голову *Амурата* на воропахъ башни. Преступникъ еще послѣ смерти наказанъ позоромъ за свое дерзкое злоумышленіе. — На лобное мѣсто снаружи походила башня, внутри коей преждевременно блекла бурей убивая роза.

У могилы возлюбленнаго вскорѣ закатилось солнце красоны. *Махмудъ*, по милости пророка, хотя и въ послѣдствіи обрадованъ былъ рожденіемъ наследника престола, но замѣвъ сей не могъ его вполне упѣшить въ потерѣ любимой дочери.

Съ общей могилы любовниковъ голова казненнаго *Амурата* еще долго смопрѣла на проливѣ, въ которомъ и понынѣ, когда мотила сія давно уже сравнялась съ землею, и на кровлѣ бѣлѣющій черепъ измѣнника уптупилъ мѣсто маяку, корабельщики разсказываютъ путешественникамъ плачевное сказаніе о солнцѣ красоны и о башнѣ Султановой дочери.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МРАКЪ.

(Изъ Байрона.)

Я видѣлъ сонъ, не вовсе бывший спомъ.
 Понухло, мшилось, солнце, безъ лучей
 По безпредѣльности блуждали звезды,
 И хладная земля чернѣлась въ мрачной,
 Безлунной пверди. Наступилъ часъ утра,
 Прошелъ, настала опять—дня пѣсть, какъ пѣшь!
 И въ людяхъ ужасъ заглушилъ всѣ спрасти,
 Желанья всѣхъ сердцецъ слились въ одну
 Своекорыстную мольбу о свѣтѣ.
 Зажглись огни повсюду; вскорѣ замки,
 Дворцы Царей и жижины—жилица
 Всѣхъ домовиныхъ міра населенцевъ—
 Въ коспрахъ испѣли; въ пепель пали грады.
 И у пожаровъ гаснувшихъ толпились,
 Взглянушь еще разъ другъ на друга, люди.
 Щастливны были жившіе вблизи
 Природы горныхъ факеловъ, вулкановъ:
 Міръ жилъ одною спрашною надеждой.
 Заглись лѣса и вскорѣ ихъ не спало:
 Въ дыму, со прескомъ упадая, гасло
 За древомъ древо—и повсюду мракъ былъ.
 При отблескахъ прерывчашыхъ огня
 Казались спрашны люди; неземны
 Имѣли лица; многіе лежали
 Закрывъ глаза и плакали; иные
 На длань главу склонивши, улыбались;
 Другіе бѣгали и въ погребальныхъ.
 Коспрахъ своихъ возобновляли пламя,
 И возводили дикій взоръ на небо,
 Одѣвшее, какъ саванъ, мертвый міръ,
 И вновь на прахъ, съ прокляпьями, кидались,
 И скрежеща зубами, выли; пшпцы
 Мешались съ крикомъ по землѣ, повѣсивъ
 Ненужныя имъ крылья; укропшлась
 Звѣрей люшѣйшихъ яросшь; средѣ шомпы,
 Безвредныя, вились, съ шипѣшемъ, змѣи,—
 Ихъ убивая, поѣдали люди,
 И брань, на мигъ умолкшая, повсюду
 Зажглася вновь: снѣдъ покупалась кровью,
 И всякъ сидѣлъ съ своей добычей въ мракъ

И насыщался; умерла любовь;
 Одна лишь мысль осталась въ міръ—мысль
 О смерти скорой и безславной; голодъ
 Терзалъ утробы; люди, умирая,
 Съ лишенными гробовъ костыми валялись
 И гибли; тощце съѣдали тощихъ,
 И даже грызли псы своихъ хозяевъ:
 Одинъ лишь, пруну вѣрный, охранялъ
 Его опъ пшпцы, звѣрей и челоуковъ,
 Пока ихъ гладъ не изнурялъ, иль новый
 Ихъ ачностни не предшавлялся прунъ;
 Безъ-пшпцы самъ, съ пропшпнымъ, скорбшымъ воетъ,
 Хладную лизалъ онъ долго руку,
 И вдругъ залаялъ жалобно и умеръ.
 Всечасно гладъ губилъ людей—лишь двое
 Въ одномъ обширномъ оспавались градъ—
 Смершельные другъ другу два врага;
 Они сошлись при алтарѣ сгорѣвшемъ—
 Гдѣ оскверненныхъ утварей обломки
 Лежали грудой—хладными руками,
 Исохшими, какъ осповъ, пенля сгребли,
 Дыханьемъ слабымъ помершвѣвшихъ устъ
 Чуть видное на угляхъ вздули пламя,
 И при минушномъ, препешномъ сіяньи
 Подѣляли другъ на друга взоръ, взглянули,
 И вздрогнувъ, пали бездыханны: каждый
 Другаго видомъ спрашнымъ умерщвленъ былъ,
 Не распознавъ: на чьемъ челѣ такъ грозно
 Десница глада начерпала: врагъ.
 Прекрасный міръ спалъ дикою нустыней,
 Безъ дровъ, распешій, жипелей и жизни,
 Хаосомъ, глыбой безобразной праха.
 Озера, рѣки, океанъ—замолкли,
 И въ глубинѣ ихъ мертвый былъ покой;
 На морѣ гибли; безъ пловцевъ, суда;
 За мачпой мачпа падали съ нихъ въ воду,
 И на недвижной почивали безднѣ;
 Не спало волнѣ; во гробъ легли приливы—
 Царица ихъ, луна, скончалась прежде;
 Испѣли вѣтры въ воздухѣ сплочемъ;
 Погибли тучи—мракъ ужъ и безъ нихъ
 Непроницаемъ былъ и повсемѣстенъ.

Вронченко.

О П Р А В Д А Н І Е.

Мнѣ-ль внимать своимъ укорамъ,
 Мнимый нѣги сопоспавъ!
 И спыдливо-шомнымъ взоромъ
 Говоришь: я виноватъ!
 Чшо намъ жизнь безъ спраспи милой,
 Тайныхъ встрѣчь ночной порой,
 Тѣхъ мгновений легкокрылыхъ.
 Въ чашѣ нѣги пеземпой?
 Чшо намъ жизнь безъ волнъ и бурн?
 Намъ наскучила-бъ она,
 Какъ безоблачной лазури
 Слишкомъ долго пишшина.
 Будеть время: кудри наши
 Поблѣютъ въ снѣгъ лѣтъ—
 И тогда Циперской чаши
 Другъ швой въ руки не возьметъ.

В. Канонерскій.

21 Августа 1832.

Ш А Р А Д А.

Когда я о себѣ сказать желаю,
 То *первый* слогъ употребляю;
Вторымъ,—мы образъ угодниковъ зовемъ;
 А въ *цѣломъ*, по водѣ мы не боимъ плывемъ.

X.

Въ No 20, комический логогрифъ значить: *Hiver, Hier.*

М О Д Е С.

Pour les robes de soirée, le velours des Indes est une étoffe très à la mode. Ses reflets sont doux et veloutés comme ceux du velours plain; il est moins habillé que le velours épinglé, il est plus simple et plus léger.

Dans les robes décolletées, on place à l'intérieur, bien souvent, des guimpes plates en blonde. Ces guimpes montent de deux ou trois doigts au-dessus du corsage; elles n'ont aucune garniture; le tour est une guirlande de fleurs découpées.

On fait de charmantes robes de chambre en étoffe brochée soie et cachemire; elles sont à fleurs vives sur fond uni; on les double de mousseline tranchante; les manches sont larges; elles ont pour ceintures de longs rubans de soie.

Il serait d'un grand luxe de prendre pour des peignoirs du matin, les étoffes grand-mère dont le prix est si élevé; en les choisissant à fond brun ou noir, à fleurs roses, vertes, matelles, il serait bien de les doubler en satin orange, vert pâle ou cerise.

La chaîne est devenue vieille et gothique; peut-être reviendra-t-elle avec le printemps, mais dans ce moment on n'en porte pas du tout.

Les chapeaux du matin, tout en velours d'une seule couleur, sont ceux que le bon goût a fixé, avec des plumes ou un œud pareil.

М О Д Ы.

Для вечернихъ платьевъ Индѣйскій бархатъ въ большемъ употребленіи. Онъ имѣетъ нѣжны и мягки, какъ въ перазрѣзномъ бархатѣ; онъ не такъ наряденъ, какъ булавчатый бархатъ; онъ простъ и легче.

Къ открытымъ платьямъ часто надѣваемъ подъ низъ гладкія блондовыя шемизетки. Шемизетки снѣгъ выставлены изъ подъ платья на два или на три пальца; онъ безъ всякой опѣлки; вокругъ гирлянда изъ вырѣзанныхъ цвѣтовъ.

Шьются прелестныя шляпки изъ запканной матеріи, шелковой съ шерстью; она съ яркими цвѣтами по одноцвѣтному грунту; ихъ подкладываютъ яркаго цвѣта кисей; рукава широкіе; подпоясываютъ длинной шелковою лентой.

Было бы чрезвычайно роскошно дѣлать упреніе пеньюары изъ пканей grand-mère, которыя такъ дороги; выбиралъ ихъ по темнымъ или чернымъ грунтамъ, съ розовыми, зелеными, matelles цвѣтами, ихъ хорошо подкладывали ашласомъ оранжевымъ, блѣдно-зеленымъ или алымъ.

Цѣпи совсѣмъ вышли изъ употребленія; можетъ быть весною опять покажутся, но шеперь счищаются спариннымъ уборомъ.

Упренія шляпки, принятыя хорошимъ вкусомъ, всѣ бархатныя одноцвѣтныя, съ перьями или какимъ же банномъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 22.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, МАРТА 18 ДНЯ 1833 ГОДА.

Сама собой охота

Пришла погоревать. Вѣдь люди паковы:
Кому и нѣтъ бѣды, создастъ изъ головы.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСѢТИТЕЛИ.

I.

Видите ли вы эшаго пожилаго человѣка, сидящаго въ первомъ ряду кресель? У него сполько же волосъ на головѣ, сколько и на зубахъ; въ левой рукѣ держитъ онъ перломупровую зрительную трубочку, а въ правой Персидскій плапокъ съ золотою пабакеркою. Онъ неизмѣнное копѣе театра, и, кажется, живетъ на свѣсѣ для однѣхъ полько драматическихъ зрѣльщъ. Эшо—старый театральнй энтузіастъ, который, впрочемъ, могъ бы занялся чѣмъ нибудь другимъ, лучшимъ.

II.

Посмотрите на эшаго миловиднаго юношу съ усиками, который поминутно ерошитъ свой напомаженный хохоль, поправляетъ галстухъ и брилліантовую булавочку на манишкѣ. Онъ безпрестанно бриллитъ шпорами, держитъ въ зубахъ головку бамбуковой своей палочки, и направляетъ свой лорнетъ на всѣ ложи прехъ ярусовъ;

отъ эшаго голова его уподобляется флюгерному пѣпуху при вѣтрѣ. Эшо—молодой театральнй энтузіастъ, прозелитъ блестящихъ надеждъ, и, быть можетъ, глупая жертва скорого разоренія.

III.

Замѣтите эшаго человѣка въ синей венгеркѣ, черномъ галстухѣ, съ черепаховыми на носу очками, который показываетъ видъ глубокомысленнаго наблюдателя, поминутно качаетъ головою, пожимаетъ плечами, улыбается съ сожалѣніемъ, и, вынимая изъ кармана свой бѣлый плапокъ, завязываетъ на немъ—для памяти—узелки. Онъ почти ежеминутно протираетъ пускляя спѣкла своихъ очковъ, и въ эшо время полузажмуренными глазами смотритъ на своихъ кресельныхъ сосѣдей. Эшо гроза и надежда актѣровъ; эшо театральнй криптикъ, сидящій, по довѣренности, въ креслахъ одного журналиста; и справедливость пребусть согласиться, что криптическія спашейки его о театрѣ очень милы и оспроумны.

IV.

Теперь, неудобно ли вамъ взглянуть на эшаго человѣка, который ежеминутно смѣетъ

ся въ комедіи и плачешь въ трагедіи. Онъ часто восклицаетъ: «браво, брависсимо, прекрасно, божественно, чудесно!» спановипись на цыпочки, выпягиваетъ шею, подобно гусю, держитъ шляпу въ кофѣняхъ—и первый всегда начинаетъ аплодировать; по этому-то его и называютъ нѣкоторые *Корифеель* аплодиссеменна. Это покровитель одной молодой актрисы, недавно вступившей на театральное поприще. Ахъ, не видишь бѣдняжку! Какая *Лукреція* не поскользнется на этой дорогѣ?

V.

Поглядите на этого пощого и длиннаго челоуѣка въ сюрпукъ пепельнаго цвѣта, въ голубомъ галсукъ, съ зелѣнымъ карпузомъ подъ мышкою. Смотря на представленіе пьесы, онъ фыркаетъ, какъ лошадь въ водѣ, гримасится, поминутно высовываетъ языкъ, какъ будто бы обжегъ его горячими щами, бормочетъ про себя и повторяетъ пыхо слова, произносимыя дѣйствующими лицами на сценѣ. Это — провинціальный актёръ, *Эдигъ* и *Фингалъ* Нижегородской ярмарки, прѣхавшій поглазѣть на столичный театр: всмотритесь, его фракъ, какъ у актёра въ *Жилбазѣ*, вмѣсто холста, подбитъ афишами, и онъ, подобно ему, жалуетъ о томъ, что молоденькая жена его, на бѣду ему, добродѣтельна. Примѣрная женщина!—

ЗАВТРЕ.

Волшебное, мучительное слово: *завтре!* Сколько надеждъ въ тебѣ паишся и—сколько горькихъ опытовъ въ тебѣ сокрыто!

«*Завтре*, блаженнѣйшій день моей жизни!» говоритъ влюбленный женихъ своей невѣстѣ: «*завтре* свершатся всѣ надежды мои—ты будешь моя, моя на вѣки!...» И прошелъ желанный день, и прошелъ годъ, два, три, и поспеетъ бѣдный мужъ и бѣснуется върная его подруга. — *Завтре*, обманчивое *завтре!*....

«Чѣртъ возьми школу и школьныхъ педантовъ! И ли не молодець. *Завтре*, *завтре*

же на вольку»—твердишь ученикъ приходящаго училища—и вопишь онъ *на воль!*—Куда же дѣвалась его веселость, гдѣ эти беззаботныя удовольствія юности? Онъ задумчивъ, блѣденъ, унылъ: отъ чего произошла съ нимъ такая переменна?—Онъ переспалъ *учиться* и началъ *жить!*—Онъ слишкомъ много на дѣлся *на завтре!*

«Какъ весело отпирουμεъ мы пвое возвращеніе!» говоритъ отецъ своему сыну, благословляя его на службу. Сынъ опредѣляется въ полкъ, служитъ. Проходитъ мѣсяць, два, три, полгода. Сынъ пишетъ къ родителямъ о присылкѣ денегъ; обѣщаетъ оппроситься въ отпускъ для свиданія съ ними; но получаетъ сумму, вдвое большую, нежели смѣлъ надѣяться; въ пылу благодарности увѣдомляетъ ихъ, что онъ выѣзжаетъ такого-ню числа и полагаетъ прибыть такого-по.—«Это число *завтре!*» восклицаютъ сѣстры его; *завтре!* повторяетъ отецъ. Дѣлаютъ приговоренія. Молодаго челоуѣка жадутъ, жадутъ, посылаютъ провѣдать о немъ на ближнюю станцію. Напрасно беспокоитесь вы, чадолюбивые родители, нѣжныя сѣстры! Вы не увидите его ни *завтре*, ни *посль-завтре*, ни *посль-посль-завтре*. Деньги ваши промотаны....

«*Завтре* дадутъ мою трагедію, и я, какъ *Вольтеръ*, какъ *Гете* буду увѣнчанъ справедливо заслуженными лаврами!...» Молодой писатель! не обольщайся обманчиво-льстивымъ словомъ—*завтре!* Это девятый валъ на морѣ жизни: *завтре*, о ужасный день! *Завтре*—трагедія пвоя будетъ освистана—и ты—вычеркнутъ будешь неумолимымъ журналистомъ изъ блестящаго списка *знаменитыхъ*, *неподражаемыхъ* и *обожаемыхъ* поэтовъ!

«*Завтре*, почтеннѣйшая публика, (по естѣ въ 1-е число Новаго года) ты узришь дивныя дѣла: журналъ мой будетъ пересолень Апшическою солью, свѣжь, новъ, разнообразень, исправень—словомъ и журналъ и журналистъ *обновятся* и духомъ и пѣломъ.... только ты, почтеннѣйшая, начертанная огненными буквами въ моему принапельномъ сердцѣ, не разлюби меня....

И наспааетъ Новый годъ, и выходитъ журналъ—и все также онъ скученъ, и плохъ, и поваго въ немъ только обёртка!

«Надоѣло мнѣ волокишество!... *Завтре* же, неподобная, я нвой, весь швой!»—На долго?—«На вѣки!...» И пришло *завтре*, и запѣяны новыя знакомства, новыя волокишества, новыя любовныя связи... бѣдная супруга, подожди, подожди немножко! можетъ быть и для тебя настанетъ *завтре*.

Гордо, самонадѣянно смотрѣлъ *Наполеонъ* на войско Англичанъ при *Ватерлоо*. *Завтре!* мыслилъ онъ: будетъ рѣшена участь Европы! *завтре* увидятъ эти жалкіе краснокостанники—могутъ ли Англичскія мордашки разорвать Немецкаго льва? И какъ обманчиво было это послѣднее *Наполеоново завтре!*

К О Ё - Ч Т О .

Нынѣ, къ удивленію и сожалѣнію, ученые терминны сдѣлались средствомъ для прикрытія невѣжества; на пр. слова: аналитическій, синтетическій, философическій, какъ часно употребляютъ безъ малѣйшаго понятія объ ихъ значеніи, для того только, чтобъ слабѣйшихъ запутать мудрѣными словами и заславить удивляться *высшевоззвѣд-нолу* писателю, ихъ нагромоздившему.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АЛЕКСАНДРІЮ.

Мы съѣли на корабль въ Тулонъ и поплыли въ Александрію. Погода была самая благопріятная для путешествія. Лѣгкій, популярный вѣтеръ, безоблачное небо, великолѣпное солнце, все это скоро успокоило боязливыхъ пассажировъ, и не смотря на двухнедѣльный переѣздъ, мы были пакъ довольны и веселы, какъ будто бы ѣхали прогуливаться, или забавляться рыбною ловлею.

Приближаясь къ Александріи, мы еще издали замѣтили *Полтееву* колонну, одну изъ

Клеопатриныхъ иглокъ, донинѣ уцѣлѣвшую, и дворець паши, величаво возвышающійся у входа въ гавань. Чѣмъ касаемся до самаго города, то, чѣмбы видѣть и поймавъ Александрію, надобно бытъ въ ней: ибо съ перваго взгляда шрудно опидать себя опчепъ въ странной смѣси, съ перваго взгляда насъ поражающей въ архипекшурѣ домовъ и расположеніи улицъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе, какъ видъ Александріи, особенно со стороны моря; это просто, одни только болѣе или менѣе бѣловатые оппѣнки на лазурной поверхности Средиземнаго моря. Оспроумный *Денонъ* говорилъ, что онъ не можетъ лучше передать впечатлѣнія, сдѣланнаго на него видомъ Александріи съ моря, какъ сими словомъ: *это голубая тканьъ съ бѣлою каймою*.

По выходѣ нашемъ на берегъ, намъ опсалоуповали съ крѣпости нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Впрочемъ, высадка наша привлекла немного любопытныхъ, потому, что Арабы, загрубѣвшіе въ невѣжество, рабствѣ и праздности, неспособны къ живымъ ощущеніямъ.

Нельзя вообразить, какъ разочаровало меня вступленіе на Египетскую землю, къ которой до тѣхъ поръ стремились всѣ мои желанія! Изъ фантастическихъ призраковъ, попеременно являвшихся мнѣ въ моихъ видѣніяхъ, я нашелъ здѣсь только пещаная пустыни и верблюдовъ; но, за то, въ этомъ опношеніи, ожиданія мои были удвѣленворены вполне, и даже слишкомъ.

Я потчасъ опправился въ домъ, занимаемый нашимъ (*) консуломъ, и благодаря его обязательному гостепрїимству, получилъ кварпиру, довольно порядочную для Египта; она состояла изъ большой, чистой комнаты, гдѣ находилась квадрапная кровать, съ двумя пюфяками, набитыми хлопчатною бумагою. Имѣя нужду въ опдыхъ, я кинулся на постелю, однако же не могъ сомкнуть глазъ, и чувствовалъ, что мнѣ чего-то недоспаетъ. Чего же бы? Мапросскихъ пѣсенъ и качки корабля, къ копо-

(*) Французскимъ.

рымъ я сдѣлалъ привычку на морѣ, хотя и пробылъ на немъ не болѣе двухъ недѣль.

Какъ видно, мнѣ не суждено было спать на эпопѣй разѣ: нѣсколько молодыхъ Французовъ, желая привѣтствовать новаго своего консула, вздумали задать ему серенаду, и разыграли еѣ у меня подѣ окнами. Содержаніемъ оной была музыка *Россини*. . . . *Россини* въ Египтѣ, на берегахъ Нила, и *Россини*, разыгранный довольно сносно, представлялъ что-то необыкновенное. . . . Въ свѣтѣ есць космополитъ, который превосходитъ самага неупомимаго путешественника; космополитъ сей—музыка и пѣніе; сочините водѣвилъ на берегахъ Сены и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, вы встрѣтитесь съ нимъ на берегахъ Ганга.

Спустя нѣсколько времени, паша далъ для Европейцевъ праздникъ, на которомъ присутствовалъ и я. Представьте себѣ человека средняго роста, довольно плотнаго, съ густыми, черными бровями, съ хитрымъ и проницательнымъ взоромъ, съ сѣдою гладко-расчесанною бородою, спускающеюся на широкую грудь, и вы будете имѣть понятіе о *Магометъ-Али*, пашѣ Египетскомъ. Напрасно будете злословить его; нѣтъ Европейца, который бы за него не вступился и не разрушилъ, однимъ словомъ, всѣхъ нелѣпыхъ басенъ, слагаемыхъ на его счетъ Парижскими клеветниками. *Магометъ-Али*, человекъ умный и даже просвѣщенный; онъ имѣетъ обширныя свѣдѣнія, и великодушенъ такъ, какъ только можетъ быть великодушенъ Турокъ.

Собраніе у него было довольно многолюдное; оно состояло изъ Европейцевъ, живущихъ въ Александріи и всѣхъ консуловъ. Англійскій консулъ представлялъ изъ себя довольно забавную фигуру; одѣтый въ красное платье, шитое золотомъ, онъ прѣхалъ верхомъ на ослѣ, съ зонтикомъ въ рукѣ и соломенною шляпою на головѣ. Не смотря на такую смѣшную костюмъ, онъ пѣмъ не менѣе служилъ предметомъ удивленія для бѣдныхъ *феллаховъ*, лежавшихъ на рогожахъ по улицамъ, и лакомившихся вареными бобами. Женщины также любопытны и въ Египтѣ, какъ

вездѣ; это доказали они въ семь случаевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, одѣвшись въ мужское платье, явились въ комнаты паша. *Магометъ* это замѣнилъ, но не показывая того, подошелъ къ Французскому консулу, и сказалъ ему: «эти пригожіе мальчики очень мнѣ нравятся, господинъ консуль; прикажите опвестить ихъ къ начальнику моихъ евнуховъ! Посудите объ ужасѣ любопытныхъ красавицъ; самъ консуль былъ въ большомъ затрудненіи, что опвѣчать на это? Не смотря на доброту паша, почему знать, какъ приметъ онъ такую шутку? Неосторожныя вѣпреницы, тихимъ голосомъ, умоляли консула неославить ихъ, и наконецъ онъ принужденъ былъ признаться въ ихъ шалости. «Какъ! вскричалъ паша, такъ это женщины; пѣмъ лучше, велите опвестить ихъ ко мнѣ въ гаремъ! . . . Разумѣется, что слова сіи, сказанныя спротивъ голосомъ, не могли успокоить нашихъ Европейцевъ, которые, забившись въ уголъ, дрожали всѣмъ тѣломъ, и проклинали свою неосторожность. Справа приближалась уже, чтобы взять ихъ, но паша, позабавившись нѣсколько времени ихъ испугомъ, наконецъ засмѣлся, и успокоилъ ихъ, подтвердивъ однакоже, чтобы впередъ онъ на это не опваживался.

Была ночь: луна озаряла блѣднымъ сіяніемъ своимъ Нилъ и берега его; небо было ясно и безоблачно; свѣжій вѣтеръ надувалъ паруса. Ничто не нарушало угрюмаго молчанія пустынь, и только однообразный шумъ судна, разсѣкавшаго волны Нила, прерывалъ мечтанія, которые поселяла въ насъ ночная прогулка наша. Завернувшись въ плащъ (въ Египтѣ ночи также бывають довольно прохладны), я поднялъ глаза къ небу, и съ благочестивымъ размышленіемъ смотрѣлъ на свѣплый шаръ, который висѣлъ у насъ надъ головами, а чрезъ минуту гоговъ былъ проливалъ лучи свои на другія страны и другіе народы. Я старался опредѣлить пространство, раздѣлявшее меня съ друзьями; старался дасть себѣ опчетъ въ помъ, что они могли говорить и дѣлать въ то время, когда наслаждаясь прекрасною ночью, я объѣзжалъ древнія владѣнія *Сезостриса*. Я переселился мы-

сленно изъ Египта во Францію, перенесся въ Парижъ; его гулянья, театры и всѣ другія наслажденія мелькали въ моемъ воображеніи, подобно тѣмъ неяснымъ призракамъ, которые хопя мгновенно являюся и исчезаюпъ, но ославляюпъ по себѣ глубокія воспоминанія. Да! еспъ нѣчто такое, что возбуждаетъ болѣе мечпаній, нежели всѣ зрѣлища въ свѣтѣ; болѣе мечпаній, нежели самая лучшая книга, самая прогапельная драма; болѣе мечпаній, нежели сладостный взглядъ прелеспнѣйшей женщины, и это нѣчто еспъ — прекрасная Египетская ночь, проведенная подъ опкрытымъ небомъ, на водахъ Нила....

Варвары прервали восхищительныя мечты мои; варвары эти были, однакожъ, умные люди и соспоили изъ г. *Шалпольона* и двухъ молодыхъ и любезныхъ и просвѣщенныхъ путешественниковъ; они толковали о іероглифахъ.... Луна и звѣзды были въ то время единственными іероглифами, понятными для моего юнаго воображенія.... Разговоръ о іероглифахъ смѣнился злословіемъ; не ужасно ли злословишь въ свѣтлую, лунную ночь, посреди степей, во время плаванія по Нилу! Но не смотря на это, мы опъ всей души предались сей невинной забавѣ.... Вдругъ, представьте наше изумленіе! мы увидѣли недалеко огонекъ, и услышали Арабскую музыку.... Судно потчасъ было причалено, и мы вышли на берегъ.... Вблизи опъ онаго былъ раскинутъ шатеръ, изъ котораго раздавалось пѣніе.... Мы тихонько подошли къ нему; небольшое опверспіе позволило намъ удовлетворить своему любопытству. Что же мы увидѣли? Арабскій шейкъ сидѣлъ на землѣ, поджавъ ноги, и съ важностію курилъ свой *аргилетъ*, между тѣмъ какъ передъ нимъ при женщины плясали и учились принимать самыя интересные положенія. Безъ сомнѣнія, милымъ соотечественницамъ нашимъ не понравилась бы ни костюмъ, ни приемы панцовщицъ, которые были тогда у насъ передъ глазами. Прическа ихъ состояла изъ жества косы, спускавщихся вдоль спины, и украшенныхъ небольшими спаринными медалями, золотыми и серебряными; все же

прочее убранство ихъ составляли королькія юпки, голубаго, или пунцоваго цвѣта, едва достававшія до колѣнъ.

Одинъ изъ нашихъ сопутниковъ захохоталъ: насъ потчасъ взяли и опвели къ шенку; пѣніе немедленно прекратилось, и панцовщицы скрылись.... Когда спали насъ распрашивапъ, мы объявили истину; при имени Французовъ, важное и угрюмое лице шенка прояснилось; онъ сдѣлался ласковымъ; посадивъ насъ, долго говорилъ съ нами, и наконецъ, принудилъ принять приглашеніе къ обѣду въ шатръ его на завтрашній день... Мы возвратились на судно. *Шалпольонъ* не хотѣлъ участвовать съ нами въ приглашеніи шенка, но чрезъ нѣсколько часовъ, къ большому удивленію нашему, добрый шейкъ явился къ намъ со всѣмъ семействомъ и возобновилъ свои усиленные просьбы. *Шалпольонъ* уступилъ имъ, и мы скоро возвратились въ степь, чтобы раздѣливъ прапезу съ привѣтливымъ Арабомъ. Хозяинъ нашъ былъ такъ внимателенъ, что угостилъ насъ совершенно по Французскому обычаю, и передъ обѣдомъ, поподчивалъ насъ полыннымъ настоемъ, опъ котораго, не смотря на запрещеніе Корана, онъ и самъ не опказался.

Обѣдъ былъ сполько же веселъ, какъ оригиналенъ; шейкъ много говорилъ, и въ заключеніе просилъ насъ спѣть ему нѣсколько Французскихъ пѣсень. Мы пропѣли нѣкоторые арии изъ *Россини* и *Бюльдьё*, но они не произвели на него никакого дѣйствія; за то Марсельская пѣсня (*la Marseillaise*) имѣла полный успѣхъ, а *Малібрусъ въ походѣ поъхалъ* привела добрыхъ Арабовъ въ совершенный восторгъ. Послѣ пѣнія надобно было пить; каждый изъ насъ предлагалъ свой постъ; когда же дошла очередь до шейка, то онъ сказалъ намъ: «господа, позвольте и мнѣ предложить вамъ постъ, только прошу на меня за него не сердиться.» Мы его успокоили, и онъ продолжалъ пвердымъ голосомъ, приложивъ напередъ руку къ сердцу и усамъ: «и такъ, господа, я пью за здоровье *Наполеона!*» Постъ сей приняпъ былъ нами съ восхищеніемъ.

Мы спали спрашивать шеика о помъ,
какимъ образомъ узналъ онъ *Наполеона*, и
онъ отвѣчалъ намъ: «я былъ его врагомъ и
плѣнникомъ, но его храбрость и великоду-
шіе развѣяли мою ненависть, какъ пуспын-
ный вѣперъ гонимъ предъ собою песчанья
волны, и привязали меня къ нему, какъ вѣр-
ный пестъ бываетъ привязанъ къ своему хо-
зяину.» Когда онъ говорилъ слова сіи, по
черпы его одушевились, лице приняло ка-
кое-то необыкновенное выраженіе, влажные
и успрямленные на небо глаза его, казалось,
искали тамъ предмета его почтенія, ибо
онъ зналъ, что *Наполеонъ* уже не суще-
ствуетъ.

Мы съ сожалѣніемъ оставили добраго
шеика, и проспипались съ нимъ до свиданія;
но намъ не удалось болѣе его видѣть. Когда
экспедиція *Шампольона* возвратилась изъ
верхняго Египта, то онъ перекочевалъ съ
своимъ племенемъ въ другое мѣсто.

Съ Франц. Бр..

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н И Щ І Й.

Я не прошу ни вкусныхъ яствъ,
Ни пышныхъ одежды:
Ахъ, дайше, люди - бранья! мнѣ
Хоть капельку надежды!

Скипальцемъ долго я ходилъ
Черезъ города и сѣлы,
И видѣлъ много я людей
Довольныхъ и весѣлыхъ.

И былъ у всѣхъ одинъ отвѣтъ:
«Пусть Богъ дастъ, скучный щипці!»
Мнѣ грустно стало, я спрадалъ:
Душа просила щипца.

И наль предъ Богомъ я съ поскою,
Творецъ! Опцемъ мнѣ буди!
Одно и то же: «Богъ подастъ!»
Вездѣ твердятъ мнѣ люди!

И долго, падшій, я просилъ
У Бога подаянья;
Не знаю, что со мной сбилось:
Но мнѣ сноснѣй спраданья.

Мнѣ будто кто-то, что-то даль,
И на душѣ свѣтлѣ!
Я все, какъ былъ, и нагъ и сиръ,
Но мнѣ ужъ веселѣе.....

О. Глинка.

Р О М А Н С Ъ.

У ногъ твоихъ молю, проспи
Души невольны заблужденья;
Мои ты слѣзы изотпи;
Сотпи въ груди моей мученья!—
Проспишь ли ты меня?

Взгляни, скипаюся, какъ пѣнь;
Ланшны блѣдны, впади очи;
Меня пугаетъ свѣтомъ день,
Я призраковъ спрашуся почи.—
Проспишь ли ты меня?

*

Въ кругу людей я, какъ мертвецъ,
Въ добычу хищнымъ врагамъ кипнуть;
И на землѣ я не жилецъ,
И небеса меня опринутъ!—
Проспишь ли ты меня?

*

Какое щаспіе я зналъ!...
Какъ жарко ты меня любила!
И все, все вдругъ я потерялъ!...
Откройся мнѣ скорѣй могила,
Коль не проспишь меня!

*

Но ты мнѣ шлешь привѣтъ очей
Своихъ, о дѣва неземная!
Опять легко груди моей;
Опять въ душѣ воспорги рай!
Проспила ты меня!

*

Ибъ словъ сказахъ, какъ я люблю!
 Твои колѣна обнимаю:
 О милый другъ! я слѣзы лью;
 Но ихъ опъ счастья проливаю.
 Простила ты меня!

Л.

E N I G M E.

Je m'assieds sur le trône;
 On me voit sur le Pô, l'on me voit sur le Rhône;
 Je couvre les châteaux;
 Et sans être gourmand, je flaire les gâteaux.
 J'accompagne l'Être suprême,
 Je surmonte le diadème,
 Et je domine la forêt.
 Il n'est jamais sans moi, de fête,
 Comme un chapeau je couvre chaque tête.
 On me prête sur intérêt;
 Eh bien! mon cher lecteur, ne peux-tu me connaître,
 Tant de fois me voyant paraître?

Въ № 21, помѣщенная шарада значить: *Я-ликъ*.

К Р И Т И К А. —

Сказаніе о Святополкѣ окалинномъ, Великомъ Князѣ Кіевскомъ.—*С. Петербургъ*.—1832.—*Согин. Павлінія Атръшкова*.

Характеръ сей книжки опредѣляется помѣщеннымъ въ началѣ ея предисловіемъ сочинителя. Первоначальный планъ предлагаемаго сочиненія—говорить сей послѣдній—былъ замышленъ мною въ несравненно большемъ объемѣ, съ намѣреніемъ изобразить занимательную эпоху наслѣдія престола по Владимірѣ.—«Но—продолжаетъ онъ—сознавая ограниченность средствъ, при крайнемъ недостаткѣ матеріаловъ, я предлагаю читателю сей малозначущій трудъ мой, какъ нѣсколько очерковъ, соединенныхъ ходомъ происшествій историческихъ.»—*Сказаніе о Святополкѣ* дѣлился на 12 главъ, содержащихъ

представленіе происшествій, послѣдовавшихъ въ древней Руси за кончиною Владиміра Великаго, — представленіе, украшенное вымысломъ, описаніями и цвѣтами краснорѣчія, въ видѣ исторической повѣсти. Эпоха Русской исторіи удачно выбрана г. *Атръшкова*, и, хотя сжата въ нѣсколькихъ рамахъ, хорошо имъ обработана. Слогъ его строгій крипикъ могъ бы упрекнуть въ нѣкопорой изысканности, но не смотря на то, онъ пріятенъ и дѣйствуетъ на воображеніе. Въ иныхъ мѣстахъ онъ своенравенъ и повъ, что совсѣмъ не дѣлаетъ безчестія дарованію сочинителя. Но въ другихъ иногда не выдержанъ, и изъ высокаго низпадаетъ въ прѣстѣ. Это не вредитъ однако дѣйствию цѣлаго, въ изящныхъ карпинахъ изображающаго Кіевъ, политическія смуты того времени, и нѣкопорокъ отдѣльныя происшествія, какъ на примѣръ: убіеніе Бориса, волненіе въ Новгородѣ, и проч. Жаль только, что характеръ лица, по видимому предназначеннаго быть героемъ повѣсти — *Святополка*, не приковывается къ себѣ главнаго вниманія, какъ-бы должно было ожидать, но успушаетъ значительную половину участія читателя другимъ лицамъ и предметамъ. Въ концѣ книжки приложены примѣчанія, взятая изъ *Нестора* и *Карамзина*, на которыхъ г. *Атръшковъ* основалъ свое повѣствованіе. Помѣщенные въ началѣ каждой главы эпиграфы очень искусно выбраны изъ *Нестора* же и лучшихъ нашихъ поэтовъ. Въ заключеніе скажемъ, что наружность изданія привлекательна и украшена карпункомъ, принадлежащею къ особому роду виньетокъ, употребляемому въ нынѣшнихъ Французскихъ изданіяхъ, но у насъ еще совершенно новому.

А. Г.

M O D E S.

Pour passer aux bals séricux, et peut-être aussi parce que cela pourra donner quelques pensées nouvelles, nous parlerons des uniformes adoptés aux bals de la cour. L'habit *garde national* y est reçu, mais on porte comme grande tenue, un frac de velours violet

à boutons à l'anglaise, bombés, guillochés et mats; gilet et culotte courte de satin blanc. — Un claque à la française.

Ne serait-il pas bien de mettre en usage les habits de velours de toutes couleurs, avec des pantalons de satin blanc ou noir?

Quant aux gilets de satin, on en porte beaucoup; de fort jolis pour une tenue de soirée, sont en satin gris ou vert de cour.

Les cravates en velours plain, noir, sont très élégantes.

Les boutons anglais, comme nous les avons désignés plus haut, sont extrêmement recherchés.

Pour le soir, on doit porter comme chapeau un claque rond.

Quand on n'a pas des gants blancs, ou jaunes presque blancs, en daim pour le matin, et glacés le soir, il faut les avoir en peau glacée, noire, cousue de noir.

Les longues redingottes sont encore bien portées le matin, sans habit, et boutonnées; ou mieux encore, ouvertes, par dessus l'habit boutonné.

Les habits bleus en drap, sont généralement choisis pour le bal. — Fort peu de noirs, et encore moins en couleurs de fantaisie.

Les femmes ont plus de latitude; tout ce qui plaît est bien. Pourvu qu'on ne retombe pas dans les tailles courtes ou les coiffures trop hautes, on est dans la mode, car elle est, cette année, large et facile. — Ce qu'elle demande seulement, c'est de l'harmonie; ainsi des couleurs semblables, rien de tranchant, point de bigarrures, excepté le noir qui se marie avec tout; il faut qu'on n'ajoute point une nuance à une autre. Il faut qu'on puisse dire *une toilette rose, une toilette bleue*, etc., etc. Les bijoux mêmes sont bien assortis avec la robe.

Les mantilles de dentelle ou de blonde noire se varient en grand nombre, même sur une robe d'étoffe peu foncée.

М О Д Ы.

Чтобъ перейти къ важнымъ баламъ, и попому можетъ быть, что это подастъ новыя идеи, мы скажемъ слово о платьяхъ, принятыхъ для при-

дворныхъ баловъ. Надѣваютъ мундиръ Национальной гвардіи а въ большой нарядъ бархатные фраки фиолетоваго цвѣта, съ пуговицами на Англійскій манеръ, дупыми, чеканеными и маповыми; жилетъ и исподнее платье бѣлые апласные. — *Claque* (расплющенная шляпа) на Французскій манеръ.

Не худо бы, кажется, было ввести въ употребленіе бархатные фраки всякихъ цвѣтовъ, съ бѣлыми или черными апласными исподними платьями.

Жилеты же апласные въ большомъ употребленіи; весьма красивые для вечера: дикіе или зеленаго придворнаго цвѣта.

Галспухи изъ чернаго неразрѣзнаго бархата весьма щеголеваты.

Англійскія пуговицы, какъ мы сказали выше, въ большомъ употребленіи.

Для вечера, вмѣсто шляпы, берутъ круглый *claque*.

Когда нѣтъ бѣлыхъ перчатокъ, или палевыхъ почти бѣлыхъ, замшевыхъ для упря и лайковыхъ для вечера, то должно надѣвать черныя лайковыя, сшитыя чернымъ шелкомъ.

Длинные сюртуки все еще въ употребленіи упрямъ, безъ фрака, и застегнутые, или лучше еще, опкрытые, сверхъ застегнутаго фрака.

Голубые суконные фраки, во всеобщемъ употребленіи для баловъ. — Очень мало черныхъ, и еще менѣе необыкновенныхъ цвѣтовъ.

Для дамъ болѣе свободы; имъ что нравился, то и хорошо. Не надѣвайше короткаго лифа и высокой прически, по вы и по модѣ, попому, что нынѣшній годъ весьма легко къ ней приспособился; она пребудетъ только гармоніи; и такъ, одинакіе цвѣта, ничего рѣзкаго, ничего пестраго, кромѣ чернаго, который ко всему приличенъ; надо, чтобъ ничего не было разноцвѣтнаго. — Такъ, чтобъ можно было сказать *розовый нарядъ, голубой нарядъ*, и проч. и проч. Вещи даже должны быть подъ цвѣтъ платья.

Весьма много видно блондовыхъ и черныхъ кружевныхъ мантилій, даже на платьяхъ не изъ темныхъ матерій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Ло,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 22 ДНЯ, 1855 ГОДА.

« Чипали-ль вы мое стихотворенье? »

— Чипаль. —

« Что скажете о немъ? » — Молю, чтобъ Богъ послалъ:

Лѣнь — сочинителю; чипашелю — перифъне.

N. N.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЕВРЕЙСКОЕ СЕМЕЙСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вы конечно надѣетесь мало найти поэзіи въ пѣсномъ уголкѣ, въ четвертомъ ярусѣ дома, куда надобно взойти по круглой, худо-освѣщенной лѣспницѣ. Долго я самъ то же думалъ, долго былъ увѣренъ, что явленій, достойныхъ кисти живописца, надлежитъ искать только на высшей ступени нашей гражданственности; но наконецъ открылъ глаза и—за угломъ пышныхъ палатъ, подъ развалившееся кровлею, въ пихомъ и безмолвномъ убъжищѣ, со всѣми признаками бѣдности, увидѣлъ такіа явленія, которыхъ нашпали бы поэтическимъ вдохновеніемъ па цѣлый мѣсяцъ душу самаго Байрона.

Я не люблю этой молодой дѣвицы въ богатомъ бальномъ нарядѣ, у которой подъ золотымъ газомъ бьется сердце, доступное одной гордости. Здѣсь не доискаться пыльных чувствованій: эта дѣвица танцуетъ и—всѣ шутъ.—Не говорите мнѣ объ эпомъ до-полземъ до знатности чловѣкъ, который,

въ глубинѣ сокрытаго опъ всѣхъ кабинета своего, приудится не сполько для благосостоянія государства, сколько для достиженія знатности: подобныхъ дипломатовъ каждый день видимъ.— Но вообразите себѣ странное существо, чуждое чловѣкамъ, и привязанное къ людскому обществу одною только мыслию,—мыслию, которая вездѣ съ нимъ неразлучна и которая, такъ сказавъ, олицетворилась въ немъ.... Попомъ представьте себѣ дѣвицу прекрасную, которая сама не знаетъ, что она прекрасна; которая не танцуетъ, не наряжается въ бальное платье; живетъ не понимая для чего, вздыхаетъ безъ желанія и надежды, не чувствуетъ потребности любить, и для того только оспается въ своемъ кругу, что судьба въ немъ её поспавила. Вспавьте сѣ двѣ фигуры въ приличную имъ раму; на впоромъ планѣ помѣстите двухъ молодыхъ чудаковъ, подобныхъ первому; имъ нуженъ дѣдъ, спарикъ съ длинною бородою; наконецъ, прибавьте къ тому спаруху, прислуживающую цѣлой семьѣ, и вы получите картину, на которой въ природной нагопѣ представилась вамъ

вся фашистическая драма *Гоблина*, вся поэзия *Байрона*.

Въ одной изъ опдаленныхъ часней Пепербурга, надъ маленькими воропями, всегда почти запертыми, вы увидите вывѣску рѣщика. На сей разъ воропа были опперты, и я побѣжалъ вверхъ по лѣспницѣ. Я замѣтилъ, что шумъ, произведенный мною, былъ рѣдкостію въ этомъ домѣ; ибо, на каждой площадкѣ лѣспницы, женщины съ изумленными лицами выглядывали изъ дверей, чтобы узнать причину такой бѣготни, и завидѣвъ меня, тотчасъ исчезали. Я взошелъ на послѣднюю площадку: мнѣ представилась двѣ двери. Я постучался у той изъ нихъ, на которой увидѣлъ вывѣску печатей; мнѣ отперли—и я вошелъ въ довольно большую комнату, въ коей была чрезвычайная духота и жаръ. Передо мною споллъ человекъ въ спраннымъ одѣяніи; онъ молчалъ и, нимало не удивясь моему посѣщенію, обратился на меня вопрошающіе взоры.—Я показалъ ему кусокъ лавы, привезенный мною изъ Неаполя, и объяснилъ ему, что должно на немъ вырѣзатьъ.—Этотъ человекъ говоритъ на всѣхъ языкахъ. Онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на камень Везувія, потомъ началъ рисовать образчикъ для печати. Между тѣмъ, я внимательно разсматривалъ компану и живущихъ въ ней: ибо человекъ, который говорилъ со мною о печати, былъ не одинъ въ комнатѣ.

Три маленькіе окна, на которыхъ науки раскинули свои сѣпи, непосредственно освѣщали длинный верстакъ, покрытый восковыми слѣпками, малыми наковальнями, кружками свѣплой спали, разнаго рода чеканами, пилками и подпилками чрезвычайно тонкими, весьма ловкими для распиливанія желѣзъ, въ кои заковываютъ колодниковъ, осужденныхъ къ ссылкѣ въ Перчинскъ.—Три высокихъ пабурема означали мѣста прехъ работниковъ у сего верстака. Одно изъ нихъ было пусто; оно принадлежало тому, который занимался рисункомъ. На другихъ двухъ сидѣли двое сыновей его, въ чемъ прудно было ошибиться по сходству лицъ ихъ съ первымъ. Они одѣты были также какъ и помъ. Голова ихъ покрывалась ермолкою

чернаго сукна, изъ подъ копорой висѣли по обѣимъ споронамъ черные завипые пейсики. Широкий сюрпукъ цвѣпа Голландской сажы, на подобіе женской юбки, доспавалъ имъ до пяпъ, и попушленные глаза ихъ едва освѣщали печальныя, блѣдныя и безмолвыя лица. Однакожь, всмотрясь въ нихъ пристально, нельзя было незамѣтить въ этихъ глазахъ остраго огня, который горѣлъ безъ пламени.

Въ глубинѣ сихъ комнатъ стояла старая софа, покрытая изорванымъ волчьимъ мѣхомъ; на ней спалъ спарикъ съ длиною, сѣдою бородою, вѣрояпно, дѣдъ сихъ прехъ человекъ.—Нѣсколько грубыхъ вѣпхихъ эспамповъ висѣло по спѣнамъ сего жилища; кромѣ софы стояли въ немъ восемь обипыхъ черною кожею спульевъ; сквозь вѣпхую обивку пробивалась красноватая, полусѣденная молью шерсть, изъ коей опдѣляющіеся волокна носились въ густомъ воздухѣ.—Но сіе смрадное жилище украшалось присутствіемъ молодой дѣвицы. Она была лѣтъ 18-ти, красавица; но казалось, превосходила спранныостью лица своихъ братьевъ. Я не сводилъ съ неѣ глазъ, и долго искалъ опгадапъ: сколько ей могло быть лѣтъ опъ роду въ спрадалъческомъ выраженіи ея блѣдныхъ щекъ, впалыхъ глазъ и судорожномъ движеніи ея пѣла. Я вперлъ въ неѣ все мое вниманіе. Но чѣмъ долѣе смотрѣлъ на неѣ, тѣмъ болѣе мои мысли разсѣвались, какъ будто я только что проснулся послѣ смупнаго сновидѣнія. Постараюсь описать вамъ эту молодую дѣвушку.

Длинное плапье голубоватаго цвѣпа, широкое, съ большими складками, доспавало у неѣ до пяпъ. Вокругъ блѣднаго, высокаго чела ея обвивалась Купавинская желтая шаль съ широкими разводами, въ видѣ чалмы; изъ подъ неѣ висѣли длинные, черные локоны, рассыпаясь въ безпорядкѣ по лицу, подобно гробовому покрову, падающему на алебастровую гробницу. Въ глазахъ ея, освѣненныхъ длинными рѣсницами, большихъ и на выкапѣ, поселилась мечпашельность. Въ нихъ не было примѣпно ни человѣческихъ мыслей и ничего вдохновеннаго. Это было продолжптельное пламя безъ сіянія, или блескъ, про-

изводимый огнемъ, который плъль, а не пылалъ. Въ чемъ же состояло занятіе сего таинственнаго существа? Она не имѣла никакого; только иногда блѣдными, подобно лицу ея, перспами, отбрасывала назадъ локоны, закрывавшіе ей лице. Въ самой вещи, что ей было дѣлать въ семь домъ молчанія? Слабая и недѣяпелная, ни о чемъ не думая, ничего не желая, она жила, по еспь, дышала тяжелымъ воздухомъ въ пѣсномъ жилищѣ; вопъ и все.—Въ ту минушу она, откинувъ локоны, остановила на мнѣ большіе глаза свои. Бѣдная молодая дѣвушка, копорая не знаетъ себя самой! Ахъ, вдохните хотя на одинъ мигъ чувство любви въ сію изсохшую грудь, и вы увидите, какъ оживится взоръ ея и опущенныя рѣсницы не скроютъ пылающаго въ немъ огня... Но любовь для неѣ еспь такая вещь, копорой не знаетъ она и по имени... Она угаснетъ здѣсь, въ сихъ неоприятныхъ душныхъ комнатахъ, гдѣ молчатъ все спраспи человекскія, кромѣ корысполюбія...

Между пѣмъ продолжалось по же глубокое безмолвіе. Спарикъ, лежавшій на волчьей кожѣ, не просыпался, а хозяинъ подалъ мнѣ рисунокъ печати: онъ сдѣланъ былъ искусно.

Мы скоро условились въ цѣнѣ.— Я дѣло свое кончилъ, но не могъ рѣшиться выпши опшуда.— Молодая дѣвушка оставалась на прежнемъ мѣспѣ, и я не могъ опвести глазъ опъ ея желтой шали, опъ ея прелестнаго личика: на немъ опкрывался передо мною весь идеальный мѣръ.— Нѣсколько разъ рѣшался я заговорить съ нею, но не находилъ словъ: въ самомъ дѣлѣ, о чемъ мнѣ было говорить съ нею?.. Однакомъ, я опважился... Но она взглянула на меня, улыбувшись какъ призракъ и, не давъ опвѣта, скрылась. Мнѣ также должно было удалиться. Рѣщикъ провожалъ меня съ таинственнымъ видомъ и только что я хотѣлъ переступить черезъ порогъ двери, какъ онъ спросилъ меня тихо, не промѣняю ли я ему нѣсколько червонцевъ.—Просьба сія, сначала, показала мнѣ спранную, но я подумалъ, что опяшь могу увидѣть *Рахиль* (имя молодой дѣвушки), и порывшись въ своемъ кошелькѣ, вынулъ изъ него нѣсколько золотыхъ монепъ. Онъ взялъ

ихъ пощими пальцами и показалъ сыновьямъ своимъ, которые осматривали края червонцевъ; шупъ невольню вспомнилъ я о пѣлахъ и подпилкахъ на верстахъ... Я мысленно видѣлъ, какъ они окарнали бѣдые мои червонцы. Рѣщикъ вышелъ на цыпочкакъ; какъ будню боясь разбудить спарика, все еще спавшаго на софѣ; черезъ нѣсколько минушь опъ возвратился и, на обмѣнъ золота, вручилъ мнѣ ассигнаціи.

Скоро я посвященъ былъ во все пайны сего непропцаемаго семейства. Я опносилъ по временамъ къ рѣщику червонцы, копорые дѣлали для него мои посѣщенія припными; а чтобъ имѣть входъ въ это жилище, не забывалъ дарить и спаруху-служанку. Эта женщина была корысполюбива и молчалива, но корысполюбива для себя: золото развязало ей языкъ.—

Еврей *Адамскій* лѣтъ 30 живетъ въ одной квартирѣ и около двухъ лѣтъ уже не выходитъ изъ дома: нужныя дѣла въ городѣ исправляютъ его сыновья.— Они выходятъ только вечеромъ и возвращаются домой очень поздно. Будучи молоды лѣтами, они уже соспарѣлись въ ремеслѣ своемъ: правила спарика-опца глубоко въ нихъ врѣзались; ихъ основаніе: молчаливость и спонческое равнодушіе. Ожидать при часа въ тѣмномъ углѣ передней, для нихъ ничего не значитъ; они нечувствительны къ обидамъ лакеевъ, еще нечувствительнѣе къ гнѣву, угрозамъ и просьбамъ господъ: у нихъ сердца гранипные.

Въ эптопъ вечеръ спаршій изъ нихъ опправился въ великолѣпные чертоги, къ богатому моту. Около часа неподвижно споллъ опъ въ передней, пабитой лакеями, между пѣмъ, какъ молодой офицеръ съ неперпѣнемъ ожидалъ его въ своемъ кабинетѣ.— Съ часъ уже, какъ онъ выпуль нѣсколько дорогихъ вещей изъ своего щегольскаго бюро и разспавилъ подлѣ заемаго письма въ 18,000 рублей, только что имъ подписаннаго. По разсѣянному его виду, по досадѣ, копорую онъ не спарался скрывать, легко было заклячить, что онъ кого нибудъ дожидается. Онъ взялъ было книгу и пошчасъ бросилъ еѣ, попомъ началъ курить трубку съ бога-

пымъ линтарнымъ мундштукомъ, но не выкуривъ и до половины, поставилъ опять, и большими шагами ходилъ по комнапъ, час-то посмапиривая на часы.—Вдругъ, не въ силахъ будучи долге ждапъ, онъ зовешъ людей.—«Нптъ-ли кого въ передней?»—Жидъ дожидаетсл.—«Пусть войдетъ сюда; за чъмъ до сихъ поръ о немъ не доложили?»—Слуга исчезъ.—Молодой ростовщикъ потчасъ появился въ дверяхъ кабинета.—Онъ вошелъ не говоря ни слова, пересмотрълъ по одинакѣ вещи, которыя лежали на бюро, осторожно завернулъ ихъ въ плапокъ, спряпалъ за пазуху и, сложивъ вексель въ 18,000 рублей, опщипалъ молодому барину 10,000 рублей ассигнаціями; потомъ, молча, на цыпочкахъ вышелъ вонъ. Офицеръ проводилъ его проклятіями, разбилъ съ досады споявшій на столъ графинъ граненаго хрустала и приказалъ подаватъ коляску.

Потомъ, братъ *Рахили* направилъ шаги свои къ дому одной прелестной, но немножко въпреной дамы. Здѣсь его не заставили ждапъ: Француженка-горничная сперегла его. Она ввела его по черной лѣстницѣ въ прекрасный будуаръ, гдѣ получилъ онъ при богатыи Персидскія шали и заемное письмо въ 6,000 рублей—за 3,500 наличныхъ рублей, которые онъ проворно опщипалъ хозяйкѣ. Догнавъ брата, который провожалъ его, онъ передалъ ему дорогія вещи офицера, шали прелестной графини и, уже одинъ, отправилъ ся по другимъ дѣламъ. Онъ вошелъ въ огромный домъ.

Тупъ его совсѣмъ не ожидали. Слуги не хотѣли доложить о немъ. Онъ ослался дожидатъся въ снпяхъ; тамъ, прислонясь къ спнѣ, какъ будто Каріатида, ждѣтъ.—Проходитъ часъ, за нимъ другой, за другимъ претпій: молодой Жидъ неподвижно спойпъ на одномъ мѣспѣ, пока наконецъ раздался шумъ шаговъ въ снпяхъ: не ѣдетъ ли господинъ со двора? люди что-то засуетились.

Въ самомъ дѣлѣ показался сорокопѣтпій франтъ, который выступалъ съ важноспію.... Взоръ его нечаянно вспрѣпилъ молодого ростовщика: онъ поблѣднѣлъ и велѣлъ ему за собою слѣдовать.—Въ этопъ

депъ наспушилъ срокъ плапежа по векселю въ 15,000 рублей, подписанному имъ на имл Ивана *Адамскаго* изъ Познани; залогъ въ 30,000 рублей обезпечивалъ заимодавца.—Должникъ просилъ опсрочки на шесть мѣслцевъ.—Ему опвѣчаютъ: «наспушилъ срокъ.» *На три мѣслца*,—потъ же опвѣпъ.—*На два мѣслца*... *На мѣслць*... *На двѣ недѣли*....—Опвѣпъ одинъ и потъ же. Молодой Израильпанинъ остаешся непреклоннымъ.—Поджавъ руки, опустивъ глаза въ землю, онъ казался желзнымъ испуканомъ: даже непримѣпно было въ немъ дыханія.—Бышенство должника дошло до крайней спепени. Онъ сильно схватываетъ ростовщика за плечо, грозипъ ему, осыпаетъ его проклятіями... То же равнодушіе.—Надобно было съ нимъ кончипъ.—Пышный баринъ видипъ, что это не человекъ, а камень. Онъ упихаетъ, просипъ Жидъ въ кабинетъ, показываетъ ему нѣсколько бриліаншовъ—и сынъ *Адамскаго* уходитъ, условясь о новомъ заемномъ письмѣ и о новомъ прибавочномъ закладѣ.

Отецъ вмѣспѣ съ братомъ ожидалъ его.—Добыча сего вечера пщательно была спрптана въ желзный сундукъ. На другой депъ всѣ прое снова принялись вырѣзывать печати, а *Рахиль*, которая все видѣла, ничего не понимая, по прежнему надѣла свою желзную чалму и, по прежнему, смотрѣла какъ привидѣніе.—Такъ жизнь ея должна протекать въ чепырехъ спѣнахъ, пока не укажутъ ей молодого человекъ, прпзжаго изъ Польши, суженаго. Тогда отецъ ея скажетъ ей: «дочь, вопъ пвой женихъ!» И безъ любви, она сдѣлаешся женою... потомъ матерью, можетъ быть, другой какой нибудь *Рахили* съ такимъ же чуднымъ взоромъ, какъ у неѣ!....

Дѣдъ ея умеръ, потъ самый спарикъ, котораго я видѣлъ спящимъ на софѣ, покрытой волчьимъ мѣхомъ. Онъ чахъ, чахъ и опсправился на потъ свѣпъ, никѣмъ не оплаканный....

Вопъ какова ихъ участь.—Жиле въ чепвѣрпомъ ярусѣ подъ самую кровлею, лишеніе всѣхъ жизненныхъ удовольствій, молчаніе, скрыпность, дурной воздухъ, всеобщее

презрѣніе, смерть на полуразвалившейся кровави и ни одной слезы сожалѣнія! Но здѣсь, въ эпомъ пуспомъ углу, въ эпомъ спаринномъ сундукъ, окованномъ полспыми полосами желъза, съ копораго никпо не сводитъ глазъ, спряпанъ милліонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МЕЧТЫ И СУЩЕСТВЕННОСТЬ.

Ты рзвой прелестью кокетства
 Меня дурачила вполне,
 И твердый мужъ, я, въ возрастъ дѣтства
 Вдругъ перешель, какъ бы во спъ. . . .
 Я мѣль, я плель: пвой взоръ мгновенный
 Воспоргъ и скорбь мнѣ посылае;—
 И я—шо робкій, шо надменный,—
 Со мной что спалоса, не зналъ!
 Но сердце излечилось болью,
 Но разумъ взялъ свое опяшь,
 И по широкому раздолью
 Иду я вновь съ мечтой гуляшь.
 Любовь и кляпвы, все, что было—
 Все: разбросаю по пупи;—
 И вздохъ шоски, какъ предъ могилой,
 Умреть въ измученной груди. . . .
 На прошлое—забвенъ ляжеть—
 И кпо, могучій чарбдй,
 Мнѣ убѣдительно докажеть—
 Дѣйствительность прошедшихъ дней?

Карлеофъ.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ.

(Посвляц. К. Н—вой) ().*

Какъ много въ жизни мнѣ мечпалось,
 Но въ половину не сбылось,

(*) Стихи сіи написаны молодымъ 24-хъ лѣтнимъ чело-
 вѣкомъ, который скончался нѣсколько недель предъ
 симъ. — Я.

Того, чѣмъ сердце восхищалось,
 Къ чему желаніе неслось!
 Сначала мыслилъ я, средъ боя,
 На полъ брани умереть,
 Или, спяжавъ вѣнокъ героя,
 Со славой родину узрѣть. . . .
 Душа рвалась, душа алкала
 Кровавой съчи. . . къ ней неслась;
 Но спаль въ бездѣйствіи лежала,
 Мечпа побѣды—не сбылась!

*

Потомъ Ипалія, какъ геній,
 (Не знаю, добрый или злой! . . .)
 На мѣсто поля и сраженій—
 Являтьсся спала предо мной;
 И я, безумецъ! восхищалея
 Заранъ небомъ голубымъ,
 Заранъ мыслию плѣнялся
 Увидѣшь скоро древній Римъ;
 Душа еще сильнѣе билась,
 Сильнѣй, чѣмъ на полъ, рвалась. . .
 Но что-жь? и это не свершилось!
 Мечпа и эпа—не сбылась!

*

И такъ, пойдя иной дорогой,
 Я спаль мечтой иной поминъ,
 Хопя не громкой, но убогой:
 Желаль одной я быль любимъ;
 Одною! кажется немного,
 Судя по прочимъ—я желаль. . .
 И съ этой мыслью, зорко, спрого,
 Себѣ подругу выбираль.
 Нашель, любилъ клялся. . . и что же?
 Она другому предалась,
 Негодница, прости ей Боже!
 Мечпа и шретья—не сбылась!

*

Куда-жь пойду я, думаль нынѣ?
 Куда полеть свой устремлю?
 Въ какой спранъ, въ какой пуспынѣ,
 Скорѣй щастье уловлю?
 Какой мечпъ предамся снова,
 Когда обмануть ужъ шремя?
 Когда судьба глядитъ сурово

И ненавистно на меня?
И пакъ, пойду дорогой жизни,
Съ душой оспылой ко всему,
Съ душою полной укоризны:
Не стану въришь ничѣму.

Петръ Николаефовъ.

КЪ Н. Н.

На камень жизни роковой
Природою заброшенъ,
Младенец пылкій и живой
Игралъ неоспороженъ;
Но Муза юнаго взяла
Подъ свой покровъ надежный,
Поэзія расплала
Коверъ подъ нимъ роскошный.
Какъ скоро Музы подъ крыломъ
Его согрѣли годы,
Поэтъ, избыткомъ чувствъ вълекомя,
Предсталъ во храмъ свободы;
Но мрачныхъ жертвъ не приносилъ,
Служа ея кумиру;
Онъ горсть цвѣтовъ ей посвящилъ
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Онъ чнилъ въ младыя лѣта:
Амуръ рѣзвился вокругъ него
И дани бралъ съ поэма.
Спрѣлу ему на память далъ
И въ сладкіе досуги
Онъ ея повѣсть начерпалъ
Орфеевой супруги.
И въ міръ семъ, какъ въ царствѣ сновъ,
Поэтъ живеть, мечтая.
Онъ такъ достигъ земныхъ вѣнцовъ
И такъ достигнешъ рай....
Умъ скоръ и смѣливъ, вѣренъ глазъ,
Воображенъе быстро....
А спорилъ въ жизни только разъ
На диспутѣ Магистра.

Тютчевъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первой слогъ, Персидскій Царь,
Второй, увидишь пы, лишь разверни букварь,
А въ *цѣломъ*, пы найдешь органы и алтарь.
Х.

Въ No 22, помѣщенная загадка значить: *L'auent cir-
conflexe.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕПЕРТУАРА ЗА 1852 ГОДЪ.

С п и с о к ъ

ГГ. артистовъ Россійской и балетной труппы
С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ПРИДВОРНАГО ТЕАТРА.

Трагическіе:

Василій Андреевичъ Каратыгинъ б.,—первыя роли, также въ драмахъ и иногда въ комедіяхъ. Превосходный актеръ; каждая роль есть поржество его.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій,—въ трагедіяхъ съ честью занимаетъ первыя роли, также какъ въ комедіяхъ и драмахъ Опчѣпистый, отличныи актеръ, котораго разнообразныи палантъ доставляетъ всегда удовольствіе Публикѣ.

Петръ Ивановичъ Григорьевъ б.,—вторыя роли въ драмахъ и комедіяхъ; играетъ нѣкоторыя роли съ успѣхомъ. Приятно любителю театра замѣтитъ, что онъ примѣпно улучшается. Это доказательство, что сей актеръ занимается своимъ искусствомъ и вникаетъ въ характеры своихъ ролей.

Василій Карповичъ Васильевъ,—занимаетъ вторыя роли. Онъ подаетъ большую надежду. Многіе, видавшіе его на Московскомъ театрѣ, не узнаютъ его: споль много онъ себя переработалъ. Пусть только г. *Васильевъ* не ослабѣваетъ въ своихъ успѣяхъ и продолжаетъ усовершенствовать себя.

Павелъ Никитичъ Орловъ,—вторыя роли. Весьма недавно поступилъ на театрѣ. Публика, замѣтивъ въ немъ благообразную наружность и чувство, ободрила его первыи шагъ.

Петръ Ивановичъ Калининъ,—третьи роли.
Павелъ Ивановичъ Толченовъ,—роли злодѣевъ. Тяжелъ для нѣкоторыхъ ролей.

Иванъ Петровичъ Борейскій,—роли стариковъ, также въ драмахъ и комедіяхъ. Хорошій актёръ и съ талантомъ.

Дмитрій Николаевичъ Хотялицовъ,—второй въ пѣхъ же роляхъ, также занимаетъ вторыя роли злодѣевъ. Архисистъ съ познаніями въ либературѣ и драматургіи, играетъ спараметельно, роли заучиваетъ пвѣрдо, въ костюмахъ вѣренъ, умѣетъ съ тонкостью опшѣнить и характеръ лица представляемаго, и вѣкъ, и народъ, къ которому принадлежитъ онъ.

Павель Дмитриевичъ Радинъ,—роли главныхъ наперсниковъ.

Александра Михайловна Каратыгина б.,—Первыя роли въ прагедіи и комедіи. Первоклассная актриса, образованная и воспитаніемъ, и путешесствіемъ, и долговременнымъ пребываніемъ въ Парижѣ. Ею должна гордиться Русская сцена.

Марья Ивановна Валберхова,—умная и хорошая актриса, украшавшая сцену нашу въ прагедіяхъ и комедіяхъ. Вѣроятно, поспушитъ на роли маперей.

Анна Матвѣевна Брянская,—вторыя роли въ прагедіи и первыя роли въ драмѣ. Хорошая актриса и съ прекрасными чувствами.

Марья Павловна Семѣнова,—вторыя роли, также въ драмахъ и комедіяхъ разыгрываются ею ревностно и похвально.

Варвара Васильевна Каратыгина с.,—вторыя роли маперей и главныхъ наперсницъ.

Комедическіе и драматическіе:

Иванъ Ивановичъ Сосницкій,—первыя роли. Актёръ, достойный своей славы, любимецъ образованной Публики; вездѣ и всегда восхищаетъ зрителей: въ Вѣпронѣ, Фридрихъ II, Вольперъ, — въ Англійскомъ танцѣ и мазуркѣ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ м.,—вторыя роли. Сочинитель нѣсколькихъ хорошо принятыхъ водевилей.

Павель Семеновичъ Экунинъ,—третьи роли.

Николай Осиповичъ Дюръ. Разнообразный и гибкій талантъ сего архисиста приводитъ въ затрудненіе вѣрно опредѣлить его амплуа;

даже не легко рѣшительно причислить его къ оперѣ, или къ комедіи. Сей молодой архисистъ вездѣ, во всемъ, всегда удовлетворяетъ зрителей, и съ каждымъ годомъ становится мучше и лучше.

Александръ Васильевичъ Воронниковъ,—имѣетъ необыкновенное дарованіе представлять проспаковъ и Русскихъ крестьянъ, не упиался до фарса, не кобенялся и не принося жертвъ высокой публикѣ.

Михаилъ Васильевичъ Великинъ,—созданъ для комическихъ ролей и педантовъ, бывший любимецъ райской публики, котораго жалуется, чтобы её дурачили и для неё дурачились до безумія. Съ пѣхъ поръ, какъ г. Великинъ спалъ удерживать себя въ границахъ приличія и не пересаливать: онъ потерялъ благоволеніе райки, но за то помирился съ ложами и креслами.

Александръ Ивановичъ Афонасьевъ, — изрядный комическій спарикъ и удивительный въ роляхъ подъячаго, особливо спариннаго, съ перомъ за ухомъ.

Петръ Петровичъ Рославской,—комическихъ опцовъ.

Дмитрій Петровичъ Поляковъ,
Никита Петровичъ Алекинъ, } вторые въ пѣхъ же роляхъ.

Николай Герасимовичъ Бекеръ 1,—роли слугъ. Рѣшительно можно сказать, что на Русской сценѣ все князья и бояре; нѣтъ ни одного слуги!

Петръ Григорьевичъ Григорьевъ м.

Седеиъ Петровичъ Алекинъ.

Николай Александровичъ Дубровинъ.

Александръ Федоровичъ Соколовъ.

Елена Яковлевна Сосницкая,—пользуется справедливо приобрьпенною ею славою въ роляхъ кокепокъ и служанокъ.

Катерина Андреевна Шелаева,—весьма недурна въ роляхъ любовницъ.

Александра Яковлевна Сибирякова,
Елисавета Алексѣевна Прилуцкая, } вторыя въ пѣхъ же роляхъ.

Катерина Ивановна Яковлева,
Александра Дмитриевна Вели-
кина,
Марья Александровна Телешова, } роли ма-
 жерей.

Катерина Ивановна Ежова,—первыя роли комическихъ спарухъ. Во многихъ пьесахъ безподобна. Роли свахъ, сплетницъ, болтушекъ—ея собственность; она ихъ не играетъ, а безъ всякаго принужденія, безъ усилія, разговариваетъ въ своей комнахъ, въ кругу прятельскомъ.

Елена Ивановна Гусева—впорая въ пьхъ же роляхъ.

Марья Аполлоновна Азаревичева,—весьма хорошо представляетъ первыхъ служанокъ; она же иногда, по нуждъ, играетъ и въ трагедяхъ молодыхъ принцессъ.

Александра Егоровна Асенкова—занимаетъ роли первыхъ служанокъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

M O D E S.

Une jeune femme très-blonde et d'une blancheur éblouissante, portait, ces jours derniers, à l'une des représentations de Lucrece Borgia, une redingote en crêpe noir, doublée entièrement de satin noir. Au cou et autour d'une pélerine à petits pans, était une ruche de tulle bordé d'une très-étroite faveur de satin bleu ciel. Les manches à bouffans étaient rattachées par des nœuds de satin bleu; la ceinture était un ruban de satin faisant rosette, sans retomber à longs bouts. Avec cela, elle portait un petit chapeau de velours épinglé bleu ciel, orné de deux touffes de marabouts bleus.

Les pélerines de blonde blanche ou noire, sont très-bien pour rendre un peu négligée telle toilette qui semblerait parée. — Elles sont beaucoup mieux, garnies d'une ruche au cou, que d'un col rabattant. — Dans les deux cas, elles se nouent par une rosette en ruban de gaze, à coques et pans très-souples; les nœuds doivent être faits à la main, et non pas raides et guindés, comme on voit dans la plupart des magasins.

Il nous a été montré chez Gervais-Chardin, parfumeur, boulevard des Italiens, un fort bel ouvrage de *Dièppe*; c'est une broderie en lame de baleine et or sur du velours violet.

Ce petit meuble de femmes, est un sultan, qui, parfumé, serait destiné à recevoir des gants, des éventails, une bourse, et les mouchoirs de poches.

Pl. No 9. Costumes de 16 Mars n. st. à Paris.

М О Д Ы.

Одна молодая дама, весьма бѣлокурая и чрезвычайно бѣлая собою, на сихъ дняхъ, въ одномъ изъ представлений Лукреціи Боржіа, была въ черномъ креповомъ рединготѣ, подложенномъ совершенно чернымъ апласомъ. Около шеи и вокруг пелеринки съ небольшими кончиками, узенькой рюшъ, обшитый весьма узенькой апласной лепнучкою небесно-голубаго цвѣта. Рукава бурами, подхвачены были голубыми апласными бантами; поясъ изъ голубой апласной ленты, безъ длинныхъ висящихъ концевъ. Съ эпитомъ, на ней была маленькая шляпка изъ булавчатаго бархата небесно-голубаго цвѣта, ошдѣланная двумя кусками голубыхъ марабу.

Пелеринки, изъ черной или бѣлой блонды, весьма приличны, чтобъ сдѣлать нарядъ проспѣе. — Онѣ гораздо лучше, обшитыя рюшемъ около шеи, нежели съ опложнымъ воронничкомъ. — Въ обихъ случаяхъ, онѣ завязываются розеткою изъ газовыхъ лентъ; петли и концы должны быть весьма гибки, и сдѣланы руками, а не жесткіе и пеуклюжіе, какъ видны въ большой часни магазиновъ.

Намъ показывали у *Gervais-Chardin, parfumeur*, на Италіанскомъ бульварѣ, прекрасную работу изъ *Диенна*; это волнистое шитье кишовыми усами, съ золотомъ по бархату фиолетоваго цвѣта.

Эта небольшая мебель для дамъ, султанъ, которій, напишанный ароматами, употребляется для перчатокъ, опахаль, кошелька и носовыхъ платковъ.

Карш. No 9. Одежда, которую носили въ Парижѣ 16 Марша н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 24.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, МАРТА 25 ДНЯ 1853 ГОДА.

Я вижу: къ женихамъ у васъ вниманья мало.
Въдь нынче женихи: чуть оплошай, какъ разъ
И удизнутъ! Тутъ нуженъ глазъ да глазъ!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОДАЖА РУКОПИСИ.

Я очень вѣрю, что многіе Русскіе литераторы пишутъ для славы; но эта слава, пишущая нашу душу, моритъ часто голодомъ нашъ желудокъ. Сколько на свѣтѣ ученыхъ и литераторовъ погибло отъ крайнѣйшей бѣдности!— И пакъ, со всѣмъ неушительнѣе ходитъ нашимъ литераторамъ по міру съ сумою, хотя бы по смерти ихъ цѣлый лавровый лѣсъ выросъ надъ ихъ могилами. А посему нынѣшняя слава, послѣдняя спрасть мудрыхъ, какъ говоритъ *Тацитъ*, обмѣнена на ходячую монету, и находится въ рукахъ книгопродавцевъ.

И пакъ, книгопродавецъ торгуетъ славою; онъ перекупаетъ её у Русскихъ писателей, и продаетъ съ барышемъ Публикѣ.

Два года прудился я для славы, п. е. написалъ книгу, въ которой сподкнулись всѣ мои умственные способности, измилось на бумагу всё мое пылкое вдохновеніе, вся поэзія моей фантазіи, и всѣ фантазіи моей поэзіи; короче сказавъ, я написалъ *chef d'oeuvre*, и мнѣ ничего болѣе не оставалось сдѣлать,

какъ это дѣлаще моего ума, отдать на руки литературной нянькѣ, п. е. Петербургскому книгопродавцу.

Къ моему несчастію, я не былъ знакомъ ни съ однимъ въ Россіи книгопродавцемъ, и спыдился припши къ какому нибудь изъ нихъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Геній мой къ вашимъ услугамъ; что вы мнѣ дадите за печатный листъ?»—Въ моемъ недоумѣніи я обратился къ одному, въ пыли ходячему, автору, который съ книгопродавцемъ жилъ на пріятельской ногѣ, п. е. нивалъ съ нимъ часто пуншь и настойку за книжными кулисами, въ заднемъ углу магазина, и хаживалъ заѣдать магарычи въ пражирь Палкина, когда продавалъ оспальные экземпляры своихъ сочиненій на вѣсъ съ пуда.—«*Ферапонтъ Патрикеиъ*,» сказалъ я моему пріятелю изъ ученыхъ: «тебѣ знакомъ цѣлый полкъ книгопродавцевъ. И пакъ, сдѣлай милость, подружи меня съ однимъ изъ нихъ, чпобъ напечатали мою рукопись.»

—Хорошо, я поговорю о тебѣ съ N. N.; онъ мужикъ добрый и ласковъ, особливо до пѣхъ писателей, которые не падаи на деньги, и прудятся только для извѣстности.—

Я ждалъ цѣлые полгода эпаго инпереснаго знакомства; но щещно. Пріятель мой, авторъ, уѣхалъ изъ Пепербурга, и не сдержалъ своего слова. — А посему я рѣшился, безъ помощи другаго, познакомиться съ книгопродавцемъ, и выбралъ для перваго моего дебюта извѣстнаго книгопродавца, который, по обыкновенію, кончивъ свой курсъ ученія въ приходской школѣ, началъ дѣйствовать въ книжномъ свѣтѣ съ мешлою въ рукахъ; п. е. сперва мѣлъ книжную лавку своего хозяина, заглядывая изрѣдка въ сонники, пѣсенники и старые календары, безъ переплета продающіеся въ папирархальной проспектѣ, на рогожкахъ шолкучаго рынка.

Онъ впередъ угадалъ по моимъ шѣлдвиженіямъ и поклонамъ, что я за пища, и что мнѣ было надобно; а потому, безъ всякихъ предварительныхъ учтивостей, процѣдилъ сквозь зубы слѣдующую прелюдію: М. Г. нынѣ худыя времена, мы завалены книгами, и не знаемъ куда сбывать свой шоваръ. —

Потомъ осмошрѣлъ онъ меня съ ногъ до головы съ холодною гримасою.

Я оштолбенѣлъ отъ эпаго привѣшества, и не смѣлъ разинуть рта.

—Прощу садиться, — сказала онъ сухо.

Я сѣлъ подлѣ испошленной печки, опогрѣлся и почувшвовалъ, что смѣлосшь моя возвратилась. Я началъ говорить съ жаромъ и краснорѣчіемъ, какъ *Канингъ* или *Казиниръ Перве*.

Книгопродавецъ отвѣчалъ мнѣ хощя лаконически, но учшиво. — Я не хвалилъ свою книгу, но такъ возбудилъ въ немъ любопытство на щепъ оной, что онъ невольно сказалъ: оставьте мнѣ ваше сочиненіе, я посмотрю, что изъ него можно будетъ сдѣлать. —

«Вотъ оно;» воскликнулъ я съ радостію, вынималъ изъ кармана шолспую шепрадъ: «прочитайте её поскорѣе, и я приду къ вамъ за отвѣномъ.»

Я готовъ былъ разцѣловать добраго книгопродавца, за его намѣреніе прочищать

мою книгу. — Эпаго шолько я и желалъ; ибо впередъ былъ увѣренъ, что она ему понравилась, заключая въ себѣ весь мой невещественно-умшвенный капиталъ.

Черезъ недѣлю я опять явился къ книгопродавцу, который сѣдѣлъ за чаемъ, и допивалъ чепвѣртый спаканъ, какъ я замѣпилъ изъ крупныхъ капель попа, которые капилась съ мудраго его чела.

— Не угодно ли выпить спаканчикъ? — сказала книгопродавецъ: съ чѣмъ прикажете, съ медомъ или сахаромъ, выпить нынѣ пошпъ. —

«Грѣшный человекъ, пью всегда съ сахаромъ, отвѣчалъ я съ смиренною улыбкою; да иногда для смѣлосши прибавляю и коньячку.» — Эпо не мѣшаешъ; — замѣпилъ онъ: коньякъ можно пить во всякое время — имъ не ошкоромишся. —

«Ну М. Г. что же вы скажете на щепъ моей книги?» — Книгопродавецъ почесавъ запылокъ, понюхалъ пабаку, чихнулъ, опкашлялся и сказалъ: что мнѣ сказать про вашу книгу? . . . знаетъ ли васъ Публика? —

«До сего времени еще нѣтъ, но я надѣюсь на ея благосклонность и увѣренъ, что успѣю....» — Ваша книга довольно порядочная, не така гиль на примѣръ, какую пишушь наши пресловутые Москвичи: *Орловъ*, *Сиговъ* и компанія. —

«Благодарю за вашу скромную похвалу;» замѣпилъ я съ ироническою улыбкою.

Книг. Вы не имѣете еще имени въ липературномъ свѣтѣ; а потому и не надѣйтесь вашею книгою сдѣлать хорошую спекуляцію.

Я. Я хочу шолько, чтообъ она была напечатана.

Книг. Я не говорю, чтообъ эпо было невозможно . . . но зайдите ко мнѣ въ другой разъ, — оставьте у меня рукопись, я еще разъ просмошрю её. — Послѣднія слова книгопродавца опозвались въ ухахъ моихъ, какъ разшроенная скрипка пракширнаго музыканта. Однакоже надежда не совсѣмъ во мнѣ исчезла; я опкланялся и пошелъ домой задумчиво и лѣнливо.

Дней через десять я опять посѣпилъ моего княжнаго пріятеля, который уже на меня смотрѣлъ совершеннымъ врагомъ.

Кабинетъ у него былъ столь же холоденъ, какъ и его пріемъ. Онъ уже меня ничѣмъ не хопѣлъ поштивать, хопя я увидѣлъ на столѣ шарелку свѣжей икры, сѣмгу, и въ прѣхъ графинахъ разноцвѣтную наливку. Онъ флегматически вынулъ изъ бюро мою рукопись и, подавъ мнѣ оную, сказалъ сухо и принужденно: ваше сочиненіе не пойдетъ — оно не покроетъ издержекъ на печать и бумагу; — извините, что я говорю съ вами откровенно, но я надѣюсь, что въ послѣдствіи могу услужить вамъ чѣмъ нибудь при другомъ случаѣ. — Мы распрощались. Книгопродавецъ надѣлъ шубу и фуражку, вышелъ вмѣстѣ со мною на прапугаръ Невскаго проспекта и сказалъ: Вы куда идете, на право? — «Да-съ!» — А я на лѣво; — и такъ прощайте-сь, почтеннѣйшій! — Самое нѣжное разсваваніе! неправда ли, любезный читатель?

Тогда я понялъ настоящее значеніе слова: *книгопродавецъ*.

Въ Россіи книгопродавецъ есть верховный судья въ дѣлахъ литературныхъ (*); отъ рѣшенія его зависитъ жизнь или смерть славы писателя. — Онъ съ одинакимъ хладнокровіемъ скажетъ вамъ, что сочиненіе ваше хорошо, или худо, нимало не думая хвалишь или хулишь васъ. — Онъ также знаетъ полкъ въ книгахъ, какъ мясникъ въ говядинѣ. — Ощупавъ книгу, узнавъ ея вѣсъ и формашъ, онъ, не заглядывая въ листы, скажетъ рѣшительно, чего она стоитъ, и сколько экземпляровъ надобно еѣ напечатать.

Ему конечно неизвѣстно различіе между классиками и романпинами, но совсѣмъ лѣтъ онъ смѣло скажетъ вамъ: «вы слишкомъ привержены къ классицизму и не худо сдѣлаете, если исправите эпугу погрѣшность». — Не имѣя никакого понятія о Рипорикѣ, книгопро-

давецъ охулилъ ваши періоды почно также, какъ переплеты книгъ и доброту бумаги. — Онъ не знаетъ эпохи, въ которую дѣйствуютъ ваши герои романа, но крипикуетъ мѣстности, обычаи, характеры; находитъ вездѣ анахронизмы, и не шершитъ никакихъ возраженій, хопя бы вы доказали ему математически, что онъ полуварваръ, и также не похожъ на просвѣщенныхъ книгопродавцевъ Германіи и Франціи: *Коттовъ*, *Брокгаузовъ*, *Трейтлей* и *Боссанжевъ*, какъ Калмыкъ на Англичанина.

И такъ, во ожиданіи Европейскаго просвѣщенія многихъ изъ нашихъ книгопродавцевъ, когда они взойдутъ на степень истинныхъ поощрителей литературы, я спряпалъ свою рукопись въ бюро, и поклялся (*) ничего не издавать до лучшаго времени.

Г. Кругликовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БЛАЖЕННАЯ МИНУТА МОЕЙ ЖИЗНИ.

Печальна будетъ повѣсть моя, печальна, особливо для меня, который ни когда не вспоминаетъ о ней безъ продолжительной и таинственной скорби. Но я вамъ расскажу еѣ; вы похвалите обо мнѣ, и въ свою очередь, расскажете мнѣ что нибудь подобное; ибо у кого изъ насъ нѣтъ воспоминанія, которое бы сіяло на горизонтѣ жизни нашей, какъ сіяетъ серебряная блеспка на погребальномъ покровѣ?

Испоргнувшій изъ подъ отеческаго крова на двѣнадцатомъ году моего возраста, и носимый бурею, какъ увядшій осенній листъ, я часто вспрѣчалъ ночь на вершинѣ каменстаго пригорка, или подъ старымъ дубомъ, облаженнымъ желѣзною рукою зимы; иногда проводилъ я еѣ, забившись въ уголь низменнаго хлѣва, и окруженный блеющими овцами, которые съ испугомъ споронились отъ меня, когда, проспавшись, я вос-

(*) Также, какъ въ Англии, Германіи, Франціи. Добавьте къ этому памощныя частныя, умышленныя банкротства, разоряющія славнѣйшихъ писателей. У насъ еще, благодаря Бога, не вошло это въ моду. — В.

(*) Гдѣ клятва — шугъ и преспушеніе. — В.

клицалъ: о Господи! Наконецъ въ это время, о которомъ я рассказываю, я былъ опять въ своемъ родимомъ городѣ Парижѣ.

Съ загорѣлымъ лицомъ, съ всклокоченными волосами, едва прикрытый изорваннымъ рубищемъ, идучи вдоль по бульвару св. Антонія, я ждалъ, чтобы небо послало мнѣ манну, какою оно питаетъ нищихъ, это благо, за которое сердца невѣрующія благодарятъ одинъ только случай! И я искалъ глазами человека, которому бы могъ предложить свои услуги, поднявъ его ношу, или взявъ на себя доставку нужнаго письма. Въ это время униженныхъ желаній, должность разсылщика была единственною, которую я почтитель прилично моимъ способностямъ.

Прошло нѣсколько часовъ; день приближался къ концу, а я не ѣлъ цѣлыя сутки. Печальный, неподвижный, сложивъ руки, съ засохшимъ ртомъ, съ поникшими взорами, я перялся въ размышленіяхъ. Толпы проходящихъ красавицъ заставляли меня забывать мои спраданія, и привлекали мое вниманіе. Какъ рѣзко разноцвѣтныя ихъ шляпки и дорогія плащи прошиворѣчили моей нищетѣ и моему голоду! Не смотря на то, онѣ мнѣ нравились. Картина ихъ рѣзвой веселости умѣряла печаль мою. Однодневные цвѣты, онѣ радостно пользовались своею крошечною долею вѣчности.

Что касается до мужчинъ, то я не смотрѣлъ на нихъ; я уже тогда предчувствовалъ, чѣмъ они сдѣлаются для меня въ послѣдствіи.

Не далеко отъ мѣста, гдѣ я остановился, собиралась толпа: звуки пѣсенъ и музыка раздавались опшуда; я подошелъ ближе.

Это пѣніе и музыка были молитвою, которую нѣсколько несчастныхъ зывало къ людскому милосердію.

Отецъ, мать и дѣтя ихъ издавали звуки и шерались, чтобы вынудить у себя улыбку. Я спалъ подражая ихъ примѣру, и слушалъ также улыбаясь. Я ничего не могъ дать имъ, и за то получилъ самъ. Да, я получилъ отъ нихъ, вмѣсто милосердія, минушу опдыха отъ тайныхъ мукъ, которые раздирали мою душу.

Такъ позабылся я, и когда бросилъ взглядъ на густую толпу, меня окружавшую, я встрѣпилъ приспальные взоры молодой дѣвушки. Сказавъ, откуда явился этотъ ангелъ, и какое дѣйствіе произвело на меня его явленіе — дѣло для меня невозможное. Мнѣ казалось, что вся нѣжность, разливая въ душѣ моей, сосредоточивается, что она вся спремилась изъ глазъ моихъ, и снова возвращается въ нихъ, сдѣлавшись гораздо чище и сладостнѣе.

Я уже не чувствовалъ голода; рубище спало съ плечъ: я очутился въ другомъ мірѣ. Угнѣпный, какъ-бы униженный чувствомъ, овладѣвшимъ мною, я возвращался по временамъ на землю, и потомъ опускалъ глаза; когда же опять поднималъ ихъ, то взоры дѣвушки все еще были устремлены на меня....

Два раза въ жизни не проливаюцъ слезъ, подобныхъ тѣмъ, какія пролилъ я, когда разсудокъ разочаровалъ меня. Слезы сіи были смѣшеніе любви и ненависти, гордости и униженія, надежды и спраха. Я не похожъ былъ тогда ни на пасуха передъ царицею, ни на душу передъ Богомъ, я болѣе, лучше: я былъ я передъ нею! я, босногий нищій, передъ пою, для которой я могъ бы быть всѣмъ, и не въ состояніи былъ сдѣлаться ничѣмъ.

ВЫДЕРЖКИ

изъ далскаго альбома.

Для того, чтобы достигъ возможнаго совершенства, и извѣдавъ всѣ тайны опыта и добродѣтели, человеку должно бы было посвящать много лѣтъ на бѣдствія всякаго рода: спраданія пѣлесныя, превращенія счастья, скорби душевныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы, чтобы послѣ такого горестнаго изученія, ему оставалось еще довольно времени для практическаго примѣненія житейской науки, для облегченія участи ближняго, и для наслажденія чувствомъ собственнаго совершенства.

Человѣкъ униженный убѣгаетъ общества поному, что боишься его взоровъ; человѣкъ возвысившійся поному, что пренебрегаетъ имъ.

Какъ прудно перейми изъ возраста юности, не чувствуя себя урученнымъ при этомъ переходѣ!

Въ самомъ ли дѣлѣ любовь есть чувство слишкомъ невольное для того, чтобы заслуживать благодарность особы, внушающей оную? Тотъ, кто можетъ разрѣшить вопросъ сей утвердительно, не способенъ болѣе любить.

Человѣкъ почти столько же образуется вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, сколько и хорошихъ.

Сердце маперн есть сокровище, изъ котораго можно безпрестанно заимствовать, и которое вѣчно неисчерпаемо.

Постоянное оживленіе воспоминаній прошедшаго служить вѣрнымъ признакомъ бесплодности ума.

Удивительно состояніе человѣчества! Слабость и легкомысліе презрительны, глубина чувствованій доводитъ только до сраданій, и все, что сознаваешь достоинство сердца, бываетъ и причиною его нещастія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О И Н А.

Въ грозу на скалѣ
Тоскуешь Моина,
И бурно во мглѣ
Играешь пучина;
То ризой съдой
Ликъ грозный закроешь,
Подъ гулъ громовой
Какъ филинъ завоешь,
То гибельный гнѣвъ
Свирѣпымъ набѣгомъ
Обрушишь надъ берегомъ.
И слышишь какъ левъ

Въ пещицѣ желѣзной,
И снова надъ бездною
Вздвигались валы,
И въ шверди надзвѣздной
Средь молній и мглы
Выпашоуть орлы.

Покинулъ Моину
Безспрашный Фингалъ.
За славой, въ долину
Конь вѣрный помчалъ
Младаго героя,
И скоро примчипъ
Изъ грознаго боя
Одипъ только щипъ.
Шеломъ же пернастый
На мершвой главѣ,
И пляжкія лапы—
Заглохнушь въ правѣ.

Подъ черною ризой
Грустна и блѣдна
Чушь свѣпшишь луна.
Не парусъ ли сизой
Надъ бездною мелькнулъ?...
Волна докапидась,
О берегъ разбилась,
И кто-то вздохнулъ?...
И голосъ знакомый?
Не дѣву ли звалъ
Незримый Фингалъ?...
Но бурей несомый
Вопъ облакъ взбѣжалъ
Надъ темной пучиной,
Все ближе, и взвылъ
Надъ грустной Моиной...
Не облакъ то былъ!
Моина узнала
Доспѣхи Фингала:
Вопъ щипъ, вопъ копье,
И призракъ суровой
Изъ лучи багровой
Взиралъ на неѣ!
Въ грозу, на скалѣ
Тоскуешь Моина,
И бурно во мглѣ

Играетъ пучина.
 То ризою съдой
 Ликъ грозный закроешь,
 Подъ гулъ громовой
 Какъ филинъ завоешь,
 То гибельный гнѣвъ
 Свирѣпымъ набѣгомъ
 Обрушишь надъ брегомъ
 И спыхнешь какъ левъ
 Въ пемпицѣ желѣзной,
 И снова надъ бездной
 Вздыхаясь валы,
 И въ пверди надъвѣдной
 Средь молній и мглы
 Выпашютъ орлы!

Тригунный.

L'ORPHELINE AU TOMBEAU DE SON FRÈRE.

Répose en paix, ô l'ami de mon coeur,
 Répose en paix dans cet asile sombre!
 Du cri plaintif de ma douleur
 Je n'attristerai plus ton ombre.
 Léon, ce funèbre séjour,
 Ce champ de deuil n'est pas notre patrie!
 O mon frère, un si tendre amour
 Peut-il finir avec la vie?

Naguère, au sein d'un sommeil douloureux,
 Je vis un ange au souris plein de charmes;
 C'était l'ange des malheureux,
 Car il me dit: Sèche tes larmes;
 Tu reverras ton frère un jour
 Dans un asile où la douleur s'oublie.
 Oui, m'écriai-je, tant d'amour
 Ne peut finir avec la vie.

Je suis bien jeune, et l'ai tant à souffrir
 Jusqu'à ce jour que ma douleur espère!
 Les orphelins devraient mourir:
 Ils sont étrangers sur la terre.
 Léon, de la céleste cour,
 Comme autrefois souris à ton amie;
 Et dis-lui qu'un si tendre amour
 Ne peut finir avec la vie.

С H A R A Д Е.

Par son père en courroux, mon premier fut maudit;
 Mon second désaltère, et partant rafraîchit.
 De mon entier l'espèce abonde
 Dans ces climats du monde,
 Où des déserts affreux et des sables brûlans
 Sont peuplés de lions, et privés d'habitans.

Въ № 23, помѣщенная шарада значить: *Кир-ка.*

ОКОНЧАНИЕ РЕПЕРТУАРА ЗА 1852 ГОДЪ.

С п и с о к ъ

Гг. артистовъ Россійской и балетной труппы
 С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ПРИДВОРНАГО ТЕАТРА.

Оперные:

Василій Михайловичъ Самойловъ,—первыя
 роли. Превосходный актёръ, превосходный
 пѣвецъ, честь и красота С. Пепербургскаго
 Театра.

Василій Антоновичъ Шемаевъ,—первыхъ
 теноровъ; актёръ съ большимъ стараніемъ.

Павелъ Савельевичъ Бѣшенцовъ,—первыхъ
 теноровъ.

Александръ Филиповичъ Рализа-
новъ,
Василій Степановичъ Тереховъ,
Матвей Гавриловичъ Шуваловъ, } вторыхъ
 } пено-
 } ровъ.

Алексій Григорьевичъ Ефремовъ, } первыхъ
Сергей Яковлевичъ Байковъ, } басовъ.

Владиміръ Герасимовичъ Бекеръ,—вторыхъ
 басовъ.

Юсифъ Афанасьевичъ Петровъ,—буфа. Ак-
 тёръ съ хорошимъ паланпомъ, подающій
 большую надежду.

Михаилъ Францовичъ Сосницкій,—второй
 буфа.

Марья Федоровна Шелехова б.,—роли пер-
 выхъ пѣвицъ и молодыхъ любовницъ. Оп-
 личная актриса.

Софья Васильевна Каратыгина, } первыхъ
Анна Семеновна Шелехова, } пѣвицъ.
Елисавета Матвѣевна Соснов- }
ская, } вторыя
Пелагея Никифоровна Васильева, } роли.
Ольга Андреевна Рамазанова, }
Елисавета Васильевна Марсель, — первыя
 роли служанокъ и просподушныхъ.
Елисавета Ильинишна Верховская, — вто-
 рыхъ служанокъ.

Софья Васильевна Самойлова, выполняющъ
 съ удивительнымъ искусствомъ и отчѣпли-
 востью первыя роли комическихъ спарухъ.
 Сверхъ того принадлежатъ къ оперѣ Кори-
 феи обоего пола.

Режиссеры Русской труппы: *Михаилъ*
Семеновичъ Лебедевъ и *Василій Васильевичъ*
Богенковъ.

Суфлеръ, *Иванъ Семеновичъ Сибиряковъ.*
 Библиотекаръ, *Иванъ Ивановичъ Руссо.*
 Фехтмейстеръ, *Павелъ Кузмичъ Голбу-*
ровъ.

Капельмейстеръ, *Солива.*

Помощники его { *Дмитрій Алексѣевичъ Ше-*
леховъ.
Антонъ Антоновичъ Сапиен-
ца.

Балешные:

Августъ Леонтьевичъ Огюстъ, } Балешмей-
Блаишъ, } стеры.
Николай Осиповичъ Гольцъ, } первыя
Иванъ Антоновичъ Шемаевъ, } пантомин-
Иванъ Ивановичъ Эберггардъ, } ныя роли.
Павелъ Алексѣевичъ Шеле- }
ховъ, } вторыя
Иванъ Францовичъ Марсель, } пантомин-
 ныя роли.
Андре, } комическія
Петръ Ивановичъ Дидье, } роли.
Фридерикъ, }
Михаилъ Федоровичъ Спиридо- } первыя
новъ. } панцоры.
Алексѣй Алексѣевичъ Шелеховъ, }
Лашукъ, }
Алексисъ, }

Петръ Николаевичъ Артель- }
евъ, } вторые
Николай Степановичъ Трифа- } панцоры.
новъ, }
Александръ Ивановичъ Пиле- }
новъ. }

Авдотья Ильинишна Истомина, } панто-
Александра Антоновна Ше- } минныя
маева, } роли.
Евгенія Николаевна Баби, }

Вѣра Андреевна Зубова, }
Катерина Александровна Те- }
лешова, } первыя
Бертранъ-Атрюксъ, }
Пейсардъ, }
Краузетъ, }
Алексисъ, } панцов-

Бертранъ м. }
Спиридонова, }
Настасья Андреевна Люстигъ, } щицы.
Ульяна Агеевна Селезнева, }
Анна Осиповна Натъе, }
Анна Ивановна Ландеръ, }

Авдотья Михайловна Авошни- }
кова, } вторыя
Татьяна Сергѣевна Реутова, } панцов-
Мирья Михайловна Крылова, }
Александра Александровна Еф- }
ремова, } панцов-
Катерина Петровна Азарова, } щицы.
Александра Васильевна Церба- }
кова, }
Александра Ивановна Дидье, }
Ахалина, }

Сверхъ того, коръ де бале (corps de ballet)
 и сто двадцать воспитанниковъ обоего по-
 ла въ Театральной школѣ.

Каленевъ.

MODES.

Pour les bals qui continuent sans interruption, nous appuyons sur les corsages en pointe, qui se portent en grand nombre. Des nœuds dans toute la longueur, et un nœud plus grand à petits pans, termine la pointe; derrière, le nœud semblable est placé comme autre-

fois un нѳуд de ceinture. Les cordelières sont bien, mais elles ne sont pas aussi гѳнералес; elles doivent ętre fort дѳликатес et d'une soie flexible.

Le crępe que l'on porte гѳнералесмент ест un crępe зѳфире, трѳс-лѳгер et transparent; on le place sur un dessous de satin. Une jolie toilette, qu'avait ces jours derniers une jeune personne dans un petit bal, ętait en crępe rose ęтрѳмемент пѳле, un dessous de satin rose. Le corsage drapę ętait fait en pointe; les manches courtes ę doubles bouffans marquęs par un нѳуд, des нѳудс dans toute la longueur du corsage, et une mantille derriere. Une cordeliere de soie brillante, des bruyeres naturelles dans les cheveux, une parure de Nicolos.

Nous avons vu, en grande toilette, un fort joli bijou, трѳс-лѳгант et riche: il s'appelle un *corsage*. C'est une suite de plaques carręes, larges, incrustees de pierres, et jointes les unes aux autres par une еспѳде de feuillage d'or travaillé ę jour. Ces plaques, de дѳfferentes grandeurs, s'augmentent vers le bas, et forment une chaine courte qui s'attache au bord du corsage de la robe et ę la ceinture. Celui que nous avons vu venait des magasins de MM. Ouizille et Lemoine, quai Conti, d'oũ sont sortis les premiers qui aient paru; il ętait en ęmail noir, incrustę d'opales et de brillans. On peut se figurer la richesse de cet ornement sur une robe de velours, sęparant la draperie et se дѳtachant avec ęclat.

А propos de ce bijou de luxe qui nous a attiręs pour le voir, nous devons dire un mot de quelques petits bijoux de fantaisie que nous avons remarquęs dans ce magasin; ce sont des broches трѳс-simples et лѳgantes, en ęmail de couleur; des boucles de ceinture en plaques d'or uni, travaillęes tout autour d'un petit bord comme une dentelle mate, incrustęe de trois pierres assez grosses; elles sont longues et трѳс-ętroites.

De jolies boucles d'oreilles de formes трѳс-originales, un лѳgant petit bandeau faisant diademe, трѳс-bas, трѳс-peu apparent, en or bruni, travaillé ę jour, avec une pierre au milieu; il attache derriere par une petite lame d'or bruni.

М О Д Ы.

Для баловъ, продолжающихся непрерывно, ленты съ мысками въ большомъ употребленіи. Бан-

шы во всю длину лица, и одинъ бантъ побольше, съ коропкими концами на концѳ мыска; сзади такой же бантъ пришилелтъ, какъ прежде банты у пояса. *Cordelières* очень приличны, но не въ споль общемъ употребленіи; онѳ должны бытъ очень легки и изъ мягкаго шелку.

Крепъ, вообще употребляемый: *крепъ-зѳфиръ*, весьма легкой и прозрачный; его носятъ на апласѳ. На одной молодой дѳвицѳ, на небольшомъ балѳ, былъ весьма красивый нарядъ: креповое платье весьма блѳдно-розоваго цвѳта, на розовомъ апласѳ; лицѳ драпированный съ мыскомъ; рукава коропкіе двойными буфами, означенными банпомъ; банты во всю длину лица; сзади маншиля. *Cordeliere* изъ блестящаго шелку, паспоящая зелень въ волосахъ, приборъ изъ *Николо*.

Мы видѳли въ большой нарядѳ очень красивую вещь, весьма щеголеватую и богатую: она называется лицѳ. Это рядъ чепвероугольныхъ, широкихъ бляхъ, съ каменьями, соединенными между собою въ родѳ золотыхъ листьевъ, выработанныхъ прозрачно. Эши бляхи разной величины, къ низу увеличиваются и составляютъ коропкую цѳпь, которая прикрѳпляется къ верху лица и къ поясу. Тотъ, который мы видѳли, былъ изъ магазина Г-дѳ *Ouizille* и *Lemoine*, на набережной Кошши, откуда вышли первые, которые показались; онѳ былъ изъ чѳрной эмали, съ вѳланными опалами и брилиантами. Можно представитъ себѳ пышность сего украшенія на бархатномъ платьѳ, раздѳляющимъ драперіи и опдѳляющимъ съ блескомъ.

Кспати къ сей роскошной вещи, которая привлекла наше вниманіе, мы должны сказать слово о нѳкоторыхъ небольшихъ, прихотливыхъ вещахъ, замѳченныхъ нами въ семъ магазинѳ: булавки весьма проспья и щеголеватыя, изъ цвѳпной эмали; поясныя пряжки и гладкія золотыя бляхи, обдѳланныя вокругъ узенькою каѳмкою, на подобіе маповаго кружева, съ вѳланными преме довольно большими камнями; онѳ длинны и узки.

Красивыя серьги весьма необыкновенной формы; щеголеватая маленькая повязка, составляющая диадему, весьма низкую, весьма невидную, изъ шѳмнаго золота, съ камнемъ въ срединѳ; она запирается сзади небольшою полоскою изъ шѳмнаго золота.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10¼ No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, МАРТА 29 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Блаженъ, кто въ опдаенной сѣни,
Вдали взыскапельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ пиродовъ и льни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, но милосни Творца,
Опъ усыпипшея глуца,
Опъ пробудипшея нахаха!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НѢЧТО ОБЪ УДИВИТЕЛЬНОМЪ.

Древніе философы учили ничему не удивляться.

Меня удивляетъ это правило. Дѣйствительно я такъ щасливъ, что всему дивлюсь. Для меня все ново подъ солнцемъ. Любимыя мои восклицанія: вопъ! неужли! не можете быть! Меня все поражаетъ. Я прихожу внѣ себя опъ самыхъ обыкновенныхъ вещей; прельщаюсь съ дѣтскимъ чиспосередіемъ многимъ пакимъ, на что менѣ всего въ свѣтѣ обращаютъ вниманіе. — Спрашиваютъ, какова кажется вамъ луна?—опъвчаю: чудесна!

Надо мною смѣются: пускай забавляюся. Посреди эпога дряхлѣющаго общеспва, я оспаюся юнымъ. Между сими развалинами вкуса, обонія, осязанія, зрѣнія, слуха, я разгуливаю во всей первобыпной свѣжести,

подобно праопцу нашему Адаму. Всѣ плоды кажутся мнѣ вкусными, всякой ароматъ пріятенъ; за что ни возмусъ, все какъ апласъ; на что ни взгляну, все прекрасно; что ни слышу, все превосходно. Во всемъ ненарушпмая гармонія. И это опъ того, что я родился пакимъ, благодаря Бога. Мнѣ хорошо жить на свѣтѣ.

Не позавидуете ли моему блаженству? Согласитесь, что лучше опъ всего приходитъ въ изумленіе, всѣмъ плѣняясь, нежели подражать множеству свихнувшихся съ прямаго пупи, безчувспенныхъ флегмъ, копорыхъ ничто ни удивитъ, ни восхипитъ не можете, которые съ мерпвымъ равнодушіемъ смотрптъ на восходъ и заходженіе солнечное, оспавляютъ безъ вниманія луны, безпечно глядятъ на звѣзды.

Что касается до меня, я перехожу изъ удивленія къ удивленію, опъ ошущенія къ ошущенію; по нѣскольку часовъ разспаприваю лепаніе мухи; восхипаюся до крайно-

спи, когда увижу бѣгущую собаку, идущаго чловѣка, когда пойдетъ дождь, когда завоюетъ въперъ, запоетъ женщина, забьютъ часы, загремитъ на небѣ, услышу ударъ кремня по огниву, когда случится порговать сѣрными спички, говоришь съ дворницею, рассуждаешь о законахъ, слышаешь плачь ребенка, видишь какъ снимаютъ со свѣчи, или слушаешь автора, читающаго стихи свои, я разбѣваю ротъ и восклицаю: чудесно! удивительно! неподобно!

Такой щастливой организаціи обязанъ я самыми живѣйшими ощущеніями, какими только можетъ чловѣкъ наслаждаться въ жизни. Нѣтъ завешалыхъ пошлостей, которыхъ были бы мнѣ прошивны. Все для меня оспро, ново, мило.

Все, что для обыкновенныхъ смертныхъ кажется скучнымъ, меня забавляетъ; все, что мои современники считаютъ гошпическою древностію, обворожаетъ, удивляетъ меня. Душа моя находится въ безпреспанномъ восхищеніи.

Вчера, на улицѣ остановилъ меня пріятель: я женюсь, сказалъ онъ. — Вопъ! — На прекрасной женщинѣ. — Не ужьли! — И припомъ умной. — Чудеса! — Она любитъ меня. — можетъ ли быть! — Но я женюсь только для приданова. — Это чрезвычайно! — Мы заживемъ вмѣстѣ прещастливо. — Это подлинно чудо!

Около часа уже пишу и не могу опомниться, потому что удивляюсь и буду удивляться безчисленнымъ глупостямъ, какія могутъ сливаться съ пера.

Люблю до крайности я игры, смѣхи,
Люблю я предести хорошенкыхъ головъ;
Гляжу на это всё, какъ смотрятъ на орѣхи
Такіе спарички, у конхъ нѣтъ зубовъ.

*

Смотрите, вопъ дѣлецъ! — прудился плошно онъ,
И въ канцеляріи хопъ былъ простой служитель,
Но выскочилъ и въ чины помогъ ему Спаситель;
Домовъ онъ накупилъ и нажилъ милліонъ; —
Какихъ же образомъ? — Не мудрена загадка,
Какъ наживаются дѣльцы — вопъ и ошгадка!

*

Умень Федулъ — а слава всё дурнал!

Да слава что? — молва пуслая!

Федулъ давно махнулъ рукой

И благоденствуетъ, хопъ и нечислтъ душой.

*

Почтеннѣйшій, вы здѣсь въ сподицѣ всё безсмѣнно,

Все служите, прудитесь? — Непремѣнно;

А вы? — И ѣздили на Кавказъ. —

Лечитесь? — Да; опъ шалостей, проказъ.

*

Скажете, какъ назвать прспорной уголокъ,

Куда собираются: убійца, воръ, игрокъ?

29 Декабря 1852 года.

Пер. Александръ Волковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ***НА.

Здѣшнія дамы два раза уже взяли съ меня пошлину балами, или балками, какъ угодно! На послѣднемъ изъ нихъ, бывшемъ объ Рождествѣ, находилась и панья Скотко. Она была весела, непрерывно хохотала и не пропускала ни одного подноса съ рюмками, кои проносили къ мушкетерамъ; панцовала мазурку по гренадерски и въ воспоргѣ восклицала: уга! Нещастный Подлевиль чѣмъ-то прогнѣвилъ её. Она опозвала его въ дальнюю комнату и, не взирая на близкое присупствіе двухъ или трехъ свидѣтелей, пожаловала ему презвонкую оплеуху. Винуватый въ то же мгновение обლობызаль ручку, пакъ нѣжно ласкающую и карающую. Мой праздникъ возбудилъ её честоплюбіе, и она пригласила всѣхъ у меня бывшихъ гостей, и еще множество, къ себѣ на балъ, въ Новый годъ. Вы хорошо знаете ихъ домъ. Представьте же, что однихъ званыхъ гостей было болѣе ста чловѣкъ!!! На лѣвой споронѣ, въ узкой и низкой залѣ, въ которой нѣтъ печи: что очень мило при 25 градусахъ мороза, на потъ разъ случившагося, находились всѣ дамы и толпа прыгунновъ; въ камелькѣ горѣлъ огонекъ, а въ хрустальной древней небольшой люстрѣ шестъ восковыхъ полусвѣчъ, кажутся, оставшихся послѣ процашнаго угощенія, для васъ еще даннаго тому назадъ три года. Къ окнамъ подходилъ было невозможно: памъ былъ съ-

верный полюсь. Оркестръ составляли: одинъ старый кривой Жидъ, игравшій на скрипкѣ, и Жидёнокъ, впорившій ему на бубнахъ. Въ полночь, то есть, при самомъ разгулѣ, они играли уже машинально, обрѣываясь сами въ объятія сна, или на лонѣ Авраама. На другой половинѣ, въ прехъ небольшихъ комнапахъ, толпились всѣ не танцующіе. Опъ оконъ, въ которыя двойныя рамы не были вставлены, проходилъ ужасный холодъ и дулъ въперъ (здѣсь-то получилъ я первую простуду, бывшую началомъ моей болѣзни). Въ первой комнапѣ горѣло при свѣчи и изъ нихъ двѣ восковыхъ, а одна сальная; во впорой двѣ свѣчи, изъ коихъ одна сальная; а въ претшей двѣ сальныхъ. Въ сей послѣдней хозяинъ щедро разливалъ промзгое и прокислое вино, какого хуже и въ семь городѣ достать прудно. Порядочные люди опказывались опъ сей микстуры; сыскались однакожь любители, которые преисправно его попягивали. Я не дождался великолѣпнаго ужина; надлежало бы ходипъ на проломъ и шпурмомъ завоевывать какую нибудь гусиную ногу, или поросляю голову! На Масляницѣ было у насъ другое удовольствіе, но не въ такомъ уже видѣ; это *Казино*, прекрасно устроенное въ огромныхъ залахъ вновь выстроенаго лазарета. Мебели, освѣщеніе, полковая музыка, все было прекрасно и великолѣпно. Блистательная Публика сему соопвѣтствовала, и въ особенноти дамы, щегольски разодѣныя прелестно порхающія въ панцахъ.

Хотѣлъ бы еще описывать вамъ наши веселости, но бумага вся и едва остаётся мѣсто удостовѣрить васъ въ нелицемѣрной моей преданности, съ которою всегда буду имѣть честь именоваться вашимъ покорнѣйшимъ слугою

. 088.

К О Ё - Ч Т О .

Сократъ говорилъ: « Я скорѣ умру, нежели согласусь, чпобы Софисты были истинные мудрецы; тѣ, которые, обѣщая все пріевести въ порядокъ, все разрушили и погубили.

Есть люди, которые переменяются въ лицѣ при взглядѣ на покойника. Глупцы! они не понимаютъ, что смерть есть подорожная, выдаваемая для выѣзда изъ предѣловъ конечнаго въ область безконечнаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

(Отрывокъ.)

1818.

Я вижу градъ *Петровъ* чудесный, величавый,
По манію *Петра* воздвигшійся изъ бласть,
Наслѣдный памятникъ его могущей славы,
Потомками его украшенный спокрапъ!

Повсюду зрю слѣды великія Державы,
И Русской славою слѣдъ каждый озаренъ.

Се *Петръ*, еще живый въ мѣди краснорѣчивой!
Подъ нимъ Полтавскій конь, предпеча горделивый
Штыковъ сверкающихъ и вѣющихъ знаменъ.
Онъ царствуетъ еще надъ созданнымъ имъ градомъ,
Пріосѣня его державною рукой,
Народной чести спражъ и злбѣ спражъ нѣмой.

Пускай враги дерзнуть, вооружась адомъ,
Неспи къ пвоимъ брегамъ кровавый мечъ войны,
Герой! ты опразишь ихъ неподвижнымъ взглядомъ,

Готовый пась на нихъ съ опважной крупизны.

Бѣгутъ—и гдѣ опи?... Ужь снѣжные сугробы
Въ пустыняхъ занесли слѣды безумной злобы.

Такъ, *Петръ*! ты завѣщалъ свой духъ сынамъ
побѣдъ,

И успрашенный врагъ зрѣлъ многія Полтавы.

Пипомецъ пвой, громовъ метатель двоегла-
вый,

На поприцѣ пвоемъ расширилъ свой полетъ.

Рыльицкскій пламенный и *Задунайскій* швердой!

Васъ здѣсь согражданинъ почтивъ улыбкой гордой.

Но жашвою-ль одной меча, спрана богата?
Однихъ ли громкихъ битвъ здѣсь слѣдъ запечаш-
лѣтъ?

Иные подвиги, къ инымъ побѣдамъ ревности

Повѣдаетъ намъ гласъ краспорѣчивыхъ спѣнь:
Ихъ юная краса запленивъ успѣла древность.
Искусство здѣсь вездѣ вело съ природой брань,
И торжество свое вездѣ знаменовало;
Могущество ума—мяшежь сплхій смиряло,
И мысль, другой Алкидъ, съ прудомъ взыскала дань.
Ко славъ изъ пеленъ Россіа возмужала,
И изъ безвѣстной тѣмы къ владычеству прешла.
Такъ ты, о дщерь ея, какъ маниемъ жезла,
Честь первенства, родясь въ столицахъ воспріяла.
Искусства Греціи и Рима чудеса—
Зрящъ съ дивомъ надъ собой полнотны небеса.
Чертоги Кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды!
Чья смѣлая рука совокупила васъ?
Чѣй повелительный, на зло природѣ, гласъ
Содвинулъ и повлекъ изъ дикія пустыни
Громады вѣчныхъ скалъ, чтобъ разослать пвер-
дыни.
По берегамъ пвоимъ рѣкъ Сѣверныхъ глава,
Великолыная и свѣпная Нева?
Кто къ симъ брегамъ склонилъ торговли алчной
крылья
И спан кораблей съ дарами изобилля,
Отъ Утра, Вечера и Полдня къ намъ пригналъ?
Кто съ древнимъ Каспіемъ Бельпъ юный сочепалъ?
Державный духъ Петра и умъ Екатерины,
Трудъ медленныхъ вѣковъ свершили въ вѣкъ еди-
ный.
На Югъ меркнулъ день: у насъ онъ разсвѣпалъ.
Тамъ предразсудковъ мечъ и свѣпчъ возмущенья
Грозились рипунъ въ прахъ свѣпную просвѣ-
щенья.
Убѣжищемъ ему былъ Сѣверъ, и когда
Въ Европѣ зарево крамоль зажгла вражда
И древній міръ вспылалъ, склонясь печальной
выей—
Духъ пворческій парилъ надъ юною Россіей,
И мощно влекъ её на подвигъ бышя.
Художество и наука блестящая семья
Отечествомъ другимъ признала нашу землю.
Воспоргомъ смѣпый пунъ успѣховъ ихъ объемлю
И на разсвѣп зрю лучи злаго дня.
Жельзо покорясь вліянію огня
Здѣсь легкостью дивилъ въ прозрачности ограды,
За коей прлчется и смотришь садъ прохлады.

Полтавская рука сей разводила садъ!
Но чпо въ пѣни его мой привлекаетъ взглядъ?
Вотъ скромный домъ, ковчегъ воспоминаній сла-
вныхъ:
Свидѣпель онъ надеждъ и замысловъ Держав-
ныхъ!
Здѣсь мыслилъ Пешръ о насъ: Россія, здѣсь пвой
храмъ!
О если жизнь придашь безчувственнмъ спѣ-
памъ
И пайны царскихъ думъ извлечь изъ хладныхъ
сводовъ,
Какой бы мудрости пошь гласъ опзывомъ
былъ!
Какихъ бы испинъ громъ незнапно поразилъ
Благоговѣпный слухъ власпителей пародовъ!
Тамъ зодчій сямся путь безсмертію просперпъ,
Возносишь дерзоспно красивыя громады.
Полночный *Апеллесъ*, обманывая взгляды,
Даруетъ кистью жизнь, обезоруживъ смерть.
Ваятели, презрѣвъ небесъ ревнивыхъ мщенье,
Вдыхаютъ въ вещество мысль, чувство и дви-
женье.
Природу испытавъ, *Нестоновъ* ученикъ
Таинственныхъ чудесъ разоблачаетъ ликъ,
Иль съ небомъ пламеннымъ въ борьбѣ опьемлетъ,
смѣпый,
Изъ гнѣвныхъ рукъ боговъ молніеносны спрѣ-
лы!
Мать пѣсней, смѣпая Царица звучныхъ думъ
Смягчаетъ дикій нравъ и возвышаетъ умъ.
Здѣсь другъ *Шувалова* воспѣлъ *Елисавету*,
И юныхъ Русскихъ Музъ блистательный разсвѣпъ;
Его щасливье, какъ Русскій и поэпъ,
Екатерины вѣкъ *Державинъ* предалъ свѣпу.
Минервы нашей умъ Европу изумлялъ:
Съ успѣхомъ равнымъ онъ по свѣпу разсѣпалъ
Привѣпствіе въ Ферней, уснавы Самоѣдамъ,
Иль на пуши въ Спамбулъ опкрыпый листъ по-
бѣдамъ;
Полсвѣтомъ правила Она съ береговъ Невы,
И упомляла гласъ споуспныя молвы.
Блестящій вѣкъ, и ты позналъ закапъ условный,
И пвоего пѣвца успа уже безмолвы!

Кл. Вяземскій.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой .

То мѣсто, гдѣ поюшь, танцуюшь, веселѣшься;
Второй

Желаешь всякой взять, чѣобы не проиграться;
А *цѣлое*, почтѣи вездѣ, гдѣ домъ большой.

X.

Въ No 24, помѣщенная шарада значить: *Cham-eau*.

К Р И Т И К А.

Семейство Холмскихъ. *Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ.*—М. 1832,—6 томовъ, въ 12 д., съ эпиграфомъ:

Une morale nue apporte de l'ennui
Le conte fait passer le précepte avec lui.

Lafontaine.

Весьма недавно отдѣленія Русскихъ журналовъ, посвященныя библіографіи, спали наполнялись не одними извѣщеніями о новыхъ альманахахъ, о мимолепныхъ произведеніяхъ словесности, занимающихъ нѣсколько страницекъ, но и рецензіями книгъ, книгъ Русскихъ, въ 4, въ 6 и болѣе томовъ. Обогащеніе книжныхъ лавокъ и библіотекъ новыми романами историческими, нравоописательными, сапирическими, и другими сочиненіями, не скользящими по поверхности своихъ предметовъ, но обрабатывающими ихъ въ большемъ объемѣ, свидѣтельствуютъ о дѣятельности Русскаго слова, свидѣствуютъ, что Русская словесность въ ходу, что кругъ идей ея расширяется, что умы Русскихъ сочинителей и читателей ищутъ развитія пространнѣйшаго, нищи, болѣе существенной и прочной. Правда, что не всѣ вновь вышедшія многотомныя произведенія выгодно замѣняютъ выпѣсенную ими въ послѣднее время легкую журнальную и альманачную словесность; что пріятнѣе прочесть небольшую хорошую повѣсть, какія бывали иногда въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, въ гдѣ бишь еще?—Впрочемъ, и того довольно,—нежели морить себя надъ чепырекомъ томнымъ историческимъ романомъ новѣйшаго произведенія, который читаешь безъ всякаго удовольствія, ex officio, попо-

му только, что это новый Русскій историческій романъ; однакожь, между плохимъ, посредственнымъ, является и хорошее, приносящее, по правиламъ Аристотели, и удовольствие и пользу. Къ послѣднему роду относится и *Семейство Холмскихъ*, сочиненіе лица, скрывшаго свое имя, но видимо одушевленнаго въ своей книгѣ нравственною благонамѣренностію, цѣлью, полезною для опечесствешныхъ, и именно для дворянскихъ нравовъ, и преподающаго практическіе уроки общежитія, представляющаго назидательныя картины областного дворянскаго быта, не изъ желанія оплечиться, приобрести извѣстности въ словесности, но изъ благороднаго усердія къ благу своего сословія, спремленія къ исправленію его порошностей и недоспапковъ, въ чемъ видимо помогаетъ ему богатый опытъ, основательное познаніе опечества. Съ такой почки зрѣнія должно смотрѣть на его произведеніе, чѣобы отдавъ должное труду автора, посвященному намѣренію благому, явной пользѣ своихъ согражданъ, и если не безъ недоспапковъ въ часпяхъ, то въ целомъ хорошо выполненному. *Телескопъ* осудилъ его слишкомъ строга. Будучи наведенъ на эстетическую спорону сочиненія, онъ оставилъ безъ наблюденія главную цѣль его, за которую не должно оставлять благодарными. Въ слогѣ автора замѣтна неопытность, въ книгѣ его есть распянутость, много ненужныхъ вводныхъ мѣстъ, лишнихъ подробностей; её можно было бы сократить въ половину; но оспальное есть вѣрное изображеніе нравовъ, проникнутое теплою душою, и безъ сомнѣнія очень занимательное и полезное для бѣльшей половины Русскихъ читателей, и особенно изъ того сословія, которое служитъ ему предметомъ. Оно, не составляя романа, относится къ одному семейству, и изображаетъ происшествія жизни каждаго изъ его членовъ, судьба которыхъ соединяется съ участью другихъ лицъ, входящихъ по обстоятельству въ отношенія съ нѣкоторыми вводными, и такимъ средствомъ сочиненіе образуетъ рядъ порицательныхъ, характеровъ, примѣровъ и уроковъ, между тѣмъ,

какъ весь интересъ сосредоточивается въ кругу дочерей и сына старой *Холмской* съ ихъ семействомъ. Вѣрно никто не откажетъ въ справедливости изображенію сихъ главныхъ въ сочиненіи характеровъ. *Елисавета Рамирская*, *Катерина Аглаева*, холодная и щеславная *Наталья*, братъ ихъ, безчувственный себлюбвецъ, *Алексій Холмскій*, при необыкновенномъ разнообразіи вымысла представляють лица, совершенно характеристическія, и пѣтъ болѣе занимательныя, что они взяты непосредственно изъ природы. Между пѣтъ, оставя въ спорѣ красоту эстетическую, ибо *Семейство Холмскихъ* не трагедія, не поэма, даже не романъ, въ собственномъ смыслѣ слова, и ни по роду, ни по цѣли своей, не имѣло нужды въ опвлеченостяхъ, въ идеалахъ. Какіе уроки для обыкновенной жизни Русскихъ дворянъ, сколько истины и пользы для сего сословія, если оно не оставитъ сей книги безъ вниманія! *Елисавета*, женщина въпреная, вспыльчивая, своенравная, выходитъ за мужъ за богатаго князя, человека весьма обыкновеннаго, неусовершеннаго воспитаніемъ, преданнаго хозяйству, и нрава не весьма щасливаго, но довольно сноснаго. Надѣясь на свой умъ и дарованія, она увѣрена, что будетъ управлять имъ, ошибается въ своихъ расчетахъ, не хочетъ уступить, раздражаетъ мужа, входитъ съ нимъ въ постоянную вражду, проводитъ жизнь въ брани, въ слезахъ, а между пѣтъ, какъ-бы не щитааетъ себя несчастливою, и позабываетъ о неудовольствіяхъ своей домашней жизни, когда имѣетъ случай явиться въ обществѣ княгини, и даже щеславившись симъ пшпуломъ передъ своими сестрами. Здѣсь одинъ образецъ супружества, какія весьма нерѣдки. — *Аглаевъ*, недоучившійся бѣдный дворянчикъ, возвращающійся изъ школы къ своимъ пенатамъ съ полудомашнимъ образованіемъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ службу, гдѣ бы характеръ его созрѣлъ и образовался, женится по любви на *Катеринѣ Холмской*, крошкой, нѣжной дѣвушкѣ, также безъ состоянія. Они щасливы въ первые годы своей жизни, какъ нѣжные голубки, но не получивъ прочнаго

воспитанія, слишкомъ молодой, чтобы довольствоваться наслажденіями тихой, домашней жизни, *Аглаевъ* впадаетъ въ излишества, входитъ въ дурныя связи. Жена его, женщина милая, но безхарактерная, вмѣсто того, чтобы поддерживать колеблющагося мужа, нянчится съ маленькою дочерью, какъ съ куклою, непримѣтно оставляетъ первого на произволъ судьбы, и замѣчая въ немъ рѣзкую переменъ, плачетъ, крушится, но не въ состояніи предпринять ничего рѣшительнаго. Развязка—*Аглаевъ* обыгранный, униженный, осрамленный, умираетъ въ пюрмѣ съ виновникомъ его нещастія, а жена его сходитъ съ ума и также умираетъ въ чужомъ домѣ, не имѣя никакой собственности. Вотъ другое супружество.—Посмотрите на *Наталью*, воспитанную въ свѣтскомъ кругу, отвыкшую отъ родныхъ, безчувственную какъ испуганъ, птгопящуюся ограниченою жизнію въ кругу своего семейства, и за громкій пшпуль и средства удовлетворяетъ своей склонности къ роскошной жизни, охотно отдающую свою руку дряхлому графу. Она хладнокровно рашиваетъ передъ одною изъ сестеръ своихъ, долго ли еще остается жить ея мужу; зѣваетъ отъ скуки въ его пышномъ домѣ и дожидается, чтобы смерть его доставила ей свободу. Вотъ претъе супружество.—Брачныя связи въ благородномъ сословіи, къ сожалѣнію столь часто худо обдумываемыя, основываемыя на ложныхъ рашетахъ, и совершенно лишеныя предварительнаго приготовленія при воспитаніи въ Россіи обоихъ половъ, кажется, были главнымъ предметомъ авпора, и предметомъ, достойнымъ благонамѣренныхъ трудовъ его. Далѣе слѣдуетъ характеръ богатаго *Алехствя*, отправляющагося въ покойномъ дормезѣ по одной дорогѣ съ дѣвушкою-сестрою, и равнодушно видящаго, что она садится въ повозку съ служанкою; узнающаго бѣдствія, разореніе другой сестры своей, *Аглаевой*, и по неотступной просьбѣ *Софьи*, жертвующаго для неѣ ничтожною суммою, но по смерти ея дѣлающаго ей великолѣпныя похороны, и сохраняющаго неизмѣнное уваженіе къ княжеству и богатству зятя

своего *Ралирсакаго*, не смотря на дурное обращеніе его съ своею женою, сеспрою *Алексъя*.

Всѣ сіи характеры доспапочно свидѣтельствуютъ о дарованіи сочинителя, хотя бы другіе и не были равно искусно изобрѣнены и обработаны; но сихъ послѣднихъ слишкомъ много, или лучше сказать, гораздо болѣе, нежели сколько можно было допустить безъ вреда для единства цѣлаго. Вниманіе перелетаетъ между ними. Одни имена ихъ, не всегда удачно приисканныя, составили бы предлинный списокъ, между тѣмъ, какъ многія изъ сихъ лицъ нисколько не участвуютъ въ связи происшествій и не содѣйствуютъ общему интересу. *Велькаровы*, *Эллирины*, *Недогетовы*, *Загисвины*, *Инфортунатовы*, *Кирбитовы*, *Фриндины*, *Фіалкины*, совершенно лишніе и только мешаютъ многочисленнымъ страницамъ книги, для сокращенія которой съ выгодною можно было бы пожертвовать, какъ ими, такъ и ссылками во многихъ мѣстахъ на разныхъ авторовъ, даже длинными выписками изъ нихъ, какъ на примѣръ, изъ *Франклина*, и иногда упоминательными правоученіями, испертыми отъ употребленія.

До сихъ поръ, съ намѣреніемъ ничего не сказано о *Собьѣ*, хотя главной героинѣ повѣствованія, занимающей его средопочіе; эпоть характеръ пребуетъ нѣкотораго особаго разсмотрѣнія, и потому опишемъ къ заключенію сей статьи. Многимъ онъ нравился, но, кажется, только потому, что авторъ хотѣлъ сдѣлать его предметомъ удивленія и уваженія своихъ читателей, и предупредилъ ихъ въ его пользу дупемъ морали. Если-жъ сослаться на скрытое внутреннее чувство каждаго, то въроятно немногіе въ состояніи дѣйствительно полюбить эту дѣвушку, слишкомъ магоразумную, слишкомъ степенную, однепворенное правоученіе, отъ которой кажется, вѣетъ холодомъ философіи престарѣлой дѣвственницы, *Свіяжской*. Такіе герои и героини добродѣтели нравились когда-то въ драмахъ покойника *Коцебу* и въ другихъ произведеніяхъ минувшаго періода словесности; но благодаря своей неестественности,

непривлекательности, получили отъ настоящаго вѣка увольненіе въ чистую опставку. Если нынче въ сочиненіяхъ вообще не правится упривореніе характеровъ, то тѣмъ менѣе привлечетъ къ себѣ молодая женщина, педаптка, которая не спустишь шагу безъ сешенціи, говорящая фразами изъ философовъ. Характеръ *Собьѣ*—дѣвушки таковъ, что когда она выходитъ за мужъ, нѣжность и ласки, оказываемыя ею мужу, въ прошивуположности съ прежнею ея безчувственностію и педаптизмомъ, кажутся неприятными, припорными, напаячупыми. Вообще сцены домашняго щасія, которыми авторъ хотѣлъ загладить впечатлѣніе описанныхъ имъ семейныхъ непогодъ и бурь, такъ принужденны, такъ безвкусны, что—да просишь онъ насъ великодушно—при такихъ мѣстахъ книга валится изъ рукъ, пергѣніе улепаетъ, и смѣняется досадою, что насъ хотяпъ возвратишь въ топъ вѣкъ несносныхъ сантиментальностей, пошлаго романизма, пошныхъ пародій на Аркадію, который мы пережили. Чтобы подкрѣпить это мнѣніе доказательствами, довольно напомнить объ одной сценѣ, когда *Собьѣ*, съ добрымъ намѣреніемъ мистифируя мужа, припорно разсердился, бьетъ свою служанку башмакомъ по щекамъ, а она дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Спрашиваю: можетъ ли это кому либо понравиться? *Свіяжская*—кодексъ скучной морали, по крайней мѣрѣ она говоритъ дѣло, и правоученія ея могутъ принести пользу; но *Пронская*—это что-то спранные, неопредѣленное и неприятное. Ея ни мало не любезная, напаячупая веселость, шутки съ *Свіяжскою*, съ которою онъ безпрестанно называютъ другъ друга *штриганткою* и *колдуньею*, ея величаніе своего пасынка и *Собьѣ* и даже старой своей пріятельницы *совершенными красавицами*—до крайности упоминательны. Вообще, понъ послѣднихъ двухъ томовъ найдешь весьма немногихъ защитниковъ. Первые несравненно лучше по причинамъ уже изложеннымъ. Это однакоже не унижаетъ достоинства книги, занимательной и полезной во многихъ отношеніяхъ. Желательно только, чтобы сочинитель, при вто-

ромъ ея изданіи, которое вѣроятно попре-
буется, пожертвованъ длиннопами и пе-
реизданъ еѣ неболѣе, какъ въ 4 номерахъ, оп-
ноудъ не полще первыхъ. Тогда-бы это бы-
ло совершенно хорошо исполненное прав-
спвенное сочиненіе, которое заслуживаетъ
уваженіе и благодарность, а опноудъ не
попъ неумолимый оспрацизмъ, которому
обрекъ его критикъ *Телескопа* (*).

А. Гл.

M O D E S.

M. Ouizille vent de faire, pour placer dans une corbeille, un bracelet dont la plaque de fermeture était un *selam*. Le nom de la personne était écrit en fleurs selon l'ordonnance exigée; chaque fleur imitée parfaitement en émail, se détachait sur un fond nankin pâle.

D'après cette idée, la même maison a fait exécuter une chaîne de cou sur laquelle on lit un vers du Tasse. Les plaques sont assez rapprochées l'une de l'autre, et ne sont pas semblables; selon la couleur de la fleur, on a varié la couleur du fond.

Il serait fort bien d'écrire un nom sur un bracelet, sur une broche de cou. On est parvenu à une si grande perfection dans ce genre d'étude!

Dans ce moment, les bijoux d'émail sont les seules fantaisies conservées; on est revenu à plus de positif, et les pierres de valeur sont celles demandées; les diamans reprennent faveur, on en porte même en petite toilette.

On a remarqué une magnifique robe de blonde noire, à un des bals de la semaine. Elle était à énormes ramages de fleurs, montant en colonne terminée par un bouquet dans une dent. La personne qui la portait en avait fait une toilette tout étrange. Devant, le corsage était drapé et séparé par des nœuds de gaze bleu-de-ciel, une cordelière bleue se détachait sur la jupe. Les manches longues en blonde noire, étaient à crevés de tulle, fermés par des nœuds de gaze bleue. Cette robe venait des magasins de madame Gleizal, rue Dauphine. Dans les cheveux étaient une guirlande de belles de jours; pour bijoux, une parure de turquoises.

(* *Телескопъ* всегда не впопадъ судить о достоинствахъ изящныхъ произведеній словесности.— В.

Les femmes emploient pour écrire un papier à lettre moiré, d'un blanc lait. L'usage des chiffres imprimés à fer froid se soutient; nous rappellerons à ce sujet ce que nous avons dit du choix élégant qu'en a réuni Chaulin, papetier, rue Saint-Honoré.

М О Д Ы.

Г-нь Ouizille сдѣлала для корзинки браслету, у которой запирающаяся бляха была *selam*. Имя особы написано было цвѣтами, какъ то было показано; каждый цвѣпокъ, весьма хорошо поддѣланный изъ эмали, отдѣлялся на груннѣ блѣднаго цвѣта панкина.

На эпошѣ же манерь, тѣмъ же домомъ заказана была цѣль для шеи, на которой читаше стихъ изъ Тасса. Бляхи довольно близки одна къ другой и не вся одинакия; смотря по цвѣту каждаго цвѣпка приспособленъ груннѣ.

Очень было бы хорошо написать имя на браслетѣ, на булавкѣ для шеи. Нынѣ достигли до высокой степени совершенства въ изученіи сего рода.

Теперь сохранились однѣ прихотливыя вещи изъ эмали; впрочемъ, возвращаются къ настоящимъ, и спрашиваютъ только драгоценныя каменья; бриллианты входятъ оняшъ въ употребленіе; ихъ посятъ даже не въ большой нарядѣ.

На одномъ балѣ, на эпошѣ недѣлѣ, замѣчено было великолѣпное черное блондовое платье. Оно было съ огромными разводами изъ цвѣтовъ, соединяющихся въ колонну и оканчивающихся букетомъ въ зубцѣ. Особа, на которой оно было надѣто, сдѣлала изъ него весьма спранный нарядъ. Спереди лицъ драпированъ и раздѣленъ газовыми бантами небесно-голубаго цвѣта; голубая cordelière отдѣлялась на юбкѣ; рукава длинныя, черныя блондовые, съ прорѣзами изъ плюля, завязаны голубыми газовыми бантами. Платье сие было изъ магазина Г-жи *Gleizal*, въ улицѣ Дофинъ. Въ волосахъ была гирланда изъ ночныхъ красавицъ; вещи изъ бирюзы.

Дамы употребляютъ для писемъ обьяриную бумагу, молочнаго цвѣта. Шифры, напечатанныя холоднымъ желѣзомъ, все еще въ употребленіи. Мы напомнимъ при семъ случаѣ, что говорили о щеголеватомъ выборѣ оныхъ у Chaulin, буажнаго мастера, въ улицѣ Saint-Honoré.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
скавкой и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 1 ДНЯ 1855 ГОДА.

..... Богатый пусть богатъ,
А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю
И съ нимъ дѣлится радъ.
Спаратось, наконецъ, разсудка бышь подъ власью,
И полько — вопъ и вся моя наука щасью!

Дмитривъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИПОВОЕ ДЕРЕВО.

Послѣ прехъ мѣсяцевъ спраспной любви
искаательства и услужливости, я женился
на Юліи.

Всѣ поздравляли меня съ удачнымъ выбо-
ромъ, всѣ пророчили мнѣ безконечное ща-
стіе. Жена моя была сокровище, осьмое чу-
до свѣта, ангель кротости. Такъ, по край-
ней мѣрѣ, пвердили ея брата и сестрицы,
которые воспѣвали скромность и добродѣ-
тели ея на голосъ аріи: *Друзья! какъ ща-
стливъ тотъ супругъ.....*

Первый мѣсяцъ нашего брака дѣйстви-
тельно прошелъ довольно пріятно и не безъ
удовольствій. Но потомъ, мало по малу во-
царилось между нами равнодушіе, за равно-
душіемъ послѣдовала оспуда, за нею яви-
лась взыскательность, а вслѣдъ за послѣд-
нею показались и прихоти.

Мнѣ кажется, миліона недоспало бы на
исполненіе всѣхъ ея прихотей.

Между прочимъ, ей спраспно захотѣлось
купить дачу; цѣлые полгода я ей въ этомъ
отказывалъ, и цѣлые полгода она неописпун-
но приснавала ко мнѣ и претовала испол-
ненія своего желанія. Наконецъ, выбившись
изъ силъ, я принужденъ былъ уступить ей,
и купилъ отспроенную дачу, хотя эша по-
купка едва не разорила меня.

Когда мы шуда переселились, то она мнѣ
призналась, что домъ эшотъ былъ мѣспомъ
ея рожденія, и что въ немъ она выросла.
Она рассказала мнѣ всѣ свои дѣвическія во-
споминанія; не было ни одного деревца, цвѣ-
почка, камешка, которые бы не послужили
ей предметомъ для какой нибудь чувстви-
тельной исторіи. По цѣлымъ днямъ мучила
она меня своею сенипиментальною причуд-
ливостью. Все эшо переносилъ я съ ангель-
скимъ смиренномудріемъ: перпѣлъ, пер-
пѣлъ, перпѣлъ, но наконецъ лопнулъ. Вопъ,
что было сему причиною.

Въ одинъ прекрасный день я прогуливалъ
по саду; погода была жаркая. Я былъ спо-
коенъ и щасливъ, потому что Юлія не

перзала меня на эпопѣ разъ своими воспоминаніями, а прогуливалась съ внучапнымъ брапцемъ своимъ и чпшала, если не ошибаюсь, *le Mérite des Femmes, Лёгуве*. Я имѣлъ къ брапцу полную довѣренность, и былъ увѣренъ, что эпопѣ молокосость для меня не опасенъ. Припомъ же, онъ былъ пакой заспѣнчивый и не масперъ объясняпсья съ модными дамами. Короче, онъ былъ еще школьникъ, а жена моя, напропивъ, была въ цвѣтущихъ лѣпахъ, хороша собою, рѣзва, весела, жива. Между харакперами ихъ не было ни малѣйшаго сходства, и я могъ спать очень покойно.

Выше сказано, что день былъ жаркій. Эпо доказываепся тѣмъ, что я вспопѣлъ, хопя ходилъ очень пихо и медленно.

Я спалъ искапъ прохлады. Увидѣвъ зеленую липу, подъ густыми вѣтвями копорой доспало бы мѣспа и для пяпидесяпн челоувѣкъ, я поспѣшилъ укрыпсья въ тѣни ея. Вокругъ дерева сдѣлана была скамейка. Я распянулся на ней, и предался собспвеннымъ своимъ воспоминаніямъ о щаспнн, копорымъ наслаждался въ первые дни жепшьбы, о бессонныхъ ночахъ, о дняхъ, копорые оживляла для меня любовь.

Глаза мои машинально обратились на древесную кору: она была покрыта вензелями, сердцами, спрѣлами и другими любовными сумазбродствами. Меня забрало любопытство; я обошелъ кругомъ дерева... о горе! о злополучіе!...

Лёвушка любитъ Юлію.— 7-го Іюля.

Сердце, пронзенное спрѣлою, было вырѣзано непосредственно подъ этими словами. Я обхватилъ дерево руками, и воображая, что спискиваю и задушаю своего соперника, упкнулся носомъ въ другую надпись слѣдующаго содержанія:

Юлія будетъ любить Лёвущку въглю.— 8-го Іюля.

У меня попомнѣло въ глазахъ; я грянулъ на землю, и пролежалъ за-мертво на правѣ часа чепыре.

Я женился на Юліи 6 Іюня.

А брапцы и сестрицы провозглашали, что мы обвѣнчались по склонности.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОПИСАНІЯ ЖИЗНИ КАЗАНСКАГО МИТРОПОЛИТА ВЕНАМИНА.

Извѣстно, что между многоразличными бѣдствіями, постигшими Казань 1774 года 12, 13, 14 и 15-го числа Іюля, немаловажное также обстоятельство коснулось до Пресвященнаго *Венямина*. Одинъ законсѣвшій въ преспусленіяхъ извергъ, къ поношенію своего имени, дерзнулъ оклеветать се-го благочеспиваго Архипастыря въ сообщеніи его съ злодѣемъ *Лукачевымъ*. Клеветѣ сей способствовали смупныя погдашнія обспяпельства и многіе безпорядки, для прекращенія коихъ, по Указу ЕКАТЕРИНЫ II, учреждена была въ Казани особенная Коммисія. Архіепископу *Венямину* объявлено повелѣніе, чтобъ онъ опнюдь не оплучался изъ нѣкопорыхъ покоевъ Архіерейскаго дома. Въ такомъ униженномъ состояніи достопочтенный Архипастырь находился въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, преперпѣвая различныя огорченія, пока 1775 года Февраля 1 дня внезапно прибылъ посланный опъ Императрицы гвардіи офицеръ, вручившій собспвенноручный опъ Монархини, на имя невиннаго спрадальца, рескриптъ, въ копоромъ Архіепископъ *Веняминъ* признанъ правымъ и пожалованъ въ санъ Митрополипа. Въспѣ со всемплоспивѣйшимъ рескриптомъ, врученъ ему креспъ на клабукъ изъ крушыхъ бриліаншовъ, копорые Императрица изволила носить на Себѣ, что явспвуептъ изъ письма, писаннаго къ *Венямину* Княземъ Григоріемъ Александровичемъ *Потемкинскимъ* опъ 16 Генваря 1775 года.

Невозможно описать общей по сему случаю въ Казани радости, копорая была тѣмъ чувспвишельнѣе, что жители видѣли уже надъ собою примѣръ щедрости Ея Величеспва: ибо челоувѣколюбивая Маперъ Опеспива пожаловала разореннымъ гражданамъ въ ссуду 250,000 рублей, съ уплатою въ казну, по поспройкѣ домовъ въ десять лѣпъ, употребленной суммы.

Получивъ паковое Монаршее благоволеніе, Митрополипъ *Веняминъ*, въ присупствіи

бывшаго тогда г. Губернапора, и при безчисленномъ спеченіи народа, поржественно отпраляя Божественную литургію и предъ начашемъ благодарственнаго молебствія приказалъ прочесть Указъ и собственноручный рескриптъ Императрицы слѣдующаго содержания:

Преосвященный Митрополитъ *Веніаминъ* Казанскій!

По пріѣздѣ Моемъ въ Москву, первымъ попеченіемъ было для Меня разспрашивать дѣла бездѣльника *Аристова*, и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминеніемъ поржествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить, по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а Я, съ оптимнымъ доброжелательствомъ, есмь

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Москва, 1775 года Генваря 26 дня.

На сей Высочайшій рескриптъ Митрополитъ *Веніаминъ* отвѣтствовалъ благодарственнымъ письмомъ, исполненнымъ прогательныхъ чувствованій и признательности къ Августѣйшей Монархинѣ:

Всемилолюбивѣйшая Государыня!

Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ, всеподданнѣйшемъ рабѣ Своемъ, соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ малыхъ ногтей посвятилъ на службу по Божѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему престолю и опечественной пользѣ, сколько отъ меня зависить, а продолжалась она чрезъ пятьдесятъ при года, но

которую клевета, наглость и злоба, проливъ совѣсти и челоуѣчества, исторгнувшись покушались. Неотвѣтнымъ Матернихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, которъ съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся прилпн на главу мою, покрыся и отъялся поношеніе мое въ челоуѣцѣхъ.— Чпожъ воздамъ Тебѣ, Правосуднѣйшая въ свѣтѣ Монархиня? Чпо воздамъ толико попечительному о спасеніи моемъ Господеви?— Истощеніе всей дарованной мнѣ Вашимъ Высокомонаршимъ великодушіемъ жизни, въ возблагодареніе не долѣетъ, развѣ до послѣдняго моего издыханія Вышняго молишь не преспану день и ночь, да сохранишь дражайшую жизнь Вашу, за полъ сердобольное сохраненіе моею, до послѣднѣйшихъ челоуѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспосылаешь съ высоты Святыя Своя на вѣнценосную главу Вашу вся благословенія, коими древле ублагословленъ былъ Соломонъ; крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ преводѣленнаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ прудовъ упомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы завестъ и злобу; да будетъ Домъ, Держава и Престоль Вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ прбудетъ, есмь

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ

Смиранный Митрополитъ *Веніаминъ* Казанскій.— Казань, 6 Февраля 1775 года.

Послѣ сего печальнаго приключенія Митрополитъ *Веніаминъ* правительствовалъ епархіею семь лѣтъ, ш. е. по 10 число Апрѣля 1782 года, когда полученъ изъ Святѣйшаго Синода Именной Указъ отъ 17 Марпа объ увольненіи его, по собственному его желанію, за старостію и слабостію здоровья, отъ управленія дѣлами на покой въ Седмиозерную пустынь, отспоящую отъ Казани въ 17 верстахъ, съ пенсіоною по 4,110 рублей каждагодно. Преосвященный *Веніаминъ* отправился въ мѣсто своего жительства 17 Апрѣля, въ Воскресный день, послѣ ли-

пургии и молебна, который совершалъ самъ, дабы Господь даровалъ его пасхвѣ миръ и благословеніе.

М. р з

(Изъ прибавленій къ Казанскому Вѣспннику.)

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

«Поспоронитесь! поспоронитесь! Змѣй сей часъ поднимется на воздухъ!»

И милый ребѣнокъ прыгалъ опъ радости; глаза его сверкали, какъ упреніи звѣзды. Его курчавые, русые волосы, по вились у него по плечамъ, по закрывали лобъ его, пока онъ снова не закидывалъ ихъ назадъ маленькою своею рукою. Неперпѣніе предлестнаго дѣяннн происходило опъ желанія видѣть поднявшимся на воздухъ своего прекраснаго бумажнаго змѣя, на которомъ нарисованы были орлы, драконы, крокодилы, и котораго длинный хвостъ, изукрашенный множествомъ синихъ, бѣлыхъ и красныхъ лоскутьевъ, развѣвался съ шумомъ и величественною пріятностію!— Кто изъ насъ не воспоминаетъ съ улыбкою о той порѣ, когда бумажный змѣй былъ для насъ дороже всѣхъ сокровищъ міра; кто не представлялъ себѣ воспорага эпои малолѣтннн толпы, собравшейся на зелѣномъ лугу, съ разнупными ртами, съ уснремленными вверхъ глазами; толпы, которой всѣ желанія, всѣ надежды спремались къ большому, длиннокрылому дракону, вѣренному ею прихощамъ вѣпра и носящемуся надъ головами ея?—

Ребѣнокъ испускалъ радостные вопли, хлопалъ въ ладони, и съ восхищеніемъ осмапривалъ со всѣхъ споронъ прекраснаго бумажнаго змѣя, котораго прислала ему мать въ госпинець изъ города.

Ахъ! еслибы онъ зналъ погда, какъ недалеко опъ него эта добрая мать; еслибы онъ зналъ, что освободившись на минути опъ свѣтскихъ оковъ, она спѣшитъ обннль своего обожаемаго сына; что весьма небольшое распощаніе опдѣляетъ его опъ маперинскихъ объятій, — неужели онъ не оспа-

вилъ бы своею игрушкой, и красивый змѣй неужели оспановилъ бы порывъ его дѣпской нѣжности?— Въ эпои лѣта, еще не понимающъ щаспія и чувствующъ одну полько радостъ.

А мать? о! въ какомъ она смяненіи и безпокойствѣ! Какъ пихъ кажется ей бѣтъ лошадей! Ей заранѣ уже слышится голосъ сына; заранѣ чувствуетъ она, какъ свѣжія, розовыя уста его покроюпъ поцѣлюями ея шею! Двѣ недѣли была она въ разлукѣ съ симъ единспвеннымъ предметомъ ея нѣжности; теперь гоповится она снова съ нимъ увидѣться, и пвердо вѣрнптъ, что когда она прижметъ его къ груди: по слѣзы ея высохнууть, и улыбка по прежнему появитпся на лѣщѣ ея.

«Поспоронитесь! поспоронитесь! Змѣй собирается летѣть! . . .» И скоро въ воздухѣ развивается что-то бѣловапое; оно поднимается надъ окружающими деревьями, оплешааетъ, возвращается снова и неправильностію своего полета доказываетъ слабостъ руки, управляющей онымъ.

Скоро змѣй поднимается выше лѣса, выше колокольни; его видно далеко съ большей дороги.

— Сынъ мой памъ! — говоритъ нѣжная мать, съ воспоргомъ смопря на бумажнаго змѣя, котораго она прислала ему наканунѣ въ подарокъ, и который, указывая ей мѣсто, гдѣ онъ находится, позволяетъ ей еще издали измѣрять раздѣляющее ихъ пространство, означаетъ мѣста, которыя онъ проходитъ, впечатлѣнія, какія оощааетъ; змѣй, какъ будто телеграфъ, какъ будто элблема того, что она найдетъ своего сына здоровымъ и веселымъ.

Неперпѣливая опъ любви, она спала слѣдовавъ по воздуху глазами за невѣрнымъ и своенравнымъ его полетомъ. Побуждаемая суевѣрною нѣжностію, она спаралась вывести изъ онаго гороскопъ своего сына. Такъ, думала она улыбаясь, увижу я, какъ уснрмитпся онъ на поприще жизни, какъ, по гонимый бурей, по несомый легкимъ и благодѣпельнымъ дыханіемъ щаспія, онъ свыкнелся съ ея превратностіями. Онъ будетъ обуздывать пылкія спраспи, когда спануть

онъ вовлекать его въ заблужденіе; но за то онъ будетъ одаренъ добродѣтелями, которыми опять выведутъ его на прямой путь добра и чести, поному, что полетомъ его будетъ управлять мать его; я буду править зыбкимъ челнокомъ, на копоромъ суджено ему плыть по жизненному морю.

Въ эту минузу змѣй поднялся такъ высоко, что она потеряла его изъ вида. Съ прудомъ можно было оплечить на горизонтѣ едва примѣтную, черную точку. Скоро и точка эта исчезла. Сердце ея сжалось.— Она велѣла хватъ скорѣе.

«Дай мнѣ бичѣвку.»—Нѣтъ, мнѣ!—«Мнѣ, мнѣ!»—Развѣ вы забыли, чей это змѣй? вскричалъ рѣзвый ребѣнокъ съ длинными русыми волосами, которые развѣвались по воздуху и шлепались какъ шелкъ.— Мой, поному, что маменька подарила его мнѣ одному. Дайте-же мнѣ веревку!—

И бичѣвка оспаешся въ слабыхъ и нѣжныхъ его рученкахъ.

По дорогѣ скачешъ, кареша—новый предметъ любопытства. Всѣ дѣти бѣгутъ въ эту сторону; за ними не можешъ слѣдовать только одинъ, шопъ, который держитъ бичѣвку.

—Гдѣ же сынъ мой?—спрашиваетъ прекрасная женщина, со спрахомъ выскакивая изъ карешы.

Она слѣдуетъ за дѣтьми, возвращающимися на лугъ.

«Гдѣ-жъ онъ? кричатъ всѣ дѣти; гдѣ-жъ нашъ змѣй? нашъ прекрасный змѣй? Гдѣ-жъ онъ?»

—Гдѣ же сынъ мой?—мой сынъ... повпорешъ голосъ, полный любви и безпокойства.

Вопъ его мѣспо.—Вопъ гдѣ былъ змѣй. Кто нибудь унесъ его.—Гдѣ-жъ онъ?

Въ эту минузу пронзительный крикъ, крикъ испуганной матери, огласилъ воздухъ.

«Вопъ, вопъ бичѣвки,» кричатъ дѣти, прыгая и радуясь своему щасливому открытію; и они снова начали скакать и смѣяться, восхищаясь опъ одной мысли, что скоро увидятъ змѣя.

Бѣлая и холодная рука схватываетъ бичѣвку; это рука матери.— Она приподни-

маешъ, пляетъ её, и чувствуетъ, что бичѣвка пропитана прилипчивою ея силой. Видно, что нибудь её удерживаетъ! надобно бѣжать туда.

Свидѣтели содрогаются, дѣти молчатъ, мать идѣтъ скорыми шагами впередъ, черезъ густую траву и терновые кустарники, отводитъ древесныя вѣтви, сходитъ во рвы и промоки, и не замѣчаетъ ни воды, опъ которой мокро ея платье, ни крови опъ иглъ терновника. Она не чувствуетъ частаго и неровнаго бѣненія своего сердца, не перешетъ присутствія духа, не упускаетъ изъ рукъ бичѣвки и падаетъ только совершенно бездыханною....

Она оспановилась у колодезя.

Но и тутъ еще не видно было конца роковой бичѣвки. Она спукалась на дно колодезя и, казалось, поддерживала какую-то тяжесть. Её выпасили вмѣстѣ съ пѣломъ бѣлокураго ребѣнка, который судорожно сжималъ её руками въ смертномъ помненіи.

Въ эту минузу приближали запыхавшись испуганныя поселанки. Онѣ видѣли съ вершины горы, какъ несчастный ребѣнокъ плылся задомъ къ колодезю; онъ боялся утратить изъ вида змѣя, и упалъ въ воду....

Вечеромъ было звѣздою больше на небѣ и могилою больше на землѣ.

Съ Франц. *Ил. Г—въ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д Н Ъ П Р Ъ.

Священный Днѣпръ! я прихожу

Къ брегамъ, побоею опъненнымъ,

И съ чувствомъ свѣплымъ, умилненнымъ

На волны быстрыя гляжу.

То говорливый, то безмолвный,

То межъ лѣсовъ, то межъ пустынь,

То межъ песпрѣющихъ долинъ

Ты льешъ серебреныя волны.

О Днѣпръ! ужъ сколько ты вѣковъ

Бѣжишь годами утѣленный?

Ровесникъ (можешъ быть) міровъ—

Ты зрѣлъ младенчество вселенной,

Тотъ вѣкъ злагой, блаженный вѣкъ

(Давно ужь преданный забвенью),
 Какъ неподвластный разрушенью,
 Былъ здравъ душею человекъ. —
 Попомъ пы слышалъ гласъ печали,
 Ты слышалъ первый звукъ цѣпей,
 Какъ люди спрашно заспнали
 Подъ игомъ собственныхъ спраспей. . .
 Вѣка текли. Чредой смѣнялись
 Намъ неизвѣсны племена;
 Въ тебѣ ихъ грады отражались,
 Пошла ихъ пвоя волна.
 Родную Русь, градъ Кіевъ, славу
 Ты нашихъ предковъ первый зрѣлъ;
 Ты ихъ герою Святославу
 Съ привѣтомъ радостнымъ шумѣлъ.
 Ты видѣлъ замыслы лукавы
 Кичливой Польши; срамъ и спыдъ
 Ея сыновъ—и Русской славы
 Въ тебѣ заря еще горитъ. . .
 Ты видѣлъ Галла—онъ главою
 Касался неба—вдругъ упалъ,
 И Россѣ могучею рукою
 Свободу міру даровалъ.
 Воспоминанія священные!
 Вѣковъ пройдише мрачну даль,
 Чтѣшь нашъ попомокъ опдаленный
 Съ законной гордостью сказалъ:
 «Опцы не жизнь намъ только дали,—
 Опцы намъ славу завѣщали!
 Её мы свято сохранимъ,
 Её сынамъ передадимъ.»
 Но размышленія другія
 Уже мою волнуютъ грудь:
 Ахъ, можешь бышь, когда нибудь,
 Настапулъ вновь вѣка Батыя!—
 Вновь подъ ударами мечей
 Польется кровь, падушъ народы
 Подъ иго пягостныхъ цѣпей;
 Раздастся смершнй спонъ свободы;
 Огонь губительный пожретъ
 Осиротѣлыя жилища,
 И на печальны пепелища
 Никто, никто ужь не придетъ!

*

Но нѣтъ, о Днѣпръ, теки спокойно
 Въ спранѣ украшенной побой,
 И ей въ печенги быспромъ, спройномъ
 Неси довольство и покой.

И. Чижовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Графа Д. И. Хвостова.

Мой скудный даръ сурово взвѣшенъ
 И низко, низко оцѣненъ.
 Какъ бышь!—Но слишкомъ я утѣшенъ
 Тѣмъ, Графъ, что вамъ угоденъ онъ.
 Хотя въ вашихъ я глазахъ расколѣникъ,
 Олспупникъ спарца—Боало,
 Но передъ вами я какъ школьникъ
 Склоняю дерзкое чело.
 Съ покорностью на просвѣщенный
 Ученемъ, лѣпами вашъ судъ,
 Я, въ дѣлѣ Музъ неискушенный,
 Опдамъ мой каждый новыи прудъ.
 Но, Патріархъ поэшовъ нашихъ,
 Вы списходительный судья;
 А доказательство: на вашихъ
 Пишу листахъ завѣстныхъ я.
 Мнѣ лестно ваше списхождение.
 Похвалъ на что мнѣ опъ другихъ!
 И въ вашъ альбомъ на сохраненье
 Я съ гордостью вношу мой спихъ.

А. Г.

LOGOGRIPE.

Je suis vaisseau, si j'ai ma tête;
 Je sers au vaisseau sans ma tête.
 Otez-moi ma seconde tête,
 Je n'ai ni corps, ni pieds, ni tête.

Въ No 25, помѣщенная шарада значить: *Бал-гопъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

На дняхъ вышли въ свѣтъ Сочиненія и переводы въ спихахъ Павла Капеллина.

Издапель (г. *Бахтинъ*) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о

помъ, что П. А. Катенинъ, почти при вступленіи на поприще словесности, былъ воспрѣченъ самыми несправедливыми и самыми немѣренными крипиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (такъ какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе крипики, чѣмъ на ея спрөгость или приспращную привязчивость. Крипики, по настоящему, еще у насъ не существуютъ: несправедливо было бы намъ и пребывать оной. У насъ и липература едва ли существуетъ; а на нѣтъ суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться пѣмъ, что называютъ у насъ крипикою, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во первыхъ, она доказываетъ опроверженіе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во вторыхъ и его самосостоятельность. Никогда не спарался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напрошивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, пвора для самаго себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того просперъ сію гордую независимость, что оставилъ одну опрассъ поэзіи, какъ скоро спановилась она модною, и удался туда, куда не сопровождали его ни приспращіе толпы, ни образцы какого нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ Апостоловъ романпизма, и первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый опрекся отъ романпизма, и обратился къ классическимъ идеаламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться повизна липературнаго преобразования.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г-на Катенина былъ переводъ, славной Биргеровой Леноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ неѣ

поже, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ *Фюста*: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія; онъ написалъ *Ольгу*. Но сія простота, и даже грубость выраженій, сія *свологъ*, замѣнившая *воздушную цѣль тѣней*, сія висѣлица, вмѣсто сельскихъ карпинъ, озаренныхъ лѣпнею луною, неприятно поразили непривичныхъ читателей, и Гильдигъ взялся высказать ея мнѣнія, въ спашъ коей несправедливость обличена была *Грибогдовымъ*. После *Ольги*, явился *Убийца*, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже: убійца въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, *плышивымъ!* Читатели, воспитанные на *Флоріантѣ* и *Парни*, расхохотались и почти балладу ниже всякой крипики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онъ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театръ имѣлъ онъ рѣшительныя успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его спихопворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупю и неохотно. Между ими отличаются *Мстиславъ Мстиславичъ*, спихопвореніе исполненное огня и движенія, и *Вторая Быль*, гдѣ сполько просподушія и испинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣчаютъ *идиллію*, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута Буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегію*, мастерской переводъ прехъ пѣсень изъ *Иферно* и собраніе романсовъ о *Сидѣ*, сію простонародную хроніку, споль любопытную и поэтическую.—Знаючи опдадутъ справедливость ученой опдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму спиха г-на Катенина, спшкомъ пренебрегаемому лучшимъ нашими спихопворцами.

А. Пушкинъ.

M O D E S.

Les corsages en pointes et les manches à crevés, se portent fort bien ensemble.—Une charmante idée de toilette simple de bal, est une étoffe unie, satin cachemire, satin plain, velours des Indes, d'une teinte douce bleu-ciel ou rose, le corsage en pointe marqué dans le milieu par des nœuds de gaze noire; les manches à crevés de tulle attachés par des nœuds noirs, et une cordelière en soie bleue et noire; par devant le corsage est à la tyrolienne, et derrière garni d'une mantille de blonde noire.

On porte généralement des guimpes de blonde demi montantes, même au bal. — Nous insistons sur ceci, parce qu'il est de fort bon goût d'être peu décolletée. Le cou reste découvert, et l'on tourne autour l'écharpe qui doit l'entourer et retomber en revenant devant sans nouer.

Le tulle illusion et la gaze de soie, sont toujours les écharpes préférées.

Il est de nécessité, avec la forme des robes en pointe, d'augmenter le volume; mais les tournures montées sont lourdes et disgracieuses; ce qu'il y a de mieux est un jupon dont nous avons déjà parlé, ayant chaque lez replié dans le haut d'un tiers environ, et si la robe est d'une étoffe molle et tombante, on peut empeser le jupon de dessous.

Les chapeaux de printemps s'annoncent déjà, les formes paraissent devoir s'allonger un peu; se resserrer sur les joues en s'élevant.—Les calottes restent petites et étroites du haut.—Dans ce moment on emploie beaucoup une étoffe de satin basiné, cousues sur couleur appelée Caroline, et du velours des Indes.—Les fleurs que l'on choisit de préférence pour le moment, sont les fleurs de printemps.

Sur une capote de velours des Indes, mais, une plume bleu turquoise est d'un charmant effet.

On commence à voir pour robes de promenades, les *taffetas guingams* à mille raies de toutes couleurs, on porte également pour robes du matin beaucoup de redingotes en marceline; elles sont très-élégantes et de meilleur goût que le gros de Naples. Bientôt le satin ne sera plus de saison.

Il n'y a pas d'autre couleur de gants de femmes à la mode que le jaune mais.

Pl. No 10. Costumes de Paris de 24 Mars, n. st.

M O Д Ы.

Лица съ мысками и рукава съ прорѣзами, весьма употребительны вътѣспѣ.—Для бальнаго наряда, запросно, прелестны гладкія ткани: апласъ, кашемиръ, гладкой апласъ, Индѣйскій бархатъ, нѣжнаго голубаго или розоваго цвѣта; лиць съ мыскомъ, означенный въ срединѣ чѣрными газowymi бантами, и *cordeliere* изъ чернаго съ голубымъ шелка; спереди лиць по Тирольски, а сзади блондовая маншля.

Гладкія полуоткрытыя блондовыя шемизетки въ большомъ употребленіи, даже на балѣ.—Мы на этомъ пошому напомнимъ, что мало открытая шею принадлежитъ къ хорошему тону. Шля отккрыта, окодо обернутъ шарфъ, а концы висятъ незавязанные.

Шарфы изъ шюля *illusion* и чѣрнаго газа, все предпочитаются друтиъ.

Съ лицами, сдѣланными мысками, необходимо прибавлять волнину; но сдѣланные шурпюры тяжелы и веловки; всего лучше юбка, о которой мы говорили, у которой каждое полотнище перекрываетъ вверху почти на палецъ; а если платье изъ мягкой матеріи, то можно нижнюю юбку накрахмалить.

Весеннія шляпки появляются уже; поля кажутся будутъ немного подлиннѣе, прикантъ къ щекамъ, приподымаясь кверху.—Тулы все также малы и узки кверху.—Теперь много дѣлаютъ шляпокъ изъ матеріи кантасный апласъ; подкладываютъ цвѣшомъ, называемымъ *Caroline*, изъ Индѣйскаго бархата.—Цвѣсны выбираютъ предпочтительно весенніе.

На капотъ изъ Индѣйскаго бархата, цвѣта мансъ, перо бирюзоваго цвѣта чрезвычайно красиво.

Платья изъ шатпы гингама, съ мелкими рзноцвѣсными полосками, начинаютъ показываться на прогулкахъ. Марселиновые рединготы также въ большомъ употребленіи для упря; они весьма щеголеваты и болѣе гроденаплевыхъ во вкусѣ. Скоро нельзя будетъ носить апласъ.

Для дамскихъ перчатокъ одинъ цвѣтъ въ модѣ желтый мансъ.

Карп. No 10. Моды, бывшія въ ходу въ Парижѣ 24 Марта н. ст.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ или ПЕРВОЙ 1833 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ПЕРВОЙ

И А

1833 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Путешествіе Переводчика изъ дворянъ Полемана по Россіи, въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	стрн. 1, 9, 17, 33, 41, 49 и 57.
Скромныя желанія Журналиста	5.
Добрый Начальникъ! соч. <i>Н. К.</i>	26.
Я занялъ! Мнѣ некогда! Когда мнѣ; соч. <i>Л. Якубовича</i>	65.
Исторія Французскихъ бородъ	73.
О краткомъ курсѣ словесности, приспособленномъ къ прозаическимъ сочиненіямъ, сочиненномъ <i>Василіемъ Плаксинимъ</i> ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	81.
Любовь у окна	89.
Покровители	90.
Первая любовь	97.
Перчатки	98.
Сонъ	105.
Капля чернилъ	106.
Челобитная лъвой руки	113.
Какимъ образомъ женщина можетъ голяться за мужчиной, котораго она не терпитъ; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	121.
Усы; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	129.
Вечеръ жениха; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	137.
Кто бы могъ подумать!	145.
Окрашенный водокима; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	153.
Колпакъ	161.
Театральные посяпители; соч. <i>Гавр. Кругликова</i>	169.
Завтра	170.
Еврейское семейство въ Петербургѣ	177.
Продажа рукописи; соч. <i>Гавриила Кругликова</i>	185.
Нѣчто объ удивительномъ	193.
Письмо изъ ***на, соч.	194.
Липовое дерево	201.
Кое-что	26, 55, 66, 91, 122, 130, 140, 163, 171, 195.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Богатырскія потѣхи Кавказскихъ липейныхъ казачковъ; соч. <i>А. Б.</i>	стрн. 14.
Военный постой; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	26.
Смерть и безсмертіе	29.
Квакеры Сосдинешныхъ Шшатовъ	46.
Гюрба; пер. <i>Василія Тило</i>	66, 75, 83 и 91.
Насъ семеро; пер. <i>И. Покровскаго</i>	95.
Приключеніе каменщика	99.
Лордъ Ширлей; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	114.
Дерево Качинапа	123 и 131.
Символь мудрости; соч. <i>И. Пальмина</i>	134.
Башня Султановой дщери; пер. <i>Василія Тило</i>	146, 154 и 163.
Путешествіе въ Александрию; пер. <i>Бр.</i>	171.
Блаженный мигъ жизни	187.
Выдержки изъ дамскаго альбома	188.
Отрывокъ изъ описанія жизни Казанскаго Митрополита Веціамна	202.
Бумажный змѣй; пер. <i>Ил. Г.</i>	204.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Застольная пѣсня на Новый годъ; соч. <i>А. Глѣбова</i>	7.
Два разговора въ книжной лавкѣ; соч. <i>Князя Вяземскаго</i>	—
Ошъездъ; соч. <i>П. Уварова</i>	—
Слава; пер. <i>М. Загорскаго</i>	15.
Надежда; пер. <i>Л. Якубовича</i>	29.
Первый вечеръ по изгнаніи Адама; соч. <i>С. Ш.</i>	—
Застольная пѣсня; соч. <i>Р.</i>	30.
Pour Elisa Frisé, la fille de mon ami, enterrée devant moi, hier 16 Juin; par <i>Chateaubriand</i>	31.
Щастіе, мечта лъ? соч. <i>Ив. Пальмина</i>	39.
Изъ Горациа: 7-й эподовъ; пер. <i>Л.</i>	—

Въ шляпѣ дѣло; соч. Князя <i>Вяземскаго</i>	стри.	47.
Будущность; соч. <i>Н. Баталита</i>	—	—
Красавица	55.	—
Недобрый сонъ; соч. <i>М. С. на</i>	—	—
Пѣсня Альпійца; соч. <i>Пл. Ободовскаго</i>	61.	—
Молитва; соч. <i>И. Пальмина</i>	71.	—
Къ ***; соч. <i>Н. Языкова</i>	—	—
Добрая ночь; соч. <i>П. Чижова</i>	—	—
Къ Н. Г. Р. ой; соч. <i>П. Н. на</i>	79.	—
О. гъ Н. вѣтъ У. вой; соч. <i>А. Крюкова</i>	—	—
Элегія; соч. <i>Т. аго</i>	—	—
Воспоминаніе	87.	—
Гимнъ молчанію; соч. <i>П. Лихачева</i>	—	—
Совѣтъ мушкетерамъ; соч. <i>Гавріила Кругликова</i>	95.	—
Оставленный; соч. <i>Петра Никифорова</i>	101.	—
Къ А. О. Мерзлякову; соч. <i>Ив. Борозды</i>	—	—
Изображеніе вѣтка; соч. <i>Ө. Глинки</i>	107.	—
Пѣсня Шотландцевъ	—	—
Le Val	—	—
Новый годъ; пер. <i>В. Голиновска</i>	119.	—
Русская пѣсня	—	—
Розы; соч. <i>И. Пальмина</i>	127.	—
Волкъ и овца; соч. <i>Александра Измайлова</i>	—	—
Уныніе; соч. <i>Н. Сушкова</i>	135.	—
Къ мотыльку; соч. <i>В. Канонерскаго</i>	136.	—
Жизнь въ большомъ свѣтѣ; соч. <i>Ө. Глинки</i>	140.	—
Идиллія; подражаніе <i>В. Канонерскаго</i>	141.	—
Рондо; соч. <i>С. Степанова</i>	150.	—
Моя пѣсня; соч. <i>В. Ш. скаго</i>	151.	—
Завѣщаніе; соч. <i>Петра Никифорова</i>	159.	—
Русская пѣсня	—	—
Мракъ; пер. <i>Врошенко</i>	167.	—
Оправданіе; соч. <i>В. Канонерскаго</i>	168.	—
Нищій; соч. <i>Ө. Глинки</i>	174.	—
Романсъ; соч. <i>Л. кова</i>	—	—
Мечты и сущность; соч. <i>В. Карлгофа</i>	181.	—
Разочарованный; соч. <i>Петра Никифорова</i>	—	—
Къ Н. Н.; соч. <i>Тютчева</i>	182.	—
Монна; соч. <i>Трихулинаго</i>	189.	—
L'Orpheline au tombeau de son frere	190.	—
Петербургъ.— 1818; соч. Князя <i>Вяземскаго</i>	195.	—
Двѣпръ; соч. <i>П. Чижова</i>	205.	—
Въ альбомъ Гр. Д. И. Хвостова; соч. <i>А. Г.</i>	206.	—

IV.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Эрпели и Зиръ-Юрштъ, поэмы; соч. <i>А. Шолжаева</i> , стрн.	102.
Сказаніе о Святополкѣ окаянномъ, Великомъ Князѣ Кіевскомъ; соч. <i>Павлинія Атрѣшкова</i>	175.
Семейство Холмскихъ; соч. <i>А. Гл.</i>	197.
Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Капсина; соч. <i>А. Лукина</i>	206.

V.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ричардъ Дарлингтонъ, драма въ трехъ отдѣленіяхъ, переведенная съ Французскаго <i>В. А. Киратыгинъ</i>	62.
Нищаль, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго	—
Вечеръ на хуторѣ близъ Диканьки, Малороссійская интермедія въ одномъ дѣйствіи	—
Репертуаръ съ 1 Января 1832 по 1 Января 1833 года	108 и 142.
Списокъ Гг. Артистовъ Россійской и балетной труппы С. Петербургскаго Придворнаго Театра	182 и 190.

VI.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, АНАГРАММА, ЗАГАДКИ.

Русскія.— *Анаграммы*: 1) Да и адъ. *Шарады*: 2) Полдень; 3) Моль-ерь; 4) Сто-рожъ; 5) Плут-оцъ; 6) И-грокъ; 7) По-варъ; 8) Кот-лета; 9) За-гад-ка; 10) Ша-ра-да, шар-ад-а, шара-да; 11) Я-ликъ, 12) Кир-ка; 13) Бал-копъ.

Французскія.— *Логогрифы*: 1) Flâme; 2) Gange и ange; 3) Tripot; 4) Hiver. *Шарады*: 5) Bisbille; 6) Cour-roux; 7) Car-rosse; 8) Dé-tresse; 9) Epi-gramme; 10) Cham-eau; 11) Prame. *Загадки*: 12) Grénade; 13) L'auent circonfléxe.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.